

NOVOGARDIA

LA PARS
Alba
BIELOGOROD

1(9)' 2021

NOVOGARDIA
№1(9) 2021
январь-март
К 50-летию П. И. Гайденко

ISSN 2686-8474

*Международный исторический рецензируемый журнал,
посвященный истории и исторической географии средневековой Руси с IX по XVII вв.*

Учредители журнала:

Межрегиональная общественная организация
социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»;
Несин Михаил Александрович

Издательство не несет ответственность за уникальность материалов

Редакционная коллегия:

Главный редактор Несин Михаил Александрович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Ответственный секретарь Подвальнов Евгений Дмитриевич, ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия)

Редакционный совет:

Бобров Леонид Александрович, д. и. н., НГУ (Новосибирск, Россия);
Богданов Андрей Петрович, д. и. н., ИРИ РАН (Москва, Россия);
Гайденко Павел Иванович, д. и. н., Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия);
Дубровский Александр Михайлович, д. и. н., БГУ (Брянск, Россия);
Козлов Михаил Николаевич, д. и. н., СевГУ (Севастополь, Россия);
Павлов Андрей Павлович, д. и. н., СПбГУ, СПбИИ РАН (Санкт-Петербург, Россия);
Багрин Егор Андреевич, к. и. н., Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург, Россия);
Гордиенко Дмитрий Сергеевич, к. и. н., Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАНУ, Национальный заповедник «София Киевская» (Киев, Украина);
Илюшин Борис Анатольевич, к. и. н., НГУ (Нижний Новгород, Россия);
Кузьмин Андрей Валентинович, к. и. н., РГГУ (Москва, Россия);
Кулешов Вячеслав Сергеевич, к. и. н., Stockholms universitet (Стокгольм, Швеция);
Молочников Александр Михайлович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Плавинский Николай Александрович, к. и. н., МГЭУ им. А. Д. Сахарова (Минск, Республика Беларусь)

Корректурa:

Дрозд А. В.

Верстка:

Попов С. В.

Дизайн обложки:

Белова А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-----------------------	---

СТАТЬИ

Губарев О. Л. Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи Франков, Хедебю и Старой Ладогe	6
Козлов М. Н. Тотемы-берегини в языческом сознании восточных славян.	30
Гордієнко Д. С. Час та обставини канонізації княгині Ольги	48
Ганшин О. В. Історіографічний парадокс двох ктиторських копозицій у Кирилівській церкві Києва	64
Невес Л. С. С. Authority over the sacred and the institutionalization of the Russian Church (XI–XII centuries) / Власть над священным и институализация Русской церкви (XI – XII вв.)	79
Носов А. В. Книжники русских общежительных монастырей и контакты с Афоном в конце XIV—начале XV вв.: общие тенденции	103
Белов Н. В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III.	116
Илюшин Б. А. Ответ на статью Н. В. Белова «Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III».	147
Молочников А. М. О легендарной родословной дворянского рода Философовых и о возможном происхождении фамилии	157
Солодкин Я. Г. «Восхищения» Московского престола в канун и начале Смуты (Иван Тимофеев об одном из последствий «безсловесного молчания» его современников).	165
Богданов А. П. Русское воспитание и образование XVII века: наблюдения и размышления	181
Список сокращений	252

• ПРЕДИСЛОВИЕ •

К 50-ЛЕТИЮ ПАВЛА ИВАНОВИЧА ГАЙДЕНКО

15 марта исполнилось 50 лет одному из ведущих современных исследователей древнерусского черного духовенства X–XIII в., доктору исторических наук, доценту, профессору кафедры Исторических дисциплин и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, члену редакционного совета журнала «Novogardia» Павлу Ивановичу Гайденко.

Павел Иванович родился 15 марта 1971 г. в пос. Безлюдовка Харьковской области. В 1992 г. окончил Сумское высшее артиллерийское командное училище.

В дальнейшем связал свою жизнь с Русской православной церковью и историей древнерусского черного духовенства — от высших церковных иерархов до монастырских настоятелей и рядового монашества. Является священнослужителем за штатом, известен как иеромонах Петр, однако в научной сфере всегда выступает под мирским именем.

В 2000–2005 г. Павел Иванович занимал должность проректора Казанской духовной семинарии. В начале нового, XXI в. появляются его научные работы по истории русской церкви. В 2005 г. в Казанском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию, посвященную выявлению «места» киевских митрополитов «в системе политических отношений Киевской Руси» в 988–1037 гг. Изучению деятельности митрополитов ученый так же посвятил свою докторскую диссертацию, защищенную в 2011 г. в Уральском федеральном университете, в которой реконструировал процесс становления высшего церковного управления Киевской Руси. С 2005 по 2018 г. Павел Иванович преподавал в Казанском государственном архитектурно-строительном университете. Также с 2012 по 2018 г. являлся профессором кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. В 2019 г.—2020 г. работал старшим научным сотрудником Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной Академии наук Украины. В конце 2020 г. Павел Иванович вернулся в Россию, в настоящее время работает доцентом, профессором кафедры исторических дисциплин архивоведения Московского государственного лингвистического университета.

Павел Иванович является одним из учредителей и председателем редакционной коллегии журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» и членом редакционной коллегии журнала «Novogardia». В своих многочисленных научных трудах по истории

древнерусской церкви исследует самые разнообразные аспекты. Одной из основных черт его исследований является чуждое схематизму серьезное изучение живой действительности во всем ее максимально постижимом по данным источников многообразии. По словам ученого, «именно отказ увидеть в монашестве живой, сложный, неоднозначный мир, до сих пор не позволяет нашим исследователям написать историю древнерусского монашества». А написать такую историю исследователь считает очень актуальной задачей. Для того, чтобы ее выполнить, несомненно потребуются многие годы. Однако, исследования П. И. Гайденко являются важным вкладом в изучение древнерусского черного духовенства, позволяющие без преувеличений считать Павла Ивановича ведущим специалистом по истории древнерусского монашества X–XIII вв. К тому же стоит учесть, что в настоящее время Павел Иванович не является одиноким в своем научном творчестве — уже теперь некоторые современные историки средневековой Руси под влиянием работ исследователя стремятся изучать не только эволюцию и функции церковных институтов, но деятельность каждого связанного с ним лица, учитывая, что любой институт состоит из живых людей. В настоящее время ученый находится в самом расцвете своих научных сил и из под его талантливого пера несомненно выйдет целый ряд новых фундаментальных работ.

Редакция журнала «Novogardia» желает Павлу Ивановичу долгой плодотворной научной работы и новых свершений, а также преподносит ему в дар данный сборник.

• СТАТЬИ •

УДК 93

ББК 63.3

DOI 10.25797/NG.2021.9.1.001

О. Л. Губарев

МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСТВОМ И ХРИСТИАНСТВОМ: КАМЕРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ИМПЕРИИ ФРАНКОВ, ХЕДЕБЮ И СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об обряде погребений в камерах как переходном этапе от язычества с обрядом кремаций к христианским погребальным обрядам. Рассматривается гипотеза о заимствовании данного погребального обряда скандинавами Ютландии и русами у франков, где подобный обряд существовал в эпоху Меровингов. Преследования языческого погребального обряда кремаций у фризов и саксов вели к появлению у этих покоренных

франками народов ингумаций в камерах под курганами. От них обряд погребений в камерах мог быть воспринят данами Ютландии и мог проникнуть на Северо-Запад Руси с данами Рюрика, проводшими около 70 лет на территории империи франков согласно гипотезе тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского.

Ключевые слова: камерные погребения, язычество, христианство, Рюрик, Рёрик Фрисландский, Ютландия, Фризия, Русь.

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.*

И. Бунин

Актуальность исследования

Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского подтверждается множеством косвенных доказательств. В основном это доказательства фризско-датско-русских связей, имевших место на Северо-Западе раннесредневековой Руси. Отсутствие таких связей было основным аргументом Г. Ловмянского в его статье, опубликованной в 1963 г. и направленной против данной гипотезы. Она статья к настоящему времени безнадежно устарела¹.

Помимо множества других более мелких свидетельств таких связей в качестве основных в настоящее время выступают находки фризских кувшинов типа Татинг и погребения в камерах, обнаруженные среди могил в урочище Плакун в Старой Ладого.

При этом, именно обряд погребения в камерах связывает Старую Ладого с Ютландией и Фризией. Данный погребальный обряд, распространенный в эпоху Меролинг. вероятно был занесен из империи франков, точнее с ее северного пограничья, в Ютландию, а затем и на Русь и в Швецию. Хотя, о происхождении обряда и его изначальной этнической принадлежности и направлении распространения идут споры.

В настоящей статье я хочу показать, что появление этого обряда связано непосредственно с переходом от язычества к христианству

как у самих франков, так и у граничащих с ними народов — фризов, саксов, славян. И обусловлено это как религиозными, так и политическими соображениями.

Камерные погребения — историография вопроса

Литература по камерным погребениям в империи франков (эпоха Мероингов), в Дании (Хедобю), Швеции (Бирка) и на Руси (Старая Ладога, Гнездово) достаточно обширна. Привести ее всю в короткой статье просто невозможно, поэтому ограничусь выборкой наиболее интересных, на мой взгляд, материалов². Признанным специалистом по археологии камерных

² *Бібіков, Д.В.* Релігійна належність давньоруських камерних поховань // *Археологія*. № 1. 2020. С. 69–79.; *Keary C.F.* The Viking in western Christendom, A.D. 789 to A.D. 888. London, 1891; *Ringstedt N.* The Birka Chamber-Graves: Economic and social aspects. An analysis based on quantitative methods // *Current Swedish Archeology*. Vol. 5. 1997. P. 127–146; *Gräslund A.-S.* Birka IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Diss. Stockholm. 1980; *Janowski A.* Czy groby komorowe z X i początku XI w. są pochówkami pierwszych chrześcijan w Polsce piastowskiej i na Rusi? // *Hierofanie, wierzenia, obrzędy ... Kultura symboliczna w średniowieczu między pogaństwem a chrześcijaństwem*, eds. S. Rosik, S. Jędrzejewska, K. Kollinger, Rzeszów, 2018. P. 159–186; *Gardela L.* Dead or alive? «Chamber graves» and their inhabitants in the Old Norse literature and Viking-Age archaeology // *S. Moździoch et al. (eds.), Scandinavian Culture in Medieval Poland*, Wrocław, 2013. P. 373–393; *Drozd A., Janowski A.* Wczesnośredniowieczne groby komorowe: sposoby eksploracji i dokumentacji. // *Metody — źródła — dokumentacja: Funeralia Lednickie — spotkanie 11 / red. Wojciech Dzieduszycki, Jacek Wrzesiński*. Poznań: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich. Oddział w Poznaniu, 2009. S. 371–380; *Janowski A.* Przestrzen rozświetlona. Znaleźiska świec i wosku w grobach komorowych na terenie Europy Środkowowschodniej // *Acta archaeologica Lodziensia*. Vol. 60. 2014. P. 121–130; *Eiseusehmidt S.* 1) Kammergraber der Wikingerzeit in Altdane- mark. Bonn, 1994; 2) The Viking Age Graves from Hedeby // *S. Sigmundsson (ed.), Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress 2009*. Reykjavík, 2011. P. 83–102; *Avdusin D.A., Puskina T.A.*, Three Chamber Graves at Gniozdovo. (Trekammergraver fra Gniozdovo). Fornvännen. Vol.83. Stockholm. P. 20–33; *Fischer S., Soulat J., Victor H.* Two papers on Chamber Graves // *Glaube, Kult und Herrschaft.: Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel. Und Nordeuropa. 8–13 November in Frankfurt am Main.* / [ed] Uta von Freedon, Frankfurt: Römisch-Germanische Kommission des DAI., 2009. S.1–16.

¹ *Губарев О.Л.* Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.

погребений является К. А. Михайлов, опубликовавший ряд статей в журналах и недавно капитальную монографию посвященную обряду камерных погребений³.

К. А. Михайлов отмечает основные проблемы связанные с этим погребальным обычаем. Во-первых, это проблемы связанные с этнической принадлежностью обряда — является ли он местным или чужеродным занесенным на данную территорию извне?

Во-вторых, религиозная принадлежность обряда — относится ли данный погребальный обряд к язычеству или раннему христианству?

В-третьих, важно определение социального статуса погребенных — как правило камерные погребения имеют элитарный характер.

Все эти вопросы пока остаются дискуссионными. «Until now the problem of the cultural belonging and cultural adaptation of

the buried in chamber-graves both in ancient Rus' and Scandinavia remains arguable»⁴.

Одна из версий историков, относительно погребений в камерах, что обряд является местным, скандинавским обычаем. Этой версии придерживается Силке Айзеншмидт. Она считает, что между появлением этого обряда у данов и исчезновением у саксов существует временной разрыв. Другая версия заключается в том, что обряд занесен извне, возможно с территории империи франков. Хольгер Арбман согласно К. А. Михайлову для камерных погребений в свеонской Бирке «одним из первых обратил внимание на *фризские и каролингские параллели в инвентаре наиболее ранних камер могильника*. Вслед за ним А. С. Грэслунд пришла к выводу о том, что в Бирке *камеры появились благодаря иностранным купцам* и уже затем «чужое влияние» привело к тому, что там сложился свой собственный, локальный вариант обряда»⁵.

«We do not know whether chamber-graves were of native origin or whether the

Idea was an Innovation imported from elsewhere — the evidence would suggest the latter. Precursors of this type of burial can be seen in north-western Europe, *particularly in Friesland, Lower Saxony and Westphalia*. A coffin-grave consists of a burial pit in which traces of a wooden coffin may be found in the form of wood and/or iron nails»⁶. Фризия была

³ Михайлов К. А. 1) Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 50–54.; 2) Южно-скандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 52–60; 3) Византийские поясные пряжки в северных русских землях // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 30–32.; 3) Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 105–116; 4) Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. Санкт-Петербург, 2002. С. 63–68; 5) Новая находка византийской пряжки на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 209–218; 6) Chamber-graves as an International Burial Custom of the Viking Age: from Old Denmark to Old Russia // Wolińskie Spotkania Mediewistyczne I. Eksluzywne życie — dostojny pochówek w kręgu kultury elitarnej wieków średnich (Ed. Prof. M. Rebkowski). Wolin, 2011. S. 205–221; 7) Элитарные могилы Старой Ладоги на фоне погребальных традиций эпохи викингов // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Выпуск 1. Нестор-История. 2006. С. 47–53; 8) Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб., 2016.

⁴ Mikhailov K. A. Chamber-graves as an International Burial Custom of the Viking Age: from Old Denmark to Old Russia. S. 214.

⁵ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. С. 158.

⁶ Мы не знаем имеют ли погребальные камеры местное происхождение или идея была инновацией занесенной

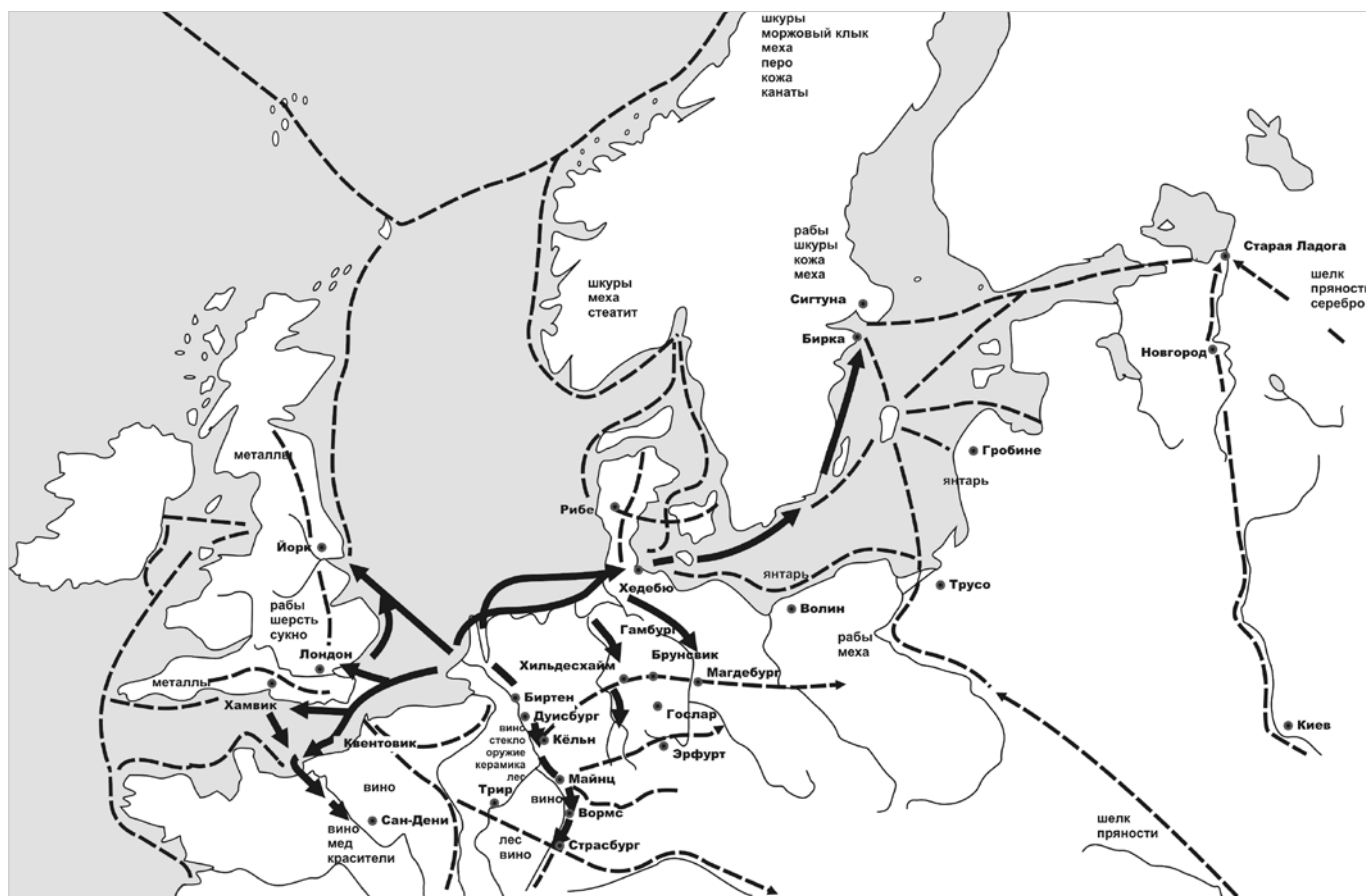

Рис. 1. Торговые пути фризов в VIII в. (на основе карты С.Лебека⁹). Жирными линиями показаны основные торговые пути, пунктиром — второстепенные.

завоевана франками после упорной борьбы за Дорестада⁷, после смерти в 719 г. фризского короля Редбада, сумевшего нанести

поражение самому Карлу Мартеллу. Фризы были обращены в христианство, а несколько последовавших восстаний были подавлены франками. Согласно О.Прицаку те фризы, что не захотели подчиниться завоевателям, т. н. «фризы Редбада», ушли и составили население фризских колоний в Хедебю, Бирке и других скандинавских эмпориях⁸.

откуда-то — доказательства будут приведены позже. Предшественников этого вида погребений можно видеть на Северо-Западе Европы, в частности во Фризии, нижней Саксонии и Вестфалии. Погребение с гробовищем состоит из погребальной ямы в которой следы деревянного гробовища могут быть найдены в виде деревянных остатков или железных гвоздей» — перевод и выделение текста курсивом Губарева О.Л. (Gräshund A.-S., Müller-Wille M. Burial Customs in Scandinavia During the Viking Age // From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200. Edited by Else Roesdahl and David M. Wilson, Rizzoli International Publications. New York, 1992. P. 186–187).

⁷ Scheringa J. Frisians, Franks and their supposed disputes over seventh century Dorestad. Lecture held at a Research-meeting of the Amsterdam Archaeological Century, University of Amsterdam. Amsterdam, February 8, 2011. URL: https://www.academia.edu/2780006/Frisians_Franks_and_their_supposed_disputes_over_seventh_century_Dorestad (Дата обращения: 31.12.2020).

⁸ Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag) / Відп. ред. О. Мишанич; Ред. кол.: О. Прицак (голова), О. Мишанич (заступник), Я. Ісаєвич, І. Шевченко. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Т. I. К., 1997. С. 510, 513.

⁹ Lebecq S. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles. // Les mondes normands (VIIIe-XIIe s.) Actes du deuxième congrès

Археология показала присутствие фризских ремесленников даже в Старой Ладогге. В VIII в. фризы являлись основными торговцами, освоившими морские пути практически по всему раннесредневековому миру.

Поэтому возникает вопрос — мог ли обряд камерных погребений проникнуть из Фризии в Ютландию, в Швецию, на Русь?

Наиболее близкие территориально к Ютландии камерные погребения происходят из империи франков, но по времени они относятся к династии Меровингов (VI–VII вв.) и отделены от времени появления камерных погребений в Южной Дании (середина или конец IX в.) почти двухсотлетним периодом.

Камерные погребения Меровингов

Действительно, обряд камерных погребений был характерен для франков эпохи Меровингов¹⁰.

Но эпоха Меровингов продолжалась с конца V до середины VIII в. и отделена почти столетием от времени появления скандинавов Рюрика на Руси (IX в.).

Чтобы ответить на вопрос, мог ли данный обряд распространиться из империи франков посмотрим на хронологию использования обнаруженных в землях франков могильников с камерными погребениями.

international d'archéologie médiévale (Caen, 2–4 octobre 1987) Caen, 1989. P. 55.

¹⁰ Kars M. A cultural perspective on Merovingian burial chronology and the grave goods from the Vrijthof and Pandhof cemeteries in Maastricht. PhD thesis. 2011.

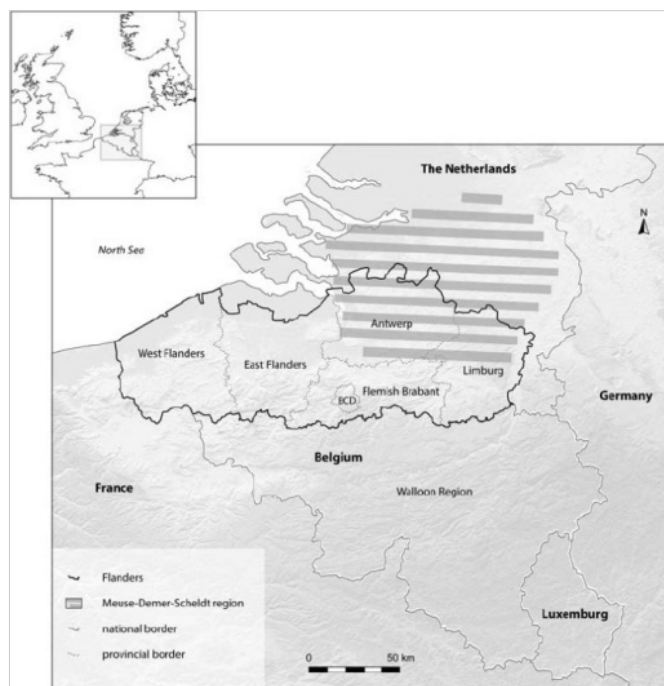

Рис. 2. Расположение района Meuse-Demer-Scheldt в Нидерландах, где были обнаружены могильники содержащие погребения в камерах с гробовищем. Район примыкает к территории владений норманнов из клана Скьельдунгов, полученных ими в бенефиций от Каролингов. Flanders — Фландрия; Meuse-Demer-Scheldt region — район Meuse-Demer-Scheldt; National border — национальная граница; provincial border — граница провинций.

«The cemeteries excavated at Pulle, Herentals-Roggestraat, Beerse-Krommeweg, Hoeselt-Kerkstraat and Dilsen-Stokkem started in the 7th century. These two groups of cemeteries remained in use at least until around 700 or even around 800 (Hoeselt-Kerkstraat). The youngest group are Boechout-St. Bavo, Edegem-Buizegem and Oud-Turnhout-Bentel, with graves dating from the 8th century until the later Carolingian period»¹¹.

¹¹ Кладбища раскопанные в Pulle, Herentals-Roggestraat, Beerse-Krommeweg, Hoeselt-Kerkstraat и Dilsen-Stokkem начали эксплуатировать в VII веке. Эти две группы

Несомненно, временные разрывы являются с одной стороны аргументом против занесения обряда извне. А с другой стороны, если, как предполагает Ф.-А. Стилегар, обряд погребения в ладье мог быть занесен из Восточной Англии (Саттон-Ху) в Скандинавию (Осеберг), датировки археологических находок в которых разделяют полтора столетия, то почему бы не принять возможность занесения обряда погребения в камерах из империи франков эпохи Меровингов в Ютландию? Тем более, что саксы в своей борьбе против франков выступали в союзе и с фризами и с данами. А ингумации в камерных погребениях под курганами сменили у язычников-саксов обряд кремации покойников.

«The Scandinavian upper social strata. . . were not isolated from the rest of Northern Europe during the Merovingian period, but shared cultural ideas and values with other Germanic kingdoms»¹².

Согласно мнению М. Мюллер-Вилле именно в эпоху Меровингов империя

кладбищ оставались в пользовании по меньшей мере приблизительно до 700 г. или даже 800 г. (Hoeselt-Kerkstraat). Поздней группой являются кладбища Boechout-St. Bavo, Edegem- Buizegem и Oud-Turnhout-Bentel с могилами датируемыми 8 в. до позднего периода Каролингов» — перевод О. Л. Губарева. (*Annaert R. A status quaestionis of the early medieval burial archaeology in the Flemish part of the Meuse-Demer-Scheldt region // Kars M., van Oosten R., Roxburgh M.A., Verhoeven A. (eds). Rural riches & royal rags? Studies on medieval and modern archaeology, presented tot Frans Theuws. Zwolle, 2018. P. 65–68).*

¹² «Скандинавская верхняя социальная прослойка... не была изолирована от остальной Северной Европы в период Меровингов, но разделяла культурные идеи и ценности германских королевств» — перевод О.Л. Губарева. (*Bonde N., Stylegar F.-A. Between Sutton Hoo and Oseberg — dendrochronology and the origins of the ship burial tradition // Danish journal of archaeology. Vol. 5. 2016. P. 19–33).*

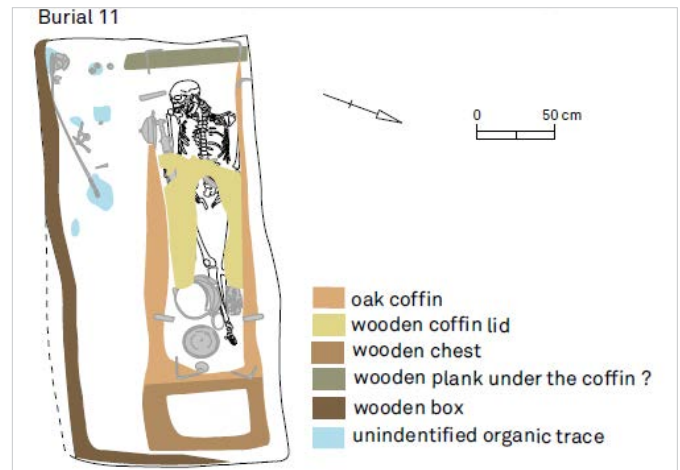

Рис. 3. Погребение 11 в камере с гробовищем эпохи Меровингов из Сент-Дизье¹⁴. Oak coffin — дубовое гробовище; wooden coffin lid — крышка деревянного гробовища; wooden chest — деревянный сундук; wooden plank under coffin? — деревянные планки под гробом?; wooden box — деревянная камера; unidentified organic trace — неидентифицируемые следы органики.

оказала сильное влияние на образ жизни и снаряжение скандинавской элиты на северной границе империи¹³. То есть обряд камерных погребений мог быть постепенно усвоен скандинавами и появился в Ютландии, после того как в самой империи франков он уже давно исчез.

¹³ *Maixner B. Die Begegnung mit dem Süden: Fränkische Rangzeichen und ihre Rezeption im wikingerzeitlichen Skandinavien // Die Wikinger und das Fränkische Reich. Identitäten zwischen Konfrontation und Annäherung. 2014. P. 85.*

¹⁴ *Truc M. C. Probable Frankish burials of the sixth century AD at Saint-Dizier (Haute-Marne, Champagne-Ardenne, France) // The very beginning of Europe? Cultural and social dimensionsof early-medieval Migration and Colonisation (5th-8th century). Archaeology in ContemporaryEurope. Conference Brussels, May 17–19 2011, ed. Rica Annaert/Tinne Jacobs/Ingrid In't Ven/Steffi Coppens. Brussels, 2012. P. 58.*

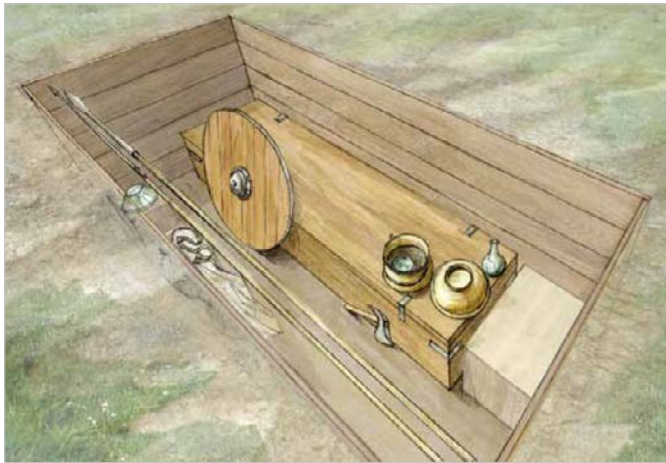

Рис. 4. Элитарное камерное погребение 11 из Сент-Дизье эпохи Меровингов (Реконструкция)¹⁵.

Позже, во времена империи Каролингов, когда требования церкви становились все строже от обряда погребений в камерах отказались и могильники этой эпохи расположены рядом с церквями в виде рядов могил покойных завернутых в саваны с бедным инвентарем¹⁶.

Известны около 11 кладбищ эпохи Меровингов с камерными погребениями, но большинство находится в стадии исследования и опубликования находок приходится ожидать¹⁷. Хайко Штоер считает, что камерные погребения с инвентарем не противоречили арианской ветви христианской религии. «The grave-house ... and similar structures in the cemetery, are seen as *memoria* for the dead, and do not, in spite of the grave goods they

contain, contradict the Christian (Arian) faith»¹⁸.

Камерные погребения как переход от кремации к христианскому обряду

Отличительной чертой норманноязычников являлся погребальный обряд кремации покойных. Недаром испанские мусульмане называли норманнов, напавших на Севилью в 844 г. «маджусами», т. е., «огнепоклонниками»¹⁹. Эти же норманны, по сообщению ал-Якуби, назывались «ар-Рус»²⁰. Ибн Фадлан при встрече с русам на Волге описал похороны знатного руса путем сожжения его тела в ладье²¹.

Церковь вначале процесса христианизации требовала в первую очередь отречься от кремации: «The Church did not approve of grave goods, but did not deal harshly with transgressors as it did in the case of cremation»²².

¹⁸ Камерный сруб ... и подобные структуры на кладбище рассматриваются как *память* о мертвых и несмотря на наличие инвентаря который они содержат не противоречат христианской вере (арианству) - перевод О. Л. Губарева. (*Steier H. Archaeology and history: Proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A. D., ed. Klavs Randsborg. Rome, 1989. S. 100–122).*

¹⁹ *Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. 1988/1989. P. 87–113.*

²⁰ *Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы 1999. М., 2001. С. 190; Губарев О. Л. Рюрик Скьельдунг. СПб., 2019. С. 44–48.*

²¹ *Ibn Fadlan's Journey to Russia: A Tenth-Century Traveler from Baghdad to the Volga River. Richard N. Frye, transl. Princeton, 2005; Ibn Fadlān and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North. Transl. with an Introduction by P. Lunde and C. Stone. London, 2012.*

²² «Церковь не одобряла погребального инвентаря, но строго не наказывала отступников, так как она это делала в случае кремации покойников» — перевод О. Л. Губарева. (*Knol E. Frisia in Carolingian times // Viking trade and settlement in continental Western Europe. 2010. P. 52–53).*

¹⁵ *Ibidem. P. 58.*

¹⁶ *Geary P. Death and Funeral of the Carolingians // Death at Court. Karl-Heinz Spieß and Immo Warntjes, eds. Wiesbaden, 2012, P. 8–19.*

¹⁷ *Soulat J. Merovingian Chamber Graves in France. URL: https://www.academia.edu/1707689/Chamber_Grave_in_Merovingian_Gaul (Дата обращения 19.12.2020).*

И если процессы христианизации шли в центральных областях и городах владений франков еще со времен римско-германской Галлии, то в периферийных и сельских районах сохранялись языческие традиции поклонения предкам, поскольку на ранних этапах христианизации франков противостояние язычества и христианства еще не оказывало влияния на погребальные обряды. Вплоть до того, что основные места языческих культов на открытом воздухе продолжали функционировать еще долгое время после принятия христианства в качестве официальной религии²³.

«Although it can be concluded that early medieval Gaul was confronted with an increasing Christian infrastructure, it remains obscure to what degree Christianity was experienced as a religious component of life and what role it had in burial practises of various social groups. On a very general level, the spread of Christianity was used to explain furnished burials as those of pagans, and the empty or soberly furnished burials as those of Christians. It is now generally acknowledged that the earliest form of Christianity in Gaul did not prescribe the performance of burial practises, and that the basic opposition of pagan versus Christian ‘identity’ is not represented in the burial evidence»²⁴.

²³ Groenewoudt B.J., van Beek R., Groothedde M. Christianisation and the afterlife of pagan open-air cult sites: Evidence from the northern Frankish frontier // *Medieval and Modern Matters Archaeology and Material culture in the Low Countries*. Vol. 5. 2014. P. 2.

²⁴ «Хотя и пришли к выводу, что раннесредневековая Галлия столкнулась с растущей церковной инфраструктурой, оставалось неясным до какой степени христианство являлось религиозным компонентом жизни

Основным требованием церкви на ранних этапах христианизации язычников был запрет кремаций из-за веры в воскрешение тел к Страшному суду.

Камерные погребения как средство христианизации франками язычников (на примере саксов)

Начало процесса христианизации у покоренных франками народов, как правило, означало изменение погребального обряда: отказ от кремации и замену его на ингумации. Мы можем это видеть на примере покоренных франками в результате почти тридцати трех лет войн при Карле Великом саксов²⁵. Карлом Великим был в 782 г. (альтернативная датировка 785 г.) издан капитулярий *Capitulatio de partibus Saxoniae*, в котором саксы принуждались изменить свои погребальные обычаи. Саксам запрещалась кремация покойных и насыпание курганов, а хоронить покойников разрешалось только на христианских кладбищах. В ходе

и какую роль оно играло в погребальных практиках различных социальных групп. На самом общем уровне распространение христианства использовалось, чтобы объяснить богатые инвентарем погребения как языческие, а безинвентарные погребения или с бедным инвентарем как христианские. В настоящее время общепризнано, что ранние формы христианства в Галлии не предписывали проведение погребальных практик и то основное противостояние язычества христианской «идентичности» не отразилось на погребальном материале» — перевод О.Л. Губарева. (*Kars M. A cultural perspective on Merovingian burial chronology and the grave goods from the Vrijthof and Pandhof cemeteries in Maastricht*).

²⁵ Effros B. De partibus Saxoniae and the Regulation of Mortuary Custom: A Carolingian Campaign of Christianization or the Suppression of Saxon Identity? // *Revue belge de philologie et d'histoire*. Tome 75. fasc. 2, Histoire medievale, moderne et contemporaine — *Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis*. 1997. P. 267–286.

восстаний и фризы и саксы возвращались к погребальным обрядам с кремацией покойных²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт что погребения с богатым инвентарем дольше всего держались во Фризии, когда в остальной Европе они сменились к восьмому веку бедными инвентарем инвентариями.

«On the continent, the decline in the level of grave-good use appears to have begun later than in England. The most obvious changes in continental practice are observed from c. AD 680 ..., when the richly furnished cemeteries began to be abandoned, resulting in a decrease in grave-good density. This process accelerated into the eighth century. By AD 750 ..., a region covering the Lower Rhine and extending into the Low Countries and Frisia, was the sole remaining area of high grave-good use, along with a few isolated cemeteries elsewhere. By the end of the eighth century ..., there was very limited use of grave goods anywhere in Europe»²⁷. Этот факт может, мне кажется, указывать на то что обряд камерных

погребений мог придти из Фризии в Ютландию и распространиться далее на Русь.

При этом внедрение христианского погребального обряда происходило постепенно, так же как у самих франков в эпоху Меровингов. Когда в центральных районах уже господствовал христианский обряд погребения, на окраинах еще хоронили полуязыческим- полухристианским способом, уже отказавшись от кремации, но еще в камерах с инвентарем, сопровождавшим покойного в загробную жизнь²⁸. При этом описания монахами и священниками христианских обрядов похорон и поклонения местам погребения святых как распространенных по всей империи отличались от реальности в которой практиковались полуязыческие погребальные обряды, как свидетельствует археология²⁹.

«The emerging funerary practices of the 9th to 11th centuries reveal the fundamental significance and shared comprehension of three Christian beliefs about the afterlife: the literal resurrection, the embodied experience of purgatory, and the reality of corporeal transformation in death. But alongside these new tenets, some long-held traditions persisted. Investigation of funerary rites at the junctures between the early and later medieval period boundaries reveals the extent of this syncretism»³⁰.

²⁶ *Knol E.* Frisia in Carolingian times // Viking trade and settlement in continental Western Europe. 2010. P. 52.

²⁷ На континенте снижение уровня использования погребального инвентаря как наблюдается началось позже, чем в Англии. Наиболее заметные изменения в континентальной практике наблюдались в период с 680 г... когда могильники с богатым погребальным инвентарем были постепенно заброшены, что выразилось в снижении плотности погребений с инвентарем. Этот процесс ускорился в восьмом столетии. К 750 г... район охватывающий Нижний Рейн и протянувшийся в Нидерланды и Фризию был единственной зоной оставшегося использования богатого погребального инвентаря, с немногими изолированными могильниками повсюду. К концу восьмого столетия ...повсюду в Европе было очень ограниченное использование погребального инвентаря...» — перевод О. Л. Губарева. (*Brownlee E.* Connectivity and funerary change in early medieval Europe // *Antiquity*. № 379. 2021. P. 9).

²⁸ *Ibidem.* P. 275–276.

²⁹ *Effros B.* De partions Saxoniae and the Regulation of Mortuary Custom: A Carolingian Campaign of Christianization or the Suppression of Saxon Identity? // *Revue belge de philologie et d'histoire*. Tome 75, fasc. 2, Histoire medievale, moderne et contemporaine — *Middelleeuwse, moderne en heddendaagse geschiedenis*. 1997. P. 271.

³⁰ Складывающаяся погребальная практика в период с IX по XI вв. обнаруживает фундаментальное значение

Этот синкретизм выразился в помещении в могилы инвентаря для загробной жизни, что постепенно свелось к помещению в могилы христианских амулетов. У франков при Каролингах отказ от обряда погребения в камерах и насыпания курганов был связан с революцией в земельных отношениях при ленной системе, когда любой властитель обладал правом отъема земель, их перераспределения между васалами, дарения земель монастырям. Тем самым было разрушено отношение к земельным владениям как земле предков, неразрывно связанной с памятью о них, об их подвигах и славе³¹. Это было следствием создания империи. Революцией называют историки смену старых языческих легендарных верований легитимизирующих власть франкских королей сакральной божественной властью императоров³².

Кроме того это означало переход от варварского общества свободных общинников к иерархическому феодальному обществу со знатью по праву рождения.

и распространенное понимание трех христианских постулатов о загробной жизни: воскрешения, воплощенного опыта чистилища и реальной трансформации после смерти. Но наряду с этими новыми принципами некоторые долгоживущие традиции продолжали свое существование. Исследования погребальных обрядов на стыке раннесредневекового и позднесредневекового периодов демонстрируют степень этого синкретизма» — перевод О. Л. Губарева. (*Gilchrist R. Transforming medieval beliefs: the significance of bodily resurrection to medieval burial rituals. // Rasmus Brandt, J., Ingvaldsen, H. and Prusac, M. (eds.) Death and changing rituals: function and meaning in ancient funerary practices. Studies in Funerary Archaeology. Oxford, 2014. P. 393).*

³¹ *Stone R. Morality and masculinity in the Carolingian empire [electronic resource] / Rachel Stone. Thesis (Ph.D.) Cam: ridge, 2012. P. 132–133.*

³² *Nelson J. L. Kingship and empire in the Carolingian world // Carolingian culture: emulation and innovation. Edited by R. McKitterick. Reader in Early Medieval European History, University of Cambridge. 2008. C. 54.*

Эта знать больше не нуждалась в элитарных погребениях для самовыражения. Археологически переход от эпохи Меровингов к империи Каролингов выразился в отказе от богатых погребений в камерах и переходу к *Reihengraber*³³ возле церквей на освященной земле³⁴.

У народов покоренных франками, таких как фризы и саксы, запрет насыпания курганов был связан с необходимостью подавлять у покоренных память об их знаменитых вождях и героях, символами которой служили видные издавна курганы на могилах элиты³⁵.

Переход от язычества к раннему христианству с его доктриной воскрешения мертвых в День Божьего суда, что видно на примере погребений в раннесредневековой Англии, сопровождался помещением в могилы погребального инвентаря который мог потребоваться воскресшему. Правда, в связи с ужесточением церковных правил, этот инвентарь со временем становился все беднее³⁶.

³³ Захоронения с рядами могил расположенных возле церквей на небольшом расстоянии друг от друга с более бедным инвентарем, чем в камерных погребениях. Распространены в Бельгии, Северной Франции и Рейнской области в эпоху переходную от Меровингов к Каролингам.

³⁴ *Steuer H. Archaeology and history: Proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A.D., K. Randsborg, Ed. L'Erma di Bretschneider. 1989. P. 100–122.*

³⁵ *Ibidem. P. 281–282; Carver M. O. H. Mound-building and State-building: a poetic discourse // The Earliest States of Eastern Europe. Old Rus' and Medieval Europe. The Origin of States. Russian Academy of Science, 2016. P. 131–157.*

³⁶ *Gilchrist R.T. Transforming Medieval Beliefs: The Significance of Bodily Resurrection to Medieval Burial Rituals // Ritual Changes and Changing Rituals. Function and Meaning in Ancient Funerary Practices, M. Prusac and R. Brandt (eds). Series: Studies in Funerary Archaeology. Vol. 7. 2014. P. 379–396.*

Камерные погребения и гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского

Согласно гипотезе тождества Рюрика и вождя норманнов Рёрика Фрисландского, «фризские даны» Рюрика прибыли в земли славян и финнов с территории империи франков. Причем в 857 г. Рёрик получил от Хорика II Дитя земли между рекой Айдер и морем, куда очевидно входил и Хедебю. Так что путь Рёрика на Русь мог пролегать из Дорестада в Хедебю, а затем в Приладожье.

Показательно, что стремление контролировать торговый путь «из варяг в греки» относилось не только к его восточному отрезку, судя по всему, попавшему под контроль данов Рюрика/Рёрика Фрисландского ок.857–860 гг., но и к западному отрезку «из фризов в варяги». Хедебю был захвачен в конце IX в. свеонскими конунгами Бирки и они удерживали его до 934 г. Значение торгового пути Дорестада (а позднее Девентер и Квентовик) — Хедебю — Бирка- Старая Ладога в раннем средневековье было понятно императорам франков и миссия Ансгария, пытавшегося основать церковь в Бирке, тому подтверждение.

Таким образом, согласно данной гипотезе имели место три миграции — сначала из Ютландии во Фризию (начиная с 807 г.), затем из Фризии снова в Ютландию (857 г.), в земли между рекой Айдер и морем, куда входил эмпорий Хедебю, и, наконец из Хедебю в земли славян и финнов (ок. 857–860 гг.). Как это показано на рис. 5.

Камерные погребения на Руси

Наиболее раннее камерное погребение Ладоги № 11 является камерой

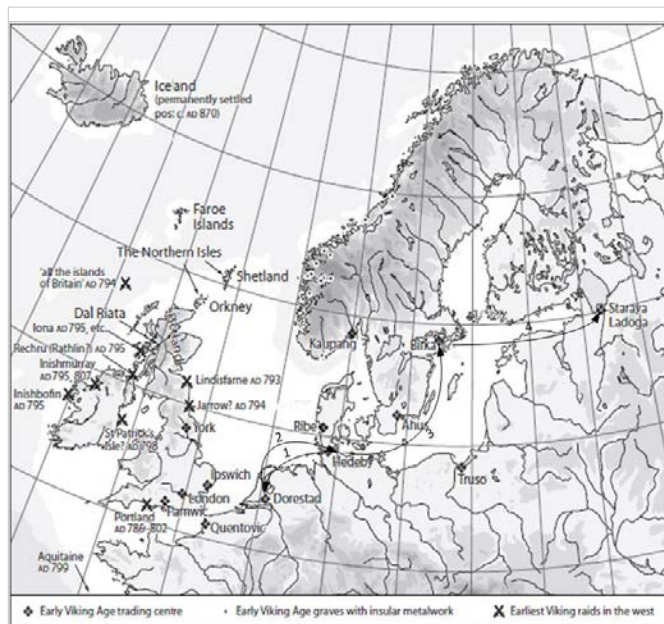

Рис. 5.1- миграция данов Хальфдана, Харальда Клака и Рёрика на территорию империи франков в выделенные им в качестве бенефиция владения; 2 — миграция данов Рёрика в земли между рекой Айдер и морем с эмпорием Хедебю; 3 — миграция данов Рёрика/Рюрика в земли славян и финнов.

с гробовищем³⁷. Другое погребение плохо сохранившееся и раскопанное с переотложенными слоями на вершине сопковидной насыпи с богатым инвентарем и двумя конями также по предположению К. А. Михайлова являлось погребением в камере³⁸.

С учетом гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, отмеченные Арманом параллели в погребальном инвентаре скандинавов и *фризов* являются еще одним доказательством в пользу данной гипотезы.

Дендродаты Н.Б. Черных определила для погребения №11 могильника Плакун в Старой Ладоге, содержащего гробовище внутри погребальной камеры.

³⁷ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. С. 21–22.

³⁸ Ibidem. С. 227–228.

Аналогичные погребения встречаются в империи франков в эпоху Меровингов³⁹.

А парадокс с дендродатами, определенными Н. Б. Черных для погребальных камер Старой Ладogi, показывающими, что обряд на Руси возник раньше, чем в Скандинавии⁴⁰, может быть объяснен его проникновением вместе с «фризскими данами» Рёрика непосредственно с территории империи франков.

«Н. Б. Черных предполагает, что погребение возвели в первой половине 890-х гг. В таком случае это погребение выделяется своей ранней датой на фоне всех остальных погребений в камерах на балтийском побережье»⁴¹.

По более позднему замечанию К. А. Михайлова возможно это просто ошибка при определении дендродат. Однако с учетом гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского возможно и приведенное выше объяснение. Тем более, что Н. Б. Черных обосновывает соответствие именно этой даты особенностями роста стволов деревьев из которых получены бревна⁴².

³⁹ *Truc M. C.* Probable Frankish burials of the sixth century AD at Saint-Dizier (Haute-Marne, Champagne-Ardenne, France). P. 51–66.; *Kars M.* A cultural perspective on Merovingian burial chronology and the grave goods from the Vrijthof and Pandhof cemeteries in Maastricht; *Young B. K.* Paganisme, christianisation et rites funéraires mérovingiens // *Archéologie médiévale*. Tome 7. 1977. P. 5–81.

⁴⁰ *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладogi (по материалам раскопок Земляного городища) // *Средневековая Ладoga*, 1985. С. 76–80.; *Михайлов К. А.* Курганские могильники Старой Ладogi // *Старая Ладoga древняя столица Руси*. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003. С. 155; *Френкель Я. В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Вып. 53. 2008. С. 233.

⁴¹ *Михайлов К. А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (замечания о хронологии и топографии). С. 64.

⁴² *Wamers E.* Konig im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby // *Acta Archaeologica*. Vol. 65. 1994. S. 1–56, Wamers E. Ein dänischer Vasall im

Кроме того Хайко Штоер еще в 1989 г. считал, что поскольку захоронение коня у ног погребенного в той же камере не имеет аналогов в Ютландии, где кони обычно погребены в отдельной камере, то этот обряд перенят шведами в Руси и перенесен в Данию⁴³.

Поражает соответствие инвентаря погребения в Бусдорфе, близь Хедебю, на мой взгляд убедительно определенно-го Э. Вамерсом как могила Харальда Клака и датированного примерно 850-ми гг.⁴⁴ с ладьей и тремя конями и одним или двумя слугами покойного⁴⁵ с инвентарем погребения на вершине сопковидной насыпи с бортом ладьи и двумя конями⁴⁶.

Если датировка камерного погребения в Бусдорфе Э. Вамерсом верна, то никакого

Bootkammergrab von Haiðaby — Fränkisches Hofzeremoniell im Norden // *Die Macht des Silbers*. Karolingische Schätze im Norden. Katalog zur Ausstellung im Archäologischen Museum Frankfurt und im Dom-Museum Hildesheim, E. Wamers et M. Brandt (dir.), Ratisbonne. 2005. S. 165–172. Хотя имеют место и другие версии: *Staecker J.* The 9th-century Christian mission to the North // *Wulfstan's voyage*. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard. *Maritime Culture of the North*. Vol. 2. Roskilde, 2008. P. 309–329.

⁴³ *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. С. 160.

⁴⁴ Что отличает данное погребение от других погребений в камерах датированных концом IX в. — X в. (*Shenk P.* To Valhalla by Horseback? Horse burial in Scandinavia during the Viking Age. Ms. thesis. Oslo, 2002. P. 67).

⁴⁵ *Wamers E.* 1) Konig im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby. S. 1–56; 2) Ein dänischer Vasall im Bootkammergrab von Haiðaby — Fränkisches Hofzeremoniell im Norden. S. 165–172.

⁴⁶ *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // *Средневековая Ладoga*. Л., 1985. С. 147–155; *Михайлов К. А.* Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов. С. 50–54; Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. С. 227–228.

парадокса вообще не существует. А. Пердерсен указывает, что Э. Вамерс в личном сообщении для нее отметил: «the Hedeby boat chamber grave is an exception. Egon Wamers has suggested that this burial was born of specific circumstances in the Schleswig area in the mid-9 th century and is probably not directly connected with burial customs emerging in the early 10th century»⁴⁷.

Рис. 6. Богато украшенный меч с христианскими символами из погребения в Бусдорфе, предполагаемой Э.Вамерсом могилы Харальда Клака. (См. прим.29).

⁴⁷ Погребение в камере с ладьей в Хедебю является исключением. Эгон Вамерс предположил, что это погребение было порождено особыми условиями в области Шлезвига в середине IX в. и возможно является косвенно связанным с погребальными обычаями появившимися в начале X в.» — перевод О. Л. Губарева (*Pedersen A. Weapon and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society. PNM vol. 2. A. Nørgård Jørgensen & B. L. Clausen (eds.). Copenhagen, 1997. P. 125.*)

Тогда камерные погребения сперва появились в Ютландии, куда обряд был занесен с территории империи франков, а потом распространились на Русь и Швецию. Однако нужно оговориться, что существуют альтернативные датировки этого погребения концом IX или началом X в. Но тогда возникает тот самый парадокс более раннего появления погребальных камер на Руси, чем в Скандинавии.

Предполагаемое камерное погребение на вершине сопковидной насыпи плохо сохранившееся и раскопанное с переотложенными слоями содержит человеческие останки⁴⁸.

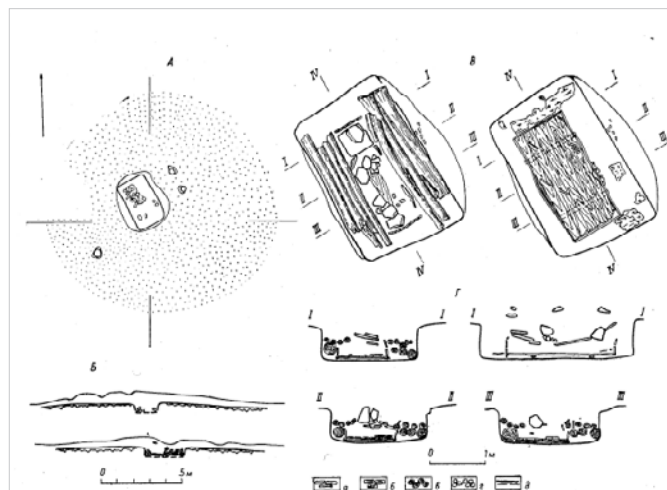

Рис. 7. Погребение на вершине сопковидной насыпи в различных ракурсах⁴⁹.

Некоторые предметы погребального инвентаря, в частности, бронзовая пряжка датируемая X в. «получены от местных ребят, разрывавших вершину насыпи» и поэтому едва ли могут служить

⁴⁸ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб., 2016. С. 228.

⁴⁹ Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладобе. С. 147–155.

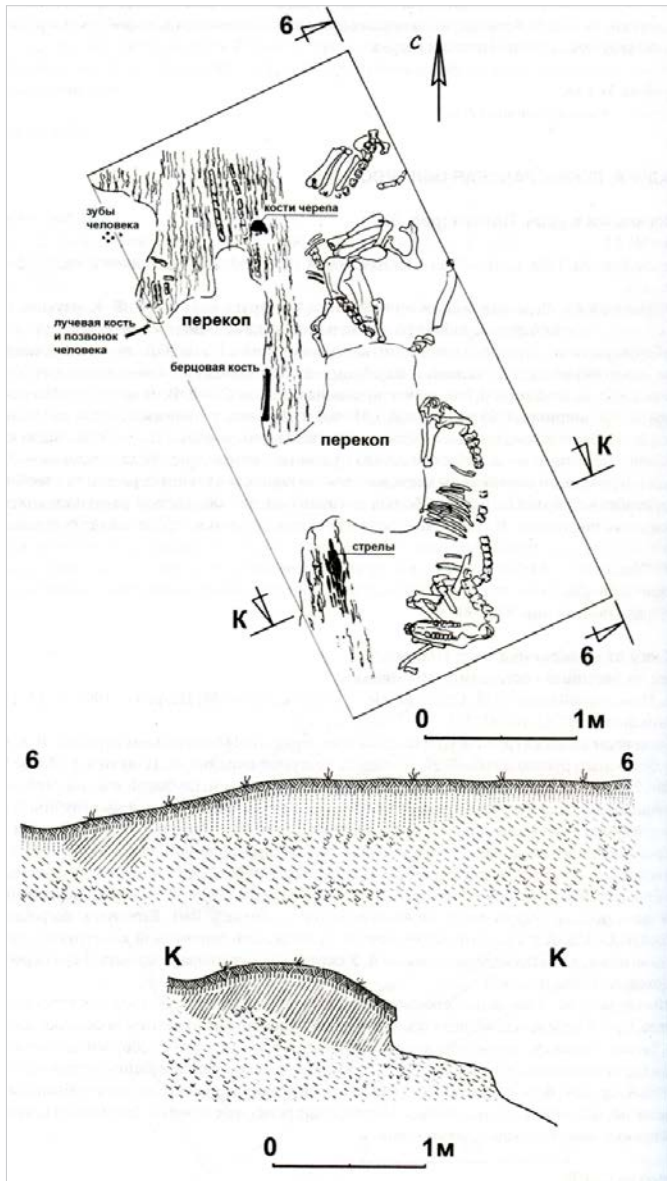

Рис. 8. Погребение на вершине сопковидной насыпи. План и профиль погребения⁵⁰.

датирующими маркерами, поскольку их происхождение и место нахождения в погребении неизвестны. Поэтому представляет интерес сравнение всего комплекса погребального инвентаря с аналогичным погребением в Бусдорфе, рядом с Хедебю.

⁵⁰ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. С. 228.

«В ходе работ удалось получить первые образцы для дендродатирования могилы, за счет чего стало возможно соотнесение с дендрошкалой из раскопов Земляного городища в Старой Ладоге⁵¹. Благодаря дендродатам плакунская камера считается одним из древнейших скандинавских погребений этого типа и в Северной Европе, и в России»⁵².

Погребение на вершине сопковидной насыпи датируется К. А. Михайловым X в. по находке византийской бронзовой пряжки X в. Однако в плохо сохранившемся погребении с переотложенными слоями пряжка могла попасть среди инвентаря случайно, будучи, например, votivным даром, положенным на могилу вождя варягом вернувшимся из Византии.

Одним из методов отнесения погребений к одному временному периоду является сходство комплектов погребального инвентаря.

«It is usually thought that the regular change through time of the composition of the grave goods assemblages (and also the gradual change in the morphological features of objects) is the ordering principle of the created sequences. This is based on the supposition that the higher the degree of similarity between grave goods assemblages is, the more likely it is that they date in the same chronological period, which is in fact the main

⁵¹ Черных Н. Б. 1) Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища). С. 76–80; 2) Дендрохронология и археология. М., 1996.

⁵² Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. С. 22.

underlying supposition of a chronological seriation»⁵³.

Я. Френкель считает, что в вопросе о датировке погребения возможны две методические стратегии датировки погребения: 1) по дендродатам 2) когда главным датирующим признаком становится сам обряд погребения⁵⁴.

Поневоле приходишь к выводу о возможном захоронении здесь родича Харальда Клака Рюрика/Рёрика Фрисландского. Статус Рёрика, никогда не бывшего королем, а только претендовавшего на трон по сравнению со статусом своего родича Харальда Клака, бывшего королем Ютландии, вполне соответствует богатству инвентаря погребения. Об этом говорит «анализ потрясающего сходства курганных погребений вождей из династии Скъельдунгов в Дании с приладожскими погребениями в Плакуне»⁵⁵.

⁵³ Обычно считают, что регулярные изменения во времени комплектов погребального инвентаря (и также постепенные изменения в морфологических характеристиках предметов) является руководящим принципом выделения временной последовательности. Это основывается на предположении, что чем выше степень сходства между комплектами погребального инвентаря, тем более вероятно что они датируются тем же хронологическим периодом, что в действительности является главным подразумеваемым допущением выявления хронологических серий» — перевод О. Л. Губарева. (*Kars M. A Cultural Perspective on Merovingian Burial Chronology and the Grave Goods from the Vrijthof and Pandhof Cemeteries in Maastricht*. P. 19).

⁵⁴ Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал. С. 232.

⁵⁵ Клейн Л. С. Исследование европейских корней Рюрика // Губарев О. Л. Рюрик Скъельдунг. СПб., 2019. С. 9.

Камерные погребения были обнаружены также в Гнездове. Вначале считалось, что в Гнездове имели место только кремации. Но начиная с 1960-х гг. стали находить погребения по обряду ингумаций, а ямы под курганами указывали на камерные погребения. Кроме того камерные погребения нашли в Шестовицах и Тимерево.

«В качестве важной и отличительной черты погребального обряда камерных погребений следует упомянуть камеры с захороненными в них лошадьми (19 комплексов), причем наличие захоронения коня повлияло на саму конструкцию погребального сооружения. Кони в камерах захоронивались вместе с упряжью и обязательно целиком. Параллели этой детали древнерусских камер стали известны в могильниках Бирка и некрополях из округи Хедебю»⁵⁶.

Об особенностях конструкций погребальных камер на Руси см. диссертацию и монографию К. А. Михайлова⁵⁷.

Таким образом, можно сделать предположение, что погребальный обряд ингумации в камере был занесен на Русь данами Рёрика из северного пограничья империи франков (фризы, саксы, даны Ютландии). А также что этот обряд был характерен для переходного периода от язычества к христианству.

⁵⁶ Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореферат. Диссертации на соискание ученой степени Кандидата исторических наук. СПб., 2005.

⁵⁷ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий.

Библиография

Литература:

Бібіков, Д. В. Релігійна належність давньоруських камерних поховань [Текст] / Д. В. Бібіков // Археологія. № 1. 2020.

Губарев О. Л. Генрих Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.

Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // *Древнейшие государства Восточной Европы*, 1999. М., 2001.

Клейн Л. С. Исследование европейских корней Рюрика // *Губарев О. Л.* Рюрик Скъльдунг. СПб., 2019.

Михайлов К. А. Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // *Новгород и Новгородская Земля. История и археология*. Вып. 9. Новгород, 1995.

Михайлов К. А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 10, Новгород, 1996.

Михайлов К. А. Византийские поясные пряжки в северных русских землях. // *Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб., 1996.

Михайлов К. А. Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // *Древности Поволховья*. СПб., 1997.

Михайлов К. А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002.

Михайлов К. А. Курганные могильники Старой Ладоги // *Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже*. СПб., 2003.

Михайлов К. А. Новая находка византийской пряжки на Рюриковом городище // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 19. В. Новгород, 2005.

Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореферат. Диссертации на соискание ученой степени Кандидата исторических наук. СПб., 2005.

Михайлов К. А. Элитарные могилы Старой Ладоги на фоне погребальных традиций эпохи викингов // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. Выпуск 1. СПб., 2006.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб., 2016.

Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // *Средневековая Ладога*. Л., 1985.

Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Вып. 53. 2008.

Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // *Средневековая Ладога*. Л., 1985.

Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.

Avdusin D. A., Puskina T. A. Three Chamber Graves at Gniozdovo. (Trekammergraver fra Gniozdovo). *Fornvännen*. Vol. 83. Stockholm, 1988.

Bonde N., Stylegar F.-A. Between Sutton Hoo and Oseberg — dendrochronology and the origins of the ship burial tradition // Danish Journal of Archaeology. Volume 5. Issue 1–2. 2016.

Brownlee E. Connectivity and funerary change in early medieval Europe // Antiquity. № 379. 2021.

Carver M. O. H. Mound-building and State-building: a poetic discourse // The Earliest States of Eastern Europe. Old Rus' and Medieval Europe. The Origin of States. 2016.

Drozd A., Janowski A. Wczesnośredniowieczne groby komorowe: sposoby eksploracji i dokumentacji. // Metody — źródła — dokumentacja: Funeralia Lednickie — spotkanie 11 / red. Wojciech Dzieduszycki, Jacek Wrzesiński. Poznań, 2009.

Effros B. De partibus Saxoniae and the Regulation of Mortuary Custom: A Carolingian Campaign of Christianization or the Suppression of Saxon Identity? // Revue belge de philologie et d'histoire. Tome 75. fasc. 2. Histoire medievale, moderne et contemporaine — Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis. 1997.

Eiseusehmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdanemark. Bonn, 1994.

Eisenschmidt S. The Viking Age Graves from Hedeby // S. Sigmundsson (ed.), Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress 2009. Reykjavík, 2011.

Fischer S., Soulat J., Victor H. Two papers on Chamber Graves // Glaube, Kult und Herrschaft.: Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel. Und Nordeuropa. 8–13 November in Frankfurt am Main. / [ed] Uta von Freedon. Frankfurt, 2009.

Gardela L. Dead or alive? «Chamber graves» and their inhabitants in the Old Norse literature and Viking-Age archaeology // S. Moździoch et al. (eds.), Scandinavian Culture in Medieval Poland. Wrocław, 2013.

Geary P. Death and Funeral of the Carolingians // Death at Court. Karl-Heinz Spieß and Immo Warntjes, eds. Wiesbaden, 2012.

Gilchrist R. Transforming medieval beliefs: the significance of bodily resurrection to medieval burial rituals. // Rasmus Brandt, J., Ingvaldsen, H. and Prusac, M. (eds.) Death and changing rituals: function and meaning in ancient funerary practices. Studies in Funerary Archaeology. Oxford, 2014.

Gräslund A.-S. Birka IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Diss. Stockholm, 1980.

Gräslund A.-S., Müller-Wille M. Burial Customs in Scandinavia During the Viking Age // From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200. Edited by Else Roesdahl and David M. Wilson, Rizzoli International Publications. New York, 1992.

Groenewoudt B. J., van Beek R., Groothedde M. Christianisation and the afterlife of pagan open-air cult sites: Evidence from the northern Frankish frontier // Medieval and Modern Matters Archaeology and Material culture in the Low Countries. Vol. 5. 2014.

Janowski A. Przestrzen rozświetlona. Znaleźiska świec i wosku w grobach komorowych na terenie Europy Środkowoschodniej // Acta archaeologica Lodziensia. Vol. 60. 2014.

Janowski A. Czy groby komorowe z X i początku XI w. są pochówkami pierwszych chrześcijan w Polsce piastowskiej i na Rusi? // Hierofanie, wierzenia, obrzędy ... Kultura symboliczna w średniowieczu między pogaństwem a chrześcijaństwem, eds. S. Rosik, S. Jędrzejewska, K. Kollinger. Rzeszów, 2018.

Kars M. A cultural perspective on Merovingian burial chronology and the grave goods from the Vrijthof and Pandhof cemeteries in Maastricht. PhD thesis. 2011.

Keary C.F. The Viking in western Christendom, A.D. 789 to A.D.888. London, 1891.

Knol E. Frisia in Carolingian times // Viking trade and settlement in continental Western Europe. 2010.

Lebecq S. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles. // Les mondes normands (VIIIe-XIIe s.) Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale (Caen, 2–4 octobre 1987). Caen, 1989.

Maixner B. Die Begegnung mit dem Süden: Fränkische Rangzeichen und ihre Rezeption im wikingerzeitlichen Skandinavien // Die Wikinger und das Fränkische Reich. Identitäten zwischen Konfrontation und Annäherung. 2014.

Mikhailov K.A. Chamber-graves as an International Burial Custom of the Viking Age: from Old Denmark to Old Russia // Wolińskie Spotkania Mediewistyczne I. Ekskluzywne życie — dostojny pochówek w kręgu kultury elitarnej wieków średnich (Ed. Prof. M. Rebkowski). Wolin, 2011.

Nelson J.L. Kingship and empire in the Carolingian world // Carolingian culture: emulation and innovation. Edited by R. McKitterick. Reader in Early Medieval European History, University of Cambridge. Cambridge, 2008.

Pedersen A. Weapon and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society. PNM vol. 2. A. Nørgård Jørgensen & B. L. Clausen (eds.). Copenhagen, 1997.

Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 12/13, Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. 1988/1989.

Ringstedt N. The Birka Chamber-Graves: Economic and social aspects. An analysis based on quantitative methods // Current Swedish Archeology. Vol. 5. 1997.

Scheringa J. Frisians, Franks and their supposed disputes over seventh century Dorestad. Lecture held at a Research-meeting of the Amsterdam Archaeological Century, University of Amsterdam. Amsterdam, February 8, 2011. URL: https://www.academia.edu/2780006/Frisians_Franks_and_their_supposed_disputes_over_seventh_century_Dorestad (Дата обращения: 31.12.2020).

Shenk P. To Valhalla by Horseback? Horse burial in Scandinavia during the Viking Age. Ms. thesis. Oslo, 2002.

Soulat J. Merovingian Chamber Graves in France. URL: https://www.academia.edu/1707689/Chamber_Grave_in_Merovingian_Gaul (Дата обращения 19.12.2020).

Staecker J. The 9th-century Christian mission to the North // Wulfstan's voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard. Maritime Culture of the North. Vol. 2. Roskilde, 2008.

Steuer H. Archaeology and history: Proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A. D., ed. Klavs Randsborg. Rome, 1989.

Truc M. C. Probable Frankish burials of the sixth century AD at Saint-Dizier (Haute-Marne, Champagne-Ardenne, France). //The very beginning of Europe? Cultural and social dimensionsof early-medieval Migration and Colonisation (5th-8th century). Archaeology in ContemporaryEurope. Conference Brussels, May 17–19 2011, ed. Rica Annaert/Tinne Jacobs/Ingrid In't Ven/Steffi Coppens. Brussels, 2012.

Wamers E. König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby // Acta Archaeologica. Vol. 65. 1994.

Wamers E. Ein dänischer Vasall im Bootkammergrab von Haithabu — Fränkisches Hofzeremoniell im Norden // Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden. Katalog zur Ausstellung im Archäologischen Museum Frankfurt und im Dom-Museum Hildesheim, E. Wamers et M. Brandt (dir.) Ratisbonne, 2005.

Young B. K. Paganisme, christianisation et rites funéraires mérovingiens // Archéologie médiévale. Vol. 7. 1977.

Сведения об авторе

Губарев Олег Львович, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант — Наука», Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–X вв.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

O. L. Gubarev

BETWEEN PAGANISM AND CHRISTIANITY: CHAMBER BURIALS IN THE EMPIRE OF FRANKS, HEDEBU AND STARAYA LADOGA

Annotation: The article examines the issue of the rite of burial in cells as a transitional stage from paganism with the rite of cremation to Christian burial rites. A hypothesis is considered about the borrowing of this burial rite by the Scandinavians of Jutland and the Rus from the Franks, where a similar rite existed in the Merovingian era. Persecutions of the pagan burial rite of cremation among the Frisians and Saxons led to the appearance of inhumations among these peoples, conquered by the Franks, in chambers under the mounds. From them, the burial ceremony in the chambers could be perceived by the Danes of Jutland and could penetrate into North-West Russia with the Danes of Rurik, who spent about 70 years on the territory of the Frankish empire according to the hypothesis of the identity of Rurik and Rurik of Friesland.

Key words: chamber graves, paganism, Christianity, Rurik, Rørik of Friesland, Jutland, Friesland, Rus

References

Researchers:

Bibikov D. V. Religijna nalezhnist' davn'orus'kih kamernih pohovan' [Religious affiliation of ancient Russian chamber burials] // *Arheologiya*. No 1. 2020. (in Ukrainian).

Gubarev O. L. Genrik Lovmyanskij i ego kritika gmptezy tozhdestva Ryurika i Ryorika Frislandskogo [Henrik Lovmyanskiy and his criticism of the gmpteza of the identity of Rurik and Rorik Friesland] // *Novogardia*. No 4 (8). 2021 (in Russian).

Kalinina T. M. Arabskie uchenye o nashestvii normannov na Sevil'yu v 844 g. [Arab scientists about the invasion of the Normans in Seville in 844] // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*, 1999. Moscow, 2001. (in Russian).

Klejn L. S. Issledovanie evropejskih kornej Ryurika [Study of the European roots of Rurik] // *Gubarev O. L.* Ryurik Sk'yol'dung. Saint-Peterburg, 2019. (in Russian).

Mikhailov K. A. Zahoronenie voina s konyami na vershine Plakunskoj sopkovidnoj nasypi v svete pogrebal'nyh tradicij epohi vikingov [Burial of a warrior with horses on top of the Plakunskaya hilly embankment in the light of funeral traditions of the Viking Age] // *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya*. Vyp. 9. Novgorod, 1995. (in Russian).

Mikhailov K. A. Yuzhnoskandinavskie cherty v pogrebal'nom obryade Plakunskogo mogil'nika [South Scandinavian features in the burial rite of the Plakunsky cemetery] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya*. Vyp. 10. Novgorod, 1996. (In Russian).

Mikhailov K. A. Vizantijskie poyasnye pryazhki v severnyh russkih zemlyah [Byzantine belt buckles in the northern Russian lands] // *Ladoga i Severnaya Evropa*. Vtorye chteniya pamyati Anny Machinskoj. Sankt-Peterburg, 1996. (In Russian).

Mikhailov K. A. Pogrebenie voina s konyami na vershine Plakunskoj sopkovidnoj nasypi v svete pogrebal'nyh tradicij epohi vikingov [Burial of a warrior with horses on the top of Plakunskaya hilly embankment in the light of burial traditions of the Viking era] // *Drevnosti Povolhov'ya*. Saint-Peterburg, 1997. (In Russian).

Mikhailov K. A. Skandinavskij mogil'nik v urochishche Plakun (zametki o hronologii i topografii) [Scandinavian cemetery in Plakun tract (notes on chronology and topography)] // *Ladoga i ee sosedi v epohu srednevekov'ya*. Saint-Peterburg, 2002. (In Russian).

Mikhailov K. A. Kurgannye mogil'niki Staroj Ladogi [Burial mounds of Staraya Ladoga Burial mounds of Staraya Ladoga] // *Staraya Ladoga drevnyaya stolica Rusi*. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe. Saint-Peterburg 2003. (In Russian).

Mikhailov K. A. Novaya nahodka vizantijskoj pryazhki na Ryurikovom gorodishche [A new find of the Vikhzantian buckle at the Rurik settlement] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arheologiya: Materialy nauch. konf. Velikij Novgorod*, 18–20 yanv. 2005 g. Vyp. 19. Velikij Novgorod, 2005. (In Russian).

Mikhailov K. A. Elitarnye mogily Staroj Ladogi na fone pogrebal'nyh tradicij epohi vikingov [Elite graves of Old Ladoga against the background of burial traditions of the Viking Age] // *Ladoga i Ladozhskaya zemlya v epohu srednevekov'ya*. Vypusk 1. 2006. (In Russian).

Mikhailov K. A. Drevnerusskie elitarnye pogrebeniya X — nachala XI vv. (po materialam zahoroneniij v pogrebal'nyh kamerah) [Ancient Russian elite burials of the 10th — early 11th centuries. (on the materials of burials in burial chambers)]. Abstract. Dissertations for the degree of Candidate of Historical Sciences. Saint-Peterburg, 2005. (In Russian).

Mikhailov K. A. Elitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IX — nachala XI veka v kontekste severoevropejskikh analogij [The Elite Burial Rite of Ancient Russia: Chamber Burials of the 9th — Early 11th Centuries in the Context of Northern European Analogies]. Saint-Peterburg, 2016. (in Russian).

Nosov E. N. Sopkovidnaya nasyt' bliz urochishcha Plakun v Staroj Ladoge [Sopkovidnaya embankment near the Plakun tract in Staraya Ladoga] // Srednevekovaya Ladoga. Leningrad, 1985. (in Russian)

Frenkel' Ya. V. Skandinavskij mogil'nik Plakun: vremya pervyh pogrebenij i problema sopostavivosti hronologicheskikh shkal [Scandinavian burial ground Plakun: the time of the first burials and the problem of comparability of chronological scales] // Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Vyp. 53. 2008. (in Russian)

Chernykh N. B. Dendrochronologiya drevnejshih gorizontov Ladogi (po materialam rraskopok Zemlyanogo gorodishcha) [Dendrochronology of the oldest horizons of Ladoga (based on materials from excavations of the Zemlyanoy settlement)] // Srednevekovaya Ladoga. Leningrad, 1985. (in Russian)

Chernykh N. B. Dendrochronologiya i arheologiya [Dendrochronology and archeology]. Moscow, 1996 (in Russian).

Avdusin D. A., Puskina T. A. Three Chamber Graves at Gniozdovo. (Trekammergraver fra Gniozdovo). Fornvännen. Vol. 83. Stockholm, 1988. (In English).

Bonde N., Stylegar F.-A. Between Sutton Hoo and Oseberg — dendrochronology and the origins of the ship burial tradition // Danish Journal of Archaeology. Volume 5. Issue 1–2. 2016. (In English).

Brownlee E. Connectivity and funerary change in early medieval Europe // Antiquity. № 379. 2021. (In English).

Carver M. O. H. Mound-building and State-building: a poetic discourse // The Earliest States of Eastern Europe. Old Rus' and Medieval Europe. The Origin of States. 2016. (In English).

Drozd A., Janowski A. Wczesnośredniowieczne groby komorowe: sposoby eksploracji i dokumentacji. // Metody — źródła — dokumentacja: Funeralia Lednickie — spotkanie 11 / red. Wojciech Dzieduszycki, Jacek Wrzesiński. Poznań, 2009. (In Polish).

Effros B. De partibus Saxoniae and the Regulation of Mortuary Custom: A Carolingian Campaign of Christianization or the Suppression of Saxon Identity? // Revue belge de philologie et d'histoire. Tome 75. fasc. 2. Histoire medievale, moderne et contemporaine — Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis. 1997. (In English).

Eiseusehmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdanemark [Chamber tomb of the Viking Age in Altdanemark]. Bonn, 1994. (In German).

Eisenschmidt S. The Viking Age Graves from Hedeby // S. Sigmundsson (ed.), Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress 2009. Reykjavík, 2011. (In English).

Fischer S., Soulat J., Victor H. Two papers on Chamber Graves // Glaube, Kult und Herrschaft.: Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel. Und Nordeuropa. 8–13 November in Frankfurt am Main. / [ed] Uta von Freedon. Frankfurt, 2009. (In English).

Gardela L. Dead or alive? «Chamber graves» and their inhabitants in the Old Norse literature and Viking-Age archaeology // S. Moździoch et al. (eds.), Scandinavian Culture in Medieval Poland. Wrocław, 2013. (In English).

Geary P. Death and Funeral of the Carolingians // Death at Court. Karl-Heinz Spieß and Immo Warntjes, eds. Wiesbaden, 2012. (In English).

Gilchrist R. Transforming medieval beliefs: the significance of bodily resurrection to medieval burial rituals. // Rasmus Brandt, J., Ingvaldsen, H. and Prusac, M. (eds.) Death and changing rituals: function and meaning in ancient funerary practices. Studies in Funerary Archaeology. Oxford, 2014. (In English). (In English).

Gräslund A.-S. Birka IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Diss. Stockholm, 1980. (In English).

Gräslund A.-S., Müller-Wille M. Burial Customs in Scandinavia During the Viking Age // From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200. Edited by Else Roesdahl and David M. Wilson, Rizzoli International Publications. New York, 1992. (In English).

Groenewoudt B. J., van Beek R., Groothedde M. Christianisation and the afterlife of pagan open-air cult sites: Evidence from the northern Frankish frontier // Medieval and Modern Matters Archaeology and Material culture in the Low Countries. Vol. 5. 2014. (In English).

Janowski A. Przestrzen rozświetlona. Znaleźiska świec i wosku w grobach komorowych na terenie Europy Środkowoschodniej [Space illuminated. Finds of candles and wax in early medieval chamber graves in Eastern-Central Europe] // Acta archaeologica Lodziensia. Vol. 60. 2014. (In Polish).

Janowski A. Czy groby komorowe z X i początku XI w. są pochówkami pierwszych chrześcijan w Polsce piastowskiej i na Rusi? [Are the chamber graves of the Xth and early XIth century, the graves of the early Christians in Polish Piast state and in Rus'?] // Hierofanie, wierzenia, obrzędy ... Kultura symboliczna w średniowieczu między pogaństwem a chrześcijaństwem, eds. S. Rosik, S. Jędrzejewska, K. Kollinger. Rzeszów, 2018. (In Polish).

Kars M. A cultural perspective on Merovingian burial chronology and the grave goods from the Vrijthof and Pandhof cemeteries in Maastricht. PhD thesis. 2011. (In English).

Keary C. F. The Viking in western Christendom, A.D. 789 to A.D.888. London, 1891. (In English).

Knol E. Frisia in Carolingian times // Viking trade and settlement in continental Western Europe. 2010. (In English).

Lebecq S. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles [Frisians and Vikings: remarks on the relations between Frisians and Scandinavians in the 6th-9th centuries] // Les mondes normands (VIIIe-XIIe s.) Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale (Caen, 2–4 octobre 1987). Caen, 1989. (In French).

Maixner B. Die Begegnung mit dem Süden: Fränkische Rangzeichen und ihre Rezeption im wikingerzeitlichen Skandinavien [The encounter with the south: Franconian rank symbols and their reception in Scandinavia during the Viking Age] // Die Wikinger und das Fränkische Reich. Identitäten zwischen Konfrontation und Annäherung. 2014. (In German).

Mikhailov K. A. Chamber-graves as an International Burial Custom of the Viking Age: from Old Denmark to Old Russia // Wolińskie Spotkania Mediewistyczne I. Ekskluzywne życie — dostojny pochówek w kręgu kultury elitarnej wieków średnich (Ed. Prof. M. Rebkowski). Wolin, 2011. (In English).

Nelson J. L. Kingship and empire in the Carolingian world // Carolingian culture: emulation and innovation. Edited by R. McKitterick. Reader in Early Medieval European History, University of Cambridge. Cambridge, 2008. (In English).

Pedersen A. Weapon and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society. PNM vol. 2. A. Nørgård Jørgensen & B. L. Clausen (eds.). Copenhagen, 1997. (In English).

Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 12/13, Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. 1988/1989. (In English).

Ringstedt N. The Birka Chamber-Graves: Economic and social aspects. An analysis based on quantitative methods // Current Swedish Archeology. Vol. 5. 1997. (In English).

Scheringa J. Frisians, Franks and their supposed disputes over seventh century Dorestad. Lecture held at a Research-meeting of the Amsterdam Archaeological Century, University of Amsterdam. Amsterdam, February 8, 2011. URL: https://www.academia.edu/2780006/Frisians_Franks_and_their_supposed_disputes_over_seventh_century_Dorestad (Accessed: 31.12.2020).

Shenk P. To Valhalla by Horseback? Horse burial in Scandinavia during the Viking Age. Ms. thesis. Oslo, 2002. (In English).

Soulat J. Merovingian Chamber Graves in France. URL: https://www.academia.edu/1707689/Chamber_Grave_in_Merovingian_Gaul (Accessed: 19.12.2020). (In English).

Staecker J. The 9th-century Christian mission to the North // Wulfstan's voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard. Maritime Culture of the North. Vol. 2. Roskilde, 2008. (In English).

Steuer H. Archaeology and history: Proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A. D., ed. Klavs Randsborg. Rome, 1989. (In English).

Truc M. C. Probable Frankish burials of the sixth century AD at Saint-Dizier (Haute-Marne, Champagne-Ardenne, France). // The very beginning of Europe? Cultural and social

dimensionsof early-medieval Migration and Colonisation (5th-8th century). Archaeology in ContemporaryEurope. Conference Brussels, May 17–19 2011, ed. Rica Annaert/Tinne Jacobs/Ingrid In't Ven/Steffi Coppens. Brussels, 2012. (In English).

Wamers E. König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby [King in the Frontier. New analysis of Haiðaby's boat chamber grave] // Acta Archaeologica. Vol. 65. 1994. (In German).

Wamers E. Ein dänischer Vasall im Bootkammergrab von Haithabu — Fränkisches Hofzeremoniell im Norden [A Danish vassal in the boat chamber grave of Haithabu — Franconian court ceremony in the north] // Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden. Katalog zur Ausstellung im Archäologischen Museum Frankfurt und im Dom-Museum Hildesheim, E. Wamers et M. Brandt (dir.) Ratisbonne, 2005. (In German).

Young B. K. Paganisme, christianisation et rites funéraires mérovingiens [Paganism, Christianization and Merovingian funeral rites] // Archéologie médiévale. Vol. 7. 1977. (In Franch).

About the author

Gubarev Oleg L., columnist of the newspaper of scientists «Troitskiy variant nauka», St. Petersburg (Russia).

E-mail: LvovichG@rambler.ru

ТОТЕМЫ-БЕРЕГИНИ В ЯЗЫЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Аннотация: В исследовании представлена историческая реконструкция верований и представлений восточных славян, связанных с тотемными животными. Основываясь на материалах древнерусских письменных источников и данных археологии, последовательно проведен анализ древнерусских языческих культов медведя, бобра, лошади, петуха. По мнению автора, наши предки видели в данных животных своих зооморфных предков-берегинь.

Ключевые слова: тотемистические культы, верования, представления, берегини, зооморфные предки, проводники в загробный мир.

В комплексе древних религиозных представлений восточных славян существовал чрезвычайно архаический слой, возникший еще в отдаленную эпоху истории человечества — вера во всеобщую одухотворенность окружающей природы. В сознании наших предков родовой эпохи окружающая природа воспринималась как часть сакральной родовой общины. Так, например, земля вокруг родового поселения, огонь, вода в колодцах воспринимались как место пребывания тотемных зверей и умерших предков. Другая же часть окружающей природы — лес, море,

реки, озера и болота считались местом пребывания враждебных «чужих» духов, опасных для человека. Таким образом, в сознании наших предков-язычников весь окружающий мир был населен доброжелательными и вредоносными духами — берегинями и упырями.

Вероятно, племенные и общенациональные тотемистические культы возникли у восточных славян на основе архаичных представлений о сверхъестественном единстве людей с окружающей природой — животными, деревьями и птицами и сложились еще в родовую эпоху. С верой в таинственных предков — прародителей у восточных славян был связан целый ряд тотемистических культов, в частности почитание медведей, бобров, туров, лошадей, хищных птиц, петухов.

Тотемистические представления восточных славян неоднократно становились объектами изучения в трудах отечественных ученых. Однако в данных исследованиях рассматривались либо теоретические аспекты тотемизма в целом, либо анализировались культы нескольких тотемных животных¹.

¹ *Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.

Между тем, без детальной реконструкции языческих представлений восточных славян о тотемных животных в целом полноценно изучить древнерусскую культуру дохристианской эпохи практически невозможно. Историческая реконструкция верований и представлений восточных славян, связанных с тотемными животными — берегинями — основная цель данной статьи.

В гуманитарной науке до сих пор не существует однозначной теории относительно происхождения и идейной сущности тотемистических верований древних сообществ. Например, Джеймс Джордж Фрезер видел первоисточник возникновения тотемистических верований в земледельческих культах аграрных божеств².

Основатель структурного анализа К. Леви-Стросс считал, что в тотемизме прежде всего нужно видеть продолжение культа предков³.

Схожей точки зрения придерживаются современные отечественные ученые С. Н. Волков и С. Е. Кузина, по мнению которых в сознании наших предков тотем,

в первую очередь, считался предком-покровителем и заступником⁴.

По мнению Е. Дюркгейма, тотем — это элементарная форма божества и символ первобытного клана, в его лице клан чтит самого себя. Бог клана, тотемистический предок, не может быть ничем другим как самим кланом, но гипертрофированным, представленным в изображениях под чувственными видами растения или животного, служащего тотемом⁵.

Наиболее соответствует письменным и археологическим данным интерпретация тотемизма, предложенная Зигмундом Фрейдом, согласно которой тотем — это животное, мясо которого поедается общиной или запрещено в пищу, безвредное или опасное, внушающее страх и находящееся в определенных отношениях со всем родом. Тотем, во-первых, является зооморфным предком общины, а также ангелом-хранителем и помощником; он предсказывает будущее и охраняет своих потомков, даже если он опасен для других. Лица одного тотема связаны священным обязательством не убивать (или убивать) своего тотема и воздерживаться от употребления его мяса (или наоборот обязаны поедать его мясо). Признак тотема не связан с отдельным животным или отдельным существом, но связан со всеми индивидами этого рода. Время от времени устраиваются праздники, на которых лица одного тотема в церемониальных танцах изображают или подражают движениям своего тотема. Тотем передается по наследству по материнской

Э. Баумана. Т. 204. 2010. С. 32–35; Волков С. Н., Кузина С. Е. Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования // Социологические исследования. № 9 (305). 2009. С. 103–107; Мозоль Е. В. Сравнительный анализ культов волка и медведя в древнерусской языческой традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 63–1. 2008. С. 210–213; Марус Р. Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. № 3 (41). 2003. С. 96–100; Тянина Е. Л. Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Сургут, 2018. С. 304–311.

² Фрезер Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1983. С. 418–498.

³ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 142–143.

⁴ Волков С. Н., Кузина С. Е. Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования. С. 107.

⁵ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. 1912. P. 128.

или отцовской линии. Принадлежность к тотему лежит в основе всех социальных обязательств первобытных людей; с одной стороны, она выходит за границы принадлежности к одному племени, а с другой стороны, отодвигает на задний план кровное родство⁶.

Как свидетельствует целый ряд письменных источников, в архаическом мировоззрении восточных славян действительно прослеживается несколько характерных направлений в представлениях о тотемах. Некоторых из тотемных животных, видимо, считали предками-хранителями. Они считались членами одного с людьми сакрального Рода, таким образом, их убийство приравнивается к убийству сородича, а поедание их мяса — к каннибализму. В связи со всеми этими представлениями мясо и шкура тотемов-хранителей считались табу у восточных славян.

Первопредками — тотемами, очевидно, восточные славяне считали медведей, лошадей, бобров и некоторых птиц. Так, во всех областях восточнославянского мира была распространена вера в дедушку-медведя, который в народном сознании считался предком-хранителем.

Даже в раннехристианскую эпоху сохранилось табу на употребление в пищу его мяса. Так, в «Послании Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» — источнике XI в. — автор с большим негодованием предьявляет обвинение латинянам в том, что они едят «удавленину, мертвечину и медвежину»⁷.

⁶ Фрейд З. Тотемы и табу // Зигмунд Фрейд. Я и Оно. Сочинения. М., 2002. С. 370–371.

⁷ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. СПб., 1868. С. 337.

Подобно мясу, табу у восточных славян язычников накладывалось и на шкуру косялого зверя. Так, в источнике XIII в., «Вопрошаниях Кирика», новгородский епископ позволяет носить медвежью шкуру: «А пѣръть делячи, въ чомь хотяше ходити. Нетуть греха, хоч и в медведице»⁸.

О существовании в сознании восточных славян сакральной связи между медведями и потусторонним миром свидетельствует наличие в некоторых восточнославянских погребениях Северо-Восточной Руси остатков медвежьих лап или их глиняных муляжей. Подобные обереги встречаются в погребениях Приладожья, Подболотьевского могильника, костромских курганах, новгородских сопках⁹. Глиняные лапы и металлические кольца составляют основной инвентарь славянских захоронений Ярославских и Владимирских курганов X ст. По мнению И. В. Дубова, медвежьи лапы и металлические кольца представляли собой плату за покровительство бога смерти — медведя на пути в «подземный мир»¹⁰. Медвежьи когти, зубы и кости находят в значительном количестве также в новгородских сопках¹¹.

Почитание языческих божеств, генетически связанных с культом медведя, продолжалось в землях летописных тиверцев

⁸ Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. Т. 3. 1912. С. 387.

⁹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948. С. 127.

в Поднестровье вплоть до середины XII в. Так, при раскопках Екиммауцкого городища исследователи обнаружили руины языческого святилища, разрушенного вместе с поселением в середине XII в. Внутри святилища исследователи обнаружили каменный идол в виде косолапого зверя и просверленные медвежьи клыки¹².

В народе запрет есть медвежатину сохранился вплоть до начала XX в. Медведь у восточных славян считался животным чистым, ведущим свое происхождение «от самого Бога». Его образ якобы не может принимать нечистая сила. Украинская легенда рассказывает о божественном происхождении медведя: «Сначала какой-то старый дед сделал человека богом, а потом медведем. Так медведи от людей и пошли плодиться от того человека, что был богом. Таким образом, первый медведь был богом»¹³.

Человеческое происхождение медведя отражено во многих восточнославянских поверьях. Считается, например, что под кожей медведь выглядит как человек: самец — как мужчина, а медведица — с грудью, как у женщины. Было принято считать, что у медведя человеческие глаза, ступни с пальцами, как руки и ноги человека. В некоторых местностях существует убеждение, что медведь понимает человеческую речь и даже сам иногда говорит; он постится весь Рождественский пост — сосет лапу в берлоге. Медведь и ведет себя как человек: умеет ходить на двух ногах,

любит плясать под музыку, умывается, радуется и горюет, любит своих детей. Медведи воруют женщин, приходящих в лес за ягодами, берут их в жены и даже имеют от них детей. Как и люди, медведи любят мед и водку¹⁴.

Вера в медведей как берегинь хорошо прослеживается на примере народных обрядов XIX — нач. XX ст. Так, например, чтобы усмирить лихого домового и предотвратить негативное влияние нечистой силы, крестьяне еще в нач. XX в. просили медвежьего поводыря обвести зверя кругом двора или обкуривали медвежьей шерстью дом и хлев. На конюшню вешали медвежью голову, будучи убежденными, что это защитит лошадей от проказ домового. Лихорадку лечили таким способом: клали больного лицом к земле и заставляли медведя перейти через него, так, чтобы зверь непременно коснулся его спины своей лапой¹⁵.

Еще в начале XIX века в крестьянской среде существовало поверье, согласно которому медведь якобы мог указать роженицам пол их будущего ребенка. В одном из сборников того времени находим следующее: «и чреватые женки ведмедеви хлеб дают из руки, если рыкнет — девица будет, а молчит — отрок будет»¹⁶.

Таким образом, можно предположить, что в медведях восточные славяне видели какого-то своего предка — берегиню,

¹² Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 143.

¹³ Иванов П. Из области малорусских народных легенд. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской // Этнографическое обозрение. № 2.1891. С. 132.

¹⁴ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2003. С. 108.

¹⁵ Сахаров И. П. Сказания русского народа. М., 1989. С. 55.

¹⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. М., 1865. С. 338–339.

враждебного «нечистой силе» и доброжелательного к своим потомкам — людям.

Помимо медведей, почитали, видимо, наши предки и бобров. Так, подобно медвежатице, мясо бобров было запрещено употреблять в пищу. По крайней мере в «Послании преподобного Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» и ряде других источников, осуждающих католическую веру, авторы обвиняют своих оппонентов-католиков в том, что они «ядят бобровину и хвост бобров»¹⁷.

Особенно возмущало авторов подобных источников то, что католики употребляли в пищу бобровину в постные дни, приравнивая ее к рыбе: «Попове их ядят в говение бобровину; глаголють бо, яко от воды есть и рыба всяка есть»¹⁸.

Скорее всего, табу на употребление в пищу бобровины, возникнув еще в языческую эпоху, сохранилось и после принятия восточными славянами христианства. На тот факт, что в древности восточные славяне почитали бобров, видя в них зооморфный образ какого-то бога, указывает и глосс к «Беседе Григория Богослова об идолах». Так, в данном источнике при перечислении всех языческих обычаев, широко распространенных у наших предков в XI в., находим следующее: «Ов реку богинею нарицает и зверь, живущий в ней яко бога нарицает»¹⁹. Единственным более-менее крупным зверем, как верно заметил Б. А. Рыбаков, в реках Древней Руси был

бобер²⁰. Таким образом, и речь в источнике, скорее всего, идет об этом животном.

В языческих курганах Северо-Восточной Руси исследователи часто фиксируют останки бобров²¹. Очевидно, подобно медведям, этих животных считали воплощением зооморфных предков и проводниками в царство мертвых.

У древних славян, особенно полабских, также четко просматривается тотемистический культ коня — берегини. Конь, видимо, у славянских народов считался олицетворением солнца и использовался часто в качестве оракула. Так, например, в «Жизнеописании» Оттона Бамберзского рассказывается о некоем священном коне, с помощью которого одно из славянских племен якобы узнавало волю своих богов. Если это племя готовилось к вооруженному походу, то священное животное проводили сквозь ряд копий и, судя по его поведению, предсказывали последующие события²².

По словам Саксона Грамматика, священные лошади являлись олицетворением древнеславянского бога Святовида и почитались многими местными племенами на острове Рюген²³.

Гадание по поведению лошадей было известно и другим славянским народам. У чехов сохранилось предание: когда отправлены были послы искать жениха для княжны Любуши, то белый конь привел

¹⁷ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. С. 337.

¹⁸ Там же. С. 339–340.

¹⁹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 93–94.

²⁰ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 213.

²¹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 26; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С. 127.

²² Котляревский А. А. Погребальные обычаи древних славян. СПб., 1893. С. 358.

²³ Sakso Grammatikus. Historia Danica. Vol. 1. Havniae, 1839. P. 44–45.

их к пахарю Премыслу, пал перед ним на землю и своим ржанием указал на будущего властителя чешского народа²⁴.

Лошади, с помощью которых узнавали волю богов, видимо, считались у древних славян священными. Согласно сообщениям Аль-Масуди, у южных славян существовали особые лошади, которых использовались лишь во время военных походов, а в другое время они свободно паслись на лугах. Если кто-то садился на такого коня в мирное время, то его немедленно убивали²⁵.

Подобные священные кони, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении № 13, находящемся в сакральной части святилища, были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила, остатки узды, скребница)²⁶.

Языческое святилище, посвященное какому-то языческому божеству, генетически связанному с культом лошади-тотема, существовало в языческую эпоху у славян Боршевской культуры. Так, у селения Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области было обнаружено святилище IX–XI вв. Длина площадки около 12 м, ширина 6 м. В центре площадки находилась яма диаметром 50 см, глубиной около 40 см. Возле ямы лежала часть скелета лошади, среди костей найдено три железных наконечника стрел. Площадка была окружена высоким валом. В валу была выкопана яма округлой формы, на дне

²⁴ Козьма Пражский. Чешская хроника. Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 9.

²⁵ Котляревский. А. А. Указанное сочинение. С. 79.

²⁶ Тимощук Б. А., Русанова И. П. Языческие святилища древних славян. М., 2007. С. 90.

которой находился слой золы, здесь лежала голова лошади, возле нее 94 астрагала (из них 37 просверленных) и фрагменты от двух сосудов боршевского типа²⁷.

Есть основания утверждать, что у древних руссов существовал запрет на употребление в пищу мяса лошадей, сохранившийся в полной мере и в раннехристианский период. По крайней мере, в «Уставе князя Ярослава Мудрого» предусмотрено наказание за употребление в пищу «кобылины»²⁸. Феодосий Печерский в одном из своих посланий с глубоким возмущением обвиняет латинян в том, что они едят всё нечистое, в том числе и мясо лошадей²⁹.

Табу на употребление в пищу мяса лошадей возникло у наших предков, вероятно, еще в праславянскую эпоху. Так, в хозяйственных ямах поселений черняховской археологической культуры кости лошадей исследователи фиксируют в единичных случаях, тогда как остатки крупного рогатого скота и свиней составляют до 90 процентов всего остеологического материала³⁰. Ничтожно малое количество костей лошадей фиксируется исследователями и среди остеологического материала славянских поселений второй половины I тыс. н.э.³¹

²⁷ Москаленко А. Н. Святилище на реке Воргол // Советская археология. № 2. 1966. С. 203–209.

²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Я. Н. Щапова. М., 1976. С. 89.

²⁹ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. С. 337.

³⁰ Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники нижнего Поднепровья как памятники социальной истории // Советская археология. № 3. 1979. С. 81.

³¹ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром та Прип'яттю. Київ, 1972. С. 73; Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980. С. 52–53.

Конь зафиксирован у восточных славян также и в качестве строительной жертвы. Во время раскопок древнего Новгорода были обнаружены конские черепа в основании целого ряда срубов, датируемых X–XIV вв.³² Череп коня был найден также археологами в фундаменте древнерусского срубного жилища XI–XII вв. в Киеве на Ярославском проспекте³³. Очевидно, наши предки использовали лошадиные черепа при строительстве жилищ для того, чтобы обеспечить свои новые дома защитой предков-покровителей.

Отражением языческого представления о волшебном коне-берегине стали некоторые народные обычаи, сохранившиеся почти до нач. XX ст. Так, во многих областях восточнославянского мира существовал обычай бросать лошадиные головы в костры в день святого Иоанна Предтечи, а также в воду в жертву водяному³⁴.

Даже христианские летописцы верили в то, что по поведению лошадей можно было предсказать будущее. Так, в Лаврентьевской летописи сообщается о том, что перед гибелью князя Глеба Владимировича его конь «поскользнулся в рове и надломи ногу», и это знамение, по словам автора летописи, было «не на добро»³⁵. Отголоски подобных верований находим

и в Галицко-Волынской летописи. Согласно данному источнику, незадолго до смерти князя Даниила Романовича во время военных учений под ним «падесея конь»³⁶.

Если лошади фыркают в дороге, то, по мнению белорусов, это предсказывает успех и радостную встречу по приезде. У лужичан девица, желающая узнать, выйдет ли она в течение года замуж, отправляется в полночь к дверям конюшни и, если услышит там лошадиное ржание, принимает это за добрый знак. На Руси существовала поговорка: «конь ржет — к радости, ногою топает — к хорошей погоде»³⁷.

Среди восточных славян была распространена вера в то, что лошадь — предок сопровождает умерших в загробный мир. Курганы с останками лошадей зафиксированы археологами в восточной части Новгородской области, а также Ярославской, Владимирской областях, в юго-восточном Приладожье³⁸. Особенно характерен был данный обряд погребения для некрополей древнерусских городов XI–X вв.: Киева, Новгорода, Ярославля, Чернигова, Смоленска и т. д., а также могильников, расположенных вблизи данных племенных центров³⁹. Интересно, что останки лошади чаще всего фиксируют в погребениях мужчин⁴⁰.

³² Байбурич А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 61.

³³ Зоценко В. М., Тараненко С. П. Дослідження у Києві по Ярославському пров. 1/3 у 2008 році // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 158.

³⁴ Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937. С. 65.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962. С. 135.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская и Галицко-Волынская летописи. М., 1962. С. 801.

³⁷ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 312.

³⁸ Голубева Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII–XI вв. // Советская археология. № 4. 1981. С. 87.

³⁹ Жарнов Ю. Е. Животные в погребальном обряде // Советская археология. № 2. 1991. С. 77–83.

⁴⁰ Седов В. В. Следы восточнославянского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология.

Археологические данные находят подтверждение со стороны письменных источников. Так, в «Житие Константина Муромского» неизвестный автор, например, с возмущением пишет о том, что древние славяне «кони закалающей по мертвых»⁴¹.

В Поднестровье вплоть до начала XX в. было принято втыкать кобылью голову на плетень в огороде, «чтоб всё родило». Повсеместно у восточных славян был распространен обычай устанавливать на крыше деревянные изображения лошадей — так называемые коньки. В русских и украинских селах еще до недавнего времени коньки украшали не только кровли домов, но и размещались внутри изб около печи и по обеим сторонам божницы (полки в переднем углу, на которую ставили иконы)⁴². Довольно распространены были у наших предков амулеты — подвески в виде бронзовых гребней, украшенных миниатюрными головами коней, смотрящих в разные стороны⁴³.

Таким образом, конь в архаичном сознании наших предков считался тотемом-хранителем, одним из зооморфных образов предков — берегинь.

Почитали древние славяне и некоторых птиц. Так, тотемом-хранителем, очевидно, был петух. Образ петуха был связан с представлением о «границе времени», то есть символической черте между ночью

(миром мертвых) и днем (миром живых). Древнеславянское название петуха — «кур» звучит так же, как диалектное «кур» в значении «дым», «огонь» в современных Псковской и Тверской областях России. Украинское «кур» — «запах». Выражение «красный петух» означает огонь⁴⁴.

Согласно целому ряду письменных источников, в жертву упырям и берегиням, а позже и некоторым богам наши предки приносили именно кур. Так, в «Слове некоего Христолюбца» — источнике начала XII в., — в частности, находим следующее: «и вероють въ Пероуна и въ Хърса и въ Сима и въ Регла и коуры режутъ и огневи моляться же ся, зовуще его Сварожичем»⁴⁵.

Схожие обряды описал неизвестный автор славянской вставки к «Слову об идолах» Иоанна Златоуста: «А друзии (молятся) Перуну, Хоурсу и куры им режутъ»⁴⁶.

Сведения отечественных письменных источников согласуются с сообщениями иностранных авторов. Так, согласно данным Льва Диакона, воины князя Святослава Игоревича, совершив обряд кремации с телами погибших воинов и убитых пленных, задушили нескольких младенцев и петухов и утопили их тела в водах Истра⁴⁷.

Схожие данные подает Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей». Согласно

№ 2. 1961. С. 103.

⁴¹ Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н. И. Костомаровым. Т. 1. СПб., 1860. С. 231.

⁴² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 311.

⁴³ Рябинин Е. А. Языческие привески — амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 55.

⁴⁴ Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1971. С. 422.

⁴⁵ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. С. 374.

⁴⁶ Там же. С. 89.

⁴⁷ Лев Диакон. История. Прим. и пер. К. А. Осиповой. М., 1988. С. 78.

данному источнику, восточные славяне-язычники приносили в жертву священному дубу — олицетворению какого-то небесного бога — живых петухов на острове Хортица⁴⁸.

В Сербской Крайне сохранилось предание, в котором сообщается о некоем волшебном петухе-берегине, который создал всю землю: «в давние времена земля была пуста, ничего на ней не было — только камень. Это не понравилось богу, и он отправил туда своего петуха, чтобы он оплодотворил землю. Кочет сел в пещере и снес чудесное яйцо, из которого полились семь рек; они наводнили равнины, и вскоре всё кругом зазеленело, запестрело цветами и преисполнилось всяких плодов; без забот, счастливо жили в том раю люди. Высоко на небе сидел божий кочет и каждый день возглашал смертным, когда они должны пробуждаться от сна, когда трудиться и когда приступать к трапезе. Непрестанный крик петуха надоел наконец народу. «Мы сами знаем, когда и что нам делать!» — говорили люди и стали молить бога, чтобы освободил их от беспокойной птицы. И божий кочет исчез с неба, и нарушился прежний порядок жизни, настали болезни и насилия. Безумие овладело людьми, они пошли к чудесному яйцу и стали бросать в него камни и волшебный петух вернулся к людям»⁴⁹.

Очевидно, по языческим канонам мясо кур использовали в пищу только во время поминальных праздников. В другие дни употребление этих птиц было запрещено. Испанский автор арабского

происхождения Аль-Бекри сообщает в одном из своих произведений, что руссы боялись есть мясо курей, опасаясь вызвать гнев богов⁵⁰.

В языческую эпоху были известны специальные священные места, где восточные славяне поклонялись «священным петухам», которые якобы за это предупреждали своих «потомков» об опасности. Так, в Угличе, по преданию, находился «петушиный камень». Он располагался возле церкви Николая Чудотворца на Петушиной улице. Камень имел размеры 8×4 м. На нем были видны два птичьих следа. По преданию, на камне иногда в полночь появлялся петух и своим пением предвещал какое-нибудь несчастье. Накануне гибели царевича Дмитрия, перед изгнанием местных горожан в Сибирь, перед нашествием поляков он троекратно пел⁵¹.

Довольно интересная сложная скульптурная композиция дохристианской эпохи была найдена на берегу реки Буж (Буш). На камне пещеры обнаружили барельефное изображение мужчины, молящегося перед священным деревом, на котором сидит петух⁵².

Еще в XVIII веке в Древене было принято в день святого Иоанна ставить специальное «петушиное дерево». Ставили его обычно женщины, на верхушку прикрепляли мертвого петуха. В Иванов день под руководством местного старосты вокруг дерева крестьяне водили хороводы,

⁴⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1989. С. 49.

⁴⁹ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 258–259.

⁵⁰ Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878. С. 54.

⁵¹ *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. С. 105.

⁵² *Гордиенко Н.С.* Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л., 1986. С. 38.

гоняли скот, пьянствовали. В последующие дни к дереву подходил один из местных стариков, который, став на колени, проводил какие-то языческие обряды⁵³.

Ю. А. Жарнов, проанализировав случаи фиксации костей кур в языческих погребениях восточных славян-язычников, обратил внимание исследователей на тот факт, что куриные кости вместе с останками лошадей и собак фиксируются археологами в мужских, дружинных захоронениях. По мнению ученого, петух в сознании древних славян считался мужским тотемом⁵⁴.

Неслучайно воины князя Святослава, по данным Льва Диакона, приносили в жертву петухов после захоронения погибших в битве под Доростолом⁵⁵. По мнению И. К. Дуйчева, жертвенные птицы должны были стать символом будущего возрождения погибших воинов⁵⁶.

Как рецидив кремации обычай класть в могилы куриные тушки сохранился до XIX века в некоторых районах России⁵⁷. Подобный обычай был зафиксирован также в нескольких районах Чехии и Польши⁵⁸.

В селах Восточной Болгарии, вокруг Варны и Бургаса, до нашего времени

20 января (или 2 февраля) отмечают особый семейный праздник — «Петльовден». Этот день был посвящен здоровью детей, но только мальчиков, и называется мужским праздником. Центральным обрядовым действием, совершаемым на празднике, было приношение в жертву петуха (в некоторых поселениях — только черного цвета), мясо которого коллективно употребляли в пищу. Это жертвоприношение сопровождалось особым церемониалом⁵⁹.

В народных представлениях петухи как олицетворение огня имеют возможность очищать человеческое жилье и некоторые вещи от враждебных людям сил. До нашего времени дошел обычай в некоторых районах Украины и России выносить белье и одежду недавно умершего человека в курятник, чтобы петухи очистили их от нечистой силы. Хорошим средством защитить будущий дом от негативного влияния считалась у жителей Курской области и Белоруссии голова петуха, положенная в фундамент здания⁶⁰.

Таким образом, возможно, наши предки как в языческую, так и раннехристианскую эпоху почитали петуха, считая его мужским тотемом, своим зооморфным предком.

С культом предков, очевидно, вообще было связано почитание всех птиц. У восточных славян, как и у многих соседних народов, была распространена вера в то, что души умерших людей, как своих «хранителей», так и чужих «упырей», превращались в птиц. Неслучайно

⁵³ Касторский М. Начертания славянской мифологии. СПб., 1841. С. 156.

⁵⁴ Жарнов Ю. А. Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства. С. 84–85.

⁵⁵ Лев Диакон. История. С. 78.

⁵⁶ Дуйчев И. К. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1966. С. 72.

⁵⁷ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 345–346.

⁵⁸ Witczak Krzysztof Tomasz. Ze studiow nad religia praslowian. Warszawa, 1993. S. 56, 151.

⁵⁹ Дуйчев И. К. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси. С. 72.

⁶⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 315, 349.

автор «Радзивиловской» летописи изобразил мертвецов — «навьев, избивающих полочан», в виде антропоморфных демонов с крыльями и птичьим перьями⁶¹. Автор восточнославянского глосса к «Слову Иоанна Златоуста об идолах» сообщает о том, что «навьи», прилетающие к своим потомкам в поминальные дни париться в бане, оставляли на золе птичьи следы⁶².

В сознании наших предков души умерших знали то, что было скрыто от людей, и поэтому восточные славяне часто наблюдали за птицами, пытаясь предсказывать свое будущее. Митрополит Кирилл II уже в XIII веке в одном из своих произведений жаловался на то, что его паства «верует в поткы и в датля, и в вороны, и в синици когда где хочешь пойти, которая попереди поиграеть, по станешь послушающе, правая или левая, ли да еще ны поиграешь по нашей мысли то мы не себе глаголеше, добро ны потка си, добро ны кажешь, ркуще окаянныи, а когда ны будеть пойти на долгый вон путь, мы послушаемь потке»⁶³.

Впрочем, и сами христианские авторы верили в то, что птицы-предки могли предсказывать будущее. Так, автор Лаврентьевской летописи сообщает, что «знаменья бывають в небеси звездами и птицами»⁶⁴.

⁶¹ Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902. С. 97.

⁶² Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. С. 89.

⁶³ Описание рукописей Воскресенского первоклассного именуемого новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергаменте и бумаге // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 8. Вып. 2. 1859. С. 142.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. С. 162.

В Тверской летописи под 1452 годом находим: «Был поток много свиристелей, по городу стада летали велики, садились по церквям и хоромам». Далее летописец объясняет эти чудеса тем, что в недалеком будущем тверской князь Дмитрий Шемяка должен был потерпеть поражение от московского князя Василия Васильевича и отдать свой город на разграбление⁶⁵.

О птицах, предсказателях будущего, сообщается и в «Слове о полку Игореве». Так, при перечислении всех плохих примет, предшествующих поражению новгород-северского князя Игоря Святославича, упоминаются и птицы: «Уже нещастья его подстерегають птицы по дубравам»⁶⁶. Среди амулетов — подвесок, зафиксированных при раскопках древнерусских поселений и погребений IX–XII вв., довольно распространены были амулеты-ключи, украшенные изображениями птиц⁶⁷.

Верования в птицу — душу предка, прилетающую к человеку перед его смертью, долгое время сохранялись во всем восточнославянском мире. В народном сознании крик ворона или филина на крыше чьего-то дома предвещает в этом доме покойника. Птиц, случайно залетевших в окна дома, особенно воробьев, воспринимали как предвестников смерти⁶⁸.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 1962. С. 494.

⁶⁶ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800. С. 4.

⁶⁷ Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси. С. 55.

⁶⁸ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2003. С. 100.

Во время поминальных праздников еще в нач. XX в. во многих восточнославянских областях было принято рассыпать зерно на могилах или перекрестках дорог, чтобы накормить покойников — птиц⁶⁹.

В Белоруссии существовал обычай выпекать особое печенье в виде птиц, которое носило название жаворонки. Его пекла мать в день похорон своего ребенка. В Полесье до сих пор о какой-либо птице, летавшей по полю, говорили, что это «душа летит»⁷⁰.

Таким образом, у восточных славян в языческую эпоху было распространено

представление о том, что души умерших предков превращаются в птиц и могут в своем новом зооморфном обличье предсказывать будущее.

В целом же можно прийти к выводу, что в сознании восточных славян-язычников существовал широкий слой представлений о зооморфных предках — берегинях. Медведей, бобров, лошадей и птиц наши предки считали тотемами-хранителями и предками людей. Они якобы должны были защищать своих антропоморфных потомков от нечистой силы. Звери-тотемы приравнивались к сородичам, в связи с этим их мясо было запрещено употреблять в пищу.

⁶⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 357.

⁷⁰ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. С. 482.

Библиография

Источники:

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Под. редакций Я. Н. Щапова. М., 1976.

Жизнеописание Оттона Бамберзского // А. А. Котляревский. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. СПб., 1893.

Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н. И. Костомаровым. Т. 1. СПб., 1860.

Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878.

Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

Козьма Пражский. Чешская хроника. Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1989.

Лев Диакон. История. Примечания и перевод К. А. Осиповой. М., 1988.

Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. Т. 3. 1912.

Описание рукописей Воскресенского первоклассного именуемого новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергаменте и бумаге // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 8. Вып. 2. 1859.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962.

- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская и Галицко-Волынская летописи. М., 1962.
- ПСРЛ.Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 1962.
- Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902.
- Sakso Grammatikus*. Historia Danica. Havniae. Т. 1. 1839.
- Литература:**
- Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865.
- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром та Прип'яттю. Київ, 1972.
- Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. Т. 204. 2010.
- Волков С. Н., Кузина С. Е.* Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования // Социологические исследования. № 9 (305). 2009.
- Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII–XI вв. // Советская археология. № 4.1981.
- Гордиенко Н. С.* Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л., 1986.
- Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2003.
- Дубов И. В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
- Дуйчев И. К.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1966.
- Жарнов М. Э.* Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства // Советская археология. № 2. 1991.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937.
- Зоценко В. М., Тараненко В. М.* Дослідження у Києві по Ярославському пров.1/3 у 2008 році // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010.
- Иванов П.* Из области малорусских народных легенд. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии // Этнографическое обозрение. № 2. 1891.
- Касторский М.* Начертания славянской мифологии. СПб., 1841.
- Котляревский А. А.* Погребальные обычаи древних славян. СПб., 1893.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М., 2003.
- Макарий (архиепископ Харьковский)* // История русской церкви. Т. 2. СПб., 1868
- Марус Р.* Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. № 3 (41). 2003.
- Мозоль Е. В.* Сравнительный анализ культов волка и медведя в древнерусской языческой традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 63–1. 2008.

- Москаленко А. Н.* Святилище на реке Воргол // Советская археология. № 2. 1966.
- Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М., 1989.
- Седов В. В.* Следы восточнославянского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология. № 2. 1961.
- Тимошук Б. А., Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян. М., 2007.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1948.
- Тянина Е. Л.* Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Сургут, 2018.
- Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1971.
- Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
- Фрезер Д.* Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1983.
- Фрейд З.* Тотемы и табу // Зигмунд Фрейд. Я и Оно. Сочинения. М., 2002.
- Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники нижнего Поднепровья как памятники социальной истории // Советская археология. № 3. 1979
- Witczak Krzysztof Tomasz.* Ze studiow nad religia praslowian. Warszawa, 1993.
- Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris, 1912.

Сведения об авторе

Козлов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Севастопольского государственного университета. Область научных интересов: восточнославянское язычество, христианизация Руси.

E-mail: kmn_75@mail.ru.

M. N. Kozlov

TOTEMS («BEREGINI») IN THE PAGAN CONSCIOUSNESS OF THE EASTERN SLAVS

Annotation: The study presents a historical reconstruction of the beliefs and ideas of the Eastern Slavs associated with totem animals. Based on the materials of ancient Russian written sources and archeological data, the analysis of the ancient Russian pagan cults of the

bear, beaver, horse, and rooster was carried out in succession. According to the author, our ancestors saw in these animals their zoomorphic ancestors — «beregini».

Key words: totemistic cults, beliefs, ideas, «beregini», zoomorphic ancestors, guides to the afterlife.

References

Sources:

Drevnerusskie knyazheskie ustavy. [Old Russian Princely Charters of the XI–XV centuries]. Pod. redaktsiei Ya. N. Shapova, Moscow, 1976. (In Russian).

Zhizneopisaniya Ottona Bamberzskogo [Biography of Otto of Bamber] // A. A. Kotlyarevskii. Sobranie sochinenii: V 3-h t. Vol. 3. St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Zhitie Konstantina Muromskogo [Life of Konstantin Muromsky] // Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdannye N. I. Kostomarovym. Vol. 1. St. Petersburg, 1860. (In Russian).

Izvestiya Al'-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh [News of Al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs]. Vol. 1. St. Petersburg, 1878. (In Russian).

Ironicheskaya pesn' o pokhode na polovtsev udel'nogo knyazya Novgorod-Severskogo Igorya Svyatoslavicha [An ironic song about the campaign against the Polovtsy of the appanage prince of Novgorod-Seversky Igor Svyatoslavich]. Moscow, 1800. (In Russian).

Koz'ma Prazhskii. Cheshskaya khronika [Czech chronicle]. Per. G. E. Sanchuka, Moscow, 1962. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [About running an empire]. Per. S. P. Kondrat'eva. Moscow, 1989. (In Russian).

Lev Diakon. Istoriya [History]. Primechaniya i perevod K. A. Osipovoi, Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).

Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny [Materials for the History of Ancient Russian Penitent Discipline]. // Chteniya v Obshchestve Istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Imperatorskom Moskovskom universitete. 1912. Vol. 3. (In Russian).

Opisanie rukopisei Voskresenskogo pervoklassnogo imenuemogo novyi Ierusalim, monastyrya, pisannykh na pergamente i bumage [Description of the manuscripts of the first-class Resurrection called New Jerusalem, the monastery, written on parchment and paper] // Izvestiya Imperatorskoi Akademii nauk po otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. Vol. 8. Iss. 2. 1859. (In Russian).

PSRL. Vol. 1: Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopisi po Akademicheskomu spisku. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 2: Ipat'evskaya i Galicko-Volynskaya letopisi [PSRL–Vol. 2: Ipatiev and Galicia-Volyn Chronicles]. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 15: Letopisnyi sbornik imenuemyi Tverskoi letopis'yu. Moscow, 1962. (In Russian).

Fotomekhanicheskoe vosproizvedenie Radzivilovskoi (Kenigsbergskoi) letopisi [Photomechanical reproduction of the Radziwill (Konigsberg) Chronicle]. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Sakso Grammatikus. Historia Danica [Danish history]. Vol. 1. Havniae, 1839. (In German).

Researches:

Anichkov E. V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus' [Paganism and Ancient Russia]. St. Petersburg, 1914. (In Russian).

Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic Views of the Slavs on Nature]. Vol. 1. Moscow, 1865. (In Russian).

Baiburin A. K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, 1983, (In Russian).

Baran V. D. Ranni slov'yani mizh Dnistrom ta Prip'yattyu [Early Slavs between the Dniester and Pripyat]. Kiiv, 1972. (In Ukrainian).

Bibalaeva L. N. O vliyanii totemizma na religioznye predstavleniya drevnikh slavyan. [On the influence of totemism on the religious ideas of the ancient Slavs] // Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsiny im. N. E. Baumana. Vol. 204. 2010. (In Russian).

Volkov S. N., Kuzina S. E. Totemizm kak forma ezotericheskikh verovaniy i sposob sushchestvovaniya [Totemism as a form of esoteric beliefs and a way of being] // Sotsiologicheskie issledovaniya Vol. 9 (305). 2009. (In Russian).

Golubeva L. A. Konskie pogrebeniya v kurganakh Severo-Vostochnoi Rusi VIII–XI vv. [Horse burials in the mounds of North-Eastern Russia VIII–XI centuries] // Sovetskaya arkheologiya. Vol. 4. 1981. (In Russian).

Gordienko N. S. Kreshchenie Rusi: fakty protiv legend i mifov [Baptism of Rus: facts against legends and myths], Leningrad, Lenizdat Publ., 1986, 286 p. (In Russian).

Dal' V. I. O pover'yakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda [About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people], Moscow, EKSMO Publ., 2003, 733 p. (In Russian).

Dubov I. V. Novye istochniki po istorii Drevnei Rusi. [New Sources on the History of Ancient Russia]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1990, 176 p. (In Russian).

Duichev I. K. K voprosu o yazycheskikh zhertvoprinosheniyakh v Drevnei Rusi [On the issue of pagan sacrifices in ancient Russia] // Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi, Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 46–89. (In Russian).

Zharnov M. E. Zhivotnye v pogrebal'nom obryade kurganov periodov stanovleniya drevnerusskogo gosudarstva [Animals in the funeral rite of the mounds of the periods of the formation of the ancient Russian state] // Sovetskaya arkheologiya. Vol. 2. 1991. (In Russian).

Zelenin D. K. Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography], Moscow, 1991. (In Russian).

Zelenin D. K. Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeiskikh narodov [Totem trees in legends and rituals of European peoples]. Moscow- Leningrad, 1937. (In Russian).

Zotsenko V. M., Taranenko V. M. Doslidzhennya u Kievi po Yaroslavs'komu prov.1/3 u 2008 rotsi [Research in Kiev on Yaroslavsky lane 1/3 in 2008 year] // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2009 r. Kiiv, 2010. (In Ukrainian).

Ivanov P. Iz oblasti malorusskikh narodnykh legend. Materialy dlya kharakteristiki mirosozertsaniya krest'yanskogo naseleniya Kupyanskogo uезда Khar'kovskoi gubernii [From the region of Little Russian folk legends. Materials for characterizing the outlook of the peasant population of the Kupyansk district of the Kharkov province] // Etnograficheskoe obozrenie. No. 2. 1891. (In Russian).

Kastorskii M. Nachertaniya slavyanskoi mifologii [Inscriptions of Slavic mythology]. St. Petersburg, 1841. (In Russian).

Kotlyarevskii A. A. Pogrebal'nye obychai drevnikh slavyan [Funeral customs of the ancient Slavs], St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Lévi-Strauss C. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking], Moscow, 1994. (In Russian).

Levkievskaya E. E. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people]. Moscow, 2003. (In Russian).

Makarii (arkhiepiskop Khar'kovskii). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Vol. 2, St. Petersburg, 1868. (In Russian).

Marus R. Kul't medvedya u vostochnykh slavyan [The cult of the bear among the eastern Slavs] // Rossiya i ATR. No. 3(41). 2003. (In Russian).

Mozol' E. V. Sravnitel'nyi analiz kul'tov volka i medvedya v drevnerusskoi yazycheskoi traditsii [Comparative analysis of the cults of the wolf and bear in the ancient Russian pagan tradition] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. No. 63–1. 2008. (In Russian).

Moskalenko A. N. Svyatilishche na reke Vorgol [Sanctuary on the Vorgol River] // Sovetskaya arkheologiya. No. 2. 1966. (In Russian).

Prikhodnyuk O. M. Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprova VI–IX st. n. e. [Archaeological sites of the Middle Dnieper region of the VI–IX centuries], Kiiv, 1980. (In Ukrainian).

Rybakov B. A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, 1987. (In Russian).

Ryabinin E. A. Yazycheskie priveski-amulety Drevnei Rusi [Pagan pendants-amulets of Ancient Russia] // Drevnosti slavyan i Rusi. Moscow, 1988. (In Russian).

Sakharov I. P. Skazaniya russkogo naroda [Tales of the Russian People], Moscow, 1989. (In Russian).

Sedov V. V. Sledy vostochnoslavyanskogo pogrebal'nogo obryada v kurganakh drevnei Rusi [Traces of the East Slavic burial rite in the mounds of ancient Russia] // Sovetskaya arkheologiya. No. 2. 1961. (In Russian).

Timoshchuk B. A., Rusanova I. P. Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan sanctuaries of the Eastern Slavs]. Moscow, 2007. (In Russian).

Tret'yakov P. N. Vostochnoslavyanskije plemena [East Slavic Tribes], Moscow, 1948. (In Russian).

Tyanina E. L. Medvezhii kul't v srednevekovom Novgorode v kontekste religioznogo pochitaniya medvedya v severnoi Evrazii [Bear Cult in Medieval Novgorod in the Context of the Religious Veneration of the Bear in Northern Eurasia] // Arkheologiya severa Rossii:

Yugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovaniy, Surgut, 2018. (In Russian).

Fasmer Maks. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language], Vol. 2. Moscow, 1971. (In Russian).

Fedorov G. B. Slavyane Podnestrov'ya [Slavs of the Dniester] // Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus', Moscow, Nauka Publ., 1953, pp. 121–154 (In Russian).

Frezer D. Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii [The golden bough. Studies in magic and religion]. Moscow, 1983. (In Russian).

Freud S. Totemy i tabu [Totems and taboos] // Sigmund Freud. Ya i Ono. Sochineniya, Moscow, 2002. (In Russian).

Khlobystina M. D. Drevneishie mogil'niki nizhnego Podneprov'ya kak pamyatniki sotsial'noi istorii [The oldest burial grounds of the lower Dnieper region as monuments of social history] // Sovetskaya arkheologiya. No. 3. 1979. (In Russian).

Witczak Krzyszof Tomasz. Ze studiow nad religia praslowian [From the history of the study of the religion of the Slavs], Warszawa, 1993. (In Polish).

Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse [Elementary forms of religious life], Paris, 1912. (In French).

About the author

Kozlov Mikhail N., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Sevastopol State University, Sevastopol (Russia).

E-mail: kmn_75@mail.ru

ЧАС ТА ОБСТАВИНИ КАНОНІЗАЦІЇ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Анотація: Стаття присвячена дискусійному й водночас малодослідженому питанню часу канонізації київської княгині Ольги. На основі сукупності текстів XI ст. у статті пропонується висновок, що початки церковного пошанування Ольги відносяться до часів правління Володимира Великого. Однак, цілісне вироблення церковного культу відбулося в часи правління в Києві Ярослава Мудрого. Очевидно, образ Ольги замінив образ Анни Порфирородної і на перших порах розвивався як парний культ, у парі з її онуком – Володимиром Великим. Лише з XIII ст. культ княгині Ольги виокремлюється в самостійний.

Ключові слова: княгиня Ольга, києво-руська культура, канонізація.

Княгиня Ольга, безперечно, належить до найзагадковіших і найпривабливіших постатей східноєвропейського середньовіччя. Вона здавна звертала і привертає до себе увагу дослідників, однак більшість питань її біографії та образу в східнохристиянській культурі, попри численну історіографію, так і залишаються дискусійними.

Безпосередньо питання часу та обставин канонізації княгині Ольги порушили у своїх працях А. Лаушкін, О. Лосєва

та Н. Верещагіна. Так, А. Лаушкін відмічає, що “безсумнівні ознаки” церковного прославлення Ольги як і Володимира фіксуються лише з XIV ст.¹ Г. Подскальськи, Н. Верещагіна та В. Ричка відносять початок становлення культу Ольги до часу правління Володимира, тим самим говорять про княгиню як першу у пантеоні власне київських святих². Що ж до часу церковної канонізації, дослідники відносять її загалом на XIII ст.³, зокрема Г. Федотов датує домонгольським часом⁴, Дж. Феннел більш точно – 1284 роком⁵, натомість Є. Джиджора зазначає,

¹ *Лаушкін А. В.* К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб., 2014. Т. 63. С. 45.

² *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Изд-е второе, исправленное и дополненное для русского перевода; перев. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 27; *Верещагина Н.* Христианские культы и реликвии древнего Киева (конец X – первая треть XIII в.): монография / Науч. ред. Н. Н. Никитенко. Одесса, 2019. С. 420; *Ричка В.* Княгиня Ольга. Київ, 2004. С. 206.

³ *Ричка В.* Княгиня Ольга. С. 217.

⁴ *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Комментар. С. С. Бычкова. М., 1990. С. 91.

⁵ *Fennel J.* When Was Olga Canonized? // Christianity and the Eastern Slavs. Berkley, 1993. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. by B. Gasparov, O. Rayevsky-Hughes. P. 77–82.

що “достеменно не відомо, коли саме було прославлено видатну київську правительку”⁶.

Причислення Ольги до лику святих датують, як правило, відштовхуючись від часу появи імені княгині в Місяцесловах⁷. Однак, внесення святого в Місяцеслов не було обов’язковим. Наприклад, у фресковому розписі Софії Київської маємо іконографічні зображення свв. Поліхронії, Харлампія та Ефіопа, імена яких не збереглися у руських місяцесловах⁸. Однак, вже тексти XI ст. — “Повість временних літ” та “Похвала князю Володимирі” називають Ольгу блаженною. Для перших же століть християнства в киеворуській культурі ‘блаженство’, ‘благовірність’ і ‘святість’ явно не розрізняли, ці поняття були синонімічними⁹. Тому появу

житійної літератури про Ольгу І. Срезневський відносив до 1078 р.¹⁰

Для релігійної свідомості неофітів доби Середньовіччя факту хрещення було цілком достатньо для спасіння, для здобуття життя вічного, набуття нової, позаземної сутності, що власне і визначає святість. Так, охрестивши Ольгу, патріарх промовляє до неї словами: “Чадо вѣрное . въ Христа крѣстилася еси и въ Христа облечеся . и Христось съхранить тя . якож съхрани Єноха в пѣрвыя роды”¹¹. Княгиня Ольга є першою достеменно відомою київською княгинею, що охрестилася і залишилася вірною християнству до кінця земного життя, заповівши поховати себе за християнським обрядом: “и бѣ заповѣдала Ѡлга . не творити трызны над собою . бѣ бо имущи прозвутера . и тѣ похорони бл[а]жену Ѡлгу”¹².

Де саме була похована Ольга – не відомо. На думку Г. Сапожникової, Ольгу поховали у збудованій нею церкві св. Миколи на Аскольдовій могилі¹³, що мало ймовірно, адже ця церква на сьогодні “існує” лише у пізньосередньовічних текстах. Н. Верещагіна припускає, що княгиня була похована десь на території князівської резиденції¹⁴. Припущення вірогідне, якщо припустити, що саме на

⁶ Джиджора С. 1) Перші гімнографічні твори Київської Русі // Джиджора Е. В. Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: сборник научных работ / Науч. ред. А. В. Александров. Одесса, 2012. С. 106; 2) Особливості символізації образів святих князів у киеворуській гімнографії // Джиджора Е. В. Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: сборник научных работ / Науч. ред. А. В. Александров. Одесса, 2012. С. 124.

⁷ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV века. М., 2009. С. 146–154.

⁸ Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В. Уславлення родини Володимира Великого у фресках княжих хорів Софії Київської // Из Киева по всей Руси: збірник матеріалів наукової богословсько-історичної конференції, присвяченої 1025-літтю Хрещення Київської Русі-України / [Під ред. архієп. Переяслав-Хмельницького і Бориспільського Епіфанія (Думенка) та прот. Віталія Клоса]. Київ, 2013. С. 157.

⁹ Гайдєнко П. И. Когда князь становится святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. СПб., 2020. Вып. 1 (12): Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России. С. 83.

¹⁰ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): общее повременное обозрение. СПб., 1872. С. 18.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далі – ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись / 2-е изд. М., 2001. Стб. 50.

¹² Там же. Стб. 55–56.

¹³ Сапожникова Г., Андрусів Ю. Святі землі української. – Вид. 2-е, випр. Львів, 2018. С. 46.

¹⁴ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 420.

території резиденції вже був християнський храм. Вірогідніше, Ольга була похована при єдиному відомій тогочасній церкві св. Іллі в Києві.

Упродовж 991–996 рр. Володимир Великий будує в Києві Десятинну церкву св. Богородиці. За аналогією до константинопольської церкви св. Апостолів, Десятинна мала стати храмом-усипальнею київських князів¹⁵. Першим актом поховання/перепоховання в Десятинній церкві і стало перенесення туди останків княгині Ольги Володимиром Великим. Проложне житіє Ольги, що оповідає про цю подію, не вказує дати, натомість низка дослідників¹⁶ вбачає перенесення останків княгині у літописному повідомленні під 1007 р.: “Принесени с[в]ятии въ с[в]ятую Б[огороди]цю”¹⁷. Є. Голубінський відмічав, що перенесенням останків княгині Ольги в Десятинну церкву, Володимир робив крок до її майбутньої канонізації¹⁸. Відтак, на думку Н. Верещагіної, перепоховання Ольги “стало першою церемонією перенесення мощей власних київських святих”¹⁹.

¹⁵ Гордієнко Д. С. Десятинна церква в киеворуській культурі // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции “Церковная археология: Херсонес – город святого Климента” (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. ЯШАЕВА. Севастополь, 2013. С. 131.

¹⁶ Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 420–421; Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский. История русской церкви. СПб., 1868. Т. 1. С. 86–87; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 22; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 63–64.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 114.

¹⁸ Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 56. Прим. 1.

¹⁹ Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 421.

Хрещення Ольги в Константинополі²⁰, безумовно, було високо оцінено в Києві, незважаючи на те, що суспільство погано розуміло змісти християнської віри. Як зазначав Г. Подскальськи, київська княгиня своїм хрещенням у Константинополі чітко продемонструвала християнському світу свою духовну спорідненість з імператорською родиною²¹. Ольга здобула велику честь від базилевса Візантії і цього було достатньо, щоб в очах оточення її образ ще більше набув надприродних рис.

Однак, і для поган-русів Ольга, як княгиня, мала сакральний вимір. Насамперед, для середньовічного суспільства ім’я мало сакральний вимір. У скандинавській, поганській традиції ім’я Helga – означало ‘віща’, ‘свята’, цей образ підкріплювався і християнським іменем ‘Олена’, що добре усвідомлював книжник XI ст., який зазначив, що у хрещенні “бѣ же имя еи наречено въ крещении Олена . яко же и древняя цар[и]ца . мати Костянтина”²². Як відомо, прирівнювання до Константина Великого та його матері Олени було одним з базових елементів легітимізації влади в середньовічній Європі, зокрема в династіях Володимировичів та Оттонів. Однак, образ Ольги показує унікальність киеворуської традиції, де ця паралель у цілості не була засвоєна, принаймні на перших порах.

²⁰ Принаймні щодо місця хрещення Ольги, дискусію вважаю безпідставною, позаяк абсолютно всі джерела, без жодного винятку, називають місцем хрещення київської княгині Константинополь: Гордієнко Д. С. Княгиня Ольга: дискусія навколо хрещення // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Збірка статей на пошану д. іст. наук, проф. Н. М. Нікітенко / Від. ред. д. іст. наук, проф., чл.-кор. НАН України П. С. Сохань; упоряд. Д. Гордієнко, В. Корнієнко. Київ, 2011. С. 31, 36, 38.

²¹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). С. 344.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 50.

Н. Верещагіна звернула увагу, що ніде в ранніх києворуських текстах Ольга не фігурує як “друга Олена” і жодного разу не названа “рівноапостольною”. Натомість у текстах XII–XIII ст. та південнослов’янських пам’ятках XIII – початку XIV ст. ця паралель проводиться і Ольга послідовно прославляється як “нова Олена”²³. Водночас Володимир прославляється як рівноапостольний і “новий Константин” уже в “Слові про закон і благодать” митрополита Іларіона Київського²⁴.

Проте, в неповному, “половинному” за своєю зазначеного культу на Русі можна вбачати і вплив візантійської ієрархії, адже Візантія ревно оберігала присвоєння варварами “політичної пари” Константина та Олени. З іншого боку, очевидно, на перших порах як рівноапостольна пара Володимирі прославлялась цариця Анна Порфирородна²⁵. Цариця померла в 1011 р. і була похована в саркофазі в Десятинній церкві, згодом, за літописом, 1015 р. поруч був похований Володимир²⁶: “Розміщення саркофагів у центрі храму, очевидно, було передбачено самим Володимиром при похованні Анни й

ініціювало пошанування княгині як святої одразу після її смерті”²⁷.

Поява імені Ольги в “Слові про закон і благодать” Іларіона є дискусійним питанням. У тексті другої половини XV ст. Ольга і Володимир прославляються разом як рівноапостольні: “Ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру”²⁸. Проте в іншій редакції XV–XVI ст., що походить, як вважається, від більш давнього списку, взагалі ім’я Ольги не згадується²⁹. Низка дослідників, зокрема Н. Нікітенко³⁰ та Н. Верещагіна³¹, вважають, що ім’я княгині було вписано в текст пізніше. Якщо це так, є підстави вважати, що твір Іларіона був написаний у часі, близькому до Володимира, за життя якого здійснювалась глорифікація княжого подружжя – хрестителів Русі, що, за концепцією Н. Нікітенко, відображено і в стінописі Софії Київської³². Припускається, що за життя Володимира була складена повість про хрещення князя, яка включала похвалу йому та його порфирородній дружині Анні³³. Таким чином, слідом за Н. Нікітенко³⁴, першу редакцію

²³ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 423, 430. Пор.: Джиджора С. Перші гімнографічні твори... С. 108; Джиджора С. Особливості символізації образів святих... С. 123, 125; Нікітенко Н. Образи княжеской четы крестителей Руси в стенописи Софии Киевской: к проблеме канонизации Владимира // 1020-ліття хрещення Руси-України – із Києва по всій Русі: Збірник матер. наук.-практ. конф. 21 жовтня 2008 року, КПБА, м. Київ. Київ, 2008. С. 279.

²⁴ Молдаван А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. С. 88–94.

²⁵ Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В. Уславлення родини Володимира Великого у фресках княжих хорів Софії Київської. С. 152–168.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 114, 115.

²⁷ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 435.

²⁸ Там же. С. 48.

²⁹ Там же. С. 20, 155.

³⁰ Нікітенко Н. Образи княжеской четы... С. 279.

³¹ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 425.

³² Нікітенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 2004. С. 353 та ін.

³³ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 432.

³⁴ Нікітенко Н. Н. Русь и Византия... С. 293–295, 297.

твору Іларіона можна датувати 1022 р. Не виключено, що й друга редакція – зі згадкою княгині Ольги – була створена з часом самим же Іларіоном.

П. Гайденко слушно відмічає, що почитанню князів сприяв факт співвідношення їхнього служіння царському і божественному, тому вже “в силу свого становища князь міг в очах книжника володіти сакральною силою ще за життя”³⁵. Уславлення роду Володимира Великого чітко прослідковується у фресковому розписі Софії Київської³⁶. Однак, надприродне, сакральне розуміння влади притаманне й поганським релігіям. Божественне походження владних родів, зафіксоване на всьому просторі Європи, зумовлювало й надприродні можливості представників влади, а також їхню систему прав, що відобразилось зокрема і в “Слові про закон і благодать” Іларіона у вживанні терміна ‘каган’ до київського князя³⁷. Тому для Володимира святість Ольги визначалась й належністю до одного роду, до його предків, що послідовно підкреслюється в літописі³⁸. Очевидно, саме з цього мотиву Ярослав Мудрий в 1044 р. переніс останки своїх стриїв Олега та Ярополка у Десятинну церкву, попередньо їх охрестивши³⁹. Абсолютно неканонічний обряд хрещення останків був потрібний

для дотримання зовнішньої форми, адже вони належали до роду Ярослава і тим самим визнавались “божественними”. Якщо під святістю розуміти зв’язок між земним і Таєною божественності, потусторонньою Реальністю, підвищення над земною реальністю⁴⁰, то образ святості християнської і поганської багато в чому подібний, що, безумовно, сприяло сприйняттю святості “межових” історичних постатей, насамперед Ольги та Володимира, у просторі киеворуської культури.

Тому для середньовічного книжника було цілком природно зобразити в житійній літературі з усіма деталями криваві й жорстокі помсти княгині Ольги над древлянами. Княгиня не просто чинить помсту – вона демонструє надприродні властивості, і, як жінка, перемагає древлян своєю мудрістю⁴¹. У концепті “мудрості” християнство й поганство знайшли точки дотику. ‘Мудрість’ була однією з базових категорій влади у Візантії⁴², очевидно і на Русі. Яків Мніх робить особливий наголос на мудрості княгині, яка “не вѣдѣ тѣломъ жена сущи, мужеску мудрость имѣючи”⁴³. Подібно літописець прирівнює подорож Ольги в Константинополь до подорожі цариці Савської до Соломона в Єрусалим. Таким чином, прийнявши

³⁵ Гайденко П. И. Когда князь становится святым?... С. 84, 87.

³⁶ Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В. Уславлення родини Володимира Великого у фресках княжих хорів Софії Київської. С. 152–169.

³⁷ Див.: Гордієнко Д. Сакралізація влади в “Слові про закон і благодать” Іларіона // Філософські ідеї в культурі Київської Русі. Збірник наукових праць. Вип. 3. 2010. С. 151–166.

³⁸ Наприклад, ПСРЛ. Т. 2. Стб. 94

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 143.

⁴⁰ Мень А. Возвращение к истокам // Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Комментар. С. С. Бычкова. М., 1990. С. 20–21.

⁴¹ Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. – 2-е изд. М., 2012. С. 102.

⁴² Гордієнко Д. С. “Мудрість” у системі чеснот візантійського імператора // Філософські ідеї в культурі Київської Русі. Збірник наукових праць. Вип. 8. 2016. С. 35–45.

⁴³ Зимин А. А. Память и Похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. 1963. С. 69.

Христа, Ольга й знаходить істинну мудрість, якою є Христос-Премудрість⁴⁴.

У помстах княгині Ольги дослідники вбачали й охоронний, захисний момент. Так, у першій помсті княгиня уберегла Київ від осквернення свого, сакрального простору ногами чужинців, скинувши древлянське посольство в яму прямо з човна, не давши їм навіть зійти на київську землю; під час другої помсти княгиня “очистила” сакральний простір Києва спаленням древлянських послів у лазні⁴⁵. Відтак, у київському соціумі XI ст., все ще сповненому поганських уявлень і смислів, Ольга могла сприйматись і як заступниця, що корелювало її образ з християнським уявленням про Богородицю-Заступницю. Космічною постаттю зображується Ольга і в спаленні за допомогою птахів Іскоростеня⁴⁶. Птахи у багатьох релігіях (зокрема у християнстві) часто виступають посередниками між земним і Небесним, тим самим Ольга демонструє свою владу над своєрідним “мезокосмосом”, що мало сприяти сакральному, надземному сприйняттю постаті княгині київськими книжниками. І лише з часом помсти Ольги втрачають первісний смисл і набувають сюжету контрасту поганського і християнського життя княгині, як то інколи подається в історіографії⁴⁷.

В основу опрацювання культу Ольги в києворуській культурі був покладений факт перенесення останків княгині в Десятинну церкву, що в уявленні книжників,

супроводжувалося проявленням чуда і фактом нетлінності останків. Прояви чудес і є головною підставою для канонізації святого⁴⁸. Яків Мніх у “Пам’яті і похвалі Володимиру”, пишучи про нетлінність останків: “И есть гробъ блаженя Олгы и наверху гроба оконче створено и туда видити тѣло блаженя Олгы лежаще цѣло. Да иже с вѣрою придетъ, отворится оконче и видить честное тѣло, лежаще цѣло и дився чюду такому, толико лѣтъ въ гробѣ лежащю тѣлу не разрушимуся”⁴⁹, ставить нетлінність у залежність від чуда. Факт нетлінності не є сам по собі, він відкривається лише як чудо, що й має свідчити про святість княгині.

Водночас перенесення останків однозначно супроводжувалося встановленням церквою дня упокоєння княгині – як дня її пошанування. На думку А. Лаушкіна, на день кончини Ольги 11 липня в Києві відправлялись панихиди. Розвиваючи свою концепцію, дослідник припускає приурочення до дня пам’яті Ольги закладення Успенського собору Києво-Печерського монастиря (1077 р.) та укладення миру між Ярославичами та Всеславом Брячиславичем (1067 р.)⁵⁰.

Таким чином при Десятинній церкві мав бути опрацьований і перший житійний текст Ольги, що ліг в основу проложного житія⁵¹. До літописного періоду відносив

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 50–51.

⁴⁵ Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 93–95; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.-СПб., 1995. С. 65–66.

⁴⁶ Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 106–107.

⁴⁷ Там же. С. 98–99.

⁴⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 37.

⁴⁹ Зимин А. А. Память и Похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку. С. 69.

⁵⁰ Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время. С. 50–51.

⁵¹ Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 42; Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский. История русской церкви. Т. 1. С. 85–88; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 468–469.

появу житійної “Повісті про хрещення і кончину княгині Ольги” О. Шахматов⁵². Ця повість, якщо дійсно існувала, могла бути створена винятково при скрипторії Десятинної церкви⁵³.

Таким чином, є підстави віднести вже до першої половини XI ст. створення першої редакції Служби княгині Ользі⁵⁴, авторство якої найімовірніше належить освіченому греку⁵⁵. У цьому плані заслуговує на увагу думка Ш. Гріффіна, згідно якої, Ольга-християнка – це “літературний персонаж, створений із пісень, молитов і літургічних читань”⁵⁶. На думку дослідника, у Похвалі Ользі, записаному в Літописі під 969 роком, княгиня “була введена у сонм усіх святих і одночасно представлена як предтеча християнства (різдво св. Йонна Предтечі), просвітитель (св. Йоанн Златоуст), захисник істинної віри (Торжество православ’я) і свята цариця-мати (свято свв. Константина та Олени)”. Таким чином, “оспівуючи княгиню словами із

розглянутих богослужбових читань, книжки чітко заявили про її місце в історії Русі. В їхніх очах Ольга була святою і заслуговувала похвали з використанням тих самих фраз і тих самих маркерів літургічного престижу, які використовувались під час святкового поминання її попередників”⁵⁷.

Однак відсутність образу княгині в розписі Софії Київської, зокрема світського циклу⁵⁸, дає підстави вважати, що книжне, церковне пошанування почало розроблятися не раніше часу правління Ярослава Мудрого. Н. Нікітенко таким вододілом пошанування Анни та Ольги кладе 1043 р. – останній похід русі на Царгород, після поразки в якому Візантія змусила Ярослава відмовитись від династичних посягань на константинопольський трон⁵⁹. Подібно А. Поппе⁶⁰ та О. Назаренко⁶¹ відмічають “зумисне замовчування” Анни з часів

⁵² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 113–116.

⁵³ А. Насонов також припускав, що спершу Житіє Ольги розроблялось при Десятинній церкві, а з побудовою Софії Київської було розвинене при софійському скрипторії: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. С. 23.

⁵⁴ Кирилла мниха канон и стихирь на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 82. № 4. СПб., 1907.

⁵⁵ Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 424; Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукоп. певч. кн. XI–XIX вв. “Сихирарь месячный”. СПб., 1994. С. 62–63; Осокина Е. А. Древнейшие тексты, посвященные святой княгине Ольге // Вестник РГНФ. № 3. 2000. С. 177–178.

⁵⁶ Гриффин Ш. “Аки деньца предь слнцемь”: литургический образ княгини Ольги в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2020. С. 101.

⁵⁷ Там же. С. 107.

⁵⁸ Спроби С. Висоцького (Высоцкий С. А. 1) Живопись башен Софийского собора в Киеве // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 234–264; 2) Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 113–211, та низка інших), підтримані деякими вченими (наприклад, Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 185) пов’язати два сюжети розписів сходових веж Софійського собору з княгинею Ольгою на сьогодні є історіографічним казусом, коли в одному випадку за Ольгу прийнято візантійського євнуха, а в другому – Анну Порфирородну (Никитенко Н. Н. Русь и Византия... С. 120, 174). Припущення Д. Айналова, М. Смірнова та інших дослідників щодо можливості зображення княгині Ольги на втрачених фресках Софії Київської так і залишаються припущеннями.

⁵⁹ Нікітенко Н. М. Остання русько-візантійська війна 1043 р.: причини і наслідки // Наукові записки НаУКМА. Т. 9: Спеціальний випуск. Ч. 1. 1999. С. 133.

⁶⁰ Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб.- Новгород, 1997. С. 115–116.

⁶¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 449.

Ярослава. Таким чином, можна погодитись, що з часом ім'я Анни було замінено іменем Ольги⁶², думаю, вже за правління Ярослава Мудрого. Як наслідок, “заслуги княгині Анни були переадресовані княгині Ользі, що зайняла місце Анни в традиційному для християнської культури парному пошануванні вінценосних хрестителів новонавернених народів”⁶³.

У цьому контексті заслуговує на увагу думка О. Сирцової, згідно якої, літописна “Повість про хрещення княгині Ольги” була створена в часи правління Ярослава Мудрого. Точніше, дослідниця відносить час написання *Повісті* до часу спорудження Софії Київської, наголошуючи, що саме на початку XI ст. “у колі київських книжників розвинувся великий інтерес до образу царя Соломона, вважаючи на його взірцеву для Ярослава роль у будівництві Єрусалимського храму (III книга Царств, 6; Книга Параліпом, 3), а також на пов'язану з ним біблійну тему Софії-Премудрості”⁶⁴. Навіть якщо собор був збудований Володимиром⁶⁵, у києво-руській культурі тема ‘мудрості’ розвивалась, очевидно, в часи Ярослава, що чітко акцентовано в статті 1037 р. про заснування бібліотеки при Софійському соборі в Києві: “бо полза бывает человеку от оучения книжнаго . книгами бо кажеми и

оучим есми пути покаянию и мудрость бо обрѣтаемъ”⁶⁶. Відтак О. Сирцова припускає, що автором “Повісті про хрещення княгині Ольги” та пасажу про заснування Софійської бібліотеки був не хто інший, як Ярослав Мудрий⁶⁷.

З часу правління Ярослава, себто по смерті Володимира Великого, культ Володимира та Ольги починає розроблятися як парний, що загалом характерно для східнохристиянської тогочасної культури. Цьому сприяв вироблений образ Ольги як “предтечі” Володимира, і надалі її святість буде визначатися насамперед через прийняття онуком християнства та хрещення держави. І лише з XIII ст. Ольга здобуває власне, самостійне пошанування, що відобразилось і в створенні окремої житійної літератури, присвяченої княгині Ользі⁶⁸.

Таким чином, чин княгині Ольги, як предтечі хрестителя Русі князя Володимира⁶⁹: “Си бысть предътекущая хрестьяньской земли”⁷⁰, присутній як у середньовічній, так і ранньомодерній агіографії княгині. У цьому контексті Ш. Гріффін вбачає текстуальне запозичення з Богородичних гімнів: “Ольга – «благословенна в руських жонах», позаяк вона – предок князя Володимира, який навертає Русь у християнство.

⁶² Никитенко Н. Образы княжеской четы... С. 279; Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 436.

⁶³ Никитенко Н. Образы княжеской четы... С. 279; Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 436.

⁶⁴ Сирцова О. Повість про хрещення княгині Ольги в культурі Русі XI ст. // Київська старовина. № 1/2. 1997. С. 160.

⁶⁵ Обґрунтування цієї концепції див.: Никитенко Н. Н. Русь и Византия...

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 140.

⁶⁷ Сирцова О. ВО. Повість про хрещення княгині Ольги в культурі Русі XI ст. С. 161.

⁶⁸ Гриценко З. А. Агиографические произведения о княгине Ольге // Литература Древней Руси: Сб. научных трудов. М., 1981. С. 35.

⁶⁹ Мюллер Л. Рассказ “Повести временных лет” 955 г. о крещении Ольги // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова. Авториз. пер. с нем. М., 2000. С. 54.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 56; Див також: ПСРЛ. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908. С. 5.

«Радуйся, Маріє» передає те саме поняття. Діва «благословенна серед жінок», тому що вона «народила спасителя наших душ»⁷¹, фактично ж, Ольга – це “слов’янська Марія”⁷². Відтак, і в історіографії у контексті поширення християнства на киеворуських землях найбільшою заслугою Ольги визнається факт особистого хрещення княгині, першого випадку правительки християнки в історії Київської Русі⁷³. Яків Мніх розширює сакральний список добродіянь Ольги і приписує княгині, подібно до св. Олени, принесення в Київ Чесного Хреста із Константинополя – нового Єрусалима: “възвратися в землю Рускую, в домъ свои къ людемъ своимъ съ радостию великою, освѣщена духомъ и тѣлом, несущи знамение Честнаго Креста”⁷⁴. Кирило Турівський додає й такі епітети, як “праматір князів руських” та “богомудра”⁷⁵. Очевидно, ці епітети прикладались до княгині й раніше.

Цій же меті – “охристиянення” святості мали слугувати й “додаткові повідомлення” Проложного житія, найвірогідніше додані пізніше. Факту власного хрещення вже не вистачало, тому в текст житія були додані епізоди боротьби Ольги з поганством, коли вона знищувала ідолів та руйнувала капища. Як наслідок, у ранньомодерній традиції особисте Ольжине

хрещення вже мислилось як хрещення державне⁷⁶.

Очевидно, Н. Верещагіна права, що подібно до Володимира, жодного акту канонізації Ольги не було⁷⁷. З цього приводу Г. Федотов відмічав, що “на Русі, як, проте, і в усьому християнському світі, народне пошанування зазвичай (хоча і не завжди) передує церковній канонізації”⁷⁸. Водночас “вузько місцеві форми церковної канонізації часто наближаються до народної, позаяк встановлюються інколи без належного дозволу церковної влади”⁷⁸. Таким чином, церковне пошанування княгині Ольги розвинулось з традиції її місцевого, руського, більш вузько – київського пошанування. Отже, і внесення імені княгині в Місяцеслови відбулось не з акту церковної канонізації, а за правом традиції.

Попри те, що культ Ольги виник і розвивався в Києві, формально немає підстав вважати пошанування княгині місцевим – київським культом, адже на той час церква не розділяла місцеве та загальноцерковне прославлення святого: “Ступінь пошанування святого визначався не тим, на якому рівні проголошувалось про його святість, а численними іншими обставинами: особистою «популярністю» святого...; політичним і канонічним впливом його пошанувачів, що докладали зусилля у справі прославлення свого Небесного покровителя; політичними, морально-етичними і канонічними потребами християнського соціуму, що просив церкву

⁷¹ Гриффин Ш. “Аки деньица предъ слнцемъ”: литургический образ княгини Ольги в Повести временных лет. С. 102.

⁷² Там же. С. 104.

⁷³ Сапожникова Г., Андрусів Ю. Святі землі української. С. 43; Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева (конец X – первая треть XIII в.): монография. С. 422; Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 5.

⁷⁴ Зимин А. А. Память и Похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку. С. 69.

⁷⁵ Див.: Кирилла мниха канон... С. 88–94.

⁷⁶ Сінкевич Н. “Патерикон” Сильвестра Косова: переклад та дослідження пам’ятки. Київ, 2014. С. 267.

⁷⁷ Верещагіна Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева... С. 421.

⁷⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 34.

про прославлення подвижника; інтересами священної та політичної ієрархії тощо”⁷⁹.

Таким чином, становлення культу св. княгині Ольги можна впевнено віднести до часів правління князя Володимира Великого, однак початок літературного та церковного його опрацювання датується, найвірогідніше, лише часами правління в Києві Ярослава Мудрого. На XII ст. можна відмітити поширення культу Ольги на всьому просторі Київської митрополії, тоді ж з’являється ім’я ‘Ольга’ і в князівському іменослові – так звали, наприклад, доньок Василька Володаровича та Юрія Долгорукого⁸⁰.

⁷⁹ Гайденок П. И. Когда князь становится святым?... С. 89.

⁸⁰ Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква: Вид. О. В. Пшонківський, 2006. С. 292, 547; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 177, 178 та ін.

Упродовж перших століть культ Ольги розвивається як парний з пошануванням її онука – Володимира Великого, і лише з XIII ст. стає самостійним, хоча на практиці й далі культу Володимира та Ольги поєднуються. Водночас немає достатніх підстав для визначення часу офіційної, церковної канонізації княгині, очевидно його й не було. Залишається дискусійним і час становлення та розвитку іконографії княгині, в якій українська та російська традиції, на відміну від іконографії Володимира, абсолютно різні. Тим самим історія зі становлення культу Ольги проливає світло і на ранню історію формування з усіма особливостями богослужбової практики Київської Церкви та глибину й шляхи засвоєння християнського віровчення в середньовічному просторі Східної Європи, зокрема в колі правлячої та культурної еліти Київської Русі.

Бібліографія

Література та джерела:

Верещагина Н. Христианские культы и реликвии древнего Киева (конец X – первая треть XIII в.): монография / Науч. ред. Н. Н. Никитенко. Одесса 2019.

Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.

Высоцкий С. А. Живопись башен Софийского собора в Киеве // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989.

Гайденок П. И. Когда князь становится святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. Вып. 1 (12): Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России. СПб., 2020.

Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.

Гордієнко Д. С. “Мудрість” у системі чеснот візантійського імператора // Філософські ідеї в культурі Київської Русі. Збірник наукових праць. Вип. 8. 2016.

Гордієнко Д. Сакралізація влади в “Слові про закон і благодать” Іларіона // Філософські ідеї в культурі Київської Русі. Збірник наукових праць. Вип. 3. 2010.

Гордієнко Д. С. Десятинна церква в киеворуській культурі // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции “Церковная археология: Херсонес – город святого Климента” (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. ЯШАЕВА. Севастополь, 2013.

Гордієнко Д. С. Княгиня Ольга: дискусія навколо хрещення // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Збірка статей на пошану д. іст. наук, проф. Н. М. Нікітенко / Від. ред. д. іст. наук, проф., чл.-кор. НАН України П. С. Сохань; упоряд. Д. Гордієнко, В. Корнієнко. Київ, 2011.

Гриффин Ш. “Аки деньица предь слнцемь”: литургический образ княгини Ольги в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2020.

Гриценко З. А. Агиографические произведения о княгине Ольге // Литература Древней Руси: Сб. научных трудов. М., 1981.

Джиджора Є. Особливості символізації образів святих князів у киеворуській гімнографії // *Джиджора Е. В.* Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: сборник научных работ / Науч. ред. А. В. Александров. Одесса, 2012.

Джиджора Є. Перші гімнографічні твори Київської Русі // *Джиджора Е. В.* Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: сборник научных работ / Науч. ред. А. В. Александров. Одесса, 2012.

Зимин А. А. Память и Похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. 1963.

Карпов А. Ю. Княгиня Ольга / 2-е изд. М., 2012.

Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 82, № 4. СПб., 1907.

Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Н. В. Поньрко. Т. 63. СПб., 2014.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV века. М., 2009.

Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский. История русской церкви. Т. 1. СПб., 1868.

Мень А. Возвращение к истокам // *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Комментар. С. С. Бычкова. М., 1990.

Молдаван А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.

Мюллер Л. Рассказ “Повести временных лет” 955 г. о крещении Ольги // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова. Авториз. пер. с нем. М., 2000.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.

Никитенко Н. Образы княжеской четы крестителей Руси в стенописи Софии Киевской: к проблеме канонизации Владимира // 1020-ліття хрещення Руси-України – із Києва по всій Русі: Збірник матер. наук.-практ. конф. 21 жовтня 2008 року, КПБА, м. Київ. Київ, 2008.

Никитенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 2004.

Нікітенко Н. М. Остання русько-візантійська війна 1043 р.: причини і наслідки // Наукові записки НаУКМА. Т. 9: Спеціальний випуск. Ч. 1. 1999.

Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В. Уславлення родини Володимира Великого у фресках княжих хорів Софії Київської // Із Києва по всій Русі: збірник матеріалів наукової богословсько-історичної конференції, присвяченої 1025-літтю Хрещення Київської Руси-України / [Під ред. архієп. Переяслав-Хмельницького і Бориспільського Епіфанія (Думенка) та прот. Віталія Клоса]. Київ, 2013.

Осокина Е. А. Древнейшие тексты, посвященные святой княгине Ольге // Вестник РГНФ. № 3. 2000.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Изд-е второе, исправленное и дополненное для русского перевода; перев. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Аментьева. СПб., 1996.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / 2-е изд. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. Ч. 1.

Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб. - Новгород, 1997.

Ричка В. Княгиня Ольга. Київ, 2004.

Сапожникова Г., Андрусів Ю. Святі землі української / Вид. 2-е, випр. Львів, 2018.

Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукоп. певч. кн. XI–XIX вв. “Сихирарь месячный”. СПб., 1994.

Сирцова О. Повість про хрещення княгині Ольги в культурі Русі XI ст. // Київська старовина. № 1/2. 1997.

Сінкевич Н. “Патерикон” Сильвестра Косова: переклад та дослідження пам’ятки. Київ, 2014.

Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): общее повременное обозрение. СПб., 1872.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Коммент. С. С. Бычкова. М., 1990. С. 91.

Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.- СПб., 1995.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Fennel J. When Was Olga Canonized? // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. by V. Gasparov, O. Rayevsky-Hughes. Berkley, 1993.

Відомості про автора

Гордієнко Дмитро Сергійович, канд. іст. наук, старший наук. співр. Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України; провідний наук. співр. Національного заповідника “Софія Київська”, м. Київ (Україна)

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

D. S. Hordiienko

TIME AND CIRCUMSTANCES OF PRINCESS OLGA'S CANONIZATION

Annotation: The article reveals a debatable and at the same time little-studied topic of the time of Princess Olga of Kyiv's canonization. Based on a set of texts of the 11th century, the author proposes the conclusion that the beginnings of church veneration of Olga date back to the reign of Volodymyr the Great. However, the integral development of the church cult took place during the reign of Yaroslav the Wise in Kyiv. Obviously, the image of Olga replaced the image of Anna Porphyrogenitus and developed as a paired cult at first, paired with her grandson – Volodymyr the Great. The cult of Princess Olga had been separated into an independent only since the 13th century.

Key words: Princess Olga, Kyiv-Russian culture, canonization.

References

Researches and Sources:

Vereschagina N. Hristianskie kul'ty i relikvii drevnego Kieva (konets X – pervaya tret' XIII v.) [Christian cults and relics of ancient Kiev (end of X - first third of XIII century)]: monograph / Scientific. ed. N.N. Nikitenko. Odessa, 2019. (In Russian).

Voitovych L. V. Kniazha doba na Rusi: portrety elity. Bila Tserkva, 2006. (In Ukrainian).

Vysotskiy S. A. Zhivopis bashen Sofiyskogo sobora v Kieve [Painting of the towers of the St. Sophia Cathedral in Kiev] // Novoe v arheologii Kieva. Kiev, 1981. (In Russian).

Vysotskiy S. A. Svetskie freski Sofiyskogo sobora v Kieve [Secular frescoes of St. Sophia Cathedral in Kiev]. Kiev, 1989. (In Russian).

Gaydenko P. I. Kogda knyaz stanovitsya svyatym? Neskolko nablyudeniy o fenomene svyatosti drevnerusskikh knyazey XI–XIII vv. [When does a prince become a saint? Several observations on the phenomenon of the holiness of the ancient Russian princes of the XI-XIII centuries.] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh: nauchnyiy

zhurnal. Vyp. 1 (12): Sv. Aleksandr Nevskiy i ego epoha v duhovnoy kulture Rossii. Saint Peterburg, 2020. (In Russian).

Golubinskiy E. Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoy Tserkvi [History of the canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, 1903. (In Russian).

Hordiienko D. S. “Mudrist” u systemi chesnot vizantiiskoho imperatora [“Wisdom” in the system of virtues of the Byzantine emperor] // *Filosofski idei v kulturi Kyivskoi Rusi.* Zbirnyk naukovykh prats. Vyp. 8. 2016. (In Ukrainian).

Hordiienko D. Sakralizatsiia vlady v “Slovi pro zakon i blahodat” Ilariona [Sacralization of power in the “Word of Law and Grace” by Hilarion] // *Filosofski idei v kulturi Kyivskoi Rusi.* Zbirnyk naukovykh prats. Vyp. 3. 2010. (In Ukrainian).

Hordiienko D. S. Desiatynna tserkva v kyievoruskii kulturi [Tithe Church in the Kievan culture] // *Klimentovskiy sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii “Tserkovnaya arheologiya: Hersones – gorod svyatogo Klimenta”* (Sevastopol, 2011 g.) / Otv. red. T. Yu. Yashaeva. Sevastopol, 2013. (In Ukrainian).

Hordiienko D. S. Kniahynia Olha: dyskusiia navkolo khreshchennia [Princess Olga: a discussion about baptism] // *Sofia Kyivska: Vizantiia. Rus. Ukraina.* Zbirka statei na poshanu d. ist. nauk, prof. N. M. Nikitenko / Vid. red. d. ist. nauk, prof., chl.-kor. NAN Ukrainy P. S. Sokhan; uporiad. D. Hordiienko, V. Korniienko. Kyiv, 2011. (In Ukrainian).

Griffin Sh. “Aki denitsa pred’ slntsem”: liturgicheskiy obraz knyagini Olgi v Povesti vremennykh let [Aki day before slantsem”: the liturgical image of Princess Olga in the Tale of Bygone Years] // *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki.* № 1. 2020. (In Russian).

Gritsenko Z. A. Agiograficheskie proizvedeniya o knyagine Olge [Hagiographic works about Princess Olga] // *Literatura Drevney Rusi: Sb. nauchnykh trudov.* Moscow, 1981. (In Russian).

Dzhydzhora Ye. Osoblyvosti symbolizatsii obraziv sviatykh kniaziv u kyivoruskii himnografii [Peculiarities of symbolization of images of holy princes in Kyiv hymnography] // *Dzhydzhora E. V.* Issledovaniya po srednevekovoy literature XI–XV vv.: sbornik nauchnykh rabot / Nauch. red. A. V. Aleksandrov. Odessa, 2012. (In Russian).

Dzhydzhora Ye. Pershi himnografichni tvory Kyivskoi Rusi [The first hymnographic works of Kievan Rus] // *Dzhydzhora E. V.* Issledovaniya po srednevekovoy literature XI–XV vv.: sbornik nauchnykh rabot / Nauch. red. A. V. Aleksandrov. Odessa, 2012. (In Russian).

Zimin A. A. Pamyat i Pohvala Iakova Mniha i Zhitie knyazya Vladimira po drevneyshemu spisku [Memory and Praise of Jacob Mnich and the Life of Prince Vladimir according to the most ancient list] // *Kratkie soobscheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR.* Vyp. 37. 1963. (In Old Russian).

Karpov A. Yu. Knyaginya Olga [Princess Olga] / 2nd ed. Moscow, 2012. (In Russian).

Kirilla mniha kanon i stihiry na pamyat prepodobnoy knyagini Olgi, baby Vladimira [Cyril the Monk Canon and stichera in memory of the Reverend Princess Olga, the grandmother of Vladimir] // *Nikolskiy N. K.* Materialy dlya istorii drevnerusskoy duhovnoy pismennosti / *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk.* Vol. 82. № 4. Saint Peterburg, 1907. (In Old Russian).

Laushkin A. V. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время [To the problem of veneration of Princess Olga and Prince Vladimir in pre-Mongol times] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury / Otv. red. N. V. Ponyrko. Vol. 63. Saint Peterburg, 2014. (In Russian).*

Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz prizmu antropomimiki. Moscow, 2006. (In Russian).

Loseva O. V. Zhitiya russkikh svyatyh v sostave drevnerusskikh prologov XII – pervoy trety XV veka [Lives of Russian saints as part of Old Russian prologues XII - the first third of the XVth century]. Moscow, 2009. (In Russian).

Makariy (Bulgakov), arhiiepiskop Harkovskiy. Istoriya russkoy tserkvi [Archbishop of Kharkov. History of the Russian]. Vol. 1. Saint-Peterburg, 1868. (In Russian).

Men A. Vozvrashchenie k istokam [Return to the origins] // *Fedotov G. P.* Svyatyie Drevney Rusi / Predisl. D. S. Lihacheva i A. V. Menya. Komment. S. S. Bychkova. Moscow, 1990. (In Russian).

Moldavan A. M. Slovo o zakone i blagodati Ilariona [Word about the law and grace of Hilarion]. Kyiv, 1984. (In Russian).

Müller L. Rasskaz “Povesti vremennyih let” 955 g. o kreschenii Olgi [Story “The Tale of Bygone Years” in 955 about Olga’s baptism] // *Müller L.* Ponyat Rossiyu: istoriko-kulturnyie issledovaniya / Sost. L. I. Sazonova. Avtoriz. per. s nem. Moscow, 2000. (In Russian).

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdistsiplinarnyie ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv. [Ancient Russia on international routes: Interdisciplinary sketches of cultural, trade, political ties of the IXth–XIIth centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).

Nasonov A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya [History of Russian chronicle writing XI - early XVIII century: Essays and research]. Moscow, 1969. (In Russian).

Nikitenko N. Obrazy knyazheskoy chety krestiteley Rusi v stenopisi Sofii Kievskoy: k probleme kanonizatsii Vladimira [Images of the princely couple of baptizers of Rus in the murals of Sophia of Kiev: to the problem of the canonization of Vladimir] // 1020-littia khreshchennia Rusy-Ukrainy – iz Kyieva po vsii Rusi: Zbirnyk mater. nauk.-prakt. konf. 21 zhovtnia 2008 roku, KPBA, m. Kyiv. Kyiv, 2008. (In Russian).

Nikitenko N. N. Rus i Vizantiya v monumentalnom komplekse Sofii Kievskoy. Istoricheskaya problematika [Rus and Byzantium in the monumental complex of St. Sophia of Kiev. Historical perspective]. Kyiv, 2004. (In Russian).

Nikitenko N. M. Ostannia rusko-vizantiiska viina 1043 r.: prychny i naslidky [The last Russo-Byzantine war of 1043: causes and consequences] // *Naukovi zapysky NaUKMA. T. 9: Spetsialnyi vypusk. Ch. 1. 1999. (In Ukrainian).*

Nikitenko N. M., Korniienko V. V. Uslavlennia rodyny Volodymyra Velykoho u freskakh kniazhykh khoriv Sofii Kyivskoi [Glorification of the family of Vladimir the Great in the frescoes of the princely choirs of Sophia of Kiev] // *Iz Kyieva po vsii Rusi: zbirnyk materialiv naukovoi bohoslavsko-istorychnoi konferentsii, prysviachenoj 1025-littiu Khreshchennia Kyivskoi Rusy-Ukrainy / [Pid red. arkhiiep. Pereiaslav-Khmelnitskoho i Boryspilskoho Epifaniia (Dumenka) ta prot. Vitaliia Klosa]. Kyiv, 2013. (In Ukrainian).*

Osokina E. A. Drevneyshie teksty, posvyaschennyye svyatoy knyagine Olge [The most ancient texts dedicated to the holy princess Olga] // Vestnik RGNF. № 3. 2000. (In Russian).

Podskalski G. Hristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)] / Second edition, revised and supplemented for Russian translation; transl. A.V. Nazarenko, ed. K. K. Akentieva.. Saint-Peterburg, 1996. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipatevskaya letopis / 2-e izd. Moscow, 2001. (In Old Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 21: Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya. Ch. 1. Saint-Peterbutg, 1908. (In Old Russian).

Poppe A. Feofana Novgorodskaya [Feofana Novgorodskaya] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Vyp. 6 (16). Saint-Peterburg - Novgorod, 1997. (In Russian).

Rychka V. Kniahynia Olha [Princess Olga]. Kyiv, 2004. (In Ukrainian).

Sapozhnykova H., Andrusiv Yu. Sviati zemli ukrainskoi [Saints of Ukraine] / Vyd. 2-e, vypr. Lviv, 2018. (In Ukrainian).

Seregina N. S. Pesnopeniya russkim svyatym: Po materialam rukop. pevch. kn. XI–XIX vv. “Sihirar mesyachniy” [Chants to Russian saints: Based on materials from the handbook. chorister. book XI-XIX centuries “Syhirar monthly”]. Saint-Peterburg, 1994. (In Russian).

Syrtsova O. Povist pro khreshchennia kniahyni Olhy v kulturi Rusi XI st. [The story about the baptism of Princess Olga in the culture of Russia XI century.] // Kyivska starovyna. № 1/2. 1997. (In Ukrainian).

Sinkevych N. “Paterikon” Sylvestra Kosova: pereklad ta doslidzhennia pamiatky [Patericon” by Sylvester of Kosovo: translation and research of the source]. Kyiv, 2014. (In Ukrainian).

Sreznevskiy I. I. Drevnie pamyatniki russkogo pisma i yazyka (X–XIV vv.): obshee povremennoe obozrenie [Ancient monuments of Russian writing and language (X-XIV centuries): general time-based review]. Saint-Peterburg, 1872. (In Russian).

Tihomirov M. N. Russkoe letopisanie [Russian chronicles]. Moscow, 1979. (In Russian).

Fedotov G. P. Svyatyie Drevney Rusi [Saints of Ancient Russia] / Preface. D. S. Likhachev and A. V. Me. Comment. S. S. Bychkova. Moscow, 1990. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Drevnyaya Rus. Opyt issledovaniya istorii sotsialnoy i politicheskoy borby [Ancient Russia. Experience in researching the history of social and political struggle]. Moscow- Saint-Peterburg, 1995. (In Russian).

Shahmatov A. A. Razyskaniya o drevneyshih russkikh letopisnyh svodah [Investigations about the most ancient Russian annalistic vaults]. Saint-Peterburg, 1908. (In Russian).

Fennel J. When Was Olga Canonized? // Christianity and the Eastern Slavs. Berkley, 1993. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. by B. Gasparov, O. Rayevsky-Hughes. (In English).

About the author

Hordiienko Dmytro S., PhD in History, senior researcher at M. S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeography and Sources Studies of NAS of Ukraine; leading researcher at National Conservation Area “St. Sophia in Kyiv”, Kyiv (Ukraine).

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

ІСТОРИОГРАФІЧНИЙ ПАРАДОКС ДВОХ КТИТОРСЬКИХ КОПОЗИЦІЙ У КИРИЛІВСЬКІЙ ЦЕРКВІ КИЄВА¹

Анотація: Стаття присвячена двом окремим за топографією збереженим ділянкам фрескового стінопису Кирилівської церкви Києва, які в різний час було атрибутовано як композиції патронального спрямування. На цей парадокс уперше звернув увагу дослідник ктиторської проблематики О. Преображенський². У нашій роботі увагу зосереджено на одній із цих ділянок, на підставі аналогій запропоновано атрибутувати її як композицію «Старозавітна Трійця». Також зроблено деякі уточнення щодо реконструкції сюжету справжньої ктиторської композиції західної стіни наосу храму.

Ключові слова: середньовічне мистецтво, фреска, Кирилівська церква, ктиторська композиція, зображальне джерело, Старозавітна Трійця.

¹ Окремі положення цього дослідження стисло подано в статті «Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів» у випуску IV «Славістичної збірки» Інституту української археографії та джерелознавства імені М.С. Грушевського НАН України. Матеріали апробовано на Міжнародній науковій конференції «Дослідження пам'яток культурної спадщини Придніпров'я (до 950-річчя заснування Антонієвих печер м. Чернігова)».

² Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI — начало XVI века. М., 2010. С. 119–123. Пізніше на цей парадокс звернула увагу І. Марголіна (Марголина И. Ктиторская композиция в Кирилловской церкви Киева // Софія Київська: Візантія, Русь, Україна. К., 2014. С. 468).

У давніх писемних джерелах, які дійшли до нашого часу, немає безпосередніх згадок про час й обставини закладання, будівництва або ж розпису Кирилівської церкви Києва. Опосередковану інформацію про це дослідники знаходять у тексті трьох князівських некрологів Київського літопису, що містять неоднозначні відомості про особу ктитора храму.

Уперше про це згадано в редакції Іпатіївського списку під 1179 р.: «престависа княгини Всеволожаа. приємши на са чернечкоую скимоу и положена быс в Киевѣ оу стѣго Кюрила юже бѣ сама создала»³. У цьому невеликому некролозі йдеться про прийняття чернецтва княгиню, її смерть та поховання в Кирилівській церкві. Автор літописної згадки окремо акцентує увагу на тому, що храм створила небіжчиця.

Ще одне опосередковане свідчення про особу ктитора пам'ятки знаходимо в тому самому джерелі, але вже під 1194 р. У розлозі некролозі великого київського князя Святослава Всеволодовича, сина княгині Всеволожої, зазначено, що після смерті «и положиша и во святомь Кюрилѣ

³ ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. С. 612.

во ѡтнѣ емоу манастирѣ»⁴. У цій літописній статті особу ктитора пам'ятки не названо, однак монастир щодо Святослава Всеволодовича визначено як «ѡтни». Зауважимо, що цей давньоруський прикметник має двозначне трактування⁵, але воно жодним чином не пов'язане з особою княгині Всеволожої.

Некролог князя Святослава Всеволодовича редакції Лаврентіївського списку подає ще контрверсійнішу інформацію. Замість неоднозначної згадки про «ѡтни» монастир йдеться про поховання князя «въ манастири въ църкви стго Кирила, юже бѣ создалъ ѡць юго»⁶. Тобто давній автор повідомляє, що пам'ятку створив батько померлого — великий київський князь Всеволод Ольгович⁷.

Як бачимо, свідчення цього літописного некролога кардинально суперечить статті Іпатіївського списку під 1179 р., яка сповіщає про створення Кирилівської церкви княгинею Всеволожою. Натомість узгоджується зі згадкою про поховання князя Святослава Всеволодовича «во ѡтнѣ емоу манастирѣ» в обох можливих варіантах тлумачення прикметника «ѡтни».

Такі суперечливі відомості писемних джерел спричинили появу цілого спектра припущень і здогадок у царині

проблематики ранньої історії Кирилівської церкви⁸, які, на наш погляд, тривалий час не мали достатнього наукового обґрунтування. Упродовж останніх десятиліть активно просувають «конформістську» версію: заклав храм князь Всеволод Ольгович, а завершила будівництво після його смерті дружина, княгиня Всеволожа, що нібито підтверджують зображальні джерела стінопису пам'ятки.

Прикметно, що всі згадані спроби наукового вирішення питання, зокрема й «конформістська» версія, ґрунтуються на однаковій за своїм принципом стратегії. Вона полягає в тому, що в розгляді проблематики дослідники йдуть від зазначених вище суперечливих свідчень літописних некрологів про ктиторів церкви до джерел самої пам'ятки, як-от зображальні джерела храму з нібито портретом княгині.

А проте потрібно розуміти, що літописи створював давній автор (або автори) й мета їхнього створення лежить в іншій площині: вони не передбачали точного відтворення обставин будівництва тих чи тих церковних споруд, адже головну увагу в некролозі зосереджено на факті смерті певної особи. Також не треба відкидати, що текст джерела може містити фактичні помилки, відбивати певні упередження або вподобання давнього автора, упорядника чи пізнішого переписувача тощо.

⁴ Там же. С. 680.

⁵ Дивний І. Кілька зауважень до початкової історії Києво-Кирилівської церкви (спроба інтерпретації джерел) // Український археографічний щорічник. Т. 24/25. 2018. С. 319.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. С. 412.

⁷ Слід додати, що І. Марголіна припускає наявність у літописі ще однієї згадки про монастир Кирилівської церкви, який фігурує в джерелі під назвою «Всеволож», тобто Всеволодів (Марголіна І., Ульяновський В. Київська обитель святого Кирила. К., 2005. С. 38–39).

⁸ Припущення в різний час аналізували М. Максимович, О. Советов та І. Марголіна (Собрание сочинений М. А. Максимовича. К., 1877. Т. 2. С. 162–171; Советов А. Киево-Кирилловская церковь // Учебно-Богословские церковно-проповеднические опыты студентов Имп. КДА. Т. 12. К., 1914. С. 244–254; Марголіна І. Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. К., 2001. С. 25–29).

Із цих міркувань вважаємо за доцільне змінити парадигму дослідження й розглянути літописні згадки, відштовхуючись безпосередньо від джерел Кирилівської церкви, що можуть свідчити про особу ктитора пам'ятки. На наш погляд, найінформативнішою серед них є князівська усипальня в західній частині храму (Рис. 1).

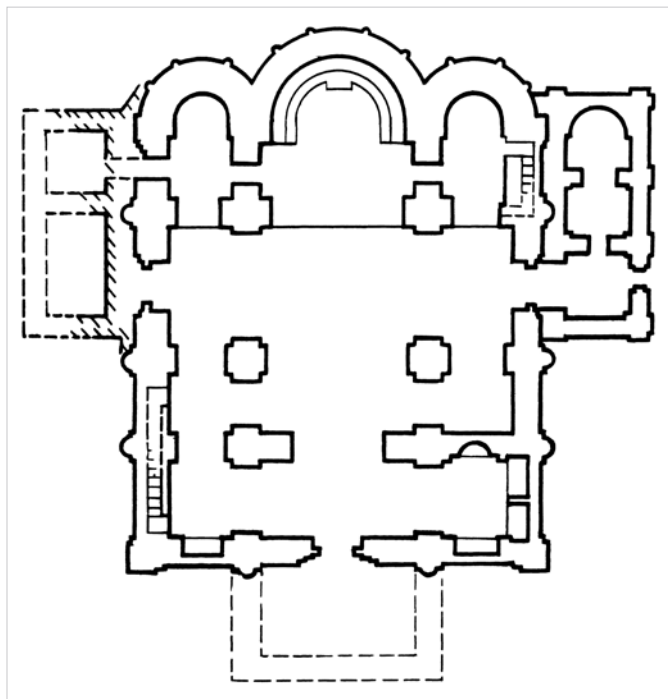

Рис. 1 План Кирилівської церкви з князівською усипальнею в західній частині.

Дослідження князівської усипальні дало нам змогу виявити раніше не відомі, нові джерела (поховальний портрет і *damnatio memoriae* на ньому), отримати вичерпну інформацію про особу ктитора, час побудови та розпису пам'ятки⁹.

⁹ Нам вдалося встановити, що сюжет «Лик князів» композиції «Страшний суд» із зображенням чотирьох осіб у плащах-корзно — це не що інше, як поховальний портрет в усипальні церкви. Атрибуцію образу князя Всеволода Ольговича підтверджено завдяки виявленому *damnatio memoriae* на поверхні фрески, що локалізується на рівні піднесених рук фігури. Під час натурного дослідження поруч із місцями пошкодження виявлено незначні рештки

До того ж результати наших спостережень ставлять під сумнів літописне свідчення про те, що княгиня Всеволожа нібито «сама создала» Кирилівську церкву. Для її поховання в усипальні храму не було відведено місця, тимчасом як князь Всеволод Ольгович організував для себе таке, хоча й не був там похований¹⁰.

З огляду на зазначене вище викликає сумніви й атрибуція живописних джерел, де ряд дослідників угледів зображення княгині Всеволожі. Прикметно, що ці джерела мають фрагментарне збереження, а їхню атрибуцію фактично нічим не підтверджено; складається враження, що її штучно підігнали до згадок літописних некрологів про ктиторів храму, щоб підкріпити своє бачення проблеми. Окремі запитання в нас викликає також процедура

фрескового живописного шару, на яких збереглися фрагменти прописаної Кирилівської церкви в руках князя-ктитора. Аналіз зображального джерела й топографії поховального приміщення дав змогу здійснити абсолютне датування розписів пам'ятки (Ганшина О. Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // Славистична збірка. Вип. IV. С. К., 2019. 169–180). На цю працю відгукнулися І. Марголіна та П. Гайденко (Марголіна І.Є. Дилетантське трюкацтво. Рецензія на статтю О. В. Ганшина «Сакральна організація князівської усипальниці Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // Софійський часопис. К., 2019. С. 477–498; Гайденко П. И. Когда князь становится святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. (продолжение) // Novogardia. № 4 (8). 2020.). Дякуємо П. І. Гайденку за люб'язно наданий рукопис його статті.

¹⁰ До нашого дослідження наразі є уточнення щодо осіб, для яких у поховальному приміщенні церкви було відведено чотири ніші-аркосолії, але ці уточнення не ставлять під сумнів одноосібного ктиторства князя Всеволода Ольговича й запропонованого нами датування пам'ятки. Більше про це буде в матеріалі про єдиний Києво-Канівський родовий некрополь князівського роду Святославичів, який ми готуємо до опублікування.

атрибуції та персоніфікації, як її здійснили автори¹¹.

Напевно, найвагомим аргументом на користь бодай якоїсь участі княгині Всеволожої в ктиторських заходах, окрім опосередкованого свідчення літописного некролога, можна вважати так звану «ктиторську композицію» південної стіни середньої кліті південної нави (Рис. 2). Наш погляд на таку атрибуцію решток фрески цієї ділянки стисло викладено в раніше опублікованій статті¹², тепер же зупинимося на цьому детально.

Рис. 2 Рештки фрескової композиції на південній стіні середньої кліті південної нави. Так звана «ктиторська композиція».

Почнемо з того, що в Кирилівській церкві Києва реставратори на початку 80-х рр. ХХ ст. розчистили з-під шарів

¹¹ Так, авторка атрибуції так званої ктиторської композиції південної стіни середньої кліті південної нави Т. Куделко з незрозумілих нам причин оминула увагою один із найкраще збережених образів цієї фрески; подальші дослідження повторюють цю тенденцію. Споглядання з-за зависи архітектурної споруди потрактовано як відбиття скромної ролі княгині в ктиторських заходах. Щодо гіпотетичного образу з нартексу храму, то його взагалі визначено лише на основі однієї-єдиної помітки олівцем у зошиті А. Прахова без вагомих на те підстав.

¹² Ганшин О. Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів. С. 178–180.

олійного живопису кін. ХІХ ст. на західній стіні наосу рештки давнього тиньку на площині 180х90 см зі збереженим фресковим фарбовим шаром, який, найімовірніше, і містить частину реальної ктиторської композиції храму (Рис. 3)¹³.

Рис. 3 Рештки фрески композиції на західній стіні наосу. Реальна ктиторська композиція.

У реставраційному звіті зазначено, що на розкритому фрагменті зображено частину світського верхнього одягу, а точніше — край прикрашеного білими колами й рослинним орнаментом плаща. На правій частині збереженої ділянки майстри розгледіли те, що, на їхню думку, могло бути фрагментом трону¹⁴. Ба більше, топографія цієї ділянки ідентична з розміщенням утраченої центральної частини ктиторської композиції Софійського собору Києва, про що не згадано у звіті, але, на наш погляд, було зрозуміло колективові його авторів¹⁵.

¹³ Звіт по реставрації настінного живопису середньої кліті центральної нави Кирилівської церкви в м. Києві. НА НЗСК, НАДР 1621. Арк. 40, 6, 41.

¹⁴ Звіт по реставрації настінного живопису середньої кліті... Арк. 6, 41.

¹⁵ Звернемо увагу, що цей звіт у Науковому архіві дослідження реставрації Національного заповідника «Софія Київська» в тій частині, де йдеться про реставраційні заходи на західній стіні наосу Кирилівської церкви, має порушену черговість сторінок підшивки. Початок на сторінці 40, продовження на сторінках 6 та 41.

До наукового обігу це надзвичайно важливе джерело не так давно ввів дослідник О. Преображенський¹⁶, який запропонував ґрунтовний його аналіз, розробив реконструкцію та дійшов висновку, що в давнину в цій частині Кирилівського храму була реальна ктиторська композиція, чим власне й підтвердив спостереження майстрів-реставраторів¹⁷.

Висновки дослідника підтримав В. Сараб'янов, який до того ж підкреслив важливість таких спостережень на основі кирилівської фрески для потенційного визначення персонажів ктиторського портрета Софійського собору Києва¹⁸.

Аргументи О. Преображенського цілком переконливими вважає і Н. Козак. Щоправда, науковець запропонував власний варіант реконструкції ктиторської композиції на західній стіні наосу Кирилівської церкви та інтерпретацію її символічного значення в системі розпису пам'ятки¹⁹.

Натомість із різкою критикою роботи О. Преображенського виступила дослідниця І. Марголіна, яка назвала його аналіз

і реконструкцію «шаткой версией» та залишилася на позиції Т. Куделко, що насправді ктиторська композиція міститься на південній стіні середньої кліті південної нави пам'ятки²⁰.

Дотримуючись запропонованої нами парадигми дослідження проблематики пам'ятки — безпосередньо від її джерел, додамо, що стосовно реконструкції сюжету реальної ктиторської композиції західної стіни наосу Кирилівської церкви можуть бути певні уточнення. На наш погляд, логічно припустити, що на цій фресці, найімовірніше, було зображено тих князівських осіб, яких давній майстер прописав на поховальному портреті «Лик князів» композиції «Страшний суд» нартексу храму (Рис. 4), тобто ктитора, князя Всеволода Ольговича, та трьох членів його роду²¹, для яких і було створено чотири ніші-аркосолії в усипальні пам'ятки²².

²⁰ Марголіна І. Ктиторская композиция... С. 468, 461–477.

²¹ До того ж серед супутників князя Всеволода Ольговича в сюжеті «Лик князів» одну з постатей (попереду ктитора) визначали як засновника роду князя. На наш погляд, на таку роль претендують князь Олег Святославич і Святослав Ярославич. Оскільки на час розпису храму вони обоє вже померли, то, на нашу думку, саме це й може мати важливе значення, цитуючи В. Сароб'янова, «для потенціального определения персонажей в ктиторском портрете Софии Киевской». Тобто єдине фронтальне зображення фігури на копії малюнка А. ван Вестерфельда справді може належати засновникові роду князя Ярослава Володимировича — князеві Володимирі Святославичу. Такий висновок знову відкриває питання про ідентифікацію представлених на софійській ктиторській композиції осіб.

²² Нагадаємо, що ми готуємо до опублікування матеріал про єдиний Києво-Канівський родовий некрополь князівського роду Святославичів. У ньому зробимо уточнення щодо осіб, для яких у поховальному приміщенні церкви було відведено чотири ніші-аркосолії.

¹⁶ За підказкою наукової керівниці згаданих реставраційних робіт І. Дорофієнко (Козак Н. Б. Фрагмент ктиторской композиции на западной стене наоса Кирилловской церкви в Киеве // В созвездии Льва: Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С. 198).

¹⁷ Преображенский А. С. Ктиторские портреты... С. 119–123.

¹⁸ Сараб'янов В. Д. Ктиторский портрет Софии Киевской и его традиция в монументальной живописи Древней Руси // Храм і люди. Збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. К., 2013. С. 196–198.

¹⁹ Козак Н. Б. Фрагмент ктиторской композиции... С. 198–209.

Рис. 4 Сюжет «Лик князів» композиції «Страшний суд». Поховальний портрет князівської усипальні.

Стосовно ж збереженого фрагмента постаті (Рис. 3), то ми погоджуємося із спостереженнями Н. Козака щодо фронтального її пропису²³. Не виключаємо, що на фресці західної стіни наосу, подібно до копії малюнка А. ван Вестерфельда, було зображено засновника роду, князя Святослава Ярославича. На нашу думку, у такому разі князь Всеволод Ольгович міг бути прописаний із храмом в руках ліворуч цієї фігури, а його сини, князі Святослав та Ярослав Всеволодович, – праворуч від тронного Христа, що містився у центрі композиції.

Повертаючись до атрибуції так званої «ктиторської композиції» на південній стіні середньої кліті південної нави церкви (Рис. 2), зауважимо, що фрагменти, які збереглися, дають змогу говорити про її горизонтальний формат: з обох боків вона обмежена лопатками пілонів; нижню частину втрачено, але, імовірно, вона

²³ Козак Н. Б. Фрагмент ктиторської композиції... С. 202–205.

завершувалася пеленою або рівнем давньої підлоги; верхня ж відокремлювалася червоною лінією розмежування, за якою починається новий регістр розписів середньої кліті південної стіни²⁴.

Рис. 5 Прорис складових давньої іконографії решток композиції на південній стіні середньої кліті південної нави.

Стінопис має численні різночасові механічні пошкодження, але залишки фрескового пігменту все-таки дають змогу розпізнати окремі складові давньої іконографії (Рис. 5). Так, майже в центрі композиції з незначним відхиленням праворуч давній майстер фронтально прописав фігуру Спасителя в червоному вбранні з хрещатим німбом. Збереглася лише верхня частина постаті. Нижче, по обидва боки від нього, — є фрагменти німбів двох інших постатей, зображення яких утрачено. Ще один образ прописано в крайній лівій частині композиції, він належить жінці з німбом, яка споглядає з-за завіси архітектурної споруди за Христом і двома його німбованими супутниками (Рис. 6).

²⁴ Це результати нашого натурального дослідження решток давнього живописного шару південної стіни середньої кліті південної нави пам'ятки.

Рис. 6 Образ споглядаючої жінки з решток композиції на південній стіні середньої кліті південної нави.

Імовірно, першу спробу атрибуції цих фрагментів стінопису слід пов'язувати з ремонтно-реставраційними роботами в храмі на поч. 80-х рр. XIX ст.²⁵ Рештки стінопису південної стіні середньої кліті південної нави після розкриття поновили олійними фарбами, але замість багатофігурної композиції на цій ділянці прописали однофігурну

²⁵ Тогочасні майстри відкривали фрески храму з-під пізніших нашарувань тиньку й набілу, а згодом поновлювали їх олійними фарбами відповідно до давнього сюжету або синхронних аналогій.

(Рис. 7)²⁶. Припускаємо, що керівник робіт А. Прахов не зрозумів загальної іконографії, тож було вирішено обмежитися лише поновленням фігури Спасителя та архітектурних куліс з обох боків від нього²⁷.

Рис. 7 Поновлення фрески олійними фарбами на південній стіні середньої кліті південної нави.

У 70-х рр. XX ст. рештки фрески розчистили з-під пізнішого олійного поновлення, що дало змогу досліджувати оригінальний стінопис (Рис. 2), але питання про реконструкцію давньої іконографії порушили значно пізніше.

²⁶ Звіт по реставрації настінного живопису південної нави Кирилівської церкви в м. Києві. НА НЗСК, НАДР. 1614. Арк. 146, 147.

²⁷ Дослідниця Т. Куделко зауважила, що у своєму каталозі давнього стінопису А. Прахов не дає жодної інформації про цю частину фрески, хоча й згадує про орнамент у віконному прорізі поруч із нею (Куделко Т. До питання іконографії невідомої композиції на південній стіні Кирилівської церкви // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Збірка тез. Біла Церква, 1994. С. 78–79.; Прахов А. В. Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII в., исполненных А. В. Праховым в течение 1800, 1881 и 1882 гг. СПб, 1882. С. 13).

Христа — князя Всеволода Ольговича. Персону ліворуч, яку було прописано між Христом й архітектурною спорудою з жіночим образом за нею, про що свідчать рештки німба, вона ніяк не прокоментувала³².

Загальне розміщення гіпотетично визначених і персоніфікованих нею фігур дало їй змогу підкріпити свої міркування про те, що образ князя є посмертним, тимчасом як княгиня була справжньою і єдиною ктиторкою Кирилівського храму³³.

Ідентифікацію жіночої постаті (Рис. 6) як княгині Всеволодої прийняла й І. Марголіна, але висновків О. Певної про одноосібне ктиторство княгині не підтримала. На її думку, засновницю церкви в такому разі мали б зобразити не як таку, котра визирає з-за завіси, а такою, що подає макет церкви Христові³⁴.

Цю деталь дослідниця пояснювала скромною другорядною роллю княгині в будівництві церкви, яка «...вірогідно, мала якесь відношення до закінчення живописних робіт у храмі, а можливо, уже після завершення будівництва і закінчення розписів, вона внесла незначні корективи, пов'язані із прагненням залишити нащадкам своє зображення на стінах родового храму»³⁵.

Щодо двох фрагментів німбів обабіч фігури Ісуса Христа (Рис. 5), то І. Марголіна припускає, що один із них

належить князеві Всеволоду, а інший — святому Кирилові Александрійському. Також вона не відкидає думки Т. Куделко, що на фресці південної стіни середньої кліті південної нави храму давній майстер міг прописати небесних патронів князя й княгині³⁶, а розшифрування сюжету може дати змогу остаточно вирішити ктиторське питання пам'ятки³⁷.

У 2010 р. на фрагменти фрески південної стіни середньої кліті південної нави (Рис. 5) звернув увагу О. Преображенський. Дослідник ктиторської іконографії слушно зауважив, що жіноча постать на фресці (Рис. 6) нагадує образ служниці, очевидиці певної події, який доволі часто трапляється в житійних сценах святих Йоакима, Анни та Богородиці³⁸.

Показово, що О. Преображенський був першим серед дослідників пам'ятки, хто розглянув жіночу фігуру фрески південної стіни середньої кліті південної нави церкви без пов'язування її з якоюсь гіпотезою в межах вирішення ктиторської проблематики, натомість спробував поглянути на сюжет крізь призму християнської іконографії.

Утім, не знайшовши безпосередніх аналогій, О. Преображенський зробив висновок, що цю фреску не можна зараховувати до кола житійних сюжетів, адже вона містить фігуру Ісуса Христа й не належить до жодного циклу. Це дало йому підстави вважати фреску

³² *Ревту О.* The Kyrylivska tserkva: The Appropriation of Byzantine Art and Architecture in Kiev. New York, 1995. P. 217–219.

³³ *Ревту О.* The Kyrylivska tserkva... P. 219.

³⁴ *Марголіна І.* Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. К., 2001. С. 117–118.

³⁵ Там же. С. 119.

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ *Марголіна І.* Ктиторская композиция... С. 463.

³⁸ *Преображенский А.С.* Ктиторские портреты ... С. 125.

середньої кліті південної нави Кирилівської церкви саме ктиторською композицією храму (можливо, ускладненою деталями)³⁹.

Зважаючи на зазначені вище обставини атрибуції так званої «ктиторської композиції» південної стіни середньої кліті південної нави Кирилівської церкви, на зауваження О. Преображенського, що специфіка іконографічного зображення жіночої постаті на фресці (Рис. 6) подібна до образів служниць, які стали очевидцями певної події, а також на фрагменти реальної ктиторської композиції на західній стіні наосу храму (Рис. 3), хочемо запропонувати своє бачення сюжету цієї фрески.

Специфіка розміщення святих образів, величина й просторове співвідношення німбів святих (Рис. 5), наявність жіночої постаті, яка визирає з-за завіси архітектурної споруди (Рис. 6), є недооціненими потенційними джерелами інформації, що, на наш погляд, дають змогу розкрити реальний зміст цієї композиції. У нашому варіанті атрибуції ми спробували узгодити всі зазначені нюанси давньої іконографії та раціонально пояснити деталі фрески, які збереглися, поза цариною гіпотез і здогадок.

Отож верхня частина так званої «ктиторської композиції» Кирилівської церкви за системою розміщення образів (Рис. 5) майже ідентична композиції «Старозавітна Трійця» («Гостинність Авраама») Софійського собору Києва XI ст. (Рис. 10)⁴⁰.

Рис. 10 Фреска «Старозавітна Трійця» («Гостинність Авраама») Софійського собору Києва.

Майже в центрі композиції з незначним відхиленням праворуч прописано центральний образ, — постать янгола; нижче, ліворуч і праворуч від нього, містяться фігури ще двох янголів. У крайній лівій частині композиції відповідно до усталеної іконографії прописано образ Сарри, яка споглядає за гостями з-за завіси архітектурної споруди, — вона нагадує жіночу постать із Кирилівської церкви, — а поруч із нею, ближче до нижньої частини композиції, зображено фігуру гостинного Авраама.

Варто звернути увагу на те, що на софійській фресці є кілька деталей, які відрізняють її від стінопису південної стіни середньої кліті південної нави Кирилівської церкви. По-перше, на так званій «ктиторській композиції» південної стіни середньої кліті південної нави центральний образ представлено фігурою Спасителя, а в композиції із Софії Київської на аналогічному місці зображено постать янгола. По-друге, на фресці київського Софійського храму є фігура Авраама,

³⁹ Там же

⁴⁰ Собор Святої Софії в Києві. Альбом. К., 2001. Ил. 92.

натомість на кирилівській її не бачимо (Рис. 5).

Останню відмінність, на наш погляд, можна пояснити тим, що давня тинькова основа з живописним шаром у нижній частині композиції з Кирилівського храму не збереглася. А щодо першої відмінності (образ янгола й Христа), то в цьому контексті пропонуємо пригадати загальну іконографію Старозавітної Трійці.

Ще наприкінці XIX ст. дослідники виокремили два основні типи цього сюжету — західного й східного зразка. Останній є біблійно-історичним типом⁴¹. Досить вичерпно про таку іконографію сюжету свого часу написав Н. Малицький⁴². Дослідник зауважив, що для Сходу характерним є таке розуміння сюжету, де в сцені гостинності Авраама фігурують Ісус Христос та два янголи. Окремо він акцентував на тому, що композиції такого типу мають пірамідальну систему побудови, а центрального янгола нерідко зображають із хрещатим німбом⁴³.

На наш погляд, яскравим прикладом такої іконографії композиції Старозавітна Трійця східного типу є композиція каппадокійської церкви Токали-Кілісі в м. Гереме, Туреччина (Рис. 11). Безперечно, ця фреска належить до східних зразків іконографії Старозавітної Трійці, а розміщення святих образів на ній аналогічне сюжету

фрески південної стіни середньої кліті південної нави Кирилівської церкви, тобто так званій «ктиторській композиції» за визначенням дослідниці Т. Куделко.

Рис. 11 Фреска «Старозавітна Трійця» («Гостинність Авраама») каппадокійської церкви Токали-Кілісі в м. Гереме, Туреччина.

Звертаємо увагу, що на цій композиції так само в лівій частині міститься постать жінки, яка визирає з-за завіси архітектурної споруди; подібна пірамідальна система побудови німбів трьох фігур праворуч від неї; центральна постать не просто вирізняється хрещатим німбом, а є добре впізнаваним образом Спасителя.

Отже, у пропонованому нами варіанті реконструкції давньої композиції на південній стіні середньої кліті південної нави Кирилівської церкви за фрагментами фрескового живопису, які збереглися, узгоджуються всі зазначені нюанси давньої іконографії і раціональне пояснення мають деталі кирилівської фрески — без гіпотез та здогадок.

На наш погляд, це може остаточно заперечити визначення жіночої постаті (Рис. 6) як княгині Всеволожої та спростувати один з основних аргументів на користь бодай якоїсь її участі в ктиторських

⁴¹ Лаурин В. К. Две иконы «Троицы ветхозаветной» Русского музея и их литературная основа // Труды Отдела древнерусской литературы. Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Т. 38. Л., 1985. С. 110.

⁴² Малицкий Н. В. К истории композиции ветхозаветной Троицы // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Т. II. Прага, 1928. С. 33–46.

⁴³ Малицкий Н. В. К истории композиции... С. 33, 36–38.

заходах, окрім опосередкованого свідчення некролога Київського літопису за Іпатіївським списком.

Загалом же така атрибуція композиції південної стіни центральної кліти південної нави Кирилівської церкви, можливо,

дасть змогу під новим кутом поглянути на живопис цього храму, організацію його внутрішнього простору й, звісно, чекає своєї апробації на сторінках *Novogardia*.

Бібліографія

Джерела:

Звіт по реставрації настінного живопису південної нави Кирилівської церкви в м. Києві. НА НЗСК, НАДР 1614.

Звіт по реставрації настінного живопису середньої кліти центральної нави Кирилівської церкви в м. Києві. НА НЗСК, НАДР 1621.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001.

Література:

Ревну О. The Kyrylivska tserkva: The Appropriation of Byzantine Art and Architecture in Kiev. New York, 1995.

Гайденко П. И. Когда князь становится святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI-XIII вв. (продолжение) // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.

Ганшин О. Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // *Славістична збірка*. К., 2019. Вип. IV.

Дивний І. Кілька зауважень до початкової історії Києво-Кирилівської церкви (спроба інтерпретації джерел) // *Український археологічний щорічник*. Т. 24/25. 2018.

Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник. Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. 1905.

Козак Н. Б. Фрагмент ктиторской композиции на западной стене наоса Кирилловской церкви в Киеве // *В созвездии Льва: Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица*. М., 2014.

Куделко Т. До питання іконографії невідомої композиції на південній стіні Кирилівської церкви // *Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури*. Збірка тез. Біла Церква, 1994.

Лаурина В. К. Две иконы «Троицы ветхозаветной» Русского музея и их литературная основа // *Труды Отдела древнерусской литературы. Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства*. Т. 38.Л., 1985.

Малицкий Н. В. К истории композиции ветхозаветной Троицы // *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова*. Т. II. Прага, 1928.

Марголіна І. Є. Дилетантське трюкацтво. Рецензія на статтю О.В. Ганшина «Сакральна організація князівської усипальниці Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів» // *Софійський часопис*. К., 2019.

- Марголіна І.* Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. К., 2001.
- Марголіна І.* Ктиторская композиция в Кирилловской церкви Киева // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. К., 2014.
- Марголіна І., Ульяновський В.* Київська обитель святого Кирила. К., 2005.
- Преображенский А. С.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010.
- Прахов А. В.* Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII в., исполненных А.В. Праховым в течение 1800, 1881 и 1882 гг. СПб, 1882.
- Сарабьянов В. Д.* Ктиторский портрет Софии Киевской и его традиция в монументальной живописи Древней Руси // Храм і люди. Збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. К., 2013.
- Собор Святої Софії в Києві. Альбом. К., 2001.
- Собрание сочинений М.А. Максимовича. Т. 2. К., 1877.
- Советов А.* Киево-Кирилловская церковь // Учебно-Богословские церковно-проповеднические опыты студентов Имп. КДА. Т. 12 .К., 1914.

Відомості про автора

Ганшин Олександр Вікторович, молодший науковий співробітник науково-фондового відділу Національного заповідника «Софія Київська», аспірант Інституту української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського Національної академії наук України, смт Ворзель, Київська обл. (Україна)

E-mail: ov.ganshin@gmail.com

O.V. Ganshin

HISTORIOGRAPHICAL PARADOX OF THE FINDING OF TWO KTETOR'S COMPOSITIONS IN ST. CYRIL'S CHURCH IN KYIV AND REFUTATION OF ATTRIBUTION OF ONE OF THEM

Annotation: The article is devoted to two topographically different areas of the frescoes of the St. Cyril's Church in Kyiv, which at different times were attributed as remnants of patronal compositions. A. Preobrazhensky, a researcher of ktetor imagery, was the first to draw attention to this paradox. We offer a critique of one of these pictorial sources and propose its attribution as remnants of the composition «Old Testament Trinity» based on analogies. The article also provides some clarifications regarding the reconstruction of the plot of the real ktetor composition.

Key words: medieval art, fresco, St. Cyril's Church, ktetor composition, critique of the pictorial source, the Old Testament Trinity.

References

Sources:

Zvit po restavratsii nastinnoho zhyvopysu pivdennoi navy Kyrylivskoi tserkvy v m. Kyievi [Report on the restoration of the wall painting of the southern nave of the Cyril's Church in Kyiv]. NA NZSK NADR 1614. (In Russian)

Zvit po restavratsii nastinnoho zhyvopysu serednoi kliti tsentralnoi navy Kyrylivskoi tserkvy v m. Kyievi [Report on the restoration of the wall painting of the middle nave of the central nave of the Cyril's Church in Kyiv]. NA NZSK NADR 1621. (In Russian)

Polnoe sobranie russkih letopisej [The complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrentevskaya letopis. Moscow, 2001. (In Russian)

Polnoe sobranie russkih letopisej [The complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipatevskaya letopis. Moscow, 2001. (In Russian)

Researches:

Pevny O. The Kyrylivska tserkva: The Appropriation of Byzantine Art and Architecture in Kiev. New York, 1995. (In English).

Gajdenko P. I. Kogda knyaz stanovitsya svyatym? Neskolko nablyudenij o fenomene svyatosti drevnerusskikh knyazej XI-XIII vv. (prodolzhenie) [When does a prince become a saint? Several observations about the phenomenon of the holiness of the ancient Russian princes of the XI-XIII centuries. (continued)] // Novogardia. № 4 (8). 2020. (In Russian).

Ganshin O. Sakralna organizacziya knyazivskoyi usipalni` Kirilivskoyi czerkvi Kiyeva ta datuvannya yiyi freskovikh rozpisiv [Sacral organization of the princely supporter of the Church of St. Cyril in Kiev and the date of the fresco paintings] // Slavistichna zbirka. Vyp. IV. Kyiv., 2019. (In Ukrainian).

Divnij I. Kilka zauvazhen do pochatkovoyi istoriyi Kiyevo-Kirilivskoyi czerkvi (sproba interpretacziyi dzherel) // Ukrayinskij arkhografichnij shhorichnik. 2018. T. 24/25. (In Ukrainian)

Kondakov N. P. Liczevoj ikonopisnyj podlinnik. Ikonografiya Gospoda Boga i Spasa Nashego Iisusa Khrista. 1905. (In Russian).

Kozak N. B. Fragment ktitorskoj kompoziczii na zapadnoj stene naosa Kirillovskoj czerkvi v Kieve // V sozvezdii Lva: Sbornik statej po drevnerusskomu iskusstvu v chest Lva Isaakovicha Lifshicza. Moscow, 2014. (In Russian).

Kudelko T. Do pitannya ikonografiyi nevidomoyi kompoziczii na pivdennij stini Kirilivskoyi czerkvi // Problemi zberezheniya ta vidrodzhennya pamyatok istoriyi ta kulturi. Zbirka tez. Bila Czerkva, 1994. (In Ukrainian).

Laurina V. K. Dve ikony «Troiczy vetkhozavetnoj» Russkogo muzeya i ikh literaturnaya osnova // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vzaimodejstvie drevnerusskoj literatury i izobrazitel'nogo iskusstva. Vol. 38. Leningrad, 1985. (In Russian).

Maliczkiy N. V. K istorii kompoziczii vetkhozavetnoj Troiczy // Sbornik statej po arkhologii i vizantinovedeniyu, izdavaemyj Seminariem imeni N.P. Kondakova. Vol. II. Praga, 1928. (In Russian).

Margolina I. Ye. Diletantske tryukacztvo. Recenziya na statyyu O.V. Ganshina «Sakralna organizacziya knyazivskoyi usipalniczi Kirilivskoyi czerkvi Kiyeva ta datuvannya yiyi freskovikh rozpisiv // Sofijskij chasopis. Kyiv, 2019. (In Ukrainian).

Margolina I. Kirilivska czerkva v istoriyi serednovichnogo Kiyeva. Kyiv, 2001. (In Ukrainian).

Margolina I. Ktitorskaya kompozicziya v Kirillovskoj czerkvi Kieva // Sofiya Kiyivska: Vizantiya. Rus. Ukrayina. Kyiv, 2014. (In Russian).

Margolina I., Ulyanovskij V. Kiyivska obitel svyatogo Kirila. Kyiv, 2005. (In Ukrainian).

Preobrazhenskij A. S. Ktitorskie portrety srednevekovoj Rusi. XI – nachalo XVI veka. Moscow, 2010. (In Russian).

Prakhov A. V. Katalog vystavki kopij s pamyatnikov iskusstva v Kieve X, XI i XII v., ispolnennykh A.V. Prakhovym v techenie 1800, 1881 i 1882 gg. Sankt-Piterburg, 1882. (In Russian).

Sarabyanov V. D. Ktitorskij portret Sofii Kievskoj i ego tradicziya v monumentalnoj zhivopisi Drevnej Rusi // Khram i lyudi. Zbirka naukovikh pracz do 90-richchya z dnya narodzhennya Sergiya Oleksandrovycha Visoczko. Kyiv, 2013. (In Russian).

Sobor Svyatoyi Sofiyi v Kiyevi. Albom. Kyiv, 2001. (In Ukrainian).

Sobranie sochinenij M.A. Maksimovicha. Vol 2. Kiev, 1877. (In Russian).

Sovetov A. Kievo-Kirillovskaya czerkov // Uchebno-Bogoslovskie czerkovno-propovednicheskie opyty studentov Imp. KDA. Vol. 12. Kiev, 1914. (In Russian).

About the author

Olexander Viktorovich Ganshin, Junior Researcher of the Scientific Fund Department of National Conservation Area “St. Sophia of Kyiv”, PhD student of M. S. Grushevskiy Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences, Vorzel, Kyiv Region (Ukraine).

E-mail: ov.ganshin@gmail.com

AUTHORITY OVER THE SACRED AND THE INSTITUTIONALIZATION OF THE RUSSIAN CHURCH (XI–XII CENTURIES)

Annotation: Understanding “institutionalization” as the social process of construction, affirmation and legitimation of an authority that justifies itself as imperative, we aim to offer a theoretical approach to how some Russian clergymen legitimized themselves and the Church between the XI and XII centuries, focused on the attempts to control the privilege to determine what is sacred. By admitting that the Church as an institution is historicized, that is, permeated by human relations, and approaching two examples – anti-Latin literature and the Klim Smolyatich controversy, we believe that what was perceived as attacks based on unofficial conceptions or order was interpreted a challenge to the churchly authority and, by the same token, forced clergymen to think about the nature of what they considered sacred.

Key words: Kievan Rus, Russian Church, institutionalization, sacred, socio-institutional history.

In an article about the transformations of the Russian Church between the XIII and XIV centuries, R. A. Sokolov claims that the process of ecclesiastic institutionalization followed the political transformations of the principalities during said

times¹. The author correctly denies that the hierarchized congregation of Christians was a closed institution, and that it kept changing with the ecclesiastic members being active in political affairs. Even then, the use of the term “institution” applied to the ecclesiastic community by Sokolov implies a certain lack of historicity or at least development in a *longue*, if not *longuissime durée*², even though the author clearly – and rightly – disagrees with this view. The following paper aims to offer a different interpretation on how we can classify an “institution” and “institutionalization”, and apply it to a historical study of the Russian Church. We chose to exemplify our theoretical balance in two significative ecclesiastic events that happened between the XI and XII centuries, an era often portrayed in academic productions as a monolithic structure between two seemingly more important

¹ Sokolov R. A. Osnovnye tendentsii razvitiya Russkoi Tserkvi v XIII — pervoi polovine XIV v. [The main tendencies on the development of the Russian Church from the XIII century to the first half of the XIV century] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, no. 2 (1), 2010, p. 7.

² Braudel F. Histoire et Sciences sociales : La longue durée // Annales. Economies, sociétés, civilisations, 13e année, no. 4, 1958, p. 731-732.

eras – the Christianization of Rus and the Mongol conquest, especially in western publications³. This way, we hope to show that a socio-institutional History of the Church in Kievan Rus is possible by articulating the social element (power disputes) with the religious element (the sacred).

An attempt to conceptualize

Since this article's main point is to analyze the institutionalization of the Russian Church, it's imperative that we must make as clear as possible what we understand as both *institution* and as *Church*, two words with a fair amount of indiscriminate use but very few attempts to define what they mean. And since the latter is generally classified as being an example of the former, we shall start by talking about institutions. This is not an easy task, however, as the vocable has an extreme plasticity and an array of meanings in several disciplines ranging from Law to Sociology, from Economics to Anthropology, from Theology to History. Aside from our object here (Church), the assortment of things that can be often placed under the concept – deepening the sense of vagueness of what an institution is – is enormous and range

from palpable to abstract: State, military forces, banks, laws and sanctions, universities and schools, prisons, language, family, customs and taboos, and the list goes on.

The copious use of the word with minimal to no concern of theorizing about it has led to what Brazilian historian Leandro Rust classified as a “conceptual blank check⁴”, but some attempts to delineate what an institution is can lead us to a less abstract and more useful conceptualization. Institutions are often defined by social sciences as some sort of coercive power, exterior to humans but at the same time made by them, whose constraints and limits shape the social life in order to bring stability and order, metaphorically being the cement that glues us together in a theoretically functional society⁵. In his essay on the relationship of Institutional and Social History, Jacques Revel argues that the use of the term by historians – most notably those from France – have three basic meanings: 1) a restrictive meaning denoting the political and juridical reality; 2) regulatory organizations which exist norm to answer social demands; and 3) in a wide sense, every kind of organization based on values and norms that attempts to regularize behaviors⁶.

These approaches all have in common the element of power to dictate and establish an order. There are a multitude of ways

3 There is an interesting structure common to the three most used manuals of Russian Church – *Podskalsky G. Christentum und Theologische Literatur in Der Kiever Rus' (988 – 1237)*. Munich, 1982; *Vodoff V. Naissance de la Chrétienté Russe: La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe–XIIIe siècles)*. Paris, 1988; *Fennel J. A History of Russian Church to 1488*. Essex, 1991 (the first half of the book) – that shapes a particular narrative of the development of the ecclesiastic system in Kievan Rus. The books start attempting to articulate State formation to incipient and “uninstitutionalized” manifestations of Christianity, then talks extensively Vladimir Svyatoslavich's baptism in 988. From there until mentions of the Mongol incursions, the three authors deal with the time in between in a thematic and almost monolithic narrative that oversimplifies processes and minimizes social interactions. While not about Church History *per se*, Podskalsky still follows the same structure, although swapping ecclesiastic elements with Christian literature.

4 *Rust L. Colunas de São Pedro: a política papal na Idade Média Central [Columns of Saint Peter: the papal policy in Central Middle Ages]*. São Paulo, 2011, p 33.

5 See, for example, *Berger P., Berger B. O que é uma instituição social? // Sociologia e Sociedade: Leituras de Introdução à Sociologia*. Rio de Janeiro, 1994, p. 195-199; *Kehl M. A Igreja: Uma Eclesiologia Católica*. São Paulo, 1997, p. 350-351; *North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, 1990, p. 2-10; *Hodgson G. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues*, vol. XL, no. 1, 2006, p. 2-5.

6 *Revel J. Instituição e Sociedade // História e historiografia: exercícios críticos*. Curitiba, 2010, p. 118.

to achieve the said order but there needs to be a consent the harmony brought by an institution is not only good, but necessary for social stability and only provided by its existence. More importantly, however, is the fact that the institution is a social phenomenon, meaning that it does not exist as an ethereal fog looming over a society, but rather created (and re-created) by men and women. In this way, the institution should not be understood as mere artifice of domination of a central power⁷ since it would detach it from interactions, conflicts, and bargains that forges social ties⁸. This also means that, as the development of institutions is determined by human interaction, how they exert their might to dictate order changes through time, granting them historicity⁹ at the same time that makes it so that they are never monolithic. Therefore, institutions are always in process of institutionalization, of construction of a legitimate authority to control and hierarchize in order to achieve an “ideal” sense of order and stability.

The following point should be emphasized: we understand institution as a considerably powerful group of any given society (that is never detached from said society, nor indifferent to it) that refers to itself – and wants to be referred by the peers – in a collective noun, whose hierarchizing, normative, and coercing capabilities lie in its alleged importance for the maintenance of an idea of a

universal and necessary harmony. In the same vein, institutionalization in this article should be considered as the sociohistorical process of construction of the authority needed to dictate and enforce its notion of order. An institution does not and cannot exist in a petrified state or *per se*¹⁰ an entity completely separated from social life, as the institutionalization itself is ascribed in the conflicts and power struggles of both the people that form it and other groups that are needed for their recognition as imperative. In short, institutions are a result of negotiation and conflict inside a society, and this dynamic is what grants it the ability to be a historian’s object of analysis.

Having presented our notion of institutionalization, it’s necessary to turn our attention to the “ecclesiastic institution”, that is, the Church. To understand this highly polysemic notion as an institution, borrowing less from more phenomenological theological conceptions¹¹ and prioritizing sociological and historiographical approaches¹², we can start defining it as a hierarchized community of Christian faith whose socio-spatial organization lies in a particular interpretation of the Christian sacred. Being a community implies that the Church is a congregation of people, therefore able to be historicized given that the human element is always accompanied with the time, meaning that even while being an “institution”, the Church is in constant process of institutionalization. The

⁷ Rust L. Colunas de São Pedro... p. 36.

⁸ Revel J. Instituição e Sociedade. p. 136; Rust L. Colunas de São Pedro... p. 518-522.

⁹ Berger P. and Berger B. O que é uma instituição social? p. 199; Algazi G. Comparing Medieval Institutions: A Few Introductory Remarks // Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions in Medieval Christendom and Islam. Boston and Leiden, 2014, p. 14-15.

¹⁰ Rust L. Colunas de São Pedro... p. 518.

¹¹ For a theological approach to the (Catholic and Protestant) Church as an institution, see Bergmann M., Barbotin E. Institución // Vocabulario Ecueménico. Barcelona, 1972, p. 353-373; Kehl M. A Igreja... p. 351-360.

¹² As an example of a historical treatment of the Church (more specifically, Latin rite Church in Middle Ages), see Iogna-Prat Dominique. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. Mexico City, 2013.

most important aspect for us at this moment, however, is the Christian sacred.

The Christian sacred is the key institutional component of any Church. Through the authority of men that can consecrate and deconsecrate, who have their legitimacy given by God by means of rituals and relics, the group is bound to the episcopal definition of what is accepted as emanating the divine presence. Without the sacred component, and therefore without someone to dictate it, the group will not achieve the perfect order: the salvation. The adherence to the “true” divine pathway guarantees a given community of Christian faith the necessary access to the soteriological plan, and for that they must abide by the clergymen’s interpretations of the supernatural. Achieving the soteriological order is not an easy task, as the Church’s sacred must compete with other interpretations that escape from episcopal control, being “savage” as Roger Bastide once pointed out¹³, and not necessarily out of Christianity itself as several accusations of heresy show. Furthermore, saying what is and isn’t sacred cannot be understood outside of a web of conflicts and bargains between the clergymen and the community, since the sacred is conditioned by human experience¹⁴. Hence, the Church should not be separated from other aspects of social life¹⁵, especially politics.

¹³ Bastide R. O Sagrado Selvagem // Cadernos De Campo, no 2, Vol. 2, 1991, p. 145.

¹⁴ Schmitt J.-C. La notion de sacré et son application à l’histoire du christianisme médiéval // Cahiers du Centre de recherches historiques, no. 9, 1992, p. 3-5.

¹⁵ Eller J. Introdução à Antropologia da Religião. Petrópolis, 2018, p. 30-32. Thinking on a separation between the religious and other social spheres especially during the Middle Ages is an anachronic thought based on current theories of secularization, cf. Guerreau-Jalabert A. L’ecclésiologie médiévale, une institution totale // Les tendances actuelles de l’histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. Paris, 2002,

If we want to narrow the definition of Church even further, as it’s the purpose of this article, it’s possible to look at one specific example: The Kievan Rusian Church. Even then, the delimitation is still substantially wide. The *Tsrky* as it was written in old sources often meant the congregation of Christians that followed the Greek rite, the places where the cult and the liturgy were performed, and, less often, specific people with a function specific to the Christian ritualistic, having some sort of contact with the supernatural¹⁶. In all of those cases, a specific understanding of a Christian sacred is a key component of the definition, and a distinct part of the last example – metropolitans and bishops, who hold said people under their jurisdiction – seems more fitted for a socio-institutional history by analyzing how they comprehend the sacred that gives them authority over their flock. The authority to say what should and should not be “officially” sacred is marked by instances that threatened the power of metropolitans, bishops, and priests in specific moments, forcing them to rethink and reinvent the relationship between the church – “institution” with the community of faith. Below are two ways of institutionalization of the Kievan Church under our theoretical look.

p. 220-221. The same can be applied to Christianity in Kievan Rus, which shaped and was shaped by the members’ ties with time and power. See Schapov Ya. N. Gosudarstvo i Tserkov’ Drevnei Rusi, X–XIII vv. Moscow, 1989, p. 4-5; Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019, p. 30-31.

¹⁶ The Church Statute of Vladimir Svyatoslavich lists several “churchly people (*tserkovnyye lyudi*)”, from priests and monks to the woman responsible for the eucharistic bread and choir singers, cf. Ustav knyazya Vladimira Svyatoslavicha // Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kiyevskogo gosudarstva X-XII vv. M., 1952, p. 238, 242, 246.

The Latin “threat” and the corruption of Orthodoxy

The first example of an instance regarding the institutionalization of the Rusian Church and the question of the Christian sacred can be found in the anti-Latin ecclesiastic behavior present in some sources from the late XI and early XII centuries. We have talked in another occasion about two Rusian lists of errors that the Latins were allegedly practicing – from metropolitans Georgy and Ioann II – and how those sources dealt with the exclusion of the Western community of faith from an ecumenical Church¹⁷. Here, we are to deal with more “practical” accusations of mishandling the sacred and how the Rusian orthodox need to be careful to not be tainted by the unclean Latins.

One important factor that must be pointed out before our analysis is the lack of evidence suggesting that anti-Latin sentiment was hegemonic among the Rusians. Works that mention any prejudice against those who followed the Latin rite are relatively few, showing that concern against Latins was restricted to a small number of strict metropolitans or curious monks, mostly of Greek origin¹⁸. Even the ecclesiastics that accused the Latins probably were in frequent contact with the heterodox¹⁹. Moreover, there is no proof that could attest any sort of sanctions or acts against Latins, for example forced re-baptisms²⁰. The princes and princesses of Rus

either did not know or care about the westerners’ religious behavior, taking part in multiple inter-confessional marriages during the centuries following the 1054 schism²¹. It’s possible that common people had the same indifference to the Latins’ alleged malpractices and still often engaged in contact with them, especially letting the westerners take part in the communion.

It seems that this common contact puzzled or annoyed some of our belligerent ecclesiastics. Let’s take the monk Yakov as an example, who sent a list of canonical questions to be answered by metropolitan Ioann II about a variety of subjects. Two of the thirty-four answers are directly concerned with Latin matters, implying that the monk was unsure on how to handle the Latins in his community of faith. In the fourth question, Yakov possibly asked on how to proceed on a contact Orthodox and “azymites”, that is, those who consume unleavened eucharistic bread. Ioann advises the monk to avoid communion with the Latins at all costs, unless in situations of emergence, and to never curse the azymites. Additionally, anyone refusing to distance themselves from the heterodox can end causing scandals and hostility²². Insisting on contact with the Latins is harmful to the community as it can corrupt the sacred that binds the community, creating an emotionally unfavorable atmosphere. Both ways act directly towards the relationship between Church and sacred order, and the tampering may result in chaos.

¹⁷ See *Neves L. C. S.* The «aneccelesing» of the Latin Church in metropolitan polemical writings (XI century) / «Анэклезивность» Латинской Церкви в митрополичих полемических трудах (XI в.) // *Novogardia*, no. 2 (6), 2020.

¹⁸ *Sykes C. P.* The Place of Anti-Latin Polemic in the Writing of Early Rus // *Byzantinoslavica*, no. 76, 2018, p. 63-67.

¹⁹ *Florya B. N.* U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII vek). St. Petersburg, 2004, p. 14-18.

²⁰ *Zajac N.* Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in

Pre-Mongol Rus’ // *Byzantinoslavica*, no. 77 (1-2), 2020, p. 6-15.

²¹ For a list of marriages between Rusian and foreign monarchs, see *Raffensperger C.* Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus’. Cambridge, 2016.

²² *Kanonicheskie Otvety Mitropolita Ioanna II* // *Russkaia Istoricheskaia Biblioteka*. Tom VI. St. Petersburg, 1890, col. 2.

The second question (and thirteenth overall in the document) concerns the possibility of marriage between Rus princes and Latin princesses, something that Ioann strongly advises against and considers such act to be punishable²³. As we briefly mentioned above, marriages between Russian and western royalty were common, and it's possible that Yakov thought that such an attitude was wrong, therefore asking the metropolitan directions on what to do. It's unlikely that the monk was reacting to new matrimones or communions, but the relationships between the Orthodox and heterodox population were so numerous that both ecclesiastics thought that it could damage the very core of the Church. The inter-confessional ties were enough to modify Yakov and Ioann's conception of what a Christian sacred would be by identifying a polluting force²⁴ that could dissolve the Christian order. Moreover, this "excess" of coexistence may also imply in a competition over defining what can and cannot be considered as sacred. In this case, it's safe to assume that there were two ecclesiological models with different rites and traditions in dispute. If that wasn't the case since the lack of evidence doesn't let us create a stronger hypothesis²⁵, it seems that at least some Russian ecclesiastics recognized an ecclesiological battleground.

This discrepancy between ecclesiastic discourse and lay practice was also perceived by prince Vladimir Monomakh. In a response letter to the monarch, metropolitan Nikifor I starts the epistle by revealing

²³ *Ibid.*, col. 7.

²⁴ Sykes C. P. *The Place of Anti-Latin Polemic*, p. 71-72.

²⁵ There were, however, several papal attempts to put Rus under the influence of Rome. See Ramm B. Ya. *Papstvo i Rus v X-XV vekakh*. Moscow, 1959, p. 60-71.

that the reason for writing it was a question by Monomakh on why the Latins are excluded from what the hierarch calls the "true Church"²⁶. The prince's curiosity was appreciated by Nikifor who, in the end of the epistle after listing several errors done by the Latins, urges the prince to study the letter's contents and attributing to him a role given to Monomakh by God himself as the guardian of Orthodoxy in Rus²⁷. In the metropolitan's ecclesiology, it was a princely role to help maintain the Christian order just like a priest cares for his congregation, thus interpreting the lay world as a community of faith and "confusing" politics and religion. His similar letter to prince Yaroslav Svyatopolchich of Murom corroborates with our hypothesis, since the metropolitan claims he wrote because the monarch is now neighbor to the Poles²⁸. As this epistle is more detailed against some of the deviances, especially regarding the azymes by using a heavy rhetoric based on the Pauline authority to justify their tampering with the sacred²⁹, it's safe to assume that Nikifor wanted the prince to protect Rus from the evil and corrupting practices from Rome, as well as his own legitimacy as a hierarch.

In summary, while anti-Latin sentiment wasn't prevalent in Rus during late XI and early XII centuries, it was understood by some people such as Yakov the monk and

²⁶ *Mitropolit Nikifor I. Poslanie Vladimiru Monomakhu o vere latinskoi // Epistol'yarnoe nasledie Drevnei Rusi XI-XIII*, St. Petersburg, 1992, p. 71.

²⁷ *Ibid.*, p. 73.

²⁸ *Mitropolit Nikifor I. Poslanie Yaroslavu Svyatopolchichu o vere latinskoi // Epistol'yarnoe nasledie Drevnei Rusi XI-XIII*, St. Petersburg, 1992, p. 73.

²⁹ *Ibid.*, 76-79.

Vladimir Monomakh that those under the influence of the Roman archbishop were not part of the same community of faith, being relegated to a false Church. Both Ioann II and Nikifor I understood the deviant Latin rite as a threat to the Rus' salvation and also possibly to their legitimacy, and the latter even entrusted the princes a divine mission to combat it. There could only be one Church, and the (threat of) co-existence forced the metropolitans to reconsider and reconceptualize their "true" sacred.

Kliment Smolyatich and the invalidation of metropolitan power

Our second example, and somewhat longer than the previous, on the relationship between sacred and ecclesiastic institutionalization lies in a very well-known controversy that happened in XII century concerning the Russian Church: the election of Kliment Smolyatich³⁰ as metropolitan of Kiev, serving his tenure between 1147 and 1154, and his opposition by some clergymen in his time.

It's recorded in the annals that in the year of 1147, an episcopal synod was summoned – and possibly manipulated³¹ – by prince Izyaslav Mstislavich of Kiev due to the lack of a metropolitan in the see. The last hierarch to occupy the Kievan

throne, Mikhail, went to Constantinople in 1145 and remained there possibly until his death. Since his departure, no services were allowed to be held at Kiev by Mikhail's own order³², possibly affecting negatively the religious routine of all Rus. The candidate chosen to occupy the vacant metropolinate – probably by suggestion or coercion from Izyaslav himself – was a prestige monk from the Zarub monastery known as Kliment Smolyatich, who was elected in July 27th, day of Saint Panteleimon. But even with an emergence and rather unusual³³ procedure being accepted, it wasn't a unanimous decision by the synod.

On the side of those that accepted Klim and his main defender in the annals, bishop Onufry of Chernigov argued on the validity of the synod itself being able to consecrate a new metropolitan since the head of Saint Clement of Rome happened to be in Rus. Just as the hand of St. John cements the rise of a new hierarch, so would the relic confer legitimation to Kliment's tenure³⁴. Onufry, as well as the other clergymen and possibly even Izyaslav, probably knew that at the time that there was no Patriarch in Constantinople to legitimize the new metropolitan, which would excuse the appointment and consecration of an emergency metropolitan via the use of a relic that has connections with the first Church – that is, Rome – in order to reestablish a good normality to the community of faith. Eventually, according to the

³⁰ Sometimes also known as Klim. For an etymological survey regarding the metropolitan's name, see *Uspenskij, B. A. Mitropolit Kliment Smolyatich i ego poslaniya // Slověne: International Journal of Slavic Studies, № 1, 2017, p. 174-175.*

³¹ *Franklin S. Introduction // Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'.* Ed. and transl. by Simon Franklin. Cambridge, 1991, p. liv-lv. P. I. Gaidenko also points out that the bishops of Polotsk and Rostov boycotted the synod, cf. *Gaidenko P. I. Stanovlenie vysshego Tserkovnogo upravleniya v Kievskoj Rusi.* Yekaterinburg, 2011, p. 356-358.

³² PSRL, vol. 2, St. Petersburg, 1908, col. 341.

³³ In early 1147, Patriarch Kosmas II Atticus was dethroned for his ties with a monk who was condemned for participating in the Bogumil heresy. See *Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos, 1143 – 1180.* Cambridge, 1993, p. 277-278.

³⁴ PSRL, vol 2, col. 341.

Hypatian chronicle, Kliment became the hierarch because of the authority of his papal cognate, restoring the Church³⁵.

On the other hand, there were at least two ecclesiastics that were against the consecration, the bishops Manuil of Smolensk and Nifont of Novgorod. They are shown to be adamantly opposed to Kliment and his appointment by the synod, arguing that a metropolitan could not be appointed by anyone except the Patriarch. The outright refusal to commune with Kliment during the following years³⁶ expresses the non-recognition of his authority over the community and of dictating the sacred, which was possibly not helped by the fact that the metropolitan apparently never bothered to get the Patriarchal consecration even after Nicholas IV Muzalon became the leader of the Imperial Church later in 1147³⁷. We can only imagine how much of an affront this was perceived by Nifont, Manuil, and other opponents. More than a pro-Greek versus pro-“National” Church debate, it can be inferred that what took place was a dispute between ecclesiological models of order; a conception of a community of faith lead by someone consecrated *directly* from St. Clement against an ecclesiology

that only considers a legitimate hierarch one that was blessed by the Patriarch. The first had authority over the sacred, while the second wasn't recognized as such.

Of course, the political situation of Rus and the internecine wars cannot be ignored, but in terms of a rhetorical construction of authority, that's not how the attacks against Klim and his attempts to defend himself worked. While it's true that Izyaslav's power greatly helped the exercise of Kliment's authority, especially with the persecution and imprisonment of his opponents³⁸, when it came to challenge the “metropolitan” in writings and actions, it was a matter of which kind of sacred order (or lack thereof) was there in the Russian community of faith for the ecclesiastics that opposed him.

Let's see the example of Foma, a presbyter from Smolensk whose accusations drove Kliment to write his renowned epistle. He apparently accused the hierarch of adhering to Hellenic philosophy and seeking mundane glory³⁹, resulting in the use of allegories in his sermons that would question Kliment being a metropolitan even further⁴⁰. Foma accused the metropolitan of not only vain glory, but also of being a hierarch with no connection to the sacred – as “philosophy” is present in his sermons instead of the Bible, therefore changing the divine authority for a profane fake authority. If we accept that the presbyter was likely under the influence of bishop Manuil, then the distrusting of Kliment's tenure is even stronger, as he's tampering with the sacred even more. In that

³⁵ Idem.

³⁶ According to the annals, Nifont refused to participate in the Church service with Kliment until his death. *PSRL*, vol. 2, col. 484.

³⁷ In a letter sent to Nifont probably while the bishop was incarcerated (1149), Nicholas IV congratulates the captive for opposing Kliment and mentions that the metropolitan had been acting as such without the patriarchal blessing. See *Poslanie Patriarkha Nikolaya IV Muzalona k Novgorodskomu Episkopu Nifontu* // Pamyatniki Obschestvennoi Mysli Drevnei Rusi. Vol. 1: Domongolskii Period. Moscow, 2010, p. 336. It was only in 1164 when a documented attempt to legitimize Kliment as a metropolitan by asking for the Patriarch's consecration, but by that time the latter had already sent Ioann IV. *PSRL*, vol. 2, col. 522.

³⁸ *Novgorodskaya Pervaya Letopis' – Starshego i Mladshego Izvodov*. Moscow, 1950, p. 28.

³⁹ *Poslanie Klimenta Smolyaticha*, p. 118-120.

⁴⁰ *Uspenskii B. A. Mitropolit Kliment Smolyatich i ego poslaniya*, p. 197.

way, the Russian Church was compromised in its goal to order the community and prepare it for the salvation.

The metropolitan countered these allegations by not denying that he knows about the secular authors, instead telling Foma that if he really used, then it was to instruct the princes⁴¹. Moreover, what the presbyter considered to be vanity and philosophy was, according to the hierarch, a way to discover the true meaning of the world, as spoken in the parables and riddles present in the Scriptures⁴², which is one of the jobs of a metropolitan. Kliment's seemingly wrong attitudes do not corrupt the sacred and the community, instead they help the metropolitan to understand the truth in detail according to himself. This, in turn, let us infer that the Christian element is intact and the order is being maintained, as his method of interpretation of the churchly affairs, as well as his authority to determine what is sacred, are legitimate.

The example of Kliment shows that Christianity and politics cannot be detached from each other. The apparent illegitimacy of a metropolitan without patriarchal consecration greatly affected the relationship between the Church of Rus and the bishoprics. Novgorod and Smolensk did not recognize the authority of a hierarch with no official blessing, and a presbyter from the latter even accused him of tampering with the Scriptures, thus negating Kliment's power to consecrate. In this way, it can be assumed that for the opposition there was no order in the Russian community of faith. When metropolitan Konstantin I arrived to Kiev in 1156, his first act was to invalidate all of Kliment's

previous ordinations and restore the order to the Church⁴³, a specific kind of order that required a consecrated priest to lead the community.

The two examples above illustrate that the construction of a notion of Christian order was directly tied to social processes of negotiation and conflict, tying politics and religion in an inseparable narrative. Approaching ecclesiastical institutionalization as a history of the development of how the Church built its legitimacy on articulating the social and the sacred can open possibilities to question what the Church meant to people that dealt with the supernatural and how they should act in the secular world around them. This, in turn, opens an alternative method of historical analysis that break the notion of an ahistorical and immobile Church in Kievan Rus. The possibilities of study are varied: what did the controversy over fasting meant to an idea of maintaining the ecclesiastic order⁴⁴? How the constant tampering with ecclesiastic nominations denounced by metropolitan Kirill I in the first quarter of the XIII century⁴⁵ shows an underlying ecclesiology and notion of harmony? If this article managed to at least spark a discussion on how to apply the term "institution" to the Russian Church, then it has succeeded.

⁴³ PSRL 2, col. 485.

⁴⁴ For the event, see *Vinogradov A. Yu., Zheltov M. S.* «Pervaya eres' na Rusi»: Russkiye spory 1160-kh godov ob otmene posta v prazdnichnye dni // *Drevnyaya Rus'*. Voprosy medievistiki, № 3 (73), 2018.

⁴⁵ The original epistolary complaint sent from Kirill I to Patriarch German II of Constantinople has not survived, but a patriarchal reply reached us. It's still a seldomly analyzed document, but has enormous potential for the study of Russian Church. See *Gramota konstantinopol'skogo patriarkha Germana II k mitropolitu vseya Rusi Kirillu I* // *Russkaya Istoricheskaya Biblioteka*. Tom VI. St. Petersburg, 1890, col. 79-84.

⁴¹ *Poslanie Klimenta Smolyaticha*, p. 118.

⁴² *Ibid.*, p. 132.

ВЛАСТЬ НАД СВЯЩЕННЫМ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ (XI – XII ВВ.)*

Аннотация: Понимая “институционализацию” как социальный процесс конструирования, утверждения и легитимации власти, оправдывающей себя как императив, мы стремимся предложить теоретический подход к тому, как некоторые русские священнослужители легитимировали себя и Церковь в период между XI и XII веками, ориентируясь на попытки контролировать привилегию определять, что является священным. Допуская, что Церковь как институт историзирована, то есть пронизана человеческими отношениями, и приближаясь к двум примерам – антилатинской литературе и полемике Климента Смолятича, мы полагаем, что то, что воспринималось как нападки, основанные на неофициальных представлениях или существующих порядках, было истолковано как вызов церковному авторитету и тем самым заставило священнослужителей задуматься о природе того, что они считали священным.

Ключевые слова: Киевская Русь, Русская Церковь, институционализация, священный, социально-институциональная история.

В статье о преобразованиях Русской Церкви между XIII и XIV веками Р. А. Соколов утверждает, что процесс церковной институционализации следовал за поли-

тическими преобразованиями княжеств в указанное время⁴⁶. Автор правильно отрицает, что иерархическая конгрегация христиан была закрытым учреждением и что она постоянно менялась по мере того, как церковные члены принимали активное участие в политических делах. Даже в этом случае использование Соколовым термина «учреждение» применительно к церковной общине подразумевает определенное отсутствие историчности или по крайней мере развития в течение *longue*, если не *longuissime durée*⁴⁷, хотя автор явно – и справедливо – не согласен с этой точкой зрения. Данная статья направлена на то, чтобы предложить другую интерпретацию того, как мы можем классифицировать «институт» и «институционализацию», и применить это к историческому исследованию Русской церкви. Мы решили уравновесить наше теоретическое исследование, подкрепив его двумя примерами значительных церковных событий, которые произошли между XI и XII веками, эпоху, которую в академических произведениях часто изображают как монолитную структу-

⁴⁶ Соколов Р.А. Основные тенденции развития Русской Церкви в XIII — первой половине XIV в. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. № 2 (1). 2010. С. 7.

⁴⁷ Braudel Fernand. Histoire et Sciences sociales : La longue durée // Annales. Economies, sociétés, civilisations, 13e année, no. 4, 1958, p. 731-732.

* Перевод на русский язык выполнен М. А. Несиным.

ру между двумя, казалось бы, более важными эпохами – христианизацией Руси и монгольским завоеванием, особенно в западных публикациях⁴⁸. Таким образом, мы надеемся показать, что социально-институциональная история церкви в Киевской Руси возможна путем артикуляции через формулирование и исследование? социального элемента (споры о власти) и религиозного элемента (священное).

Попытка осмыслить

Поскольку основной целью этой статьи является анализ институционализации Русской церкви, крайне важно, чтобы мы как можно более четко разъяснили, что мы понимаем как *институт* и как *церковь*, два понятия, которые так часто неизбирательно употребляют, но так редко действительно осмысленно определяют. А поскольку последний обычно классифицируется как пример первого, мы начнем с рассуждения об институтах. Однако это непростая задача, поскольку словосочетание обладает чрезвычайной пластичностью и

множеством значений в нескольких дисциплинах, от права до социологии, от экономики до антропологии, от теологии до истории. Помимо нашего объекта исследования (церкви), набор вещей, которые часто могут быть включены в понятие, – углубляя ощущение неопределенности того, что такое институт, – огромен и варьируется от осязаемого до абстрактного: государство, вооруженные силы, банки, законы и санкции, университеты и школы, тюрьмы, язык, семья, обычаи и табу, и этот список можно продолжить.

Обильное использование этого слова с минимальным или отсутствующим теоретическим обоснованием привело к тому, что бразильский историк Леандро Руст классифицировал как “conceptual blank check” (досл. «концептуальный пустой чек»)⁴⁹, но некоторые попытки очертить, что такое институт, могут привести нас к менее абстрактной и более точной концептуализации. Социальные науки часто определяют институты как своего рода принудительную силу, внешнюю по отношению к людям, но в то же время созданную ими, чьи рамки и ограничения формируют социальную жизнь, чтобы обеспечить стабильность и порядок, образно являясь цементом, который скрепляет нас в теоретически функциональном обществе⁵⁰. В своем эссе о взаимосвязи

⁴⁸ У трех наиболее часто используемых книг о Русской Церкви есть интересная структура (*Podskalsky G. Christentum und Theologische Literatur in Der Kiever Rus' (988 – 1237). Munich, 1982; Vodoff V. Naissance de la Chrétienté Russe : La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe-XIIIe siècles). Paris, 1988; Fennel J. A History of Russian Church to 1488. Essex, 1991 (the first half of the book)*) это формирует особый нарратив о развитии церковной системы в Киевской Руси. В книгах предпринимается попытка определить формирование государства через зарождающиеся и «неинституционализованные» проявления христианства затем подробно говорится о крещении Владимира Святославича в 988 году. С этого момента до упоминания о монгольских вторжениях три автора рассматривают указанный промежуток времени в тематическом и почти монолитном повествовании, которое чрезмерно упрощает процессы и сводит к минимуму социальные взаимодействия. Хотя Подскальский не касается истории церкви как таковой, он все же следует той же структуре, хотя и заменяет церковные элементы христианской литературой.

⁴⁹ *Rust L. Colunas de São Pedro: a política papal na Idade Média Central [Columns of Saint Peter: the papal policy in Central Middle Ages]. São Paulo, 2011, p. 33.*

⁵⁰ См. напр.: *Berger P., Berger B. O que é uma instituição social? // Sociologia e Sociedade: Leituras de Introdução à Sociologia. Rio de Janeiro, 1994, p. 195-199; Kehl M. A Igreja: Uma Eclesiologia Católica. São Paulo, 1997, p. 350-351; North Douglass. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990, p. 2-10; Hodgson Geoffrey. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues, vol. XL, no. 1, 2006, p. 2-5.*

институциональной и социальной истории Жак Ревель утверждает, что использование этого термина историками, в первую очередь французскими, имеет три основных значения: 1) ограничительное значение, обозначающее политическую и юридическую реальность; 2) регулирующие организации, которые существуют, чтобы отвечать социальным запросам; и 3) в широком смысле, любой тип организации, основанной на ценностях и нормах, которая стремится упорядочить поведение⁵¹.

Все эти подходы объединяет элемент власти, позволяющий диктовать и устанавливать порядок. Существует множество способов достижения указанного порядка, но здесь необходимо соблюдение условия, что гармония, создаваемая институцией как таковой, есть не только благо, но и необходимость для социальной стабильности, и обеспечивается ее существованием. Однако более важным является тот факт, что институт является социальным феноменом, а это означает, что он не существует как некий эфирный туман, нависающий над обществом, а скорее создан (и воссоздан) мужчинами и женщинами. Таким образом, институт не следует понимать как простую уловку доминирования центральной власти⁵², так как он отделит ее от взаимодействий, конфликтов и договоренностей, которые укрепляют социальные связи⁵³. Это также означает, что поскольку развитие институтов определяется человеческим взаимодействием, то, как они проявляют свою мощь, чтобы

диктовать изменения порядка во времени, придает им историчность⁵⁴, в то же время делая так, чтобы они никогда не были монолитными. Следовательно, институты всегда находятся в процессе институционализации, формирования легитимной власти для установления контроля и иерархии с целью достижения «идеального» чувства порядка и стабильности.

Следует подчеркнуть следующий момент: мы понимаем институт как весьма сильное объединение в любом обществе (которое никогда не отделена от указанного общества и не безразлична к нему), которое обращается к себе и хочет, чтобы на него ссылались и окружение, – как своего рода собирательное существительное, – причем иерархизирующие, нормативные и принуждающие способности заключаются в его предполагаемой важности для поддержания идеи всеобщей и необходимой гармонии. Точно так же институционализацию в этой статье следует рассматривать как социально-исторический процесс построения власти, необходимой для того, чтобы диктовать и обеспечивать соблюдение своих представлений о понятии порядка. Институт не существует и не может существовать в окаменевшем состоянии или *per se*⁵⁵ как объединение, полностью отделенное от социальной жизни, поскольку сама институционализация приписывается конфликтам и борьбе за власть – как людей, которые ее образуют, так и других сторонних групп, которые необходимы

⁵¹ Revel J. *Instituição e Sociedade // História e historiografia: exercícios críticos*. Curitiba, 2010, p. 118.

⁵² Rust L. *Colunas de São Pedro...* p. 36.

⁵³ Revel J. *Instituição e Sociedade*. p. 136; Rust Leandro. *Colunas de São Pedro...* p. 518-522.

⁵⁴ Berger P. and Berger B. *O que é uma instituição social?* p. 199; Algazi G. *Comparing Medieval Institutions: A Few Introductory Remarks // Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions in Medieval Christendom and Islam*. Boston and Leiden, 2014, p. 14-15.

⁵⁵ Rust Leandro. *Colunas de São Pedro...* p. 518.

для признания их как императива. Если обобщить, институты являются результатом обсуждений и конфликтов внутри общества, и именно эта динамика дает им возможность быть объектом анализа историка.

Изложив наше понимание институционализации, необходимо обратить внимание на «церковный институт», то есть на Церковь. Чтобы понять это в высшей степени многозначное понятие как институт, менее заимствующий из феноменологических теологических концепций,⁵⁶ и отдавая приоритет социологическим и историографическим подходам⁵⁷, мы можем начать определять его как иерархическое сообщество христианской веры, социально-пространственная организация которого лежит в особой интерпретации христианского понятия священного. Быть сообществом в данном случае подразумевает, что Церковь – это собрание людей, поэтому ее понятие можно историзировать, учитывая, что человеческий фактор всегда неразрывно связан с идеей времени, что означает, что даже будучи «институтом», Церковь находится в постоянном процессе институционализации. Однако наиболее важным аспектом для нас в данный момент является христианская сакральность.

Христианское сакральное – ключевой институциональный компонент любой церкви. Через власть людей, наделенных

правом как делать священным, так и секуляризовать, чья легитимность дана Богом посредством определенных ритуалов и реликвий, это сообщество связано с епископским определением того, что считается источником божественного присутствия. Без священного компонента и, следовательно, без того, чтобы кто-то его диктовал, группа не достигнет идеального порядка: спасения. Приверженность «истинному» божественному пути гарантирует данному сообществу христианской веры необходимый доступ к сотериологическому плану, и для этого они должны подчиняться интерпретациям сверхъестественного священнослужителями. Достижение сотериологического порядка – непростая задача, поскольку священное слово Церкви должно конкурировать с другими интерпретациями, которые ускользают от епископского контроля, будучи «дикими», как однажды указал Роджер Бастид⁵⁸, и не обязательно за пределами самого христианства, как показывают некоторые обвинения в ереси. Более того, высказывание о том, что является священным, а что нет, нельзя понять, рассматривая его отдельно от сети конфликтов и договоренностей между священнослужителями и сообществом, поскольку священное обусловлено человеческим опытом⁵⁹. Следовательно, Церковь не следует отделять от других сторон общественной жизни⁶⁰, особенно от политики.

⁵⁶ О богословском подходе к (католической и протестантской) церкви как институту см. *Bergmann Michel, Barbotin Edmond*. Institución // Vocabulario Ecuménico. Barcelona, 1972, p. 353-373; *Kehl Medard*. A Igreja... p. 351-360.

⁵⁷ В качестве примера исторической трактовки церкви (в частности, церкви латинского обряда в средние века) см.: *Iogna-Prat Dominique*. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. Mexico City, 2013.

⁵⁸ *Bastide R*. O Sagrado Selvagem // Cadernos De Campo, no 2, Vol. 2, 1991, p. 145.

⁵⁹ *Schmitt J-C*. La notion de sacré et son application à l'histoire du christianisme médiéval // Cahiers du Centre de recherches historiques, no. 9, 1992, p. 3-5.

⁶⁰ *Eller J*. Introdução à Antropologia da Religião. Petrópolis, 2018, p. 30-32. Размышления о разделении религиозной и

Если мы хотим еще больше сузить определение церкви, поскольку это цель данной статьи, можно рассмотреть один конкретный пример: Киевская Русская Церковь. Даже в этом случае разграничение по-прежнему очень велико. *Црки*, как это было написано в старых источниках, часто означало собрание христиан, которые следовали греческому обряду, места, где совершались культ и литургия, и, реже, конкретных людей с функцией, специфичной для христианского ритуала, имеющей некоторые своего рода контакты со сверхъестественным⁶¹. Во всех этих случаях конкретное понимание христианской священности является ключевым компонентом определения, и отдельная часть последнего примера – митрополиты и епископы, которые включают упомянутых людей под свою юрисдикцию, – кажется более подходящей для социально-институциональной истории, анализируя то, как они понимают то священное, что дает им власть над своей паствой. Право говорить о том, что должно и не должно быть «официально» священным,

других социальных сфер, особенно в средние века, – это анахроническая мысль, основанная на современных теориях секуляризации ср: *Guerreau-Jalabert A. L'ecclēsia médiévale, une institution totale // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. Paris, 2002, p. 220-221.* То же самое можно сказать и о христианстве Киевской Руси, которое сформировало и сформировало связи членов со временем и властью. см.: *Щанов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси, X-XIII. М., 1989. С. 4-5; Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019, p. 30-31.*

⁶¹ В церковном статуте Владимира Святославича перечислено несколько «церковных людей», от священников и монахов до женщины, ответственной за евхаристический хлеб и певчих хора, см. Устав князя Владимира Святославича // Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. Под ред. засл. деят. науки проф. С. В. Юшкова. М., 1952. 238, 242, 246.

отмечается случаями, которые в определенные моменты угрожали власти митрополитов, епископов и священников, вынуждая их переосмыслить и переопределить отношения между церковью – «институтом» и церковью как общиной веры. Ниже приведены два варианта институционализации Киевской церкви в нашем теоретическом освещении.

Латинская «угроза» и разращение Православия

Первый пример институционализации Русской Церкви и вопроса христианского священного можно найти в антилатинском церковном поведении, отмеченном в некоторых источниках конца XI и начала XII веков. Мы уже говорили в другом случае о двух русских списках ошибок, которые якобы практиковали латиняне – от митрополитов Георгия и Иоанна II – и о том, как эти источники касались исключения западного сообщества веры из экуменической Церкви⁶². Здесь мы имеем дело с обвинениями более «практического характера» в неправильном обращении со священным и в том, что русские православные должны быть осторожны, чтобы не быть запятанными нечистыми латинянами.

Прежде чем приступить к анализу, необходимо указать на один важный фактор: отсутствие доказательств того, что антилатинские настроения были гегемонистскими среди русских. Работ, в которых упоминается какое-либо предубеждение

⁶² См. *Neves L. S. C. (Невес Л. С. С). The «anecclēsing» of the Latin Church in metropolitan polemical writings (XI century) / «Анэкллзивность» Латинской Церкви в митрополичих полемических трудах (XI в.) // Novogardia, no. 2 (6), 2020.*

против тех, кто следовал латинскому обряду, относительно немного, что демонстрирует, что беспокойство против латинян ограничивалось группой строгих митрополитов или любопытных монахов, в основном греческого происхождения⁶³. Даже церковники, обвинявшие латинян, вероятно, часто контактировали с инакомыслящими⁶⁴. Более того, нет никаких доказательств, которые могли бы засвидетельствовать какие-либо санкции или действия против латинян, например принудительное повторное крещение⁶⁵. Русские князья и княгини либо не знали, либо не заботились о религиозном поведении жителей Запада, участвуя в многочисленных межконфессиональных браках в течение столетий после раскола 1054 года⁶⁶. Возможно, что простые люди были так же безразличны к предполагаемым злоупотреблениям латинян и по-прежнему часто вступали с ними в контакт, особенно позволяя жителям Запада участвовать в причастии.

Кажется, что эти частые контакты озадачивали или раздражали некоторых из наших воинственных духовных лиц. Возьмем, к примеру, монаха Якова, прославившего список канонических вопросов, на которые митрополит Иоанн II ответил на самые разные темы. Два из тридцати

четырёх ответов напрямую связаны с латинскими вопросами, подразумевая, что монах не знал, как обращаться с латинянами в его религиозной общине. В четвертом вопросе Яков, возможно, спросил, как дальше общаться православным и «азимитам», то есть тем, кто употребляет пресный евхаристический хлеб. Иоанн советует монаху любой ценой избегать общения с латинянами, за исключением ситуаций, когда возникает необходимость, и никогда не проклинать азимитов. Кроме того, всякий, кто отказывается держать дистанцию в общении с иноверцами, рискует довести до скандалов и враждебного отношения⁶⁷. Настаивание на контакте с латинянами вредит общине, поскольку может испортить святое, связывающее общину, создавая эмоционально неблагоприятную атмосферу. Оба пути напрямую влияют на отношения между церковью и священным порядком, и вмешательство может привести к хаосу.

Второй вопрос (и тринадцатый в целом в документе) касается возможности брака между русскими князьями и Латинскими принцессами, чего Иоанн категорически не советует и считает такой акт наказуемым⁶⁸. Как мы вкратце упоминали выше, браки между русскими и западными королевскими особами были обычным делом, и, возможно, Яков считал такое отношение неправильным, поэтому спрашивал у митрополита, что ему делать. Маловероятно, что монах реагировал на новые супружеские отношения или причастия, но отношения между православным и

⁶³ Sykes C. The Place of Anti-Latin Polemic in the Writing of Early Rus // *Byzantinoslavica*, no. 76, 2018, p. 63-67.

⁶⁴ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 14-18.

⁶⁵ Zajac N. Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus' // *Byzantinoslavica*, no. 77 (1-2), 2020, p. 6-15.

⁶⁶ Список браков между российскими и иностранными монархами см. *Raffensperger C. Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'*. Cambridge, 2016.

⁶⁷ Канонические Ответы Митрополита Иоанна II // Русская Историческая Библиотека. Том VI. СПб., 1890. Стб. 2.

⁶⁸ Там же. Стб. 7.

инославным населением были настолько многочисленны, что оба священнослужителя думали, что это может нанести ущерб самому ядру Церкви. Межконфессиональных связей было достаточно, чтобы изменить представление Якова и Иоанна о том, что должно быть христианской святыней, путем выявления оскверняющей силы⁶⁹, которая могла бы разрушить христианский порядок. Более того, этот «избыток» сосуществования может также означать конкуренцию за определение того, что может и не может считаться священным. В этом случае можно с уверенностью предположить, что спор идет о двух эклезиологических моделях с разными обрядами и традициями. Если это не так, поскольку отсутствие доказательств не позволяет нам сформулировать более сильную гипотезу⁷⁰, то, похоже, что, по крайней мере, некоторые русские духовные лица признавали это полем эклезиологической битвы.

Это несоответствие церковной беседы и мирской практики было воспринято и князем Владимиром Мономахом. В ответном письме к монарху митрополит Никифор I начинает послание с того, что указывает, что причиной его написания был вопрос Мономаха о том, почему латиняне исключены из того, что иерарх называет «истинной Церковью»⁷¹. Любопытство князя оценил Никифор, который

в конце послания, перечислив несколько ошибок, допущенных латинянами, призывает князя изучить содержание письма и приписать ему роль, данную Мономаху самим Богом как хранителем Православия на Руси⁷². В эклезиологии митрополита королевская роль заключалась в том, чтобы помогать поддерживать христианский порядок, точно так же, как священник заботится о своей пастве, таким образом интерпретируя сообщество мирян как сообщество веры и «смешивая» политику и религию. Его аналогичное письмо князю Муромскому Ярославу Святополчичу подтверждает нашу гипотезу, поскольку митрополит утверждает, что он написал потому, что монарх теперь является соседом поляков⁷³. Поскольку это послание более подробно описывает некоторые отклонения, особенно в отношении азимов, используя жесткую риторику, основанную на авторитете Павла, чтобы оправдать их вмешательство в священное⁷⁴, можно с уверенностью предположить, что Никифор хотел, чтобы князь защитил Русь от зла и развращающих практик из Рима, а также и его собственную легитимность как иерарха.

Таким образом, хотя антилатинские настроения не были распространены на Руси в конце XI-го и начале XII-го веков, некоторые люди, такие как монах Яков и Владимир Мономах, понимали, что те, кто находился под влиянием римского архиепископа, не были частью того же самого сообщества веры и относились к ложной

⁶⁹ Sykes C. The Place of Anti-Latin Polemic in the Writing of Early Rus, p. 71-72.

⁷⁰ Однако, было несколько попыток папы поставить Русь под влияние Рима. См.: Рамм В. Я. Папство и Руси в X–XV веках. М., 1959. С. 60-71.

⁷¹ Митрополит Никифор I. Послание Владимиру Мономаху о вере латинской // Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII. СПб., 1992. 71.

⁷² Там же. С. 73.

⁷³ Митрополит Никифор I. Послание Ярославу Святополчичу о вере латинской // Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII. С. 73.

⁷⁴ Там же. С. 76-79.

церкви. И Иоанн II, и Никифор I понимали девиантный латинский обряд как угрозу спасению Руси, а также, возможно, их собственной легитимности, и последний даже возложил на князей божественную миссию по борьбе с ним. Может быть только одна Церковь, и (угроза) сосуществования заставила митрополитов пересмотреть и переосмыслить свои понятия об «истинном» священную жизнь.

Климент Смолятич и признание столичной власти недействительной

Наш второй пример, несколько более продолжительный, чем предыдущий, о взаимосвязи священной и церковной институционализации заключается в очень известном споре, произошедшем в XII веке относительно Русской Церкви: избрании Климента Смолятича⁷⁵ митрополитом Киевским между 1147 и 1154 годами и противодействием ему со стороны некоторых священнослужителей того времени.

В летописях записано, что в 1147 году епископский синод был созван – и, возможно, подвергся манипуляциям⁷⁶ – киевским князем Изяславом Мстиславичем из-за отсутствия митрополита на кафедре. Последний архиерей, занимавший киевский престол, Михаил,

отправился в Константинополь в 1145 году и оставался там, возможно, до самой смерти. После его отъезда по собственному распоряжению Михаила в Киеве не разрешалось проводить никаких богослужений⁷⁷, что, возможно, отрицательно сказалось на религиозном укладе всей Руси. Кандидатом, избранным на вакантную митрополию, – вероятно, по предложению или принуждению самого Изяслава, был авторитетный монах Зарубского монастыря, известный как Климент Смолятич, избранный 27 июля, в день святого Пантелеимона. Но даже несмотря на срочную необходимость и довольно необычную⁷⁸ процедуру, это решение синода не было единодушным.

Из тех, кто принял Климента, а также его главным защитником в летописях был епископ Черниговский Онуфрий, который доказывал правомерность того, что сам синод может хиротонировать нового митрополита, поскольку глава святого Климента Римского оказался тогда на Руси. Подобно тому, как рука святого Иоанна скрепляет восхождение нового иерарха, так и реликвия придает легитимность правлению Климента⁷⁹. Онуфрий, а также другие священнослужители и, возможно, даже Изяслав, вероятно, знали, что в то время в Константинополе не было Патриарха, узаконившего нового митрополита, что могло бы оправдать назначение и хиротонию чрезвычайного митрополита с

⁷⁵ Иногда также известен как Клим. Этимологический обзор имени митрополита см. *Успенский Б. А.* Митрополит Климент Смолятич и его послания // *Slověne: International Journal of Slavic Studies*. № 1. 2017. С. 174-175.

⁷⁶ *Franklin S.* Introduction // *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'*. Ed. and transl. by Sim. П. И. Гайденко также указывает, что полоцкие и ростовские епископы бойкотировали Синод, ср. *Гайденко П. И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. Екатеринбург, 2011. С. 356-358.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. СПб, 1908. стб. 341.

⁷⁸ В начале 1147 года патриарх Космас II Атиккус был свергнут за связи с монахом, осужденным за участие в ереси Богумила. См.: *Magdalino Paul.* The empire of Manuel I Komnenos, 1143 – 1180. Cambridge, 1993, p. 277-278.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. стб. 341.

помощью реликвии, которая имеет связи с первой церковью – то есть с Римом, чтобы восстановить нормальное состояние общины веры. В конце концов, согласно Ипатьевской летописи, Климент стал иерархом из-за авторитета своего папского родственника, восстановившего Церковь⁸⁰.

С другой стороны, против хиротонии выступали по крайней мере два священнослужителя: епископы Смоленский Мануил и Новгородский Нифонт. Показано, что они категорически против Климента и его назначения Синодом, утверждая, что митрополит не может быть назначен кем-либо, кроме Патриарха. Прямой отказ от общения с Климентом в последующие годы⁸¹ выражает непризнание его власти над общиной и диктовки священного, чему, возможно, не способствовало то обстоятельство, что митрополит, по-видимому, никогда не удосужился получить патриаршую хиротонию даже после того, как Николай IV Музалон стал лидером Императорской церкви позже, в 1147⁸² году. Мы можем только представить, каким оскорблением это стало для Нифонта, Мануила и других

противников. Можно сделать вывод, что произошел не просто спор прогреческой и про-«национальной» церкви, но что имел место спор между экклесиологическими моделями порядка; концепция сообщества веры, возглавляемого кем-то, посвященным *непосредственно* Святым Климентом, против экклесиологии, которая считает законным иерархом только одного, благословленного Патриархом. Первый имел власть над священным, а второй не признавался таковым.

Конечно, политическое положение Руси и междоусобные войны нельзя игнорировать, но с точки зрения риторического конструирования власти нападки на Клима и его попытки защитить себя работали не так. Хотя и правда, что власть Изяслава в значительной степени способствовала осуществлению власти Климента, особенно при преследовании и заключении в тюрьму его оппонентов⁸³, но когда дело дошло до того, чтобы бросить вызов «митрополиту» в писаниях и действиях, это был вопрос того, какой священный порядок (или отсутствие такового) присутствовал в русской общине веры для церковников, которые противостояли ему.

Давайте посмотрим на пример Фомы, пресвитера из Смоленска, обвинения которого заставили Климента написать свое знаменитое послание. Он, очевидно, обвинил иерарха в приверженности эллинской философии и стремлении к мирской славе⁸⁴, что привело к использованию в его

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Согласно летописям, Нифонт отказывался участвовать в церковной службе с Климентом до самой его смерти: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

⁸² В письме, отправленном Нифонту, вероятно, в то время, когда епископ находился в заключении (1149 г.), Николай IV поздравляет пленника с его противодействием Клименту и упоминает, что митрополит действовал как таковой без патриархального благословения. См.: Послание Патриарха Николая IV Музалона к Новгородскому Епископу Нифонту // Памятники Общественной Мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский Период. М., 2010. С. 336. Только в 1164 году была задокументирована попытка узаконить Климента как митрополита, попросив о хиротонии патриарха, но к тому времени последний уже прислал Иоанна IV.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

⁸³ Новгородская Первая Летопись Старшего и Младшего Изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М., 1950. С. 28.

⁸⁴ *Митрополит Клим Смолятич*. Послание Климента Смолятича. С. 118-120.

проповедях аллегорий, которые еще больше ставят под сомнение будущий статус его как митрополита⁸⁵. Фома обвинил митрополита не только в тщеславии, но и в том, что он иерарх, не имеющий отношения к священному, поскольку в его проповедях присутствует «философия» вместо Библии, тем самым меня божественный авторитет на профанный фальшивый авторитет. Если допустить, что пресвитер, вероятно, находился под влиянием епископа Мануила, то недоверие к пребыванию Климента еще сильнее, поскольку он еще больше вмешивается в священное. Таким образом, Русская Церковь была скомпрометирована в своей цели упорядочить общину и подготовить ее к спасению.

Митрополит опроверг эти обвинения, не отрицая, что знает о светских авторах, и вместо этого говоря Фоме, что если он их действительно использовал, то только в целях наставления князей⁸⁶. Более того, то, что пресвитер считал тщеславием и философией, было, по словам иерарха, способом раскрыть истинный смысл мира, о котором говорится в притчах и загадках, присутствующих в Священном Писании⁸⁷, что является одной из задач митрополита. Кажущееся неправильным отношение Климента не разворачивает святых и общины, вместо этого они помогают митрополиту понять истину в деталях, в соответствии с его собственными представлениями. Это, в свою очередь, позволяет нам заключить, что христианский элемент не поврежден и порядок

сохраняется, поскольку его метод толкования церковных дел, а также его власть определять, что суть священного, являются законными.

Пример Климента показывает, что христианство и политику нельзя разделить друг от друга. Очевидная нелегитимность митрополита без патриархальной хиротонии сильно повлияла на отношения Русской Церкви и епископств. Новгород и Смоленск не признавали власть иерарха без официального благословения, и пресвитер последнего даже обвинил его в фальсификации Писания, тем самым отрицая право Климента на хиротонию. Таким образом, можно предположить, что для оппозиции в русской религиозной общине не было порядка. Когда митрополит Константин I прибыл в Киев в 1156 году, его первым действием было аннулирование всех предыдущих хиротоний Климента и восстановление порядка в Церкви⁸⁸, особого рода порядок, требующий посвященного священника для руководства общиной.

Два приведенных выше примера показывают, что построение понятия христианского порядка было напрямую связано с социальными процессами переговоров и конфликтов, соединяя политику и религию в единый и неразрывный нарратив. Подход к церковной институционализации как к истории развития того, как Церковь построила свою легитимность на артикулировании категорий социального и священного, открывает возможность дальнейших вопросов о том, что Церковь значила для людей, причастных к проявлениям сверхъестественного, и

⁸⁵ Успенский Б. А. Митрополит Климент Смолятич и его послания. С. 197.

⁸⁶ Митрополит Клим Смолятич. Послание Климента Смолятича. С. 118.

⁸⁷ Там же. С. 132.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

как они должны действовать в светском мире, их окружающем. Это, в свою очередь, открывает альтернативный метод исторического анализа, который ломает представление о Церкви в Киевской Руси как антиисторичной и неподвижной институции. Возможности изучения разнообразны: что, к примеру, значили споры по поводу соблюдения поста для идеи сохранения церковного порядка⁸⁹? Как постоянное вмешательство в церковные

⁸⁹ См., напр: *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3 (73). 2018.

назначения, осужденное митрополитом Кириллом I в первой четверти XIII века⁹⁰, показывает лежащую в основе экклезиологию и понятие гармонии? Если этой статье удалось хотя бы вызвать дискуссию о том, как следует применять термин «институт» к Русской церкви, значит, это всё же удалось.

⁹⁰ Первоначальная эпистолярная жалоба, направленная Кириллом I Константинопольскому Патриарху Герману II, не сохранилась, но до нас дошел патриархальный ответ. Это все еще редко анализируемый документ, но он имеет огромный потенциал для изучения Русской Церкви. Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I // *Русская Историческая Библиотека.* Том VI. СПб., 1890. Стб. 79-84.

Библиография

Источники:

Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I // *Русская Историческая Библиотека.* Том VI. СПб., 1890.

Канонические Ответы Митрополита Иоанна II // *Русская Историческая Библиотека.* Том VI. СПб., 1890.

Митрополит Клим Смолятич. Послание Климента Смолятича // *Библиотека Литературы Древней Руси,* том IV: XII век. СПб., 1997.

Митрополит Никифор I. Послание Владимиру Мономаху о вере латинской // *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII.* СПб., 1992.

Митрополит Никифор I. Послание Ярославу Святополчиху о вере латинской // *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII.* СПб., 1992.

Новгородская Первая Летопись Старшего и Младшего Изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М., 1950.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Послание Патриарха Николая IV Музалона к Новгородскому Епископу Нифонту // *Памятники Общественной Мысли Древней Руси.* Т. 1: Домонгольский Период. М., 2010.

Устав князя Владимира Святославича // *Памятники русского права.* Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. Под ред. засл. деят. науки проф. С. В. Юшкова. М., 1952.

Историография:

Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3 (73). 2018.

Гайденко П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. Екатеринбург, 2011.

Рамм В. Я. Папство и Руси в X–XV веках. М., 1959.

Соколов Р. А. Основные тенденции развития Русской Церкви в XIII — первой половине XIV в. // Вестник Санкт-Петербургского Университета, № 2 (1), 2010.

Успенский Б. А. Митрополит Климент Смолятич и его послания // Slověne: International Journal of Slavic Studies. № 1. 2017.

Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.

Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII. М., 1989.

Algazi G. Comparing Medieval Institutions: A Few Introductory Remarks // Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions in Medieval Christendom and Islam. Boston and Leiden, 2014.

Bastide R. O Sagrado Selvagem // Cadernos De Campo, no. 2, Vol. 2, 1991. (In Portuguese).

Berger P., Berger B. O que é uma instituição social? // Sociologia e Sociedade: Leituras de Introdução à Sociologia. Rio de Janeiro, 1994.

Bergmann M., Barbotin E. Institución // Vocabulario Ecueménico. Barcelona, 1972.

Braudel F. Histoire et Sciences sociales : La longue durée [History and social Sciences : The long duration] // Annales. Economies, sociétés, civilisations, 13e année, no. 4, 1958.

Eller J. Introdução à Antropologia da Religião. Petrópolis, 2018.

Fennel J. A History of Russian Church to 1488. Essex, 1991.

Franklin S. Introduction // Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'. Ed. and transl. by Simon Franklin. Cambridge, 1991.

Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019. (In English).

Guerreau-Jalabert Anita. L'écclesia médiévale, une institution totale // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. Paris, 2002.

Hodgson G. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues, vol. XL, no. 1, 2006.

Iogna-Prat D. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. Mexico City, 2013.

Kehl M. A Igreja: Uma Eclesiologia Católica. São Paulo, 1997.

Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. (In English).

Neves L. S. C. (Невес Л. С. С.) The «anecclesing» of the Latin Church in metropolitan polemical writings (XI century)/«Анэкклезивность» Латинской Церкви в митрополичих полемических трудах (XI в.) // Novogardia. № 2 (6). 2020.

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.

Podskalsky G. Christentum und Theologische Literatur in Der Kiever Rus' (988–1237) [Christianity and theological literature in Kievan Rus (988–1237)]. Munich, 1982.

Raffensperger C. Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'. Cambridge, 2016.

Revel J. Instituição e Sociedade // História e historiografia: exercícios críticos. Curitiba, 2010.

Rust L. Colunas de São Pedro: a política papal na Idade Média Central. São Paulo, 2011.

Schmitt J.-C. La notion de sacré et son application à l'histoire du christianisme médiéval // Cahiers du Centre de recherches historiques, no. 9, 1992.

Sykes C. The Place of Anti-Latin Polemic in the Writing of Early Rus // Byzantinoslavica, no. 76, 2018.

Vodoff V. Naissance de la Chrétienté Russe: La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XI–XIIIe siècles) [The Birth of Russian Christianity: The conversion of prince Vladimir of Kiev (988) and its consequences (XI–XIII centuries)]. Paris, 1988.

Zajac N. Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus' // Byzantinoslavica, no. 77 (1-2), 2020.

Сведения об авторе

Невес Леандро Сэзар С., Ph.D. студент по социальной истории, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, со стипендией, Кеймадос (Бразилия).

Email: lcneves.clio@gmail.com

References

Sources:

Gramota konstantinopol'skogo patriarkha Germana II k mitropolitu vseya Rusi Kirillu I [Letter from Patriarch German II of Constantinople to Metropolitan Kirill I of all Rus]. Russkaya Istoricheskaya Biblioteka. Tom VI. St. Petersburg, 1890. (In Russian).

Kanonicheskie Otvety Mitropolita Ioanna II [Canonical Answers of Metropolitan Ioann II]. Russkaia Istoricheskaja Biblioteka. Tom VI. St. Petersburg, 1890. (In Russian).

Mitropolit Klim Smolyatich. Poslanie Klimenta Smolyaticha [Epistle of Kliment Smolyatich]. Biblioteka Literaturny Drevnei Rusi, vol. IV: XII vek. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Mitropolit Nikifor I. Poslanie Vladimiru Monomakhu o vere latinskoi [Epistle to Vladimir Monomakh on the Latin faith]. Epistol'noe nasledie Drevnei Rusi XI–XIII, St. Petersburg, 1992. (In Russian).

Mitropolit Nikifor I. Poslanie Yaroslavu Svyatopolchichu o vere latinskoi [Epistle to Yaroslav Svyatopolchich on the Latin faith]. Epistol'noe nasledie Drevnei Rusi XI–XIII, St. Petersburg, 1992. (In Russian).

Novgorodskaya Pervaya Letopis' – Starshego i Mladshego Izvodov [The first chronicle of Novgorod – Oldest and youngest editions]. Moscow, 1950. (In Russian).

Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. [The complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat'evskaya Letopis'. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Poslanie Patriarkha Nikolaya IV Muzalona k Novgorodskomu Episkopu Nifontu [Epistle from Patriarch Nicholas IV Muzalon to Bishop Nifont of Novgorod]. Pamyatniki Obschestvennoj Mysli Drevnei Rusi. Vol. 1: Domongolskii Period. Moscow, 2010. (In Russian).

Ustav knyazya Vladimira Svyatoslavicha [Statute of Prince Vladimir Svyatoslavich]. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kiyevskogo gosudarstva X-XII vv. M., 1952. (In Russian).

Researches:

Gaidenko P. I. Stanovlenie vysshego Tserkovnogo upravleniya v Kievskoi Rusi [The formation of the highest Church administration in Kievan Rus]. Yekaterinburg, 2011. (In Russian).

Florya B. N. U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII vek) [On the origins of religious schism in the Slavic world (XIII century)]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Ramm B. Ya. Papstvo i Rusi v X–XV vekakh [The Papacy and Rus in X–XV centuries]. Moscow, 1959. (In Russian).

Schapov Ya. N. Gosudarstvo i Tserkov' Drevnei Rusi, X – XIII vv. [State and Church in Ancient Rus, X – XIII centuries]. Moscow, 1989. (In Russian).

Sokolov R. A. Osnovnye tendentsii razvitiia Russkoj Tserkvi v XIII — pervoi polovine XIV v. [The main tendencies on the development of the Russian Church from the XIII century to the first half of the XIV century]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, No. 2 (1), 2010. (In Russian).

Uspenskii B. A. Mitropolit Kliment Smolyatich i ego poslaniya [Metropolitan Kliment Smolyatich and his epistles]. Slověne: International Journal of Slavic Studies, No. 1, 2017. (In Russian).

Vinogradov A. Yu., Zheltov M. S. «Pervaya eres' na Rusi»: Russkiye spory 1160-kh godov ob otmene posta v prazdnichnye dni [“The first eres in Rus”: Russian disputes in 1160s about the abolition of fasting on holidays]. Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki, No. 3 (73), 2018. (In Russian).

Algazi G. Comparing Medieval Institutions: A Few Introductory Remarks. Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions in Medieval Christendom and Islam. Boston and Leiden, 2014. (In English).

Bastide R. O Sagrado Selvagem [The Savage Sacred]. Cadernos De Campo, No. 2, Vol. 2, 1991. (In Portuguese).

Berger P., Berger B. O que é uma instituição social? [What is a social institution?]. Sociologia e Sociedade: Leituras de Introdução à Sociologia. Rio de Janeiro, 1994. (In Portuguese).

Bergmann M., Barbotin E. Institución [Institution]. Vocabulario Ecuménico. Barcelona, 1972. (In Spanish).

Braudel F. Histoire et Sciences sociales : La longue durée [History and social sciences: The long duration]. Annales. Economies, sociétés, civilisations, 13e année, no. 4, 1958. (In French).

Eller Jack. Introdução à Antropologia da Religião [Introduction to Anthropology of Religion]. Petrópolis, 2018. (In Portuguese).

Fennel J. A History of Russian Church to 1488. Essex, 1991. (In English).

Franklin S. Introduction. Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'. Ed. and transl. by Simon Franklin. Cambridge, 1991. (In English).

Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019. (In English).

Guerreau-Jalabert A. L'ecclēsia médiévale, une institution totale [The medieval *ecclesia*, a total institution] Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. Paris, 2002. (In French).

Hodgson G. What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, vol. XL, no. 1, 2006. (In English).

Iogna-Prat Dominique. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. Mexico City, 2013. (In Spanish).

Kehl M. A Igreja: Uma Eclesiologia Católica [The Church: a catholic ecclesiology]. São Paulo, 1997. (In Portuguese).

Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. (In English).

Neves L. C. S. (Невес Л. С. С.) The “anecclesing” of the Latin Church in metropolitan polemical writings (XI century) / «Анэкклезивность» Латинской Церкви в митрополичих полемических трудах (XI в.) *Novogardia*, No. 2, 2020. (In English / Russian).

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990. (In English).

Podskalsky G. Christentum und Theologische Literatur in Der Kiever Rus' (988–1237) [Christianity and theological literature in Kievan Rus (988–1237)]. Munich, 1982. (In German).

Raffensperger C. Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'. Cambridge, 2016. (In English).

Revel J. Instituição e Sociedade [Institution and Society]. História e historiografia: exercícios críticos. Curitiba, 2010. (In Portuguese).

Rust L. Colunas de São Pedro: a política papal na Idade Média Central [Columns of Saint Peter: the papal policy in Central Middle Ages]. São Paulo, 2011. (In Portuguese).

Schmitt J.-C. La notion de sacré et son application à l'histoire du christianisme médiéval. Cahiers du Centre de recherches historiques, no. 9, 1992. (In French).

Sykes C. The Place of Anti-Latin Polemic in the Writing of Early Rus. *Byzantinoslavica*, no. 76, 2018. (In English).

Vodoff V. Naissance de la Chrétienté Russe : La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe-XIIIe siècles) [The Birth of Russian Christianity: The conversion of prince Vladimir of Kiev (988) and its consequences (XI-XIII centuries)]. Paris, 1988. (In French).

Zajac N. Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus. *Byzantinoslavica*, no. 77 (1-2), 2020. (In English).

About the author

Leandro César S. Neves, Ph.D. student in Social History, Federal University of Rio de Janeiro, with a scholarship from CNPq, Queimados (Brazil).

Email: lcneves.clio@gmail.com

КНИЖНИКИ РУССКИХ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И КОНТАКТЫ С АФОНОМ В КОНЦЕ XIV—НАЧАЛЕ XV ВВ.: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: В статье представлен обзор плодов литературной деятельности русских иноков в скрипториях Афонских монастырей. Сохранившиеся сведения позволяют определить книжные запросы русских общежительных монастырей в конце XIV — середине XV вв.: новгородские и нижегородские монастыри в основном заказывали уставные памятники, монахи московских обителей предпочитали аскетические сочинения, а деятельность тверских книжников на Афоне сочетает эти интересы. В статье публикуются писцовые записи тверских монахов Афанасия и Авраамия, где впервые в русской книжности упомянут Григорий Палама — выдающийся исихастский богослов.

Ключевые слова: книжность, общежительные монастыри, Афон, Афанасий Русин, Авраамий Русин, Григорий Палама.

С конца XIV в. после долгого забвения русско-афонские связи снова были восстановлены. До середины XV в. контакты русских иноков с Афоном были особенно интенсивными. Необычайно активно развивались именно книжные связи Святой горы и монастырей

Руси, которые представляли собой одно из наиболее важных проявлений второго южнославянского влияния. Этот период взаимоотношений древнерусского и афонского монашества не раз привлекал внимание историков и филологов, как правило, в контексте исследований второго южнославянского влияния¹. И хотя источников по этой теме не так уж и много, можно попытаться определить общие тенденции и некоторые особенности литературных связей русских иноков с Афоном.

Для начала необходимо выяснить, в каких афонских монастырях подвизались русские иноки. Излюбленной обителью у русских монахов была Великая Лавра. В XIV — первой половине XV вв. она представляла собой крупный славянский центр книгописания с явным

¹ *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894. С. 11, 13–15; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958. С. 40–41; *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. М.-Л., 1963. С. 94, 101; *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 518–530.

преобладанием болгарской книжности². Славянские иноки стекались туда, чтобы получить возможность работать с богатейшими книжными собраниями. В первой половине XIV в. Лавра стала ключевым центром тырновской книжной справы. В знаменитой обители болгарские книжники переводили, сверяли и редактировали богослужебные книги согласно Иерусалимскому уставу афонской редакции. В середине XIV в. в скитах Лавры подвизались будущие Тырновский патриарх Евфимий и Киевский митрополит Киприан³. Кружок сербских книжников в Лавре известен с середины XIV века⁴. На рубеже XIV–XV вв. число славянских книжников этой обители пополнилось русскими иноками (речь о них пойдет ниже).

Есть сведения, что русские книжники работали и в Ватопеде, где была крупная колония сербских иноков⁵. Наряду с этим наблюдается полное отсутствие русских монахов в Хиландаре и Пантелеймоновом монастыре в XIV — первой половине XV веков⁶.

Какие книжные памятники интересовали русских иноков во время их пребывания на Афоне?

Прежде всего, нужно выделить уставные памятники. Живой интерес к ним связывается с проблемой унификации

богослужебного устава и согласования древнерусской иноческой жизни с афонской традицией, которая бытовала в крупнейшем центре православного монашества, что подчеркивало ее вселенское духовное значение⁷. С самыми ранними афонскими контактами связаны иноки, которые какое-то время подвизались на Святой горе и заказывали там списки книг уставного характера.

Первые свидетельства такого рода контактов относятся к деятельности постриженников Новгородского Лисицкого монастыря. Первые упоминания об этой обители относятся к 1389 г., хотя считается, что она была основана гораздо раньше⁸. Прп. Арсений Коневский был иноком этого монастыря. Около 1390 г. в Лисицкий монастырь пришли афонские монахи, вместе с которыми прп. Арсений отправился на Афон. В одном из монастырей Святой горы (подлинно неизвестно, в каком именно) святой подвизался около трех лет, после чего принес на Русь список Афонского устава (рукопись не сохранилась)⁹. По мнению А. Г. Боброва, это был Иерусалимский устав афонской редакции¹⁰. Несколько ранее именно такой Афонский устав утвердил в Спасо-Каменном монастыре

² Лосева О. В., Крюков А. В. Ватопед // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 308.

³ См.: Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии. Т. 1. Вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898..

⁴ Турилов А. А. Славяне в Великой Лавре / Великая Лавра // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 390.

⁵ Лосева О. В., Крюков А. В. Ватопед. С. 308.

⁶ Турилов А. А. Межславянские культурные связи. С. 564.

⁷ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 10–15.

⁸ Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78.

⁹ Житие Арсения Коневского // БЛДР. Т. 13. СПб., 2005.. С. 160–162.

¹⁰ Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря... С. 79, 82.

Дионисий Грек¹¹. Однако последний был только выходцем с Афона, в свою очередь, прп. Арсений целенаправленно решил согласовать древнерусское устройство иноческой жизни с афонской традицией.

Иларион Лисицкий был игуменом Лисицкого монастыря, который какое-то время подвизался на Афоне. Он заказал для себя список Тактикона Никона Черногорца и в 1397 г. вернулся с ним в Новгород, после чего другие лисицкие иноки сделали с этого Тактикона еще один пергаменный список (РНБ, Ф.п.1.47)¹².

Известны выходцы из других русских обителей, посещавших Афон с целью приобретения уставных памятников. Архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Досифей подвизался на Афоне в конце XIV — начале XV веков¹³. На Русь он привез с собой Устав Святой горы и Чин пения 12-ти псалмов. В Уставе сообщается, что святогорцы, которые отдельно живут в кельях, каждый день прочитывают половину Псалтири и по три тысячи Иисусовых молитв¹⁴.

Савва Тверской (Бороздин) основал Сретенский монастырь под Тверью около

1397 года. Со временем его игуменства связывается появление в обители пергаменного Устава начала XV в. (ГИМ. Усп. 5-п.). Затем игуменами этой тверской обители были Варсонофий и другой Савва (с 1417 г.). Любопытно, что в данной рукописи содержится запись, датирующаяся 1630 г., которая гласит, что Устав принесли Варсонофий и Савва «из грек»¹⁵. Эта запись, отражающая фиксацию монастырского предания о происхождении древней рукописи, допускает путаницу между двумя Саввами. Обратимся к данным других источников, чтобы разрешить этот вопрос. Иосиф Волоцкий в своем духовном завещании сообщает, что Савва Бороздин из Сретенского монастыря посещал Афон. О втором Савве прп. Иосиф не повествует¹⁶. Однако пасхалия в данном Уставе начинается с 1424 года. Этот факт позволяет заключить, что Устав появился в Тверском монастыре благодаря второму игумену Савве¹⁷. Этим игуменом точно не был Савва Вишерский, который в 1418 г. основал под Новгородом Вишерский монастырь¹⁸ (некоторые исследователи склонны отождествлять Савву Бороздина с Саввой Вишерским¹⁹, что вызывает обоснованное сомнение у других специалистов²⁰; видимо, данное отождествление является следствием

¹¹ Тарасов А. Е. Епископ Ростовский Дионисий Грек // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 71.

¹² Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. Т. 18. Л., 1961. С. 369–370; Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афон в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 178; Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря... С. 82, 89–90.

¹³ Турилов А. А. Досифей // ПЭ. Т. 16. М., 2008. С. 54.

¹⁴ Скабалланович М. Н. Толковый типикон. Вып. 1. Киев, 1909. С. 383–385; Русский феодальный архив. М., 1987. Т. 3. С. 559; Древнерусские иноческие уставы / Сост. Суздальцева Т. В. М., 2001. С. 234.

¹⁵ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских... С. 179.

¹⁶ Древнерусские иноческие уставы. С. 104.

¹⁷ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских... С. 179.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 236–237.

¹⁹ Федотова М. А. К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 552.

²⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 3. / Под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2012. С. 453.

упомянутой путаницы). Кроме того, известен список Кормчей 1517 г. из собрания графа Ф. А. Толстого. В записи этого манускрипта говорится, что текст Кормчей был сличен с несколькими рукописями, в том числе и с Кормчей, вывезенной с Афона сретенским иноком Саввой²¹. По всей видимости, тверской инок Савва Бороздин в первой четверти XV в. вывез с Афона как минимум две рукописи уставного характера.

Другой блок свидетельств о книжной деятельности русских иноков на Афоне относится к созданию большого количества списков аскетических сочинений. Массовый приток аскетической литературы на Русь был связан с живой потребностью древнерусских иноков в чтении подобных сочинений: XIV–XV вв. — это эпоха «монастырского возрождения» на Руси, когда особо сильным было стремление к высокой иноческой жизни и духовному подвижничеству. По словам знатока русского монашества И. К. Смолыча, XIV столетие — это «век аскетизма»²².

Первые свидетельства о создании аскетических сборников на Афоне для древнерусских монастырей фрагментарны и отражают лишь малую часть общей картины литературных связей русских и афонских книжников. Около 1397 г. на Афоне существовала небольшая русская колония (монахи Герман, Каллиник, Кассиан и др.), некоторые из них занимались книгописанием. Этим годом, вероятно, датируется «Книга о постничестве»

свт. Василия Великого (ГИМ. Увар. № 506). Между 1417–1418 гг. русские иноки Варсонофий и Мартин переписали внушительный сборник аскетического характера (ГИМ. Син. № 213), включающий в себя Азбучно-Иерусалимский патерик²³.

К сожалению, неизвестно, для каких монастырей трудились указанные книжники. Однако следующие примеры отражают и региональный аспект книжных заказов.

Г. И. Вздорнов справедливо отмечал, что контакты московских монастырей с Афonom не отличаются интенсивностью, поскольку их основное внимание было сосредоточено на скрипториях Константинополя²⁴. Действительно, огромное количество рукописей, написанных для библиотек монастырей московского региона, имеют константинопольское происхождение. Однако и в этом случае известна по крайней мере одна точка пересечения разных культурных центров Византии и Древней Руси.

Евсевий-Ефрем — русский книжник, работавший как в Константинополе, так и на Афоне. Большая часть написанных им рукописей отправлялась в московские обители, в том числе в Троице-Сергиев монастырь. Он выступал посредником в процессе трансляции на Русь аскетических сочинений, связанных с творчеством южных славян.

В 1420 г. в Константинопольском монастыре Богородицы Перивлепты

²¹ Федотова М. А. К вопросу о Житии Саввы Вишерского. С. 552.

²² Смолыч И. К. Русское монашество (988–1917). Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 44.

²³ Максимович К. А., Турилов А. А. Афон и Россия. Русские иноки на Афоне в XI–XVII вв. // ПЭ. Т. 4. М., 2002. С. 148.

²⁴ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских... С. 181.

Евсевий-Ефрем работал над Четъей-Минеей, которая позднее была преподнесена Троицкому игумену Зиновию (1432–1443 гг.). Известен список с оригинальной рукописи (ОР РГБ. Ф. 304. I. № 669). Также сохранились сведения о списке Лествицы, который Евсевий создал в 1421 г. в Константинополе. В московских монастырях в первой половине XV в. с этого списка было сделано несколько копий (ОР РГБ. Ф. 113. № 122²⁵; ОР РГБ. Ф. 354. № 462). В 1422–1423 гг. книжник начал переписывать другую Лествицу, где написал лишь первые 64 листа (ГИМ. Усп. 18-бум). В конце рукописи Евсевий сделал своей рукой помету, что книга была написана в 1424 г. старцем Митрофаном в Ватопеде. Именно этим временем датируется переезд Евсевия в святогорский монастырь²⁶. В 1425 г. по просьбе Евсевия сербский монах из монастыря св. Павла Ксиропотамского Иаков Доброписец²⁷ перевел «Слово постническое» Максима Исповедника. На этот момент Евсевий-Ефрем жил уже в монастыре св. Павла. Евсевий включил этот перевод в сборник поучений других святых отцов, снабдив «Слово» собственным послесловием. В таком виде сборник был отправлен на Русь, где с него сделали несколько списков²⁸. Один

из ближайших к оригиналу списков точно датирован не ранее 1425 г. (ОР РГБ. Ф. 304. I. № 756). Хронологически следующий список — 1431 г. — происходит из Лисицкого монастыря (ОР РГБ. Ф. 304. I. № 175)²⁹. Однако состав этих сборников несколько отличается. Очевидно, что за образец лисицкими книжниками была взята не Троицкая рукопись. Можно полагать, что «Слово» попало в Лисицкий монастырь напрямую с Афона в другом сборнике с измененным составом. Этот факт не противоречит наличию самостоятельных контактов этой обители с Афоном, а не через посредничество других монастырей. Так, в том же году в Лисицком монастыре появился список Лествицы с афонского манускрипта (ОР РГБ. Рум. № 200)³⁰.

Согласно изысканиям Б. М. Клосса и А. А. Турилова, Евсевий-Ефрем также существенно дополнил сербскую рукопись первой четверти XIV в. «Слов постнических» прп. Исаака Сирина. Изначально она содержала 1-ю редакцию славянского перевода этого сочинения. Но пространственные маргиналии русского книжника значительно дополнили этот текст до 2-й редакции (ОР РГБ. Ф. 173. I. № 151)³¹. Этот эпизод русско-афонских связей иллюстрирует яркий пример подготовительной работы над текстом неизвестного ранее на Руси памятника аскетической мысли.

Не менее выразительна небольшая колония тверских книжников в Великой

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ Там же. С. 177; Турилов А. А. Евсевий-Ефрем // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 277.

²⁷ А. А. Турилов обратил внимание на то, что вопрос об отождествлении книжника Иакова именно с Иаковом Доброписцем нуждается в углубленном изучении, поскольку правописание известных списков существенно различается. См.: Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 576, 600.

²⁸ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских... С. 178, С. 195–196.

²⁹ Там же. С. 196; Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря... С. 88.

³⁰ Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 545.

³¹ Там же. С. 540, 599.

Лавре, состоящая как минимум из двух иноков.

Тверской иеромонах Афанасий Русин, предположительно происходивший из монастыря Богородицы на Перемере, долгое время подвизался в Лавре на Афоне, где переписывал и покупал книги для тверских обителей. Также Афанасий был связан с другими афонскими монастырями — обителью св. Павла Ксиропотамского и Пантократором³².

В 1430 г. Афанасий приобрел в монастыре Пантократор болгарское Евангелие-тетр конца XIV в. (ГИМ. Воскр. № 5-бум.), которое он в 1436 г. вложил в Тверской монастырь на Перемере. В 1431 г. Афанасий переписал в Великой Лавре сборник с Житием Афанасия Афонского. До нас дошел список этой рукописи, сделанный между 1436–1445 гг. в Троице-Сергиевом монастыре и сохранивший писцовую запись (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 746). В 1432 г. в Великой Лавре он же переписал Житие Григория Омиритского. Известно несколько списков с этого манускрипта, которые также содержат послесловие Афанасия. Один из них был выполнен по заказу игумена Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ. Кир.-Бел. № 45/2184)³³.

Авраамий Русин — второй тверской инок, который в 1430-е гг. трудился над созданием новых рукописей с Афанасием. Но, судя по имеющимся источникам, его деятельность была менее плодотворной.

³² Турилов А. А. Афанасий Русин // ПЭ. Т. 4. М., 2002. С. 68–69.

³³ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских... С. 180.

В 1432 г. в Великой Лавре Авраамий переписал сохранившийся сборник житий (ОР РГБ. Ф. 98. № 543). В 1437 г. он вложил этот сборник в Тверской Саввин-Сретенский монастырь³⁴.

Вероятно, приведенные выше рукописи Афанасий и Авраамий привезли в Тверь вместе (в 1436–1437 гг.). Судя по всему, о возвращении книжников на Русь было широко известно: Троицкий и Кирилловский игумен заказали для своих библиотек копии переписанных Афанасием сборников. Несмотря на скудость данных источников, приведенные факты иллюстрируют на редкость подробные детали литературных русско-афонских контактов.

Большой интерес представляют писцовые записи сборников Афанасия и Авраамия в которых упоминается свт. Григорий Палама — выдающийся богослов, лидер и главный апологет византийских исихастов в XIV веке. Это уникальное, самое раннее свидетельство о том, что русским книжникам был известен этот святой. Все прочие сведения о знакомстве русских с творчеством Григория Паламы и с исихастскими спорами ранее этого времени исходят из научных гипотез и косвенных фактов³⁵. Ниже приводятся упомянутые писцовые записи тверских книжников:

³⁴ Там же.

³⁵ Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях древней Руси. М., 2009. С. 90–92; Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 318; Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 557–558.

ОР РГБ. Ф. 304. I. № 746. Л. 336 об.	ОР РГБ. Ф. 98. № 543. Л. 104–104 об.
<p>«В лѣто 6939 [1431] списася книга сиа въ Святой горѣ Афонсцѣ, въ обители царствъ в Лаврѣ великаго Афанасия, <i>под крылием святого Григория Паламы (курсив мой — А. Н.)</i> и преподобного отца нашего Петра Афонского, в кущи святаго и славнаго пророка Илия. Преписася многогрѣшнаго и смиреннаго инока Афанасия Русина».</p>	<p>«Въ лѣто 6940 [1432] съписася книга сия въ Святой горѣ Афоньстии въ обители царствѣи Прѣчистыя Владычица наша Богородица приснодевы Мариа въ нарицаемѣи Лаврѣ преподобнааго и богоноснааго отца нашего Афанасиа Атоньскааго, <i>под крилиемъ святаго Григориа Паламы (курсив мой — А. Н.)</i> и преподобнааго отца нашего Петра въ кущи святаго и славнаго пророка Ильу. Написася рукоу многогрѣшнааго и съмѣренна инока Авраамаи Роусина въ царство греческааго цара кур Калуана Полеолога и при вселеньском патриарсѣ Коньстянтинополь кур Иосифа, помощью Божию и прѣнесена бысть от греческааго царства на Русь Богомъ спасаемыи град Тферь при боголюбивом и благочѣстивом и самодержавном великом князѣ Борисѣ Александровичѣ въ славу Живоначялныя и Еди[но]сущныя Троица и въ чѣсть преподобному и богоносномуу отцю нашему Савѣ Освященному и ныне, и присно, и въ вѣкы вѣком, аминь. При господинѣ отци нашемъ оучители и наставници и многомилостивом, и братолюбивом, и книголюбивом Савѣ игоумени въдана бысть книга сиа въ лето 6945 [1437]».</p>

В этом же виде с незначительными дополнениями запись сделана на втором сборнике Афанасия Русина (РНБ. Кир.-Бел. № 45/2184). Несомненно, мы имеем дело с общей устойчивой формулой репрезентации конкретного афонского скриптория, где создавались рукописи. Она могла быть общей как для русских, так и для греческих, болгарских и сербских книжников, работавших в Великой Лавре. В перспективе необходимо провести сравнительное исследование писцовых записей книжников Лавры этого времени. Любопытно, что в этих записях Григорий Палама упоминается между Афанасием и Петром Афонским, что подчеркивает высочайшее значение святителя для Великой Лавры. Именно в этой обители некогда подвизался Григорий Палама, а ее насельники решительно

поддерживали свт. Григория в исихастских спорах и активно защищали практику непрестанной Иисусовой молитвы³⁶.

Упоминание имени святителя в указанных записях также соотносится со следующим фактом. Именно во время создания сборников Афанасия и Авраамаи, в 1430–1440-е гг., на Русь попадают и первые переводные сочинения Григория Паламы, а также полемические сочинения его соратника — Давида Дисипата, которые прямо или косвенно повествуют об исихастских спорах первой половины XIV века. В частности, наиболее ранний список творения свт. Григория («Прения с хионы и турки»), который был известен на Руси, датируется 1420–1440-ми

³⁶ Бернацкий М. М. Григорий Палама // ПЭ. Т. 13. М., 2007. С. 12.

годами³⁷. Однако списки этих сочинений немногочисленны и, вероятно, они не были популярны в массах древнерусского монашества.

Всё это позволяет судить о том, что личность Григория Паламы и его значение для православия поначалу были известны лишь небольшой группе русских монахов-интеллектуалов, которые напрямую были связаны афонскими литературными контактами. Однако письменные свидетельства о свт. Григории не получили широкого распространения в сохранившемся наследии библиотек древнерусских монастырей.

В то же время, изложенное не говорит о том, что русским инокам было чуждо творение непрестанной Иисусовой молитвы, богообщение и обожение. По крайней мере, о мистическом опыте в их духовной жизни свидетельствуют жития преподобных учеников Сергия Радонежского, выходцев из Спасо-Каменного монастыря и новгородских подвижников³⁸. Но обилие списков аскетических творений святых отцов IV–XI вв. в монастырских библиотеках побуждает считать, что древнерусские иноки ориентировались в духовных наставлениях, прежде всего, на пример этих древних отцов. Однако есть исключение. Григорий Синаит — исихаст, афонит, сподвижник Григория Паламы и один из ярких живых примеров исихастского обожения в православной традиции. Именно его Житие

и сочинения в первой половине XV в. начинают набирать популярность в Древней Руси³⁹. Было ли это связано с тем, что русские представления о византийском исихазме XIV в. ассоциировались с подвигами Григория Синаита? Исследователям еще предстоит ответить на этот вопрос.

Приведенный обзор подтверждает выводы А. И. Соболевского и А. А. Турилова о важном аспекте второго южнославянского влияния: приток аскетической литературы и смена Студийского устава на Иерусалимский⁴⁰. Данный обзор подтверждает и конкретизирует доводы исследователей о наличии специфических региональных предпочтений при заказе новых книг⁴¹.

Иноки новгородских и нижегородских монастырей искали на Афоне главным образом уставные памятники. Московские обители заказывали книги преимущественно в скрипториях Константинополя. Среди небольшого числа афонских рукописей, которые попали в московский регион, фигурируют только аскетические сочинения. Деятельность тверских книжников на Афоне представляет собой сочетание этих интересов. В тверских обителях были востребованы как уставные, так и аскетические памятники афонского происхождения.

³⁷ Прохоров Г. М. «Так воссияют праведники...» Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009. С. 82; Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 557–558.

³⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 151, 160–161.

³⁹ Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература. С. 318–321.

⁴⁰ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. С. 6–7; Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 519, 524.

⁴¹ Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 522–523, 526.

Таким образом, представленные материалы ясно выражают сохранение общей тенденции литературных вкусов конца XIV–XV вв., однако внутри русских земель они существенно различались. Такая культурная ситуация обусловлена в том числе и политическим положением русских земель, среди которых всё еще не было единства. В данном контексте книжные связи с Афоном были важной предпосылкой для складывания единого русского культурного пространства и развития исихастских практик в среде русского монашества.

Библиография

Источники:

Древнерусские иноческие уставы / Сост. Суздальцева Т. В. М., 2001.

Житие Арсения Коневского // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13.

ОР РГБ. Ф. 98. № 543.

ОР РГБ. Ф. 304. I. № 746.

ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.

Литература:

Бернацкий М. М. Григорий Палама // ПЭ. Т. 13. М., 2007.

Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991.

Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афон в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968

Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси. М., 2009.

Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

Лосева О. В., Крюков А. В. Ватопед // ПЭ. Т. 7. М., 2004.

Максимович К. А., Турилов А. А. Афон и Россия. Русские иноки на Афоне в XI–XVII вв. // ПЭ. Т. 4. М., 2002.

Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 19. М. — Л., 1963.

Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорфей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.

Прохоров Г. М. «Так воссияют праведники...» Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009.

Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. Т. 18. Л., 1961.

Скабалланович М. Н. Толковый типикон. Вып. 1. Киев, 1909.

Русский феодальный архив. Т. 3. М., 1987.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 3. / Под ред. Д. М. Булачина. СПб., 2012.

Смолич И. К. Русское монашество (988–1917). Жизнь и учение старцев. М., 1997.

Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894.

Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии. Т. 1. Вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898.

Тарасов А. Е. Епископ Ростовский Дионисий Грек // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008.

Турилов А. А. Афанасий Русин // ПЭ. Т. 4. М., 2002.

Турилов А. А. Досифей // ПЭ. Т. 16. М., 2008.

Турилов А. А. Евсевий-Ефрем // ПЭ. Т. 17. М., 2008.

Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

Турилов А. А. Славяне в Великой Лавре / Великая Лавра // ПЭ. Т. 7. М., 2004.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.

Федотова М. А. К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001.

Сведения об авторе

Носов Артем Владимирович, специалист по учебно-методической работе исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник Архива РАН (Россия)
E-mail: avn.hist@mail.ru

A. V. Nosov

SCRIBES OF RUSSIAN CENOBITIC MONASTERIES AND CONTACTS WITH MOUNT ATHOS IN THE LATE XIV–MID XV CENTURIES: GENERAL TRENDS

Annotation: The article presents a review of the results of the literary activity of Russian monks in the scriptoria of the Athos monasteries. The preserved information allows us to determine the book requests of Russian cenobitic monasteries in the late XIV — mid XV centuries: Novgorod and Nizhny Novgorod monasteries mainly ordered

statutory monuments, the monks of Moscow monasteries preferred ascetic writings, and the activities of Tver scribes on mount Athos combine these interests. In the article are published the scribal writings of the Tver monks Athanasius and Avraamius, where Gregory Palamas — an outstanding Hesychast theologian — is mentioned for the first time in Russian literature.

Key words: literacy, cenobitic monasteries, mount Athos, Athanasius Rusin, Abraham Rusin, Gregory Palamas.

References

Sources:

Drevnerusskie inocheskie ustavy [Old Russian monastic charters] Comp. by Suzdal'tseva Vol. W. Moscow, 2001.

Zhitie Arseniya Konevskogo [Hagiography of Arseny Konevsky] // BLDR. Vol. 13. St. Petersburg, 2005.

OR RGB. F. 98. No. 543.

OR RGB. F. 304. I. No. 746.

PSRL. Vol. 3. St. Petersburg, 1841.

Researches:

Bernatskii M. M. Grigorii Palama [Gregory Palamas] // PE. Moscow, 2007. Vol. 13. (In Russian).

Bobrov A. G. Knigopisnaya masterskaya Lisitskogo monastyrya (Konets XIV — pervaya polovina XV v.) [Book-writing workshop of the Lisitsky monastery (Late XIV — first half of the 15th century)] // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi XI–XVI vv.: Raznye aspekty issledovaniya. St. Petersburg, 1991. (In Russian).

Vzdornov G. I. Rol' slavyanskikh monastyrskikh masterskikh pis'ma Konstantinopolya i Afon v razvitiy knigopisaniya i khudozhestvennogo oformleniya russkikh rukopisei na rubezhe XIV–XV vv. [The role of the Slavic monastery writing workshops of Constantinople and Athos in the development of book writing and decoration of Russian manuscripts at the turn of the XIV–XV centuries.] // TODRL. Vol. 23. Leningrad, 1968. (In Russian).

Kontsevich I. M. Styazhanie Dukha Svyatago v putyakh drevnei Rusi [Acquisition of the Holy Spirit in the ways of Ancient Russia]. Moscow, 2009. (In Russian).

Lidov A. M. Ierotopiya. Sozдание sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya. Ierotopiya [Hierotopia. Creation of sacred spaces as a type of creativity and a subject of historical research] // Sozдание sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi / Red.-sost. A. M. Lidov. Moscow, 2006. (In Russian).

Likhachev D. S. Nekotorye zadachi izucheniya vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya v Rossii [Some problems of studying the Second South Slavic influence in Russia] // IV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady. Moscow, 1958. (In Russian).

Loseva O. V., Kryukov A. V. Vatoped [Vatopedi] // PE. Vol. 7. Moscow, 2004. (In Russian).

Maksimovich K. A., Turilov A. A. Afon i Rossiya. Russkie inoki na Afone v XI–XVII vv. [Afon and Russia. Russian monks on Mount Athos in the XI–XVII centuries] // PE. Vol. 4. Moscow, 2002. (In Russian).

Moshin V. A. O periodizatsii russko-yuzhnoslavyanskikh literaturnykh svyazei X–XV vv. [On the periodization of Russian-South Slavic literary relations of the X–XV centuries] // TODRL. Moscow- Leningrad, 1963. (In Russian).

Prokhorov G. M. Keleinaya isikhastsкая literatura (Ioann Lestvichnik, Avva Dorofei, Isaak Sirin, Simeon Novyi Bogoslov, Grigorii Sinaït) v biblioteke Troitse-Sergievoi lavry s XIV po XVII v. [Cell Hesychast literature (John of the Ladder, Abba Dorotheus, Isaac the Syrian, Simeon the New Theologian, Gregory the Sinaite) in the library of the Trinity-Sergius Lavra from the XIV to the XVII century] // TODRL. Vol. 28. Leningrad, 1974. (In Russian).

Prokhorov G. M. «Tak vossiyayut pravedniki...». Vizantiiskaya literatura XIV v. v Drevnei Rusi [«So the righteous will shine...» Byzantine literature of the XIV century in Ancient Russia]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Semenov A. I. Lisitskii monastyr' — prigorodnyi tsentr novgorodskogo knigopisaniya [Lisitsky Monastery-suburban center of Novgorod book writing] // TODRL. Vol. 18. Leningrad, 1961. (In Russian).

Skaballanovich M. N. Tolkovyi tipikon [Explanatory typicon]. Iss. 1. Kiev, 1909. (In Russian).

Russkii feodal'nyi arkhiv [Russian feudal Archive]. Vol. 3. Moscow, 1987. (In Russian).

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of scribes and books of Ancient Russia]. Iss. 2. Part 3. Pod red. D. M. Bulanina. St. Petersburg, 2012. (In Russian).

Smolich I. K. Russkoe monashestvo (988–1917). Zhizn' i uchenie startsev [Russian Monasticism (988–1917). Life and teaching of the Elders]. Moscow, 1997. (In Russian).

Sobolevskii A. I. Yuzhnoslavyanskoe vliyanie na russkuyu pis'mennost' v XIV–XV vv. [South Slavic influence on Russian writing in the XIV–XV centuries]. St. Petersburg, 1894. (In Russian).

Syrku P. A. K istorii ispravleniya knig v Bolgarii [On the history of the correction of books in Bulgaria]. Vol. 1. Iss. 1. Vremya i zhizn' patriarha Evfimiya Ternovskogo. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Tarasov A. E. Episkop Rostovskii Dionisii Grek [Bishop of Rostov Dionysius the Greek] // Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli, 2007. Rostov, 2008. (In Russian).

Turilov A. A. Afanasii Rusin [Afanasy Rusin] // PE. Vol. 4. Moscow, 2002.

Turilov A. A. Dosifei [Dosifey] // PE. Vol. 16. Moscow, 2008. (In Russian).

Turilov A. A. Evsevii-Efrem [Eusebius-Ephraim] // PE. Vol. 17. Moscow, 2008. (In Russian).

Turilov A. A. Mezhsלavyanskіe kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i kharakteristiki [Inter-Slavic cultural

relations of the Middle Ages and source studies of the history and culture of the Slavs: Etudes and characteristics]. Moscow, 2012. (In Russian).

Turilov A. A. Slavyane v Velikoi Lavre. Velikaya Lavra [lavs in the Great Lavra / The Great Lavra] // PE. Vol. 7. Moscow, 2004.

Fedotov G. P. Svyatye Drevnei Rusi [The Saints of Ancient Rus]. Moscow, 1990. (in Russian).

Fedotova M. A. K voprosu o Zhitii Savvy Visherskogo [On the Question of the Hagiography of Savva Vishersky] //TODRL. Vol. 52. St. Petersburg, 2001. (In Russian).

About the author

Nosov Artem V., specialist in educational and methodical work of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: avn.hist@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ФЕДОРЕ ЮРЬЕВИЧЕ ЩУКЕ КУТУЗОВЕ, ВОЕВОДЕ ВАСИЛИЯ III

Аннотация: Критикуя новейшее исследование о жизни и службе воеводы Ф. Ю. Щуки Кутузова, автор предлагает собственную реконструкцию служилой биографии этого государственного деятеля первой трети XVI в. Уточняются отдельные аспекты карьерного пути Федора Щуки. Выявляются факторы, влиявшие на его повышение / понижение в структуре воеводского корпуса. Локализуется его положение в военно-служилой иерархии Московского государства. Устанавливается примерная дата кончины Ф. Ю. Щуки. В конце статьи приводится хронологический перечень основных событий жизни полководца.

Ключевые слова: служилая аристократия, воеводы, военная история, Государев двор, Кутузовы, Василий III.

Что же касается биографий, то должен Вам сказать, милостивый государь, что моя скромность постоянно препятствовала мне подумать о своей, поскольку я никогда не ожидал какой-либо степени известности. Тем не менее, чтобы удовлетворить Вашу настойчивость, я попытаюсь собрать воедино кое-какие материалы, ускользнувшие из моей памяти, и не премину переслать их Вам, уверенный, что русский Плутарх, желая обессмертить деяния моих соотечественников, обессмертит и себя в этом новом роде своей деятельности.

М. И. Голенищев-Кутузов —
А. Коцебу, 12 / III. 1813¹

Во второй половине 2020 года в VII выпуске электронного издания «Novogardia» вышла статья нижегородского исследователя Б. А. Илюшина, посвященная русскому воеводе первой трети XVI в. Федору Юрьевичу Кутузову по прозвищу Щука². Рост интереса

¹ *Фельдмаршал Кутузов.* Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 293.

² *Илюшин Б. А.* Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III // *Novogardia.* № 3 (7). 2020. С. 72–96.

к истории военно-служилого сословия второй половины XV–XVI вв. в наше время несомненен³. И появление очередного биографического очерка, выполненного в ключе исследований последних лет, можно было бы только приветствовать. Однако же ознакомление с текстом статьи вызывает у подготовленного читателя чувство острого недоумения. Автором, взявшим на себя труд изложить *служилую биографию* московского воеводы, были начисто проигнорированы методологические приемы, обыкновенно применяемые при подобного рода разысканиях⁴. В статье не были затронуты такие основополагающие критерии исследования, как *востребованность* и *результативность* полководца, не рассмотрена *динамика служебных назначений*, не обозначено его место в структуре военно-политической элиты, не упомянуты службы других представителей его рода. Щука Кутузов представлен читателю как бы «выпавшим» из общей системы воеводских служб, существующим вне воеводского корпуса и собственной семьи. Отнюдь не позитивно сказались

на результатах работы Илюшина слабое знание автором историографии вопроса⁵, весьма вольное обращение с доступными ему источниками⁶ и исследовательской терминологией⁷, а также отдельные досадные ошибки и неточности⁸. В целом,

⁵ Так, например, перечисляя во введении работы, содержащие биографические обзоры представителей русской служилой знати второй половины XV — первой половины XVI вв., автор называет классические труды С. Б. Веселовского и А. А. Зимина и в общем-то непрофильные монографии И. Б. Михайловой и С. З. Чернова, игнорируя при этом специальную новейшую литературу: фундаментальные разыскания А. П. Павлова и Ю. Г. Алексеева, исследования Д. М. Володихина, А. В. Сергеева и ряда других авторов. Ниже по тексту Б. А. Илюшин сетует на отсутствие сколь-нибудь подробных биографий русских аристократов времени правления Ивана III и Василия III: «отдельным лицам, — по его словам, — посвящены лишь краткие заметки, к тому же иной раз содержащие ошибки и неточности». Между тем, трудно назвать «краткой заметкой» 50-страничную брошюру Д. М. Володихина о кн. А. В. Ростовском, а также ряд весьма пространственных статей и очерков В. А. Кучкина, Ю. Г. Алексеева, Н. С. Борисова, Д. М. Володихина, А. Г. Бахтина и др.

⁶ Приведем красноречивый пример. Три страницы своего исследования автор посвятил разбору «повторов и разночтений» разрядных книг, относящихся к службам Ф. Ю. Щуки Кутузова в 1510-х гг. Между тем, скрупулезный текстологический анализ интересующих автора частей так называемой Пространной разрядной книги еще в 1970-х гг. был осуществлен А. А. Зиминим (См.: *Зимин А. А.* Текстология Пространной редакции разрядных книг за 1475–1537 г. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 156–159).

⁷ Так, именованное Илюшиным Пространной разрядной книги (компиляции 10–40-х гг. XVII в.) «разрядной книгой 1605 г.» явно вводит читателя в заблуждение относительно времени составления этого памятника. То же в общем-то относится и к «разрядной книге 1598 г.», в используемой автором части отражающей чтения Государева разряда 1556 г. Неясно и выборочное употребление в тексте статьи княжеских титулов применительно к представителям титулованной аристократии, что, на наш взгляд, едва ли допустимо в работе, посвященной истории российской военно-служилой элиты.

⁸ В посольском и походном разрядах 1495 г. Ф. Ю. Щука занимал вовсе не 11-е и 57-е, а 9-е и 58-е места. В 1512 г. Федор Щука служил воеводой не в самой Рязани, а в Перевитеске — данное обстоятельство еще в 1970-х гг. установил А. А. Зимин. Б. А. Илюшин пишет о походе Ф. Ю. Щуки летом 1515 г. «на литовский Дорогобуж», тогда как Щука всего лишь стоял с войсками в русском (с 1500 года!) Дорогобуже. Литовскую экспедицию кн. М. В. Горбатого

³ Свидетельство тому — ряд новейших исследований А. П. Павлова, В. Д. Назарова, А. Л. Корзинина, М. М. Бенцианова, А. В. Сергеева, Я. Г. Солодкина, А. И. Филюшкина, К. Ю. Ерусалимского, М. М. Крома, А. Н. Лобина, И. Г. Пономаревой, Д. М. Володихина, Л. П. Пресняковой, Н. А. Подчасова, К. А. Аксаяна, И. А. Полякова, Н. В. Белова и др.

⁴ Методика исследований служилых биографий в наши дни разработана Д. М. Володихиным и подробно изложена в недавней диссертации Н. А. Подчасова. См.: *Володихин Д. М.* 1) Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011; 2) Полководцы Ивана III. СПб., 2017; 3) Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного. М., 2020 и др.; *Подчасов Н. А.* Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI — начало XVII века). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.

мы не можем признать текст Илюшина удовлетворительным. В то же время, центральный персонаж означенной статьи — Федор Щука Кутузов — неоднократно попадал в поле нашего внимания. Полагаем, что написание его *действительной служилой биографии* было бы делом отнюдь небесполезным. Специально не занимаясь историей рода Кутузовых, мы, со своей стороны, осмелимся предложить свое видение карьерного пути воеводы Щуки, снабдив его рядом собственных находок и наблюдений.

Из истории семейства Кутузовых в XIV–XV веках

До выхода означенной статьи Б. А. Илюшина служебный путь Федора Юрьевича Щуки освещался в исторической литературе дважды. На страницах «Монографий боярских родов» в рамках очерка о боярском роде Кутузовых С. Б. Веселовский кратко перечислил военные и административные назначения Федора Щуки и его потомков⁹. Несколько более подробно рассмотрел биографию воеводы, опираясь при этом, правда, исключительно на неполные данные Государева разряда, С. З. Чернов¹⁰. Отдельные полковые и городские «службы» Щуки упоминались в монографических исследова-

Шуйского автор со ссылкой на А. А. Зими́на датировал 1518 г., однако в книге Зими́на речь идет о 1519 г. Б. А. Илюшин сообщает, что Ф. Ю. Щука стал третьим воеводой Рязани в 1527 г., хотя в разрядах эта информация записана под августом 1528 г. (Илюшин Б. А. Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III. С. 75, 78, 81, 82, 86).

⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 431–432.

¹⁰ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 222–223.

ованиях А. А. Зими́на и Д. М. Володихина, статье В. Д. Назарова и некоторых других работах¹¹.

По определению академика С. Б. Веселовского, Федор Юрьевич Щука был «видным служилым человеком»¹². Свою карьеру он сделал именно на военном-административном поприще. Основной массив назначений Щуки составляли воеводские службы в полевой армии и приграничных городах. Достаточно высокие для представителей его фамилии, однако же в целом типичные для выходца из измельчавшего старого боярского рода. В состав военной элиты Федор Щука не входил¹³. Исходя из классификации, предложенной современным исследователем Д. М. Володихиным, можно сказать, что Федор Юрьевич принадлежал к кругу военачальников, «которые были менее востребованы, однако занимали в командном составе видное место»¹⁴.

¹¹ Зими́н А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 115, 158, 260, 277; Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 99, 102, 104; Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVI вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 574, 575, 579, 580. Сведения о службах Ф. Ю. Щуки, содержащиеся в работах Б. А. Илюшина, наиболее полно представлены в указанной выше статье этого автора.

¹² Веселовский С. Б. Исследования... С. 431.

¹³ Под военной элитой мы, солидаризуясь с Д. М. Володихиным, понимаем круг воевод, которые «на постоянной основе (или хотя бы наиболее часто) занимали ключевые командные посты, иными словами — были востребованы правительством и правителем как ведущие полководцы страны» (Володихин Д. М. Полководцы Ивана III. С. 10).

¹⁴ Служилые люди этого круга, — продолжает Володихин, — «либо часто назначались полковыми воеводами, но им никогда не доверялось командование самостоятельными полевыми соединениями, либо бывали

Согласно поздней родословной легенде, предок Кутузовых Гаврила «пришел из немец» в первой половине XIII в. на службу к новгородскому князю Александру Невскому. Потомки Гаврилы стали новгородскими землевладельцами, а его внук Прокша даже был похоронен под сводами древней церкви Спаса на Нередице. Какими-либо иными данными о ранней истории Гавриловичей историки не располагают, однако принять версию о новгородском происхождении Кутузовых вполне допустимо¹⁵.

Первым достоверно известным потомком Гаврилы и Прокши является внук последнего, Федор Александрович Кутуз. Он жил приблизительно на рубеже XIV–XV вв. и был женат на дочери влиятельного боярина Константина Дмитриевича Шеи Зернова¹⁶. Данное обстоятельство позволило С. Б. Веселовскому небезосновательно полагать, что Федор Кутуз не просто входил в Государев двор московских великих князей, но и «принадлежал к верхам московского боярства»¹⁷.

Многочисленное потомство Федора Кутуза заняло прочное положение при дворах государей Василия II и Ивана III. Василий Федорович Кутуз был боярином в 1440-х гг. Его сын Борис и племянники Юрий Шестак и Андрей Лапенок

командующими полевых соединений, но в целом относительно редко привлекались к воинской службе» (Там же. С. 21).

¹⁵ Веселовский С. Б. Исследования... С. 430.

¹⁶ Там же. О положении К. Д. Зернова при дворе Василия I Дмитриевича см., напр.: Пономарева И. Г. Боярское окружение великого князя Василия Васильевича в 1425–1432 гг. // Российская история. 2011. № 1. С. 97–98, 100.

¹⁷ Веселовский С. Б. Исследования... С. 430.

в конце XV — начале XVI вв. выполняли ответственные административные, дипломатические и военные поручения, а к концу жизни, возможно, получили второй по значимости думный чин окольничих¹⁸. В этом поколении Кутузовых наиболее успешную воеводскую карьеру удалось сделать Юрию Ивановичу Шестаку. Он был участником по меньшей мере трех крупных боевых экспедиций. Осенью 1485 г. в составе войска Ивана III ходил на Тверь¹⁹. В 1487 г. «со многою силою» приводил к послушанию «отступившую» от великого князя Вятку²⁰. Зимой 1489 г. вновь был послан на Вятку, на этот раз — третьим воеводой в рати кн. Д. В. Щени Патрикеева²¹. Более высоких армейских назначений Кутузовы при Иване III не получали.

Отец Федора Щуки, Юрий Федорович Кутуз, упоминается в летописи единственный раз под 1446 г. В феврале этого года после коварного ослепления

¹⁸ Там же. С. 430–431; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 258–260; Корзинин А. Л. Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Часть 1. Думные чины // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 8. СПб., 2017. С. 346, 348–350. См. также: Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV — середине XVI века // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). В. Новгород, 2016. С. 182. Окольничество Ю. И. и Б. В. Кутузовых поставлено под сомнение А. Л. Корзининым. В то же время, Корзинин выдвинул гипотезу о получении окольничества младшим представителем рода Кутузовых, Андреем Семеновичем Лапенком. Приведенные Корзининым аргументы ограничиваются единственным упоминанием Лапенка с думным чином в Литовской посольской книге под 1495 г. Предложенный исследователем вариант возможен, однако же небесспорен и требует дополнительного обоснования.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 271.

²⁰ ПСРЛ. Т. 28. М. — Л., 1963. С. 318.

²¹ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 96; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 (далее — РК-1598). С. 21.

Василия II Ю. Ф. Кутузов не пожелал принять сторону узурпатора Дмитрия Шемяки и вместе с князьями Ряполовскими и некоторыми другими московскими вельможами оставил столицу и ушел «со многими людьми» в Муром²². С. Б. Веселовский допускал получение Юрием Кутузовым боярства, однако каких-либо явных подтверждений тому в источниках не обнаруживается²³.

На заре служебной карьеры: два назначения 1495 года

Федор Щука был единственным сыном Ю. Ф. Кутузова²⁴. Впервые он оказался на государственной службе в январе 1495 г. В числе других детей боярских Государева двора он сопровождал в Литву дочь Ивана III, княжну Елену Ивановну, просватанную за литовского правителя Александра Ягеллончика. В посольском списке Федор Юрьевич записан на девятом месте, причем из нетитулованных аристократов впереди него значится лишь И. В. Хабар Образцов, сын влиятельного боярина В. Ф. Образца Симского²⁵. Вероятно, в это время Федор Щука — еще совсем молодой человек. Можно предположить, что он появился на свет где-то в 1470-х гг.

Несколько месяцев спустя Ф. Ю. Щуку Кутузова вновь «разряжают» на службу. В составе большой свиты он ездил с Иваном III в Великий Новгород — в связи с подготовкой большого похода на шведский город Выборг. 20 октября 1495 г.

²² ПСРЛ. Т. 26. М. — Л., 1959. С. 202.

²³ Веселовский С. Б. Исследования... С. 431.

²⁴ Во всяком случае, таковым он показан в родословцах.

²⁵ Сборник РИО. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882. № 31. С. 164.

Иван III покинул Москву²⁶. В длинном перечне дворовых детей боярских Федор Щука занял 58-е место. Из нетитулованных придворных выше него «честью» оказались 11 человек²⁷. Очевидно, что в это время Федор Щука выступает в роли одного из старших представителей рода Кутузовых; помимо него в разрядном списке в постельниках фигурирует его младший двоюродный брат Ф. С. Лапин Кутузов²⁸.

При анализе двух списков членов Государева двора 1495 г. — краткого посольского и пространного разрядного — видно, что в конце XV в. некогда сильное (насколько позволяют судить источники) семейство Кутузовых переживало не лучшие времена. Выше Кутузовых по иерархической лестнице стояли практически все значимые нетитулованные боярские роды: Давыдовы-Хромые, Захарьины, Ивановы-Даниловы, Квашнины, Колычевы, Образцовы-Симские, Воронцовы, Гавриловы, Волынские, Ховрины-Головины; некоторое подобие равновесия Кутузовы сохраняли лишь с Заболоцкими и Морозовыми, несомненно превосходили Плещеевых. В целом, их положение в структуре Государева двора и воеводского корпуса в конце правления Ивана III было весьма незначительным.

Начало возвышения. Казанский поход 1506 года

Следующие 11 лет службы Федора Щуки никак не отражены в источниках.

²⁶ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 170.

²⁷ РК-1598. С. 25. То же: Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее — РК-1605). Т. 1. Ч. 1. М., 1975. С. 45.

²⁸ РК-1598. С. 26.

Вероятно, это было связано со служебным кризисом, на рубеже XV–XVI вв. поразившим весь род Кутузовых. Старшая его ветвь в лице потомков Глеба Федоровича Кутузова частично вымерла к началу XVI в., частично измельчала²⁹. Глава другой ветви, крупный военачальник Юрий Иванович Шестак, умер бездетным где-то после 1489 г. Наследники третьего сына Ф. А. Кутуза, Василия Федоровича — Константин и Михаил Клеопа — в конце XV в. служили у новгородского архиепископа; их сыновья не смогли закрепиться при дворе и умерли бездетными³⁰. Средний брат Константина и Михаила, Борис Васильевич Кутузов, был крупным служилым человеком, скорее всего, претендовал на место в Боярской думе (однако же так его и не получил), и вплоть до своей смерти в начале 1510-х гг. фактически возглавлял дом Кутузовых³¹. Борис Васильевич умер бездетным, а потому с его смертью право старшинства должно было перейти к четвертой ветви Кутузовых, в это время представленной при дворе лишь одним Федором Юрьевичем Щукой.

Думается, что стремительное вымирание старших ветвей рода Кутузовых и старение их предводителя, Бориса Васильевича, стало непосредственной причиной выхода Федора Щуки на государеву службу.

Еще при жизни Б. В. Кутузова его двоюродный брат Федор Юрьевич Щука получает свое первое воеводское назначение. Вскоре после кончины Ивана III

и восшествия на престол Василия III в апреле-мае 1506 г. большая пятиполковая армия кн. Дмитрия Жилки выступила в поход на Казань. Федор Щука получил в ней место второго воеводы Сторожевого полка под началом кн. И. И. Щетины Стригина Оболенского. Ниже Щуки в воеводской иерархии стоял лишь третий воевода полка кн. Ф. П. Кривой Сицкий. Сторожевой полк должен был прибыть к окрестностям Казани водным путем и занять волжские переправы, по которым предстояло «возиться» воеводам конной рати³². Что можно сказать об этом назначении Федора Щуки? Оно вполне обычно: чуть выше него по чину, не считая титулованного князя, стоят старомосковские служилые Сабуровы, Ларевы, Житовы, вровень с ним — потомок тверских бояр заслуженный воевода А. И. Коробов. В целом, это вполне согласуется с положением Щуки одиннадцатью годами ранее, в начале его служебного пути.

Казанский поход 1506 г. с треском провалился, каким-либо образом выслужиться в нем Ф. Ю. Щука попросту не мог. На пять с половиной лет он вновь пропадает со страниц летописей и разрядных книг.

В зените славы. Юго-западные рубежи, 1512–1517 годы

Радикальные изменения в судьбе Щуки произошли где-то на рубеже 1511/12 г.

²⁹ См.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 258.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 258, 260.

³² РК-1598. С. 36. То же: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 2–3. Подробнее: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 89. См. также: Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Н. Новгород, 2018. С. 53. Об этом разряде в составе Летописного свода 1560 г. см.: Жуков А. Е. К вопросу об источниках Летописного свода 1560 года // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 7. Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги. М. — СПб., 2014. С. 181.

К этому периоду относятся последние данные о жизни его влиятельного кузена Бориса Кутузова. Приблизительно в конце 1510 — начале 1511 г. волоколамский игумен Иосиф адресовал «господину Борису Васильевичу» пространное письмо³³. В дальнейшем сведения о Борисе Кутузове обрываются. Дополнительным подтверждением его скорейшей кончины может служить запись пергаменного синодика Троице-Сергиева монастыря: в рубрике, охватывающей поминальные записи за 7017-й (1508/09-й) и ближайшие к нему годы, помещены имена Бориса Кутузова и его родни³⁴. Смерть Бориса Васильевича возвела Федора Щуку в ранг старшего члена рода Кутузовых и открыла ему дорогу к стремительному карьерному росту.

В начале мая 1512 г. в Москве стало известно о внезапном нападении крымских «царевичей» на белевские и одоевские «места». Для укрепления южных рубежей в пограничные города были посланы дополнительные воинские контингенты. Усиленный гарнизон рязанской земли должен был возглавить новый наместник — кн. И. В. Шуйский; вместе с ним на службу «в Рязань» отправились двое воевод: кн. П. С. Лобан Ряполовский и Ф. Ю. Щука Кутузов³⁵. Вместе с вверенными им великокняжескими ратниками воеводам надлежало встать

не в самой Рязани, являвшейся в то время центром самостоятельного княжения, а в принадлежавшей Москве рязанской трети — Перевитеске³⁶. По весьма вероятному предположению А. А. Зимина, посылка войск на рязанщину «имела целью не только защиту юга от крымского вторжения, но и предотвращение возможной измены рязанского князя»³⁷. В тот раз крымские отряды не побеспокоили рязанские пределы, но в июне–июле и октябре того же года все же совершили два нападения на Рязань³⁸. Участвовал ли в боях с крымцами Федор Щука — неизвестно. Однако вполне вероятно, что в ходе летне-осенних событий на рязанских рубежах он получил первый воеводский опыт в сражениях на «поле».

Сразу же по завершении боевых действий в рязанских землях Федора Юрьевича спешно перебрасывают на литовский «фронт». В ноябре 1512 г. грянула война с Литвой. Основной целью осенне-зимней наступательной кампании русских войск должен был стать Смоленск. Одновременно с этим предполагалось нанести несколько отвлекающих ударов на периферийных направлениях. Федору Щуке в стратегическом замысле московского командования отводилась особая роль. В составе немногочисленной пятиполковой армии кн. И. М. Репни Оболенского

³³ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М. — Л., 1959. С. 208. Датировку письма, предложенную А. А. Зиминим, см.: там же. С. 176.

³⁴ «Феодосия. Мареммиану. Васиана. Евдокею. Константина. Бориса. Георгия. Михаила», с киноарной припиской: «Родители Бориса Кутузова» (РГБ. Ф. 304. III. № 25. Л. 148 об.).

³⁵ РК-1598. С. 46. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 118.

³⁶ Зимин А. А. 1) Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 148; 2) Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 286.

³⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 148–149.

³⁸ См., напр.: Там же. С. 149; Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XV в. М., 2017. С. 37.

ему надлежало пройти за Смоленск, а после, в районе Друцка и Орши, отделиться от основного войска и, резко повернув на северо-запад, с малыми силами «итить воевати» литовские земли в сторону городов Бряславля и Дрисвята³⁹. И так, в подчинении у Ф. Ю. Щуки впервые оказывается пускай и незначительное, но все-таки самостоятельное полевое соединение, действующее на важном фронтовом участке. В «товарищах» у Щуки — молодые и неопытные в воинском деле М. С. Воронцов и А. Н. Бутурлин⁴⁰. Следовательно, основной груз ответственности за проведение боевой операции ложился на плечи самого Федора Щуки. Скупые летописные свидетельства позволяют утверждать, что бряславльско-дрисвятская экспедиция прошла удачно: литовская территория подверглась опустошению, в плен было уведено множество литовских подданных⁴¹. Успех похода Ф. Ю. Щуки был очевиден — в первом же своем самостоятельном деле он показал себя с хорошей стороны.

Очередное воеводское назначение Федор Щука получает считанные месяцы

спустя. С весны 1513 г. в преддверие второго Смоленского похода на южной границе близ Тулы «береженья для» был выставлен мощный пятиполковый заслон под командой кн. А. В. Ростовского. Несколько позднее, вероятно, летом того же года, верховное командование заменило четырех воевод тульской армейской группировки. В числе новоприбывших под Тулу значился и Ф. Ю. Щука. В армии князя Ростовского он занял должность первого воеводы Сторожевого полка (второй воевода — едва заступивший на военную службу В. А. Коробов)⁴². Руководство наименее почетным, но все же — «титულным» полком! Так высоко Кутузовы не продвигались по «военной линии» по меньшей мере пару десятилетий.

Около двух лет о Федоре Щуке никаких вестей. Вновь мы встречаем его в разрядах под 1515 г. Очевидно, в июне–июле этого года, когда русское правительство спланировало крупный набег на окрестности литовского города Мстиславля, в приграничный Дорогобуж были направлены воеводы во главе с кн. Д. В. Щеней. В случае их соединения с ушедшей в Литву ратью кн. Б. И. Горбатого Шуйского («нечто сойдутца...») в новой пятиполковой армии Ф. Ю. Щука должен был получить место третьего воеводы Большого полка. Его непосредственным начальником становился сам кн. Д. В. Щеня, старшим

³⁹ РК-1598. С. 48. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 124.

⁴⁰ М. С. Воронцов ранее в разрядах не упоминается. С А. Н. Бутурлиным ситуация обстоит сложнее. В Государевом разряде о его службах до ноября 1512 г. ничего не говорится. Однако в Пространной разрядной книге 1475–1605 гг. он записан первым воеводой Сторожевого полка на р. Осетр летом 1512 г. в войске кн. А. В. Ростовского (РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 120). Происхождение этого разряда не вполне ясно (Зимин А. А. Текстология Пространной редакции разрядных книг... С. 156–157). Д. М. Володихин считает сведения разряда верными (Володихин Д. М. 1) Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 98; 2) Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. М., 2017. С. 37).

⁴¹ Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 193. О походе см. также: Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 42–43, 44.

⁴² РК-1598. С. 50–51. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 128. Наиболее точное указание на время составления разряда содержится в Разрядной книге 1487–1577 гг.: «а как князь великий пошел к Смоленску, и тогда на Туле оставил воевод» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 224 об. — 225). Василий III «пошел» из Москвы в Боровск 14 июня, а из Боровска к Смоленску — 11 сентября (Иоасафовская летопись. С. 193–194).

«товарищем» — окольный П. Я. Захарьин⁴³. Произошло ли на деле соединение двух войск — неясно. Так или иначе, это назначение Федора Щуки, довольно высокое для лиц его круга, было записано в разрядах и при случае могло быть использовано при сведении местнических счетов.

Оба пограничных летних «стояния» Ф. Ю. Щуки — под Тулой в 1513 г. и у Дорогобужа в 1515 г. — были бескровными. В первом случае русская армия прикрывала южную границу от возможного набега крымских татар, во втором — ожидала контрудара со стороны литовских войск. Но — все обошлось. «Государевым большим воеводам» не пришлось вступать в бой с силами противника. Постепенно напряженное русско-литовское противостояние практически сошло на нет, и Федор Щука наконец смог покинуть прифронтовую зону.

Где служил Ф. Ю. Щука следующие два года — сказать нелегко⁴⁴. На воеводстве он вновь появляется в связи с очередным обострением ситуации на границе с Литвой. К лету 1517 г. литовское командование разработало план наступательной кампании на псковском направлении⁴⁵. В июне на русско-литовском рубеже в Великих

Луках встало сильное пятиполковое войско кн. А. В. Ростовского⁴⁶. Федор Щука получил в нем должность первого воеводы Передового полка, в «товарищи» ему был назначен по-видимому совсем юный кн. Ф. В. Телепнев Оболенский⁴⁷. Во время осады псковского пригорода Опочки войсками гетмана Константина Острожского в октябре 1517 г. армия князя Ростовского совершила стремительный марш-бросок и заставила литовцев отступить. Скорее всего, прямых боестолкновений между основными силами войска Ростовского и литовскими полками не произошло⁴⁸. Что значило это назначение для Федора Щуки? Очень многое! Его положение в иерархии полковых воевод армии кн. А. В. Ростовского чрезвычайно высоко: выше него «честью» стоял лишь сам князь Ростовский, ниже — кн. Б. Т. Уланов (из «выезжих» ордынцев), кн. И. А. Буйнос Ростовский, кн. И. А. Микулинский и др. На сей раз Щука обошел не только выходцев из нетитулованного московского боярства, но и представителей знатнейших княжеских родов.

Меж двух «фронтов»: службы и походы 1519–1521 годов

С дальнейшей службой Щуки связан непростой источниковедческий казус. В разрядных книгах отмечено воеводство Ф. Ю. Щуки Кутузова в Мещере.

⁴³ РК-1598. С. 57. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 150. Дублетная запись под 7022 (1513/14) г.: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 143. Датировка этого разряда не вполне ясна. А. А. Зимин убедительно отнес его ко времени вскоре после конца мая 1515 г. (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 173). Д. М. Володихин полагает, что дорогобужская роспись относится к концу 1514-го либо первой половине 1515 г., причем отдает предпочтение первому варианту (Володихин Д. М. Полководцы Московского царства. М., 2020. С. 85).

⁴⁴ Подробнее об этом будет сказано далее, в связи с воеводством Федора Щуки в Мещере.

⁴⁵ Лобин А. Н. Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017. С. 30–31.

⁴⁶ Подробнее о военных приготовлениях см.: Володихин Д. М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 41.

⁴⁷ РК-1598. С. 61. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 154. Дублет под 7027 (1519) г.: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 161.

⁴⁸ Володихин Д. М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 44–46.

Эта запись неоднократно продублирована под разными годами. Проблема ее датировки, на наш взгляд, вполне решаема. В официальном Государевом разряде интересующие нас воеводские росписи помещены под 7023 (1515) и 7027 (1519) гг.⁴⁹ Вторая из этих росписей гораздо более полна. Она указывает точную дату выхода воевод на службу («с Николина дни Вешнего», то есть — 9 мая) и их местоположение («на Толстике»), а также сообщает о присутствии в войске татарского «царевича» Ак-Даулета бен Ак-Курта⁵⁰. О датировке этого разряда именно 7027 г. прямо говорится по меньшей мере в двух дополнительных источниках. Первый из них — запись частной Разрядной книги 1487–1577 г., созданной вскоре после появления Государева разряда и зачастую дающей независимые от него либо исправленные по другим разрядам чтения⁵¹. Второй — местническая «память» Фомы Бутурлина, поданная в Разрядный приказ в 1597 г. и содержащая выпись о воеводах «на Толстике»⁵². Наконец, еще одно

свидетельство — косвенное. В судном списке 1523/24 г. по делу сына боярского Ф. И. Крыжина сообщается о его прежней службе «в заставе на Толстике с Щукою Кутузовым»⁵³. Чуть ниже выясняется, что еще ранее Крыжин также служил «на Толстике», но уже под началом князей П. С. Лобана Ряполовского и В. В. Чулка Уша-того⁵⁴. Указанные князья стояли «на Толстике» в 7025 (1517) г.⁵⁵ Таким образом, суммируя данные разрядных книг, «памяти» Ф. Бутурлина и судного списка Ф. Крыжина, мы с уверенностью можем датировать мещерскую службу Ф. Ю. Щуки 7027-м (1519-м) г.⁵⁶

Итак, в мае 1519 г. Федора Щуку «разряжают» первым воеводой «в Мещеру». Мещерский край находился на восточной оконечности Московского государства и граничил с татарскими землями. Административным центром этой области являлся городок Елатьма на р. Оке, расположенный в 20 км к востоку от Касимова — центра подвластного Москве Касимовского юрта⁵⁷. Под началом Федора Щуки оказались трое воевод: Г. А. Большой Колычев, М. С. Воронцов и кн. В. А. Ковер Кривоборский. Непокойная мещерская «украина»

⁴⁹ РК-1598. С. 57, 62. Под 7023 (1515) г. эта разрядная запись также воспроизведена в Летописном своде 1560 г. (См.: Жуков А. Е. К вопросу об источниках Летописного свода 1560 года. С. 184).

⁵⁰ В Пространной разрядной книге помещены три разряда. Два из них — за 7023 и 7029 гг. — повторяют чтения Государева разряда, причем против второго составителем указано: «да те же воеводы написаны стояли в Мещере 7023-м году» (РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 150, 168). Еще один разряд помещен под 7022 г.; это — дубль разрядной записи 7023 г. (Там же. С. 141; *Зимин А. А.* Текстология Пространной редакции разрядных книг. С. 157). Последний дублетный разряд был принят на веру Д. А. Селиверстовым (*Селиверстов Д. А.* Московское войско в битве при Орше 1514 г. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3. М. — Тула, 2014. С. 325–326).

⁵¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 227 об.

⁵² РК-1605. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 126–127.

⁵³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 4 / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. № 502. С. 386.

⁵⁴ Там же. С. 387.

⁵⁵ РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 156–157.

⁵⁶ Эта же датировка разряда «на Толстике» принята в новейшем исследовании М. М. Бенцианова (*Бенцианов М. М.* «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // *Studia Historica Europae Orientalis*. Вып. 12. Минск, 2019. С. 107).

⁵⁷ См.: *Беляков А. В.* Историческая география Мещеры в XIV–XVII вв. // *Российская история*. № 1. 2019. С. 78.

рассматривалась правительством как важный участок степного «фронта», и на воеводство сюда обыкновенно назначали служилых людей высокого ранга. Так, незадолго до Ф. Ю. Щуки мещерскими отрядами командовали кн. В. А. Микулинский и кн. Ф. Д. Пронский⁵⁸. Оба аристократа происходили из удельных княжат и занимали положение чуть ниже боярства, причем первый из них, князь Андрей Микулинский, представлял старшую ветвь рода и по своему статусу был близок к полусуверенным служилым князьям⁵⁹. По традиции, на воеводство в тот или иной город из года в год посылали служилых людей, как правило имевших сходный местнический статус⁶⁰. А значит, с точки зрения разрядного ведомства, служебно-родовая «честь» Федора Щуки стояла вровень с «честью» некоторых «природных» Рюриковичей — князей Микулинских и Пронских.

Судя по всему, в Мещере Федор Щука не задержался. Летом того же 1519 г. Василий III совместно с крымским ханом Мухаммед-Гиреем спланировали большой поход против Литвы. Русские армии должны были обрушиться на литовские рубежи, основательно разорить территорию противника и принудить его

к заключению мира на выгодных для Москвы условиях. Начавшееся 1 августа масштабное наступление проходило одновременно на нескольких направлениях⁶¹. Из Дорогобужа в Литву отправилась пятиполковая армия псковского наместника кн. М. В. Кислицы Горбатого Шуйского. Федор Щука занял в ней должность первого воеводы Передового полка (второй воевода — кн. И. В. Ляцкий)⁶². Двумя годами ранее он уже возглавлял Передовой полк на русско-литовской границе, но в открытых боестолкновениях скорее всего не участвовал. На этот раз ему предстояло совершить вооруженный рейд по литовским землям и, если придется, показать себя в «прямом деле». По сообщению псковского хрониста, состоявшая из новгородцев и псковичей армия князя Шуйского ходила в самое сердце Литовского государства — «под Молодечно и под инья городки, и выидоша все Богом сохранены на Смоленск, и оттоле розъехашася по домом»⁶³. Не ожидавшие столь стремительной атаки литовские полки затворились в крепостях и не вступали в открытый бой с московскими воеводами. Поход завершился удачно для Москвы. Нельзя сказать с уверенностью, проявил ли себя в летней кампании Федор Щука. Во всяком случае, в дальнейшем ему удалось сохранить свое высокое положение в структуре воинского командования.

⁵⁸ РК-1598. С. 60, 62.

⁵⁹ О них см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 110, 116–117.

⁶⁰ См., напр.: *Аксаньян К. Э.* К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV — начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки) // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История.* 2020. № 4. С. 3–16; *Белов Н. В.* Князя Щенятевы — наместники Великого Устюга XVI века. К вопросу о статусе устюжского наместничества в правление Василия III и Ивана IV // *Вестник Вологодского университета.* № 4. 2020. С. 21–26.

⁶¹ Сборник РИО. Т. 53. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 г. СПб., 1887. № 13. С. 142. Подробнее см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 200.

⁶² РК-1598. С. 63. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 164. Дублет под 7026 (1518) г.: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 160.

⁶³ Псковские летописи. Вып. 1. М. — Л., 1941. С. 100.

Два года спустя источники фиксируют службу Ф. Ю. Щуки Кутузова на восточной окраине России. В июне 1521 г. во время грандиозного набега крымского хана Мухаммед-Гирея на Московское государство — «крымского смерча», как назвал это трагическое событие отечественный историк А. А. Зимин — Щука стоит вторым воеводой в Нижнем Новгороде, прикрывает русские земли от возможного нападения казанских татар. В роли его непосредственного начальника и первого городского воеводы на этот раз выступает многоопытный полководец кн. А. Д. Курбский⁶⁴. Несмотря на то, что основные боевые действия в летнюю кампанию 1521 г. развернулись на южном окском рубеже, отголосок татарского нашествия затронул и далекую Нижегородчину. 21 августа союзные Крыму казанские «князья» напали на нижегородские земли, «и повоеваша около Новагорода Нижнего Березополье до Клина и полону взяша и пожьги и высекли». Семь дней спустя татарские отряды подступили к стенам Нижегородского острога. Постояв под крепостью часть дня, казанцы предали огню несколько десятков посадских дворов, старинную Богородице-Рождественскую церковь, испепелили пригородный Печерский монастырь и, не имея сил взять город приступом, ушли восвояси⁶⁵. Пассивность нижегородских воевод во время августовского набега поразительна: ни летописи, ни разряды не сообщают

о каких-либо сражениях с татарской армией. Судя по всему, получив известия о приближении казанских татар, городской гарнизон прочно засел в каменном кремле и не предпринимал попыток нанесения контрудара и последующего преследования отступающего противника. Воспользовавшись бездеятельностью русских войск, татары беспрепятственно вывели с территории Нижегородского края многочисленный полон⁶⁶. Было ли подобное поведение воевод оправданным? Источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Есть основания полагать, что государь Василий III остался недоволен нерешительностью своих военачальников: старший из них, князь Андрей Дмитриевич Курбский, после 1521 г. навсегда исчезает со страниц разрядных книг. Не следствие ли это великокняжеской опалы?⁶⁷. Как бы то ни было, фактический заместитель князя Курбского Федор Щука судя по всему избежал высочайшей немилости или же подвергся легкому наказанию.

На путях к закату: 1523–1529 годы

Два года Ф. Ю. Щука не фигурирует в разрядах. Вновь он привлекается на военную службу летом 1523 г. После страшного «крымского смерча» Василий III

⁶⁴ РК-1598. С. 66. В Пространной разрядной книге эта роспись помещена под 7028 (1520) г.: РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 174.

⁶⁵ Шайдакова М. Я. Нижегородские летописцы XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 133, 140.

⁶⁶ Там же. С. 140. То же см.: Попов А. И. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 180–181.

⁶⁷ Исчезновение всяких упоминаний о князе Андрее, на протяжении предшествующих 26-ти лет регулярно получавшем воеводские назначения, весьма симптоматично. Возможно, он просто скончался вскоре после своей неудачной службы в Нижнем Новгороде, возможно (и это наиболее вероятный вариант) — был отставлен от дальнейшего служения московскому престолу.

на протяжении двух лет готовил дипломатическую почву для активизации войны с Казанским ханством. 27 августа 1523 г. собравшиеся в Нижнем Новгороде русские полки выступили по направлению к Казани. Армия шла двумя пятиполковыми эшелонами: судовая рать под началом кн. В. В. Шуйского двигалась волжским путем, берегом ее сопровождало конное войско во главе с кн. Б. И. Горбатым Шуйским⁶⁸. В официальном Государевом разряде записи за 7031 (1522/23) г. отсутствуют⁶⁹; сведения же о воеводском составе обеих ратей, почерпнутые из летописей и частных разрядных книг, разнятся между собой. В ряде поздних редакций частных разрядов Федор Щука показан первым воеводой Передового полка конной рати⁷⁰. Его младшим «товарищем» стал кн. И. В. Ляцкий, уже ходивший в подобной должности под началом Щуки четырьмя годами ранее. Ф. Ю. Щука сохраняет свои позиции: он вновь записан в войске вторым по «чести» после кн. Б. И. Горбатого Шуйского, ниже него, если доверять записям частных разрядных книг, стоят кн. А. И. Стригин Оболенский, кн. П. И. Реп-

нин и В. А. Шереметев⁷¹. Выполняя приказ Василия III, армии князей Шуйских, едва перейдя границу, принялись «воевати и пленити Казанские места по Луговой стороне и по Горнеи». Казанцы закрылись в столице и не рискнули вступить в открытый бой с превосходящими силами противника. Разработанный в Москве военный план удался сполна: пока основные силы русских разоряли казанские земли, отряд воеводы М. Я. Захарьина проследовал к устью р. Суры и в короткие сроки возвел крепостцу Васильгород, будущий город Васильсурск — надежный оплот русской военной силы на восточном «казанском» рубеже. Поход завершился практически бескровно: так и не сойдясь с татарской армией, «воеводы Казанские места плениша, възвратишяся здрави, мног плен с собою приведоша»⁷². Государь Василий III имел все основания считать летне-осеннюю кампанию в высшей степени удачной.

Год спустя, летом 1524 г., во время очередного похода против Казанского ханства, Ф. Ю. Щуку отправляют на русско-казанское пограничье, в Муром. Здесь в ожидании возможного контрудара татар 6-го августа, в большой церковный праздник Преображения, встал сильный отряд во главе с шестью воеводами. Федор Щука занял место второго воеводы муромской рати в подчинении у кн. Д. Д. Пронского⁷³.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 541; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М. — Л., 1951. С. 281.

⁶⁹ Об этой лакуне Государева разряда и ее восполнении в Пространной РК см.: Зимин А. А. Текстология Пространной редакции разрядных книг за 1475–1537 г. С. 159; Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005. С. 160, 164.

⁷⁰ РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 187; РГБ. Ф. 29. № 76. Л. 103 (РК 1479–1609 гг.); РГБ. Ф. 29. № 81. Л. 45 об. (РК 1493–1605 гг.); РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 63 (РК Болтиных). Полковые росписи указанных РК имеют отличия, однако место Ф. Ю. Щуки в полковой иерархии во всех четырех вариантах неизменно.

⁷¹ РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 187.

⁷² ПСРЛ. Т. 26. С. 312; ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 270; Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 162; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. С. 281.

⁷³ РК-1598. С. 70. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 191.

После этого Ф. Ю. Щука Кутузов пропадает из источников практически на три года⁷⁴. С чем связан этот небольшой, но все же весьма заметный перерыв в интенсивной воеводской деятельности Федора Щуки — сказать трудно.

Можно было бы объяснить его следствием громких политических процессов 1525 г., когда в канун расторжения брака Василия III с «неплодной» женой Соломонией в государевой опале оказались сразу несколько старомосковских боярских семейств: кн. Щенятевы, кн. Курбские, кн. Токмаковы, кн. Холмские, Карповы, Беклемишевы, Тучковы, Сабуровы, Плещеевы и др.⁷⁵ Некоторые из опальных вельмож были прощены и возвращены ко двору через три-четыре года⁷⁶ — аккуратно к тому времени, когда Федор Щука вновь появляется в разрядах. Эта версия весьма соблазнительна, однако доказать какую-либо связь Федора Юрьевича с придворной «оппозицией» в настоящее время не представляется возможным.

Куда более вероятным нам видится другой вариант. К середине 1520-х гг. Ф. Ю. Щука Кутузов находился на службе по меньшей мере 30 лет и пребывал если не в преклонных летах, то, во всяком

случае, в весьма зрелом возрасте. А значит, у него могли возникнуть серьезные проблемы со здоровьем.

Приблизительно в середине своего странного «отпуска» 26 мая 1526 г. Федор Щука делает большой вклад в Троице-Сергиев монастырь: 1000 четвертей ржи на общую сумму в 41 рубль 30 копеек⁷⁷. Этот вклад открыл целую серию пожертвований, совершенных от лица Ф. Ю. Щуки. По каким-то причинам именно в этот период своей биографии Федор Юрьевич крепко задумался о вечной жизни...

Еще одно немаловажное наблюдение связано со служебной деятельностью Ф. Ю. Щуки. Вплоть до 1524 г. его карьера идет в гору. Нет ни намека не то что на какое-то падение — даже на малейшую шатость его положения при дворе. С возвращением на службу в 1527 г. в судьбе Щуки происходят казалось бы малозаметные, но при ближайшем рассмотрении — без преувеличения знаковые изменения.

Поначалу все шло как будто хорошо, без явных потрясений.

В июле 1527 г. в преддверие ожидавшегося крымского набега на южных рубежах по городам встали воеводы «от поля». В разрядной росписи Ф. Ю. Щука Кутузов был сказан вторым воеводой Рязани под началом рязанского наместника кн. А. А. Ростовского⁷⁸. Федора Щуку вызвали на службу не просто так: на крымской «украине» как никогда требовались опытные ратоборцы. 4 сентября в Москву пришла весть от путивльских станичников:

⁷⁴ В Пространной РК Федор Щука отмечен под 7033 (1525) г. как третий воевода Большого полка в походе на Казань (РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 191). Это — дублетный разряд похода 1524 г., в котором Ф. Ю. Щука ошибочно записан вместо М. Ю. Захарьина (Ср.: Там же. С. 189). Дублет указан А. А. Зиминим: *Зимин А. А.* Текстология Пространной редакции разрядных книг за 1475–1537 г. С. 160.

⁷⁵ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 267–278.

⁷⁶ Например, кн. С. Ф. Курбский (1528 г.), кн. М. Д. Щенятев (1530 г.) и др. См.: Там же. С. 275; *Белов Н. В.* Князья Щенятевы — наместники Великого Устюга XVI века. С. 21.

⁷⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 62.

⁷⁸ РК-1598. С. 70. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 201. Дублет под тем же годом: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 202.

«царевич» Ислам-Гирей со многим войском движется по направлению к Оке⁷⁹. В соответствии с приказом, в случае военной тревоги («а какво будет дело») Федор Щука с двумя другими воеводами, кн. О. Т. Тростенским и Ф. М. Денисьевым, должен был действовать «за городом» — осуществлять мобильные марш-броски на территории рязанского уезда⁸⁰. 7 сентября Ислам Гирей попытался сходу «перелезть» Оку в районе Ростиславля, но был отбит и обращен в бегство. В погоню за татарами отправились «лехкие» воеводы из украинских городов. Под Зарайском татар настигли и в тяжком бою «побиша безбожных много». Второй разгром крымцев произошел южнее, на р. Осетре⁸¹. Летописи не позволяют сказать, выходили ли на бой с татарами рязанские дети боярские во главе с Федором Щукой. В то же время, запись частной Пространной разрядной книги сообщает, что оборонительными боями с Ислам-Гиреем на Оке руководили воеводы кн. Ф. М. Мстиславский, Ф. Ю. Щука Кутузов, кн. П. Ф. Охлябинин и кн. Ф. В. Лопата Телепнев Оболенский⁸². Трое из названных воевод накануне крымского вторжения

стояли с войсками на окском берегу у Кашпирь и Коломны⁸³. Вероятнее всего, получив известие о движении крымской армии к Оке, из Рязани в соответствии с великокняжеским приказом («а велел воеводам всем итти на то место, где хочет Ислам реку лести»⁸⁴) на помощь основным воинским силам выступил отряд Ф. Ю. Щуки. В этом случае Федор Щука должен был принять самое деятельное участие в отражении татарского набега и преследовании отступающего неприятеля. Итогом сентябрьской кампании стала безусловная победа, и Федор Юрьевич Щука внес в нее свою небольшую, но важную лепту.

Должность второго рязанского воеводы для Федора Щуки была вполне «по чину»: не повышение, однако же и не ущемление выслуженной за три десятилетия местнической «чести». Стоять под князьями Ростовского дома для него было привычно. Однако следующий год показал, что некогда незыблемое положение Щуки изрядно пошатнулось.

29 августа 1528 г. в города «от крымской украины» вновь были расписаны воеводы. Ф. Ю. Щука Кутузов остался стоять в Рязани, но на сей раз третьим воеводой⁸⁵. На его место, в «товари-

⁷⁹ РК-1598. С. 71.

⁸⁰ Там же. С. 70.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 16; ПСРЛ. Т. 8. С. 272; ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 223; ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 283–284; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. С. 283; РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 203; РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 143. Подробно об этой кампании см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 312–313; Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 76–79; Волков В. А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 188–189; Пенской В. В., Пенская Т. М. «Исламова стравка» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 8. Казань, 2015. С. 350–352.

⁸² РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 207.

⁸³ РК-1598. С. 70–71.

⁸⁴ Там же. С. 71.

⁸⁵ А. А. Зимин, опираясь на запись Государева разряда, полагал, что в августе 1528 г. Ф. Ю. Щука мог быть вторым наместником Нижнего Новгорода. Б. А. Илюшин допускает, что Федор Щука действительно занимал эту должность, так как указанное в разряде имя — Федор Юрьев — «в те годы имел только один воевода». Построения А. А. Зимины и Б. А. Илюшина ошибочны. В августе 1528 г. Ф. Ю. Щука был расписан третьим воеводой Рязани. Его имя в разрядах всегда писалось с частицей *-вич* и фамилией: Федор Юрьевич Щука Кутузов. Кроме того, служба Ф. Ю. Щуки в подчинении кн. С. Ф. Алабышева

щи» наместнику кн. А. А. Ростовскому, руководство разрядного ведомства пришло кн. Александра Васильевича Кашина (из разветвленного дома Оболенских князей)⁸⁶. В 1510-х гг. Кашин исправно служил полковым воеводой, правда, на позициях куда более низких, чем Федор Щука⁸⁷. В свою последнюю перед назначением в Рязань «именную» службу летом 1519 г. (девятью годами ранее!) кн. А. В. Кашин стоял ниже И. А. Большого Колычева, М. С. Воронцова и кн. В. В. Чулка Ушатого⁸⁸ — лиц, изрядно проигрывавших Ф. Ю. Щуке по местническим счетам⁸⁹. В первой половине 1520-х гг. о князе Кашине — ни слуху, ни духу. В 1526 г. он внезапно появляется на свадьбе Василия III и Елены Глинской, причем на довольно почетном месте — «у згольвья» великой княгини⁹⁰. С этого времени карьера Александра Кашина резко пошла в гору. Рязанское воеводство стало

(именно он указан первым нижегородским наместником в 1528 г.) едва ли возможна: в местническом отношении Федор Щука был на голову выше не только Алабышевых, но и их «старших» (в служебном отношении) родичей князей Сицких и Ушатых (*Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве. С. 278; *Илюшин Б. А.* Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III. С. 87). О положении кн. Алабышевых в служебной иерархии Ярославского княжеского дома см.: *Сергеев А. В.* Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 34. СПб., 2014. С. 12, 47.

⁸⁶ РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 205.

⁸⁷ «Потолок» его служебной карьеры в эти годы — первый воевода полка Правой руки в походе против Литвы летом 1519 г. (РК-1598. С. 57). Обыкновенно он довольствовался куда более скромными назначениями.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ М. С. Воронцов, а также родные братья кн. В. В. Чулка Ушатого и И. А. Колычева — кн. Ю. В. Большой Ушатый и Г. А. Большой Колычев в разные годы служил под началом Ф. Ю. Щуки.

⁹⁰ РК-1598. С. 9.

первым в чреде новых блестящих назначений приближенного к трону кн. А. В. Кашина. Для Федора Щуки это было явное бесчестье. Как бы то ни было, Щука Кутузов обиду стерпел и, видимо, не стал бить на князя Кашина челом и затевать местническую свару. Уж не потому ли, что был уверен в безнадежности этого предприятия?..

Год спустя ситуация резко улучшилась в пользу Ф. Ю. Щуки. Весной 1529 г. кн. А. А. Ростовский был переведен в Вязьму, кн. А. В. Кашин — оставлен на своем посту второго воеводы. Сам Щука Кутузов занял ставшее вакантным место наместника Рязани⁹¹. Система рязанского наместничества была весьма запутана: А. А. Зимин со ссылкой на официальные разряды небезосновательно полагал, что в городе мог существовать своеобразный наместнический «дуумвират»⁹². Действительно, в мартовской записи 1529 г. и Ф. Ю. Щука Кутузов, и кн. А. В. Кашин указаны как городские наместники («на Рязани наместники...»)⁹³. Однако факт несомненен: Федор Щука в любом случае оказался выше князя Кашина. Занятый Федором Щукой пост — это уровень служебных назначений князей Ростовских, Пунковых-Микулинских, бояр Симских Образцовых⁹⁴. Чрезвычайно высоко и вполне сообразно с прежней «планкой» Ф. Ю. Щуки.

Впрочем, эта победа оказалась лишь временным успехом. Она уже не могла

⁹¹ Там же. С. 73. То же: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 211.

⁹² *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве. С. 286–287.

⁹³ РК-1598. С. 73.

⁹⁴ См.: *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве. С. 286–287.

заслонить собой закат военной и политической карьеры Федора Щуки.

Конец жизненного пути. Казанский поход 1530 года

Весной 1530 г. возобновилась война с Казанским ханством. В третий поход на Казань Василием III по традиции были посланы две армии: одна, конная — сухим путем, другая — в судах, по волжской воде. Первую возглавил кн. М.Л. Глинский, вторую — кн. И. Ф. Бельский. Федор Щука занял место первого воеводы полка Правой руки в судовой рати князя Бельского (в «товарищах» — кн. Ф. М. Карамышев Курбский)⁹⁵. Между Ф.Ю. Щукой и главнокомандующим кн. И. Ф. Бельским в армейской полковой иерархии стоит еще один персонаж — первый воевода Передового полка кн. Ф. В. Лопата Телепнев Оболенский. Летом 1517 г. он служил в подчинении у Федора Щуки⁹⁶, теперь же — не просто встал выше него, но и оттеснил Федора Юрьевича с давно занимаемого им в полевой армии поста главы Передового полка. Подобное положение вещей чрезвычайно показательное: в структуре полевой армии Передовой полк играл роль наиболее подвижного соединения, ответственного за нанесение упреждающих ударов по войскам противника⁹⁷. Во главе этого полка обыкновен-

но ставили опытных воевод, способных к ведению интенсивных наступательных и оборонительных боев, склонных к скорым маневренным действиям. Престарелый Федор Щука едва ли годился на столь ответственную роль; он хорошо показал себя в предшествующие годы, неоднократно вставал во главе Передового полка и небольших самостоятельных полевых соединений, но... его время безвозвратно прошло. Ему предпочли гораздо более молодого, но уже набравшегося опыта и положительно зарекомендовавшего себя военачальника⁹⁸.

По-видимому, силы стремительно оставляли Федора Щуку. За шесть месяцев до казанского похода, 6 октября 1529 г., он дал большой вклад по душе своей усопшей супруги⁹⁹. 12 апреля 1530 г., незадолго до выступления на Казань, Федор Юрьевич прислал в Троицу еще один вклад — на этот раз, видимо, за свое здравие (или же в память о своем старшем сыне, также умершем где-то в рассматриваемый период)¹⁰⁰. Этой весной Федор Щука был готов к встрече со смертью как никогда ранее.

Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 66–67.

⁹⁸ О службах и полководческих дарованиях кн. Ф. В. Лопаты Оболенского см., напр.: *Володихин Д. М.* Победа русских войск над польско-литовскими интервентами под Опочкой в 1517 году // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 42; *Илюшин Б. А.* Воеводский корпус в Казанском походе 1530 года // *Novogardia*. 2019. № 3. С. 65. Б. А. Илюшин несправедливо занижает боевые качества кн. Ф. В. Лопаты, говоря о его «небольшом воеводском опыте». Думается, в данном случае следует обратить внимание не на то, сколько князь Федор Лопата служил до похода 1530 г., а на то, как именно он служил.

⁹⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 62.

¹⁰⁰ Там же. С. 62. О возможной дате смерти сына Ф.Ю. Щуки Кутузова будет сказано далее.

⁹⁵ РК-1598. С. 75. В Пространной РК вторым воеводой ошибочно указан кн. М. Ф. Карамыш Курбский: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 213. Дубликаты под 7034 (1526) и 7039 (1531) гг.: РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 196, 218.

⁹⁶ Возможно, что кн. Ф. В. Лопата Оболенский был ниже Ф.Ю. Щуки и в сентябрьской кампании 1527 г. против крымцев.

⁹⁷ *Курбатов О. А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов

Поход на Казань начался в апреле или мае 1530 г. К середине июля объединенная русская армия приступила к осаде города. Поначалу удача была на стороне государевых воевод: в ночь на 14 июля в ходе кровопролитного штурма был взят укрепленный Булакский острог, после чего устрешенный хан Сафа-Гирей бежал из Казани в Арский городок или, по другой версии, в союзный ему Крым. Воеводы вполне могли овладеть осиротевшей татарской столицей, но внезапно затеяли жестокое местническое разбирательство. Потеряв изрядное время и не озаботившись организацией дозоров, командующие московской ратью допустили фатальную ошибку. Верные казанцам черемисские отряды обрушились на расцепленный гуляй-город и устроили страшную резню в русском лагере. В отчаянном бою сложили свои головы многие служилые люди и воеводы. Погиб и первый воевода Передового полка князь Федор Лопата Оболенский. 30 июля, через две недели после учиненного разгрома, главнокомандующий кн. И. Ф. Бельский, добившись от казанских властей формального признания верховенства московского государя, снял осаду и начал отступление. Тщательно спланированная операция обернулась безусловным провалом¹⁰¹.

Узнав о крахе похода, Василий III пришел в ярость. Виновник поражения кн. И. Ф. Бельский был приговорен

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 314; ПСРЛ. Т. 34. С. 16; ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 36–40. Противоречивые свидетельства источников проанализированы А. А. Зиминим, а в самое недавнее время — Б. А. Илюшиным (*Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 364–366; Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III. Казань, 2021. С. 291–309*).

к смерти, но в итоге по челобитию церковных иерархов помилован и заточен в темницу. Согласно позднему источнику, великий князь «располеся и разгневался» и на других «больших воевод», правда вскоре переменил гнев на милость: «и быша в первой чести и любви его»¹⁰². Настигло ли наказание Федора Щуку — неизвестно. И летописи, и разряды умалчивают о его роли в злополучной казанской экспедиции. Ясно лишь одно: едва завершив казанскую службу, Ф. Ю. Щука скончался.

С. Б. Веселовский справедливо полагал, что смерть настигла Федора Щуку в 7039 (1530/31) г., поскольку на будущий год по его душе был совершен вклад в Троице-Сергиев монастырь¹⁰³. Предложенную Веселовским дату можно уточнить. В древнейшем пергаменном синодике Троице-Сергиева монастыря («синодике ризницы» 1575 года) Ф. Ю. Щука записан в самом начале годовой рубрики за 7039 г., немногим ниже имени павшего под стенами Казани кн. Ф. В. Лопаты Оболенского¹⁰⁴. Следовательно, Щука должен был преставиться в первых числах сентября 1530 г., спустя считанные дни по возвращении из неудачного похода на Казань¹⁰⁵.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 19. Стб. 41.

¹⁰³ *Веселовский С. Б. Исследования...* С. 431–432. То же см.: *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии...* С. 260.

¹⁰⁴ РГБ. Ф. 304. III. № 25. Л. 183. Менее точно указание троцкого синодика конца XVI в. (РГБ. Ф. 304. I. № 40. Л. 10).

¹⁰⁵ Воеводы вернулись в столицу во второй половине августа (ПСРЛ. Т. 34. С. 16; ПСРЛ. Т. 26. С. 314).

Место Ф. Ю. Щуки в структуре Государева двора и воеводского корпуса

Подведем итог кипучей деятельности Федора Юрьевича Щуки. За тридцать пять лет службы он имел не менее семнадцати служебных назначений. Семь раз его «разряжали» полковым воеводой, единожды он командовал небольшим самостоятельным полевым соединением. В боевых действиях ему довелось участвовать не менее семи раз: трижды в походах против Казанского ханства, трижды — в экспедициях на литовском «фронте», как минимум однажды — в оборонительной операции против крымских татар. Скупые свидетельства летописей и воинских разрядов не позволяют сказать что-либо определенное о роли Ф. Ю. Щуки в военных кампаниях. Очевидно, он действовал чрезвычайно удачно, что и стало причиной его стремительного восхождения по карьерной лестнице.

Для своего семейства Федор Щука поднялся очень высоко. Он выходил в походы гораздо чаще своих родичей, и притом всякий раз на высоких должностях. Кутузовы вообще были представлены на военной службе крайне незначительно — как правило, они делали карьеру на дипломатическом поприще. За всю первую половину XVI в., помимо Ф. Ю. Щуки, в разрядных книгах были записаны лишь сыновья его двоюродного брата Михаила Клеопы. Никита Михайлович Клеопин в июне 1521 г. был вторым осадным воеводой Коломны¹⁰⁶, а его младший брат Андрей в июле 1528 г. служил приставом у городецкого «царевича» Еналея¹⁰⁷. Правда, в ноя-

бре 1512 г. некий Андрей Кутузов был «расписан» вторым воеводой полка Лево́й руки (младшая воеводская должность) в походе из Великих Лук к Брянску¹⁰⁸, но из источника неясно, о каком именно представителе семейства Кутузовых идет речь¹⁰⁹. Еще один дальний родственник Федора Щуки, его троюродный брат Иван Александрович Мисин (потомок младшего брата Федора Кутуза, Григория Горбатого), в 1510–20-х гг. неоднократно пребывал на второстепенных воеводских должностях, но так и не смог дослужиться до ранга первого полкового воеводы¹¹⁰.

Вспомним, какое положение занимали Кутузовы в иерархической структуре Государева двора на рубеже XV–XVI вв., когда Федор Юрьевич едва заступил на государеву службу. Их клан держался на скромных позициях, ниже абсолютного большинства старомосковских нетитулованных родов, не говоря уже о представителях княжеской аристократии. Как должна была складываться судьба Кутузовых в первой трети XVI столетия? Скорее всего, достаточно печально. Активное

¹⁰⁸ Там же. С. 48.

¹⁰⁹ В Пространной разрядной книге этот Андрей Кутузов записан с отчеством Семенович. Не исключено, что здесь мы имеем дело с поздней вставкой: источники знают лишь одного такого служилого человека, Андрея Семеновича Лапина Кутузова. Последний однако же погиб от рук азовских казаков летом 1501 г. (Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884. № 81, 83. С. 407, 419; ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 253; см. также: *Моисеев М. В.* «Иже где лихих нет...» Нападения в степи на дипломатические миссии и их урегулирование в XV–XVI вв. Россия, татарские государства и Османская империя перед криминальным вызовом «вольных сообществ» // Новое прошлое. № 4. 2019. С. 30–31). О возможно позднем происхождении этого разряда см.: *Жуков А. Е.* К вопросу об источниках Летописного свода 1560 года. С. 182–183.

¹¹⁰ РК-1598. С. 48, 56, 57, 61, 63, 68.

¹⁰⁶ РК-1598. С. 66.

¹⁰⁷ Там же. С. 72.

включение в состав Двора многочисленных княжат в последние годы правления Ивана III и в особенности при его сыне Василии III привело к серьезному переустройству механизма комплектования воеводского корпуса. Нетитулованная знать постепенно утрачивала былое влияние в армии: на места, ранее контролировавшиеся старым московским боярством, все чаще стали назначать выходцев из княжеской среды. По подсчетам Д. М. Володина, только за три первых десятилетия XVI в. представительство нетитулованных семейств на «именных» воеводских должностях сократилось почти в полтора раза¹¹¹. В этих условиях Кутузовы, и без того занимавшие незначительное место в командной военной иерархии страны, должны были вовсе перестать получать какие-либо серьезные воеводские назначения. Несомненные следы этого процесса мы видим на примере судеб трех старших ветвей дома Кутузовых, изрядно обмельчавших и в итоге напрочь «выпавших» из системы воеводских назначений. В подобных условиях служебный путь Ф. Ю. Щуки, отличавшийся бы своей неординарностью и при обычных обстоятельствах, представляет из себя едва ли не исключительный феномен. Упорно взбираясь вверх по карьерной лестнице, Федор Щука в иные моменты своей биографии «обходил честью» не только старомосковских служилыцев Воронцовых, Бутурлиных, Коробовых, Колычевых, Шереметевых, но и титулованных аристократов второго-третьего порядков: князей Сицких, Улановых, Буйносовых

¹¹¹ Володин Д. М. 1) Полководцы Ивана III. С. 116–123; 2) Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 95, 106.

Ростовских, Микулинских, Кривоборских, Ляцких, Стригиных Оболенских, Репниных, Тростенских, Кашиных, Кубенских, Барбашиных.

Чтобы яснее представить себе приблизительный уровень служебных назначений Федора Щуки, стоит еще раз взглянуть на разряд Казанского похода 1530 г. Как мы помним, Ф. Ю. Щука возглавлял в нем полк Правой руки судовой рати. В конной рати аналогичный пост занимал князь Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский¹¹² — очень крупный вельможа, военный и политический деятель времени правления Василия III, будущий фаворит государыни-регентши Елены Глинской¹¹³. Своему высокому рангу князь И. Ф. Овчина был обязан в первую очередь знатному происхождению. В отличие от него Ф. Ю. Щука достиг подобных высот исключительно благодаря личным профессиональным качествам и заслугам.

Наконец, еще одно, финальное, замечание. Говоря о наиболее востребованных московских полководцах первой трети XVI в., Д. М. Володин отметил абсолютное господство в этой среде представителей княжеского сословия. Из нетитулованных аристократов данной планки достигли всего трое служилых людей. Среди командующих самостоятельными полевыми соединениями к их числу принадлежал один лишь престарелый боярин Я. З. Кошкин, на уровне первых воевод других

¹¹² РК-1598. С. 75.

¹¹³ Шапошник В. В. Князь И. Ф. Овчина-Телепнев: этапы карьеры // Труды по российской и всеобщей истории XVI–XX вв. Сборник научных работ к 80-летию профессора Санкт-Петербургского университета, доктора исторических наук В. И. Хрисанфова. СПб., 2020. С. 131–136.

полков — И. А. Черный Колычев и А. В. Сабуров. Воеводы этого уровня востребованности, по определению Д. М. Володихина, имели в своем «послужном списке» пять и более командирских полковых служб¹¹⁴. Однако реестр полковых назначений Ф. Ю. Щуки Кутузова также соответствует предъявленным историком требованиям. В его активе пять случаев командования «титульными» полками: по одному разу Сторожевым и Правой руки, трижды Передовым. В количественном отношении Федор Щука, конечно, уступает по числу «именных» служб и Ивану Черному Колычеву, и Андрею Сабурову¹¹⁵, однако по качественному статусу — несомненно их превосходит. Диапазон назначений Колычева и Сабурова был ограничен постами первого воеводы Сторожевого полка или полкалевой Правой руки (лишь единожды, в июле 1513 г., А. В. Сабуров встал во главе Передового полка, однако это — всего лишь исключение из общего правила)¹¹⁶. Федор Щука в среднем превосходил их на одну-две воеводских позиции. Таким образом, принимая во внимание критерии, выработанные Д. М. Володихиным, мы констатируем, что Ф. Ю. Щука Кутузов вполне может быть

причислен к группе наиболее востребованных воевод времени правления государя Василия III¹¹⁷.

Вместо заключения. Наследие Ф. Ю. Щуки

Несмотря на выдающиеся успехи на военном поприще, Федор Юрьевич Щука так и не смог пробиться в Боярскую думу¹¹⁸. Многолетняя выслуга Щуки могла бы обеспечить его потомству очень хорошие стартовые позиции и в перспективе способствовать повышению если не всего семейства, то, по крайней мере, одной из ветвей рода Кутузовых. Судьбе было угодно распорядиться иначе: семейная жизнь Федора Щуки сложилась не слишком удачно. От жены Евдокии у него было два сына: Иван и Данила. Оба они, судя по всему, скончались в весьма молодом возрасте и были бездетны¹¹⁹. Иван Федорович Щу-

¹¹⁴ Володихин Д. М. Ведущие русские полководцы времен Василия III // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 103–104.

¹¹⁵ Первый разряжался первым полковым воеводой девять, второй — одиннадцать раз.

¹¹⁶ См.: РК-1598. С. 39, 48, 51, 52, 53, 55, 56, 69. Выборка из разрядов: Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 92, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103. О службах И. А. Колычева и А. В. Сабурова см. также: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 181, 193–194.

¹¹⁷ Такое же количество «именных» полковых служб, как у Ф. Ю. Щуки Кутузова, фиксируется, например, у кн. Б. Т. Уланова, включенного Д. М. Володихиным в перечень военачальников высшего уровня востребованности (Володихин Д. М. Ведущие русские полководцы времен Василия III. С. 104).

¹¹⁸ В Пространной разрядной книге под 1513, 1519, 1523 и 1530 гг. Ф. Ю. Щука записан с боярским чином (РК-1605. Т. 1. Ч. 1. С. 128, 168, 187; РК-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 213. Указано в работах: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 277. Примеч. 43; Илюшин Б. А. Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III. С. 89). Это ошибка, возникшая на определенном этапе создания данной разрядной компиляции или же одного из ее протографов. Полагаем, именно ее сведения позволили С. Б. Веселовскому утвердительно писать о боярстве Ф. Ю. Щуки Кутузова (см.: Веселовский С. Б. Исследования... С. 432).

¹¹⁹ В большинстве родословцев запись о них лапидарна: «Щукины дети Иван да Данило» (см., напр.: Родословная книга // ВОИДР. Кн. 10. М., 1851. С. 111). Ряд редакций родословных книг содержит уточнение об их бездетности (см., напр.: РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 182; РГБ. Ф. 205. № 178. Л. 65).

кин Кутузов умер еще при жизни отца¹²⁰, приняв монашеский постриг: в троицком синодике он записан как «инок Иона» под 7038 (1529/30) г.¹²¹ Данила Федорович в 1531/32 г. дал вклад Троицкому монастырю по усопшим родителям, брате и собственной душе¹²²; можно думать, что он также скончался где-то около этой даты¹²³. В иных известных источниках братья Щукины не упоминаются, с их смертью «самая значительная отрасль Кутузовых»¹²⁴ прекратила свое существование.

Хроника жизни Федора Щуки Кутузова

1470-е (до 1480) — рождение сына Федора в семье влиятельного вельможи Юрия Федоровича Кутузова.

1495, январь — поездка в Литву в свите княжны Елены Ивановны.

1495, октябрь — поездка в Новгород в свите детей боярских Ивана III.

1506, апрель — второй воевода Сторожевого полка в неудачном походе на Казань.

1511 (или около этой даты) — смерть старшего двоюродного брата,

Бориса Васильевича Кутузова; Федор Щука становится главой семейства Кутузовых.

1512, май — третий воевода «в Рязани» (Перевитеске).

1512, ноябрь — воевода «легкой» рати в походе против Литвы.

1513, лето — первый воевода Сторожевого полка у Тулы.

1515, июнь-июль — расписан третьим воеводой Большого полка в Дорогобуже.

1517, июнь — первый воевода Передового полка в Великих Луках; марш-бросок к Опочке в составе пятиполковой армии (октябрь).

1519, май — первый воевода «в Мещере».

1519, август — первый воевода Передового полка в походе из Дорогобужа на Литву.

1521, июнь — второй воевода в Нижнем Новгороде; осада города казанскими татарами (август).

1523, август-сентябрь — первый воевода Передового полка конной рати в походе на Казань.

1524, август — второй воевода Муром.

1526–1530 — совершение серии крупных вкладов в Троице-Сергиев монастырь.

1527, июль — второй воевода Рязани.

1528, август — третий воевода Рязани.

1529, март — наместник Рязани.

1530, май-август — первый воевода полка Правой руки в походе на Казань.

1530 г., осень — смерть Ф.Ю. Щуки Кутузова после возвращения из Казанского похода.

¹²⁰ С. Б. Веселовский твердо не знал даты смерти Ивана Щукина, однако же предположил, что тот умер «при жизни отца или вскоре после смерти отца» (*Веселовский С. Б. Исследования... С. 432*).

¹²¹ РГБ. Ф. 304. III. № 25. Л. 182 об. Возможно, с его смертью связан вклад Ф.Ю. Щуки Кутузова в Троице-Сергиев монастырь, совершенный 12 апреля 7038 (1530) г. (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 62).

¹²² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 62.

¹²³ Его имени в троицком синодике 1575 г. нам отыскать не удалось. Отсутствует оно и в поминальном списке рода Кутузовых, помещенном на страницах подробного кормово-вкладского монастырского синодика 1675 г. (см.: РГБ. Ф. 304. II. № 346. Л. 54 об.).

¹²⁴ *Веселовский С. Б. Исследования... С. 432*.

Библиография

Источники:

- НИОР РГБ. Ф. 29. Собрание И. Д. Беляева. № 76 (Разрядная книга 1479–1609 гг., Беляевский I список, 30–40-е гг. XVIII в.).
- НИОР РГБ. Ф. 29. Собрание И. Д. Беляева. № 81 (Разрядная книга 1493–1605 гг., Беляевский III список, писарская копия 50-х гг. XIX в.).
- НИОР РГБ. Ф. 92. Собрание С. О. Долгова. № 2 (Летописный сборник, 20-е гг. XVI в.).
- НИОР РГБ. Ф. 205. Собрание ОИДР. № 178 (Родословная книга редакции в 43 главы, близкая к протографу Бархатной книги, список последней четверти XVII в.).
- НИОР РГБ. Ф. 205. Собрание ОИДР. № 183 (Разрядная книга дворян Болтиных, последняя четверть XVII в.).
- НИОР РГБ. Ф. 256. Собрание Н. П. Румянцева. № 350 (Родословная книга редакции в 43 главы с приписными, список начала XVII в.).
- НИОР РГБ. Ф. 304. I. Главное собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры. № 40 (Синодик Троице-Сергиева монастыря, конец XVI в.).
- НИОР РГБ. Ф. 304. II. Дополнительное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 346 (Синодик кормово-вкладский Троице-Сергиева монастыря 1675 г., список 1738 г.).
- НИОР РГБ. Ф. 304. III. Собрание рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры. № 25 (Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г.).
- РГАДА. Ф. 196. Собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп. 1. № 1529 (Разрядная книга 1487–1577 гг., Мазуринский список, третья четверть XVI в.).
- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 4 / Сост. А. В. Антонов. М., 2008.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.
- Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957.
- Попов А. И.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М. — Л., 1959.
- Псковские летописи. Вып. 1 / Приг. к печ. А. Насонов. М. — Л., 1941.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929.
- ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901.
- ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904.
- ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
- ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М. — Л., 1959.

ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М. — Л., 1963.

ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.

ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.

ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1975.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989.

Родословная книга // Временник Императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851.

Сборник РИО. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882.

Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884.

Сборник РИО. Т. 53. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 г. СПб., 1887.

Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Шайдакова М. Я. Нижегородские летописцы XVII в. Н. Новгород, 2006.

Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М. — Л., 1951.

Литература:

Аксаньян К. Э. К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV — начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки) // Вестник Московского университета. № 4. Сер. 8. История. 2020.

Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005.

Белов Н. В. Князья Щенятевы — наместники Великого Устюга XVI века. К вопросу о статусе устюжского наместничества в правление Василия III и Ивана IV // Вестник Вологодского университета. № 4. 2020.

Беляков А. В. Историческая география Мещеры в XIV–XVII вв. // Российская история. № 1. 2019.

Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV — середине XVI века // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). В. Новгород, 2016.

Бенцианов М. М. «Литвины» и «пань». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 12. Минск, 2019.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Волков В. А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016.

Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.

Володихин Д. М. Победа русских войск над польско-литовскими интервентами под Опочкой в 1517 году // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3.

Володихин Д. М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. М., 2017.

Володихин Д. М. Полководцы Ивана III. СПб., 2017.

Володихин Д. М. Ведущие русские полководцы времен Василия III // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019.

Володихин Д. М. Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного. М., 2020.

Володихин Д. М. Полководцы Московского царства. М., 2020.

Жуков А. Е. К вопросу об источниках Летописного свода 1560 года // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 7. Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги. М. — СПб., 2014.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Зимин А. А. Текстология Пространной редакции разрядных книг за 1475–1537 г. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Н. Новгород, 2018.

Илюшин Б. А. Воеводский корпус в Казанском походе 1530 года // Novogardia. № 3. 2019.

Илюшин Б. А. Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III // Novogardia. № 3 (7). 2020.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III. Казань, 2021.

Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.

Корзинин А. Л. Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Часть 1. Думные чины // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 8. СПб., 2017.

Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011.

Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.

Лобин А. Н. Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017.

Моисеев М. В. «Иже где лихих нет...» Нападения в степи на дипломатические миссии и их урегулирование в XV–XVI вв. Россия, татарские государства и Османская империя перед криминальным вызовом «вольных сообществ» // Новое прошлое. №4. 2019.

Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVI вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.

Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.

Пенской В. В., Пенская Т. М. «Исланова стравка» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 8. Казань, 2015.

Подчасов Н. А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI — начало XVII века). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.

Пономарева И. Г. Боярское окружение великого князя Василия Васильевича в 1425–1432 гг. // Российская история. № 1. 2011.

Селиверстов Д. А. Московское войско в битве при Орше 1514 г. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3. М. — Тула, 2014.

Сергеев А. В. Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 34. СПб., 2014.

Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.

Шапошник В. В. Князь И. Ф. Овчина-Телепнев: этапы карьеры // Труды по российской и всеобщей истории XVI–XX вв. Сборник научных работ к 80-летию профессора Санкт-Петербургского университета, доктора исторических наук В. И. Хрисанфова. СПб., 2020.

Сведения об авторе

Белов Никита Васильевич, магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

N. V. Belov

ONCE AGAIN ABOUT FEDOR YURYEVICH SHCHUKA KUTUZOV, MILITARY LEADER (VOEVODE) OF VASILY III

Annotation: Criticizing the latest research on the life and service of military leader (voivode) F. Yu. Shchuka Kutuzov, the author offers his own reconstruction of the service biography of this statesman of the first third of the ЧМIIIth century. The factors, which influenced his rise/depression in the structure of the Russian army high-ranking officers, are revealed. His position in military hierarchy of the Moscow state is localized. The approximate

date of F. Yu. Shchuka's death is established. At the end of the article is a chronological list of the main events of the life of this military leader.

Key words: military aristocracy, military leaders, military history, Sovereign's Court, Kutuzov, Vasily III.

References

Sources:

- NIOR RGB. F. 29. Sobranie I. D. Belyaeva. № 76 [Book of ranks of 1479–1609].
- NIOR RGB. F. 29. Sobranie I. D. Belyaeva. № 81 [Book of ranks of 1493–1605].
- NIOR RGB. F. 92. Sobranie S. O. Dolgova. № 2 [Abbreviated Chronicle Code of 1495 with additional articles, 1520s copy].
- NIOR RGB. F. 205. Sobranie OADR. № 178 [Genealogy book in 43 chapters].
- NIOR RGB. F. 205. Sobranie OADR. № 183 [Boltin's Book of ranks].
- NIOR RGB. F. 256. Sobranie N. P. Rumyantseva. № 350 [Genealogy book in 43 chapters with supplements].
- NIOR RGB. F. 304. I. Glavnoe sobranie rukopisei Troitse-Sergievoi lavry. № 40 [Synodicon of the Trinity-Sergius Monastery at the end of the 16th century].
- NIOR RGB. F. 304. II. Dopolnitel'noe sobranie rukopisei biblioteki Troitse-Sergievoi lavry. № 346 [Synodicon of the Trinity-Sergius Monastery of 1675].
- NIOR RGB. F. 304. III. Sobranie rukopisei rznitsy Troitse-Sergievoi lavry. № 25 [Synodicon of the Trinity-Sergius Monastery of 1575].
- RGADA. F. 196. Sobranie F. F. Mazurina. Op. 1. № 1529 [Book of ranks of 1487–1577].
- Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV — nachala XVII veka [Acts of servant landowners of the 15th — early 17th centuries]. Vol. 4 / Sost. A. V. Antonov. Moscow, 2008.
- Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya [The Contribution Book of the Trinity-St. Sergius Monastery] / Izd. podg. E. N. Klitina, T. N. Manushina, T. V. Nikolaeva. Moscow, 1987.
- Ioasafovskaya letopis' [Joasaph Chronicle] / Pod red. A. A. Zimina. Moscow, 1957.
- Popov A. I. Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v Khronografy russkoi redaktsii [Collection of Slavic and Russian texts in the Russian Chronographs]. Moscow, 1869.
- Poslaniya Iosifa Volotskogo [The Epistles of Joseph of Volotsk] / Podg. teksta A. A. Zimina i Ya. S. Lur'e. Moscow — Leningrad, 1959.
- Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. Vyp. 1 / Prig. k pech. A. Nasonov. Moscow — Leningrad, 1941.
- PSRL. Vol. 4. Ch. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The Fourth Novgorod Chronicle]. Vyp. 3. Leningrad, 1929.
- PSRL. Vol. 6. Sofiiskie letopisi [Sophia's Chronicles]. Sankt-Peterburg, 1853.
- PSRL. Vol. 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Voskresensky Chronicle]. Sankt-Peterburg, 1859.
- PSRL. Vol. 12. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu [The Patriarch's or Nikon's Chronicle]. Sankt-Peterburg, 1901.
- PSRL. Vol. 13. Ch. 1. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu [The Patriarch's or Nikon's Chronicle]. Sankt-Peterburg, 1904.

- PSRL. Vol. 18. Simeonovskaya letopis' [Simeon's Chronicle]. Sankt-Peterburg, 1913.
- PSRL. Vol. 19. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets) [Kazan Chronicle]. Sankt-Peterburg, 1903.
- PSRL. Vol. 24. Tipografskaya letopis' [Typographical Chronicle]. Petrograd, 1921.
- PSRL. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Permian Chronicle]. Moscow — Leningrad, 1959.
- PSRL. Vol. 28. Letopisnyi svod 1497 g. Letopisnyi svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis') [The Chronicle Code of 1497. The Chronicle Code of 1518]. Moscow — Leningrad, 1963.
- PSRL. Vol. 34. Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy [Postnikovskaya, Piskarevskaya, Moskovskaya and Belskaya Chronicles]. Moscow, 1978.
- PSRL. Vol. 37. Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. [Ustyug and Vologda chronicles of the 16th–18th centuries]. Leningrad, 1982.
- PSRL. Vol. 39. Sofiiskaya pervaya letopis' po spisku I. N. Tsarskogo [Sofia's First Chronicle by I. N. Tsarsky's list]. Moscow, 1994.
- Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Book of ranks of 1475–1598]. Moscow, 1966.
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Book of ranks of 1475–1605]. Vol. 1. Ch. 1. Moscow, 1975.
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Book of ranks of 1475–1605]. Vol. 1. Ch. 2. Moscow, 1977.
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Book of ranks of 1475–1605]. Vol. 3. Ch. 3. Moscow, 1989.
- Rodoslovnaya kniga [Genealogy Book] // Vremennik Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. Kn. 10. Moscow, 1851.
- Sbornik RIO. Vol. 35. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim [Documents of diplomatic relations of the Moscow state with the Polish-Lithuanian]. Vol. 1. Sankt-Peterburg, 1882.
- Sbornik RIO. Vol. 41. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoi i Nogaiskoi ordami i s Turtsiei [Documents of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nogay Hordes and with Turkey]. Vol. 1. Sankt-Peterburg, 1884.
- Sbornik RIO. T. 53. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Nemetskim ordenom v Prussii 1516–1520 g. [Documents of diplomatic relations of the Moscow state with the German Order in Prussia]. Sankt-Peterburg, 1887.
- Tikhomirov M. N.* Novyi pamyatnik moskovskoi politicheskoi literatury XVI v. [A new example of Moscow 16th-century political literature] // Tikhomirov M. N. Russkoe letopisanie. Moscow, 1979.
- Shaidakova M. Ya.* Nizhegorodskie letopistsy XVII v. [Nizhny Novgorod Chronicles of the 17th century]. N. Novgorod, 2006.
- Shmidt S. O.* Prodolzhenie Khronografa redaktsii 1512 goda [Continuation of the Russian Chronograph of 1512] // Istoricheskii arkhiv. Vol. 7. Moscow — Leningrad, 1951.
- Researches:**
- Aksan'yan K. E.* K voprosu o statuse gorodovykh voevodskikh naznachenii v kontse XV — nachale XVII v. (po razryadnym zapisyam naznachenii v Velikie Luki) [On the issue of the status of voivoda assignments to cities in the late 15th — early 17th centuries (on the basis of appointments to Velikiye Luki in the Rank Books)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2020. № 4. (In Russian).

Ankhimiyuk Yu. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV — nachalo XVII veka [Private Rank Books with records for the late 15th — early 17th centuries]. Moscow, 2005. (In Russian).

Belov N. V. Knyaz'ya Shchenyatevy — namestniki Velikogo Ustyuga XVI veka. K voprosu o statuse ustyuzhskogo namestnichestva v pravlenie Vasiliya III i Ivana IV [Shcheniatev Princes — Veliky Ustyug governors general of the 16th century. On the status of the Ustyug governorship during the reigns of Vasily III and Ivan IV] // Vestnik Vologodskogo universiteta. № 4. 2020. (In Russian).

Belyakov A. V. Istoricheskaya geografiya Meshchery v XIV–XVII vv. [Historical geography of Meshchera in the 15th-17th centuries] // Rossiiskaya istoriya. № 1. 2019. (In Russian).

Bentsianov M. M. Vykhodtsy iz rodov moskovskogo boyarstva na novgorodskikh pomest'yakh v kontse XV — seredine XVI veka [Natives of the Moscow nobility on the Novgorod estates in the late 15th and mid-16th centuries] // Novgorodskii istoricheskii sbornik. Vyp. 16 (26). V. Novgorod, 2016. (In Russian).

Bentsianov M. M. «Litviny» i «pany». Vykhodtsy iz Velikogo knyazhestva Litovskogo na moskovskoi sluzhbe v XV–XVI stoletiyakh [«Litvins» and «panes.» Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the service of Moscow in the 15th-16th centuries] // Studia Historica Europae Orientalis. Vyp. 12. Minsk, 2019. (In Russian).

Veselovskii S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Studies on the history of the class of servant landowners]. Moscow, 1969. (In Russian).

Volkov V. A. Pod styagom Moskvy. Voiny i rati Ivana III i Vasiliya III [Under the banner of Moscow. Wars and armies of Ivan III and Vasily III]. Moscow, 2016. (In Russian).

Volodikhin D. M. Sotsial'nyi sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV [Social structure of the Russian army high-ranking officers under Ivan IV]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russian).

Volodikhin D. M. Pobeda russkikh voisk nad pol'sko-litovskimi interventami pod Opochkoi v 1517 godu [Victory of Russian troops over Polish-Lithuanian invaders under Opochka in 1517] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. № 3. 2016. (In Russian).

Volodikhin D. M. Knyaz' Aleksandr Vladimirovich Rostovskii, vovoda Ivana Velikogo [Prince Alexander Vladimirovich Rostovsky, voivode of Ivan the Great]. Moscow, 2017. (In Russian).

Volodikhin D. M. Polkovodtsy Ivana III [Military leaders of Ivan III]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russian).

Volodikhin D. M. Vedushchie russkie polkovodtsy vremen Vasiliya III [Leading Russian commanders of the time of Vasily III] // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vypusk 6: Shestye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–22 noyabrya 2019 g. Moscow, 2019. (In Russian).

Volodikhin D. M. Knyaz' Ivan Shuiskii. Vovoda Ivana Groznogo [Prince Ivan Shuisky. Ivan the Terrible's voivode]. Moscow, 2020. (In Russian).

Volodikhin D. M. Polkovodtsy Moskovskogo tsarstva [The commanders of the Moscow tsardom]. Moscow, 2020. (In Russian).

Zhukov A. E. K voprosu ob istochnikakh Letopisnogo svoda 1560 goda [Concerning the sources of the 1560 Chronicle Code] // Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoi

istorii. Vyp. 7. Istoricheskoe povestvovanie v Srednevekovoi Rossii: K 450-letiyu Stepennoi knigi. Moscow — Sankt-Peterburg, 2014. (In Russian).

Zimin A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the threshold of the New Age (Essays on the political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Moscow, 1972. (In Russian).

Zimin A. A. Namestnicheskoe upravlenie v Russkom gosudarstve vtoroi poloviny XV — pervoi treti XVI v. [Governorship in the Russian state in the second half of the 15th — first third of the 16th century] // Istoricheskie zapiski. Vol. 94. Moscow, 1974. (In Russian).

Zimin A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV — pervoi treti XVI v. [The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th — first third of the 16th century]. Moscow, 1988. (In Russian).

Zimin A. A. Tekstologiya Prostrannoi redaktsii razryadnykh knig za 1475–1537 g. [The textology of the Extended edition of the Rank Book for the years 1475–1537] // Arkhiv russkoi istorii. Vyp. 2. Moscow, 1992. (In Russian).

Ilyushin B. A. «Voina leta 7014»: Moskovsko-kazanskii konflikt 1505–1507 gg. [«The war of summer 7014»: The Moscow–Kazan conflict of 1505–1507]. N. Novgorod, 2018. (In Russian).

Ilyushin B. A. Voevodskii korpus v Kazanskom pokhode 1530 goda [Voivode corps in the Kazan campaign of 1530] // Novogardia. № 3. 2019. (In Russian).

Ilyushin B. A. Fedor Yur'evich Shchuka Kutuzov — voevoda Vasiliya III [Fedor Yuryevich Shchuka Kutuzov — voevoda of Vasily III] // Novogardia. № 3 (7). 2020. (In Russian).

Ilyushin B. A. Kazanskie voiny Vasiliya III [Kazan wars of Vasily III]. Kazan', 2021. (In Russian).

Kargalov V. V. Na stepnoi granitse. Oborona «krymskoi ukrainy» Russkogo gosudarstva v pervoi polovine XVI stoletiya [On the steppe border. The defense of the «Crimean border» of the Russian state in the first half of the 16th century]. Moscow, 1974. (In Russian).

Korzinin A. L. Sostav dumnykh i dvortsovykh chinov v pravlenie velikogo knyazya Ivana III. Chast' 1. Dumnye chiny [Composition of the Duma and palace officials during the reign of Grand Prince Ivan III. Part 1. The Duma ranks] // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Vyp. 8. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russian).

Kurbatov O. A. Ocherki razvitiya taktiki russkoi konnitsy «sotennoi sluzhby» s serediny XVI v. do serediny XVII v. [Essays on the development of tactics of Russian cavalry «centenary service» from the mid-16th century to the mid-17th century] // Voennaya arkheologiya. Sbornik materialov Problemnogo Soveta «Voennaya arkheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Vyp. 2. Moscow, 2011. (In Russian).

Lobin A. N. Bitva pod Orshei 8 sentyabrya 1514 goda [Battle of Orsha on September, 8, 1514]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russian).

Lobin A. N. Oborona Opochki 1517 g. «Besova derevnya» protiv armii Konstantina Ostrozhskego [Defense of Opochka in 1517. «Damn village» against the army of Konstantin Ostrozhsky]. Moscow, 2017. (In Russian).

Moiseev M. V. «Izhe gde likhikh net...» Napadeniya v stepi na diplomaticheskie missii i ikh uregulirovanie v XV–XVI vv. Rossiya, tatarskie gosudarstva i Osmanskaya imperiya pered

kriminal'nyy vyzovom «vol'nykh soobshchestv» [Raids on diplomatic missions in the steppe and their settlement in the 15th–16th centuries. Russia, Tatar states and Ottoman Empire and the challenge of criminal «free communities»] // *Novoe proshloe*. № 4. 2019. (In Russian).

Nazarov V.D. Netitulovannaya znat' po pokhodnomu spisku dvora Ivana III v 1495 g. [Untitled nobility by the marching list of the court of Ivan III in 1495] // *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVI vv. Sbornik statei, posvyashchennyi 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Alekseeva*. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russian).

Penskoi V.V. «Tsenturiony» Ivana Groznogo. Voevody i golovy moskovskogo voiska vtoroi poloviny XVI v. [«Centurions» of Ivan the Terrible. Voevodes and heads of the Moscow army in the second half of the 16th century]. Moscow, 2017. (In Russian).

Penskoi V.V., Penskaya T.M. «Islanova stravka» [«Islanova stravka» (Islam-Giray's raid)] // *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. Vyp. 8. Kazan', 2015. (In Russian).

Podchasov N.A. Razryadnye dokumenty kak istochnik po voenno-administrativnoi deyatel'nosti roda knyazei Trubetskikh na sluzhbe Moskovskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI — nachalo XVII veka) [Ranks documents as a source on military-administrative activities of the Trubetskoy Princes in the service of the Moscow state (second half of the 16th — early 17th century)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2018. (In Russian).

Ponomareva I.G. Boyarskoe okruzhenie velikogo knyazya Vasiliya Vasil'evicha v 1425–1432 gg. [Boyar environment of Grand Duke Vasily Vasilievich in 1425–1432] // *Rossiiskaya istoriya*. № 1. 2011. (In Russian).

Seliverstov D.A. Moskovskoe voisko v bitve pri Orshe 1514 g. [Moscow army in the Battle of Orsha in 1514] // *Voennaya arkheologiya*. Sbornik materialov Problemnogo Soveta «Voennaya arkheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Vyp. 3. Moscow — Tula, 2014. (In Russian).

Sergeev A.V. Knyaz'ya Yaroslavskie vo vtoroi treti XVI v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie [Yaroslavsky Princes in the second third of the 16th century: a historical and genealogical study] // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vol. 34. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russian).

Chernov S.Z. Volok Lamskii v XIV — pervoi polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovanie voenno-sluzhiloi korporatsii [Volok Lamsky in the 14th — first half of the 16th century. Structures of land tenure and the formation of the military and service corporation]. Moscow, 1998. (In Russian).

Shaposhnik V.V. Knyaz' I. F. Ovchina-Telepnev: etapy kar'ery [Prince I.F. Ovchina-Telepnev: Career stages] // *Trudy po rossiiskoi i vseobshchei istorii XVI–XX vv. Sbornik nauchnykh rabot k 80-letiyu professora Sankt-Peterburgskogo universiteta, doktora istoricheskikh nauk V. I. Khrisanfova*. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russian).

About the author

Belov Nikita V., graduate student at the Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia).

E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Н. В. БЕЛОВА «ЕЩЕ РАЗ О ФЕДОРЕ ЮРЬЕВИЧЕ ЩУКЕ КУТУЗОВЕ, ВОЕВОДЕ ВАСИЛИЯ III»

Аннотация: Статья является ответом на опубликованную в этом же номере журнала работу Н. В. Белова, часть которой занимает критика моей предыдущей статьи о Ф. Ю. Кутузове.

Ключевые слова: военная история, русские воеводы, Московское государство, XVI век

Биографию Ф. Ю. Щуки Кутузова я решил написать из интереса к единственному ветерану сразу четырех казанских кампаний Василия III. Это не была некая «служилая биография» в рамках какой-то конкретной методики, применяемой в последние годы разрабатывающими подобную тематику исследователями. Поэтому уточнение и выявление недочетов и возможных ошибок в этой статье в целом не может не приветствоваться. Однако в опубликованной в данном выпуске журнала статье Н. В. Белова мне пришлось столкнуться с не вполне корректными претензиями и вызывающим тоном молодого исследователя, видимо, считающим, что подобное критиканство добавляет весу его статье. Однако в ней имеются как фактические ошибки и некорректное использование некоторых терминов, так и несколько

надуманных претензий к моей публикации¹.

Собственно, моя главная претензия касается тона статьи и нескольких обвинений в самом ее начале. Громкое заявление о «вольном обращении с источниками и терминами» требует конкретных серьезных примеров. Однако приведенные автором претензии некорректны, и другие он не соизволил написать. Так, попросту надуманным является замечание об использовании в моей статье наименования «разрядная книга 1605 г.», поскольку оно якобы вводит в заблуждение читателя. Тут сам Н. В. Белов вводит читателя в заблуждение. Данный источник опубликован и известен именно под таким наименованием² (в моем тексте оно чуть сокращено, но историки иногда ее и вовсе обозначают как РК 1605, оно же использовано в работах таких специалистов, как, например, Ю. Г. Алексеев³ и А. Н. Ло-

¹ Ознакомившись со статьей Н. В. Белова до публикации, я через редакцию предлагал ее скорректировать, убрав немотивированное критиканство и выявленные мной его же ошибки, тем самым повысив качество научного продукта, однако он посчитал, что лучше (кому?) оставить все как есть.

² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1 / ред. В. И. Буганов. М., 1977.

³ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб., 2009. С. 282, 313, 317, 322 и др.

бин⁴, а о том, что это компиляция XVII в. отмечено и в моей статье⁵. Более того, сам же Н. В. Белов использовал именно такое название источника в своей статье про Шаха-Али⁶.

Также некорректен пример с моим разбором повторов и разночтений разрядных книг о походах 1510-х гг. То, что я попытался объяснить эти разночтения без учета статьи А. А. Зимина, не дает основания заявлять о «вольном обращении» с источником. Если анализ ошибочен, то надо дать его развернутую критику, хотя бы в виде тезисов предыдущего исследователя. Однако, автор не удосужился этого сделать. Более того, выводы Н. В. Белова по хронологии назначений Ф. Ю. Кутузова почти полностью совпадают с моими:

1515, июнь-июль — расписан третьим воеводой Большого полка в Дорогобуже.

1517, июнь — первый воевода Передового полка в Великих Луках; марш-бросок к Опочке в составе пятиполкового войска (октябрь).

1519, май — первый воевода «в Мещере» (кстати, одним из аргументов Н. В. Белова в пользу такой датировки мещерской службы Ф. Ю. Кутузова является как раз то самое судное дело⁷, что использовал я в своей реконструкции).

⁴ Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 63.

⁵ Илюшин Б. А. Федор Юрьевич Шука Кутузов — воевода Василия III // *Novogardia*. № 3 (7). 2020.. С. 89.

⁶ Белов Н. В. Начало военно-политической карьеры Шаха-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. 2019. С. 206, 209. Статья, впрочем, не отличается глубиной анализа и новизной, а лишь пересказывает сведения источников об участии Шаха-Али в военных акциях Московского государства.

⁷ Вернее, список с него.

Иначе Н. В. Белов датирует поход на Литву из Дорогобужа (август 1519), однако я отнес этот поход 1518 г. вслед за А. А. Зиминим и по упоминанию его в дипломатической документации. Но Н. В. Белов почему-то посчитал это моей ошибкой, заявив, что «литовскую экспедицию кн. А. Б. Горбатого Шуйского автор со ссылкой на А. А. Зимина датировал 1518 г., однако в книге Зимина речь идет о 1519 г.», в то время, как у А. А. Зимина и в дипломатической документации речь как раз о 1518 году⁸. Возможно Н. В. Белова сбилось с толку упоминание А. А. Зиминим же ниже похода на Литву во главе с М. В. Горбатым и в 1519 г. Однако в тот год, согласно Никоновской летописи, этот воевода ходил на Литву с Псковских и Новгородских «украин», но не по Смоленскому направлению из Дорогобужа (откуда и выступало войско, Передовой полк которого возглавлял Ф. Ю. Кутузов). Отсюда вывод о датировке 1518 годом, что и было расписано в моей статье.

Раз этого показалось недостаточно, рассмотрю вопрос подробнее, тем более, что он оказался несколько сложнее. Имеются точные даты походов на литовские земли М. В. Горбатого от «отчины великого князя московского» Смоленска и С. Ф. Курбского из Стародуба — это лето 1518 г. Именно про них говорится в грамотах в Крым. В РК 1605 к лету 1518 г. отнесен поход М. В. Горбатого (и Ф. Ю. Кутузова) из Дорогобужа. Запись

⁸ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 189; Посылка в Крым от великаго князя Василия Ивановича в Крым к царю Магмет-Гирею и к царевичам ближняго человека Остани Андреева с грамотами // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 95. СПб., 1895. С. 535.

о нем повторяется в этом же источнике за лето 1519 г., т. е. по РК 1605 неясно, какая из дат предпочтительнее. В более ранней и (как правило) более точной РК 1598 поход М. В. Горбатого из Дорогобужа и С. Ф. Курбского из Стародуба отнесены к 1519 г., причем перед ними говорится о походе на литовские земли того же М. В. Горбатого, но с иными воеводами со Ржевы⁹. Датировка последнего события 1519 годом подтверждается Никоновской летописью. Однако это не означает, что вскоре после выступления из Ржевы было сформировано новое войско под началом М. В. Горбатого, в котором оказался и Ф. Ю. Кутузов. Во-первых, в РК 1598 попросту отсутствует статья за лето 7026 (1517/1518), почему нет и записи о походе М. В. Горбатого от Смоленска в 1518 г. Во-вторых, дублируется поход со Стародуба С. Ф. Курбского, который достоверно был в 1518 г., а в РК 1598 записан за 1519 г. «по соседству» с Дорогобужским выступлением М. В. Горбатого; идентичное назначение и повтор операции? Или неточность РК 1598, где попросту смешаны записи за два лета — 7026 и 7027? С учетом вышесказанного вывод напрашивается однозначный: в РК 1598 слиты и переставлены места события 1518 и 1519, датировка которых проясняется благодаря летописи и грамоте в Крым, а участие Ф. Ю. Кутузова в походе из Дорогобужа датируется 1518 годом¹⁰. Упоминание же именно Смоленска, а не Дорогобужа в грамоте крымцам может объясняться желанием

лишний раз озвучить на международном уровне то, что Смоленск — «отчина великого князя московского».

Место Ф. Ю. Кутузова в списке детей боярских 1495 г. в моей статье указано 57, а у Н. В. Белова — 58. Однако при пересмотре списка у меня получилось 59-е место. Вот полный перечень:

1. Федор Иванович Бельский,
2. князь Иван Иванович Мынин Хованской
3. князь Иван Михайлович Репня Оболенской
4. князь Семен
5. да князь Василей Даниловичи Холмские
6. князь Иван Булгак Булгаков, дети ево
7. князь Андрей
8. да князь Михайло Булгаковы
9. князь Дмитрий Семенович Щепа
10. князь Костентин Ярославов
11. князь Василей Щербатой
12. князь Михайло Шуйской,
13. князь Борис Иванович (Михайлович) Горбатой
14. князь Василей Андреевич Нохтев да сын ево
15. князь Иван Нохтев
16. князь Иван Александрович Борбаша
17. князь Василей Мних Ряполовской
18. князь Иван Михайлович
19. да князь Юрьи
20. да князь Борис Ромодановские
21. Иван Образец
22. да Ондрей Пеструха
23. да Петр княж Федоровы дети Пестрого
24. князь Александр
25. да князь Федор
26. да князь Семен Приимков Кривоборские

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В. И. Буганов. М., 1966. С. 63.

¹⁰ Данный вопрос был разобран мной при участии М. А. Несина.

27. князь Иван Стародубской Черной
28. князь Василей Ковер Стародубской
29. князь Ондрей Иванович Ростовской Хохолек
30. дети ево князь Юрьи
31. да князь Олександр Ростовские
32. князь Александр Володимирович Ростовской
33. князь Василей да
34. князь Семен Ивановичи Янова Ростовские
35. князь Костентин князь Семенов сын Романовича
36. князь Костентин Ушатой
37. князь Андрей Дмитриевич Курбской
38. князь Семен Федорович Курбской
39. князь Михайло Львович Романовича
40. князь Дмитрей Федорович Юхотской
41. князь Андрей Прозоровской
42. князь Федор Сицкой, князь
43. князь Дмитрей Сонцов
44. князь Давыд Засекин
45. князь Иван Коргаломской
46. князь Ондрей Шелешпанской
47. Григорей
48. да Петр Федоровы дети Давыдовича
49. князь Иван Шелуха Кубенской
50. Борис Александрович Колычов
51. Иван Васильев сын Хобар
52. Семен Иванов сын Воронцов
53. Василей Иванов сын Гаврилов
54. Осанчюк
55. да Алексей Григорьевы дети Заболоцкого
56. Ондрей Васильев сын Сабуров
57. Федор Брюхо Морозов
58. Дмитрей Васильев сын Шеин
59. Федор Юрьев сын Щука Кутузов

Не знаю, почему в прежней статье у меня вышла ошибка, но ошибка Н. В. Белова, видимо, связана с тем, что за одного

человека он посчитал упоминаемых двух князей Александров Ростовских, хотя первый из них — сын кн. Андрея Ивановича, а второй — Владимирович.

Далее, касательно назначения третьим воеводой в Рязани 1527 г. Я датировал его осенью именно 1527 г. по следующим соображениям. В разрядной книге и в Никоновской летописи к сентябрю 7036 (1527 г.) отнесен приход войска Ислам-Гирея¹¹. Далее в разрядах говорится о стоявших «того же году августа 29» в Коломне воеводах, включая В.С. Одоевского и И.И. Щетину Оболенского, а в летописи они отмечены на Берегу против Ислам-Гирея (Коломна как раз стоит на Оке). Далее перечисляются воеводы в других городах, включая Ф.Ю. Кутузова в Рязани. Может показаться, что действительно речь уже о 1528 г. (конец лета 7036), но упоминание тех же воевод, что встречали крымцев на Берегу осенью 1527 и идущее много ниже 29 августа перечисление воевод на «украинах» за июнь (7036) говорят о том, что под 29 августа в статье лета 7036 подразумевается самый конец предыдущего 7035 (1527). Хронологические нестыковки характерны для разрядной книги. Например, литовский поход И.М. Чулка Засекина и Вериги Волконского неверно в ней датирован февралем 1519 г., хотя по более точным дипломатическим документам это уже февраль 1520 года¹². В той же разрядной книге ошибочно за конец лета 7030 (август 1522 г.) отмечено, что на Суре в Василе городе стояли русские воеводы, а затем

¹¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46; РК 1605. С. 201, 202, 205.

¹² Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 223. прим. 172.; Лобин А.Н. Битва под Оршей... С. 206.

уже за лето 7031 говорится о походе Василия III с братом в Нижний Новгород, когда и был основан Василь-город¹³, т. е. события стыка 7031/7032 (август — сентябрь 1523) тут перенесено на август 1522 г. Поэтому и в отношении Ф. Ю. Кутузова речь может идти не об ошибке в моей статье, о разной трактовке сведений источника, а мне в статье следовало дать развернутую аргументацию такой хронологии.

Существенное место в критике моей статьи занимает указание на неиспользование мной методики Д. М. Володихина, будто бы «подробно изложенной» в диссертации Н. А. Подчасова. Однако, в статье Н. В. Белова какой-то особой методологии, принципиально отличной от моей, не видно (возможно, надо было хотя бы изложить ее основные принципы?). Событийная канва (кроме озвученных выше случаев) и общие выводы статьи, а также выводы по ряду частных вопросов, в целом совпадают с моими. Шире представлены вопросы служебной карьеры Ф. Ю. Кутузова, однако это не приводит к принципиальным различиям и иным трактовкам.

По замечанию М. А. Несина, высказанному им и Н. В. Белову, «методологические приемы», используемые Д. М. Володихиным и его учеником Н. А. Подчасовым не корректно характеризовать как «обыкновенно применяемые при подобного рода разысканиях», а было бы точнее обозначить, «как плодотворно используемые некоторыми исследователями»; при этом, Н. В. Белову следовало бы дать емкую характеристику этой «методики исследования служебных биографий» Д. М. Володихина, или,

по крайней мере, сделать точную ссылку на номера страниц двухсотсемистраничной кандидатской диссертации Н. А. Подчасова, в которой эта методология, по словам Белова, «подробно изложена». В действительности, по наблюдению М. А. Несина, лишь на С. 25 указанной работы Н. А. Подчасова приводится не подробное изложение, а краткая характеристика методики Д. М. Володихина как «акцент на изучении типичного и особенного в послужных списках представителей военной элиты»¹⁴, а далее в диссертации Н. А. Подчасова неоднократно упоминаются различные выводы Д. М. Володихина, далеко не все из которых нужно учитывать при изучении биографии Ф. Ю. Щуки Кутузова — к примеру, касающиеся Полоцкого похода, периода опричнины, а также конца XVI и начала XVII в.¹⁵, когда Ф. Ю. Щука Кутузов уже давно скончался. Остается заключить, что поскольку Н. В. Белов не поясняет, какие методы Д. М. Володихина и Н. А. Подчасова актуальны применительно к Ф. Ю. Кутузову, то давая такие глухие ссылки на работы, автор только уходит от предметного обсуждения вопроса в критиканство.

Под «слабым знанием историографии вопроса» Н. В. Белов, видимо, подразумевает отсутствие в моей статье ссылок на публикации В. А. Кучкина, Ю. Г. Алексеева, Н. С. Борисова, Д. М. Володихина,

¹⁴ Подчасов Н. А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI — начало XVII века). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 25.

¹⁵ См. напр.: там же. С. 50, 75, 78, 82, 91, 150, 172, 178, 193–194.

¹³ РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 187–188.

А. Г. Бахтина. Только вот неясно, зачем в статье про Ф. Ю. Кутузова нужны ссылки на работы о кн. А. В. Ростовском¹⁶ или И. В. Симском¹⁷. К тому же, например, в той же статье А. Г. Бахтина также нет той самой методологии Д. М. Володихина. Может, Н. В. Белов и про Хабар-Симского статью напишет, где сможет обвинить и А. Г. Бахтина в «неумении» писать «служилые биографии?»...

Ну, и не обошлось у Н. В. Белова без фактических ошибок и некорректных выражений.

Так, по его версии «во время очередного похода против Казанского ханства, Ф. Ю. Щуку отправляют на русско-казанскую границу, в Муром», хотя граница с ханством проходила по Суре, что почти в 250 км к востоку от Мурома; в итоговой версии статьи граница заменена на пограничье, но это дело не меняет¹⁸. Ниже автор пишет о вставшем в Муроме «сильном отряде» с шестью воеводами, хотя корректнее говорить о полноценном войске: с шестью воеводами, если исходить из известных по второй половине XVI в. средних цифр, могло находиться 2–3 тыс. ратников. В первоначальной версии статьи имелась еще одна ошибка: «Семь дней спустя татарские отряды подступили к стенам Нижегородского кремля». В действительности же под стены кремля татары

подойти не могли — кремль со всех сторон окружал посад с древо-земляными укреплениями, а его татары не взяли. «Стены кремля» автор заменил на «стены острога» после доведения до его сведения через редакторов моего замечания. По изначальной версии Сафа-Гирей в 1530 г. у Н. В. Белова бежит из Казани почему-то в Астрахань, хотя по летописи он ушел в Арский острог к северо-востоку от Казани, а по «Казанскому летописцу» — в Крым¹⁹, и только затем, видимо, после замечаний редакторов (также взятых из моего списка замечаний), автор вписал Арский городок и Крым. Кроме того, автор неправомерно именует укрепления казанского посада именем собственным — Булакский острог, хотя в источниках говорится только о постройке острога (частокола) вокруг посада; новодельное же выражение Булакский острог вводит читателя в заблуждение, подразумевая отдельную крепость. Замечу, что автор постоянно использует военные термины более позднего времени — армия, армейская группировка, армейский эшелон (sic!). В XVI в. в России и Казанском ханстве были войска, рати, воинские силы. «Два пятиполковых эшелона» для XVI в. — неуместный анахронизм. Это были судовая и конная рати по большому разряду (по пять полков).

Претензии вызывает и такой абзац у Н. В. Белова: «Выполняя приказ Василия III, армии князей Шуйских, едва перейдя границу, принялись «воевати и пленити Казанские места по Луговой

¹⁶ Володихин Д. М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. Серия: Ратное дело. М., 2017.

¹⁷ Бахтин А. Г. Воевода И. В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. № 6. 2017. С. 70–79.

¹⁸ Русские владения были и на правом берегу Оки, к востоку от которой на 200 км протянулись буферные мордовские земли.

¹⁹ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39–40.

стороне и по Горнеи». Казанцы закрылись в столице и не рискнули вступить в открытый бой с превосходящими силами противника. Разработанный в Москве военный план удался сполна: пока основные силы русских разоряли казанские земли, отряд воеводы М. Я. Захарьина проследовал к устью р. Суры и в короткие сроки возвел крепостцу Васильгород, будущий город Васильсурск — надежный оплот русской военной силы на восточном «казанском» рубеже. Поход завершился практически бескровно: так и не сойдясь с татарской армией, «воеводы Казанские места плениша, възвратишяся здрави, мног плен с собою приведоша».

Тут же возникает ряд вопросов к трактовкам сведений летописей (пресловутое «вольное обращение с источником!»). Где написано, что русские рати принялись воевать казанские места едва перейдя границу? Откуда взялись сведения о том, что казанцы не рискнули вступить в «открытый бой» с русскими силами (причем превосходящими)²⁰? Где имеются сведения о том, что Василь-город был возведен якобы в короткие сроки? Почему войско Захарьина и других военачальников названо отрядом, хотя само по себе участие в предприятии нескольких воевод²¹

²⁰ Тут надо хотя бы ссылки добавить на исследования, или развернутую аргументацию дать.

²¹ Среди непосредственных основателей Василь-города фигурируют двое или трое высокородных воевод, вряд ли шедших туда только лишь с несколькими сотнями ратников. После же основания крепости в ней остались 6 воевод. К тому же источники не называют общее их количество, а в походе на казанские окраины и к Суре отмечено сразу 12 воевод, которые могли командовать как минимум несколькими тысячами ратников, а это для того времени немалое войско (Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 312; Нижегородский летописец. С. 32; Разрядная книга 1475–1605. Ч. 1. С. 187).

и участие судовой и конной ратей говорит о войске внушительных размеров? Как мог поход конной и судовой ратей, вероятно, до самой Казани пройти «практически бескровно»²²? Откуда информация о разработке военного плана якобы в Москве? (в действительности, судя по духовной грамоте Василия III, изначально с Москвы поход планировалось провести напрямик до Казани, но из-за ранней осени уже в Нижнем Новгороде планы пришлось менять)²³.

В целом, статья Н. В. Белова указывает на несколько моих мелких ошибок, углубляет выводы касательно служебной карьеры Ф. Ю. Кутузова, вводит дополнительные источники, хотя и не меняющие радикально общую картину. При этом, однако, автор привел ряд некорректных замечаний и сам допустил немало ошибок²⁴. Ну, а заносчивое критиканство не красит и маститого профессора, а тем более начинающего исследователя. Критиковать надо не только остро, но и по существу, корректно, вежливо, а не превращать науку в интернет-форум. Если бы автор повел себя более корректно, мой ответ ограничился бы обоснованием двух дат (1518 и 1527) и пересчетом места Ф. Ю. Кутузова в списке 1495 г.

²² В источниках говорится о том, что русские силы не понесли потерь, но бескровным масштабное вторжение в центральные области ханства быть не могло.

²³ Духовная запись в. кн. Василия III Ивановича с подтверждением своей прежней духовной грамоты... [июнь 1523] // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. М., 1998. Док. 124. С. 293–294, 483–484.

²⁴ Некоторых из которых могло бы и не быть, не пустись автор в повторение подробностей военной биографии Ф. Ю. Кутузова, уже приведенных в моей статье, и ограничившись дополнениями, критическими замечаниями и расширенными выводами.

Библиография

Источники:

Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. М. — Л., 1959.

Духовная запись в. кн. Василия III Ивановича с подтверждением своей прежней духовной грамоты... [июнь 1523] // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. М., 1998. Док. 124.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. 19. СПб., 1903.

Нижегородский летописец / Работа А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886.

Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С. Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб., 1904.

Посылка в Крым от великаго князя Василия Ивановича в Крым к царю Магмет-Гирею и к царевичам ближняго человека Остани Андреева с грамотами [31 августа — 16 сентября 1518] // Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. № 31.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В. И. Буганов. М., 1966.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1 / ред. В. И. Буганов. М., 1977.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. / ред. В. И. Буганов. М., 1977.

Литература:

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб., 2009.

Бахтин А. Г. Воевода И. В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. № 6. 2017. С. 70–79.

Белов Н. В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. 2019.

Володихин Д. М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. Серия: Ратное дело. М., 2017.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Илюшин Б. А. Федор Юрьевич Щука Кутузов — воевода Василия III // *Novogardia*. № 3 (7). 2020.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI вв. Второе изд., испр. и доп. М., 2010.

Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.

Подчасов Н. А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI — начало XVII века). Дисс... канд. ист. наук. М., 2018.

Сведения об авторе

Илюшин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного

университета, г Нижний Новгород (Россия). Область научных интересов: военная история Московского государства XV–XVI вв., история Казанского ханства, история и культура древних и средневековых народов Казахстана, Центральной Азии и Сибири.

E-mail: arunta-desert@yandex. ru

B. A. Ilyushin

ANSWER TO THE ARTICLE BY N. V. BELOV «ONCE AGAIN ABOUT FEDOR YURYEVICH SHCHUKA KUTUZOV, MILITARY LEADER (VOEVODE) OF VASILY III»

Annotation: The article is a response to the publication of N. V. Belov published in the same issue of Novogardia journal, part of which is a criticism of my previous article about F. Y. Kutuzov

Key words: military history, Russian voivodes, Moscow state, XVI century.

References

Sources:

Vologodsko-permskaja letopis' [Vologda-Perm chronicle] // Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol. 26. Moscow-Leningrad, 1959. (In Russian).

Duhovnaya zapis' v. kn. Vasiliya III Ivanovicha s podtverzhdeniem svoej prezhnej duhovnoj gramoty...[iyun' 1523][Spiritual record of Great prince Vasily III Ivanovich with confirmation of

his former spiritual Charter...[June 1523]] // Akty Rossijskogo gosudarstva. Arhivy moskovskih monastyrej i soborov XV — nachalo XVII vv. Moscow, 1998. Dok. 124. (In Russian).

Kazanskij letopisec (Istoriya o Kazanskom carstve) [Kazansky letopisets (History of the Kazan Kingdom)] // Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol. 19. Ed. by G. Z. Kuncovich. Saint-Peterburg, 1903. (In Russian).

Nizhegorodskij letopisec [Nizhny Novgorod chronicler] / Rabota A. S. Gaciskogo [the Work of A. S. Gacisky]. Nizhnij Novgorod, 1886. (In Russian).

Nikonovskaja letopis' [Nikon chronicle] // Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol. 13. Sankt- Peterburg, 1904. (In Russian).

Posylka v Krym ot velikago knyazya Vasiliya Ivanovicha v Krym k caryu Magmet-Gireyu i k carevicham blizhnyago cheloveka Ostani Andreeva s gramotami [Posting to the Crimea from the great Prince Vasily Ivanovich to the Crimea to the Tsar Magmet-Giray and to the tsarevichs of the near man Ostani Andreev with letters] [August 31 — September 16, 1518] // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. 95. Saint Petersburg, 1895. № 31. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razryad book of 1475–1598] / red. V.I. Buganov. Moscow, 1966. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Razryad book of 1475–1605]. Vol. 1. Part 1. / red. V.I. Buganov. Moscow, 1977. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Razryad book of 1475–1605]. Vol. 1. Part 2. / red. V.I. Buganov. Moscow, 1977. (In Russian).

Researches:

Alekseev Ju. G. Pohody russkikh vojsk pri Ivane III. 2-e izd. [The campaigns of the Russian troops under Ivan III. 2-th ed.] Saint-Peterburg, 2009. (In Russian).

Bahtin A. G. Voevoda I. V. Habar-Simskij [Voevoda I. V. Khabar-Simsky] // Voennistoricheskij zhurnal. (№ 6). 2017. (In Russian).

Belov N. V. Nachalo voenno-politicheskoy kar'ery SHah-Ali: na puti k kazanskomu pohodu 1524 g. [The beginning of the military-political career of Shah-Ali: on the way to the Kazan campaign of 1524] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Special'nyj vypusk IX. Inozemcy na russkoj voennoj sluzhbe v XV–XIX vv. Ch. 2. 2019.

Volodihin D. M. Knyaz' Aleksandr Vladimirovich Rostovskij, voevoda Ivana Velikogo [Prince Alexander Vladimirovich of Rostov, Voivode of Ivan the Great]. Seriya: Ratnoe delo. Moscow, 2017. (In Russian).

Zimin A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoj treti XVI v.) [Russia on the threshold of a new time (Essays on the political history of Russia in the first third of the XVI century)]. Moscow, 1972. (In Russian).

Ilyushin B. A. Fyodor Yur'evich Shchuka Kutuzov — vovode Vasiliya III [Fyodor Yuryevich Shchuka Kutuzov — voivoda of Vasily III] // Novogardia № 3 (7). 2020. (In Russian).

Krom M. M. Mez' Rus'yu i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca XV — pervoj treti XVI vv. Vtoroe izd., ispr. i dop. [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late XV — first Third of the XVI centuries. Second ed., revised and expanded]. Moscow, 2010. (In Russian).

Lobin A. N. Bitva pod Orshej 8 sentyabrya 1514 goda [Battle of Orsha on September 8, 1514]. Saint -Petersburg, 2011. 251 p. (In Russian).

Podchasov N. A. Razryadnye dokumenty kak istochnik po voenno-administrativnoi deyatel'nosti roda knyazei Trubetskikh na sluzhbe Moskovskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI — nachalo XVII veka) [Ranks documents as a source on military-administrative activities of the Trubetskoy Princes in the service of the Moscow state (second half of the 16th — early 17th century)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2018. (In Russian).

About the author

Ilyushin Boris A., PhD in History, junior researcher of the Humanities Research Laboratory of Novosibirsk State University (Novosibirsk Russian Federation).

E-mail: arunta-desert@yandex.ru

О ЛЕГЕНДАРНОЙ РОДОСЛОВНОЙ ДВОРЯНСКОГО РОДА ФИЛОСОФОВЫХ И О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИИ

Аннотация: В статье исследуется легендарная родословная русского дворянского рода Философовых и высказывается гипотеза о происхождении фамилии от небесного покровителя Устина Философова — Св. Юстина Философа.

Ключевые слова: Философовы, дворяне, Юстин Философов.

В 1627 году на имя царя Михаила Федоровича была подана челобитная. В ней смоленский дворянин Иван Философов напоминал о своих заслугах в последние месяцы славного победоносного 1612 года (7121 год по византийскому исчислению) и просил повесить его в чин московских дворян.

«Дав в прошлом, государь, во 121-м году, — вспоминал Иван Философов, — приходил литовский король и королевич в Московское государство и стоял он под Волоком Ламским, а под Москву, государь, от короля приходил Адам Жолкевской с литовскими людьми и был бой с вашими государевы бояры, со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким да со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. И на том бою я, холоп ваш, вам, государям, служил и за вас, государей, первой был мертвец, изсекли меня, холопа вашего, во многих местах, и от тех ран рука у меня, холопа вашего, испорчена.

И сечена меня взяли в полон и привели перед короля и перед королевича к роспросу; и король и королевич меня, холопа вашего, спрашивали: «Москвы не взяли-ль, и про мой королевский и про королевичев приход бояре ведают-ли, что мы идем со многими людьми, и королевича на Московское государство хотят ли, или хотят с нами битца? И я, холоп ваш, перед королем и перед королевичем в роспросе сказал, что бояре Москву взяли, и которые отрывы от Китая и от Кремля были, и то закрепили, и наряд по городу изставили. И на Москве многие ратные люди по городам в сборе, и про твой королевской и про королевичев приход ведают, а королевича на Московское государство не хотят, потому что Москву пожгли и высекли, против королевича хотят битца, а обирают на Московское государство тебя, праведнова государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси. И Божиею милостью и твоим государевым счастьем и твоими, великого государя светейшего патриарха молитвами по моим расспросным речам король и королевич с литовскими людьми из Московского государства вышли вон»¹.

¹ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев. 1913. С. I–II.

Государевы дьяки проверили эти показания и записали «распросные речи» самого смолянина. После чего царь Михаил:

«пожаловал Ивана Иванова сын Философова для нынешней радости, благоверные царевны и великие княжны Ирины Михайловны велел ево написать в Московский список»².

Впоследствии рассказ о том, как Иван Философов дал королю ответ о высокой численности и боевой готовности московских людей, вошел в официальную летопись — «Новый летописец»³, а оттуда проник почти во все сочинения историков о событиях 1612 года (от С. М. Соловьева до наших дней). На самом деле распросные речи смоленского дворянина по-разному представлены в различных источниках, и потому вопрос о его подвиге нуждается в отдельном рассмотрении. Но нельзя отрицать, что дворяне Философовы участвовали во многих походах и службах времен Ивана Грозного и Смутного времени. История их рода представляет определенный интерес.

В собственных «распросных речах» 1627 года Иван Философов сделал важное уточнение к своей челобитной. Он заявил, что

«родителей де ево и братьи и дяди побито на государевых службах от крымских и от литовских и от немецких людей 15 ч.»⁴.

Может показаться странным, что у одного человека было столько погибших «родителей», «братьи» и «дяди». Однако по контексту выходит, что речь идет

² Там же. С. IV.

³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ) Т. 14. СПб., 1910. С. 128.

⁴ *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. С. III.

не только о ближайших родичах, участниках Смуты, но и о предыдущих поколениях участников войн с крымскими татарами и с немцами в Ливонии в царствование Ивана Грозного. Эти сведения перекликаются с данными родословия дворян Философовых.

Родословие было составлено в конце XVII в. по материалам семейного архива и сохранилась в позднейших списках⁵. О достоверности подобных генеалогических документов споры идут не первое столетие. Начало у большинства из них действительно легендарное. Как правило, дворянские родословия, записанные в конце XVII в., начинаются с вымышленной истории о предке-иноземце. Обычно этот предок прибывает «из немец», из Литвы или из татар во времена первых московских князей, то есть в XIV–XV вв. Однако Философовы в сочинении родословной легенды обошли многих, поскольку ведут начало своего рода уже с X в.!

Роспись роду Философовых начинается словами:

При благоверном великом князе Владимире Киевском выехал от македонских предел муж честен воинска чину и изученный в Богословских науках именем Марко Философ. И Благоверный великий князь Владимир посылал Марка в Срацыни для восприятия благочестивыя веры и по тому его посольству приехали к великому князю Владимиру четыре срацинские князи и крестились. И за то великий князь его Марка честно почте и о сем послании Маркове к Срацынем свидетельствует книга Степенная⁶.

⁵ СПб ИИ РАН. Ф. 131. оп. 1. № 106. л. 64–74.

⁶ Там же. Л. 64.

Проверка источника подтверждает, что миссия Марка Философа с проповедью христианства в Сарацинской земле и последующее крещение четырех князей действительно есть в 46 и 47 главах Первой степени «Книги Степенной Царского Родословия»⁷. Эти события будто бы произошли при князе Владимире Крестителе, однако в раннем летописании никаких сведений о сарацинской миссии нет. «Книга Степенная» появилась в XVI в. в годы царствования Ивана Грозного.

Между родословной росписью Философовых и «Степенной книгой» есть одно расхождение. В Родословии Марк Философов назван «муж честен воинска чину и изученный в богословских науках», однако в Степенной книге про «воинский чин» ничего не сказано. Это расхождение легко объяснить: при написании истории рода Философовы стремились подчеркнуть, что их предок был не каким-нибудь священником, и уж тем более не монахом, а знатным воином.

Если еще раз перечитать рассказ Степенной Книги «о Маркове послании», можно отметить, что Философ поехал «в Болгары», то есть в Волжскую Булгарию⁸. «Сарацины», которым он проповедовал, по словам Степенной книги, также называются Измаильтянами и Агарянами, «еще же и «бессермини» зовутся, и «татары» нарицаются, и прочая же иная различная имена их»⁹. Следовательно, Марк Философ уже во времена князя Владимира проповедовал мусульманам на землях

будущего Казанского ханства. Однако никто не внял его проповеди, кроме четырех князей, да и те уехали креститься в Киев.

Легенда о Марке Философе появилась в исторической обстановке середины XVI в. Она предрекала беды казанским жителям, услышавшим Благоую весть одновременно с Русью, но не принявшим истинную веру. В конце XVII в. Философовы использовали эту легенду для обоснования древности своего рода.

Самое удивительное читаем дальше. В Родословии перечисляются многочисленные имена потомков Марка, с пометками о смерти, гибели, бездетности. Набор имен весьма многообразен, много редких имен греческого происхождения:

«А у Марка Христофоровича Философа дети: Григорий да Платон бездетен. У Григория Маркова сын Арист. А у Ариста Григорьева сына дети три сына: Киприян бездетен, Василий, Дмитрий бездетен. А Василия Аристовова сына детей четыре сына: Анисим бездетен убит, Тимофей, Семен бездетен, Михайло. У Тимофея Васильева сына два сына: Парфений, Савин; У Михаила Васильева сына сын Феклист убит, (л. 66) а у Парфения Тимофеева сына два сына: Уар, Данило бездетен; а у Савина Тимофеева сына сын Микифор. У Феклиста Михайлова сына детей три сына: Аверкий, Василий, Семен бездетен. У Уара Парфеньева сына четыре сына: Яков бездетен, Федот, Анофрей бездетен, Петр бездетен. У Микифора Савинова сына сын Елисей убит. А у Аверкия Феклистова сына сын Аким...» и т. д.

Никакой привязки к исторической эпохе в этом длинном перечислении ветвей, многие из которых тупиковые, нет. Но что любопытно: если в большинстве

⁷ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. СПб. 1908. С. 111–112.

⁸ Там же. С. 111.

⁹ Там же.

родословий смоленских дворян в конце XVII в. насчитывается 8–9 поколений (обычно считают от начала или середины XV в.), то у Философовых в то же время было целых 24 поколения! Длина родословного списка как будто бы переключается с версией о происхождении рода от Марка Македонянина.

Однако достоверность этих сведений не подтверждается другими источниками по древней русской истории. Смущает и большое количество тупиковых ветвей, когда из четырех-пяти братьев потомство есть только у одного или двух и никогда не распадается на две ветви. Скорее всего, все эти имена были придуманы и подробно расписаны составителем Родословия, который сумел (и надо признать, довольно искусно) придать достоверность версии об исключительной древности рода Философовых.

Почти у всех российских дворян, включая князя Рюриковичей, начальная история рода была легендарной. Из этого не следует делать выводов о недостоверности всего родословия. Сведения о более поздних поколениях почти всегда находят подтверждения в документах XVI–XVII в.

Начиная с 20 поколения, в Родословии Философовых появляются сведения об участии представителей рода в войнах времен Ивана Грозного. Достоверные сведения начинаются приблизительно с 17 или с 18 поколения.

Для примера рассмотрим фрагмент из поколенной росписи рода Философовых (полный вариант опубликован в Приложении) с 15-го по 22-е поколение.

15-е поколение: Дети Семена: Федор (бездетен). Дети Ильи: Иосиф (бездетен). Дети Луки: Захарий, Арсений (бездетен).

16-е поколение: Дети Захария: Протас (бездетен), Данило (бездетен), Самойло (бездетен убит), Иван.

17-е поколение: Дети Ивана: Устин.

18-е поколение: Дети Устина: Андрей.

19-е поколение: Дети Андрея: Лукьян (убит), Никита.

20-е поколение: Дети Лукьяна: Афанасий (убит крымцами при Молодях), Стефан (бездетен, убит крымцами при Молодях), Федор (бездетен, убит немцами под Кесью). || Дети Никиты: Федор (убит крымцами под Воротынском), Василий (бездетен, убит крымцами в Москве), Андрей (убит бездетен под Володимирцом-немецким).

21-е поколение: Дети Афанасия: Федосий (Город 500 ч. в 1605/06 г., бездетен). ||| Дети Федора: Иван (Двор 500 ч. в 1605/06 г.), Григорий (бездетен, убит немцами под Коловертью), Максим Замятня (Двор 500 ч. в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска), Иван Меньшой (убит немцами под Ругодивом), Андрей (Двор 500 ч. в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска).

22-е поколение: Дети Ивана: Афанасий (Город 450 ч. в 1605/06 г., бездетен, убит поляками при взятии Смоленска), Алексей (Город 400 ч. в 1605/06 г.), Иван (Новик 300 ч. в 1605/06 г.), Федор (*Новик 300 ч. с отцова в 1605/06 г., воевода в Туле в 1630/1 и 1631/2 гг.*). Дети Максима: Алексей (*Новик 300 ч. в 1605/06 г.*). Дети Ивана меньшого: Филипп (бездетен). || Дети Андрея: Макарий (*Новик 300 ч. в 1605/06 г., бездетен убит поляками под Колязиным*).

В 15 поколении мы видим три ветви рода, но две из них обрываются, поскольку из четырех сыновей трое указаны

бездетными. В 16 поколении из трех сыновей потомство есть только у одного. В итоге из всех потомков Марка выживает одна ветвь, и 17-е поколение представлено одним только Устином, а 18-е Андреем Философовым.

От двух сыновей Андрея Устиновича из 19 поколения начинается история рода. В 20-м поколении сыновья Лукьяна и Никиты Андреевичей предстают перед нами участниками реальных сражений второй половины XVI в. Здесь тоже видим оборвавшиеся ветви рода из-за ранней гибели дворян в бою. Однако и потомки Лукьяна, и потомки Никиты реально присутствуют в документах XVI и XVII столетий. Следовательно, как реального персонажа, основателя рода мы можем рассматривать их отца, Андрея Устиновича Философова, жившего приблизительно в первой половине—середине XVI в.

Если исходить из того, что и Устин Философов был реальным историческим персонажем, то происхождение родовой фамилии может иметь более правдоподобное объяснение, чем легенда о проповеднике Марке из времен князя Владимира. Дело в том, что имя Устин в христианских святцах и тогда и сейчас было связано с определенным персонажем. Святым покровителем Устинов является мученик Юстин или Иустин, казненный за веру в 165 году.

Этот Юстин до своего крещения был философом-платоником и первым из христиан создал труды, где Христианские догматы (в том числе догмат о Троице) обосновывались с опорой на античную философскую традицию. Поэтому в святцах он известен как Юстин Философ

и под тем же именем указан в богослужебных книгах. С рукописями богослужебных Миней XVI в. можно ознакомиться на сайте Троице-Сергиева монастыря.

Минеи составлялись по месяцам (по книге на каждый месяц). День Святого Юстина отмечали 1 июня. В Минеях конца XV-начала XVI в. за месяц июнь в первых же строках читаем: «Месяца иуниа 1 святого мученика Иустина Философа и иже с ним» (Минея служебная за июнь и июль, рукопись завершена 17 (27) мая 1514 года. Главное рукописное собрание Троице Сергиевой Лавры, рукопись № 568. См. также рукописи 569–574 из того же собрания (XVI в. без строгой датировки) с таким же началом. Рукопись 566 (XV в.) не имеет начала, а в рукописи 567 (XV или нач.XVI в.) начало несколько иное, но также с упоминанием «Святого мученика Иустина Философа»¹⁰.

Весьма вероятно, что некий Устин, живший в конце XV или в начале XVI в. в России, стал основателем служилого дворянского рода и решил получить поддержку в таком важном начинании от своего святого покровителя. Возможно, он до этого не принадлежал к боярским родам, и переход в служилое сословие стал для него знаком покровительства свыше. Чтобы сохранить эту сакральную связь, он и посвятил род своему небесному патрону, отчего его потомки и получили фамилию Философовы. При этом вовсе не обязательно, чтобы сам Устин или

¹⁰ На сайте Троице-Сергиевой лавры оцифрованы и опубликованы служебные Минеи из монастырского рукописного собрания. Публикацию рукописей см.: <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=1&gotomanuscript=560> (последнее обращение 1 марта 2021 года).

кто-то из его рода был хоть немного знаком с трудами древнего Философа. Достаточно было искренней веры, что святой со столь необычным именем, хорошо известным по минеям, оказывает содействие в земных делах. Подобная версия происхождения фамилии представляется более вероятной, чем поиск «философов» среди основателей рода.

На Руси философами называли не античных мыслителей, но христианских писателей и проповедников, обладавших книжной мудростью. Однако такое прозвище было редким, и чаще всего его получали известные проповедники-монахи. Нет ни малейшего намека, чтобы служилый род Философовых мог происходить от кого-либо из известных православных учителей.

Всё, что мы знаем о Философовых XVI–XVII в. (из родословия и других источников), говорит нам о том, что они были людьми воинственными. Вся жизнь их проходила на государственной службе, и здесь они чаще всего встречали смерть. Начиная со времен Ивана Грозного, мы можем перейти от области догадок и предположений к реальным событиям из истории рода. Но это уже тема для последующего исследования. Сейчас время остановиться и сделать вывод — в родословии сохранилось имя действительного родоначальника Философовых Устина (он отнесен к 17-му поколению после серии легендарных предков), и именно от его святого покровителя служилые дворяне получили такую необычную фамилию. Возможно, изучение редких документов за первую половину XVI в. поможет в будущем прояснить этот вопрос.

Приложение

Поколенная роспись дворян Философовых по их Родословию

1-е поколение: Марко (Христофорович) Философ (проповедовал у «сарацин» при князе Владимире Святом в конце X в).

2-е поколение: Григорий, Платон (бездетен).

3-е поколение: Дети Григория: Арист.

4-е поколение: Дети Ариста: Киприан (бездетен), Василий, Дмитрий (бездетен).

5-е поколение: Дети Василия: Анисим (бездетен убит), Тимофей, Семен (бездетен), Михайло.

6-е поколение: Дети Тимофея: Парфений, Савин. Дети Михаила: Феклист (убит).

7-е поколение: Дети Парфения: Уар, Данило (бездетен), дети Савина: Микифор. Дети Феклиста: Аверкий, Василий, Семен (бездетен).

8-е поколение: Дети Уара: Яков (бездетен), Федот, Анофрей (бездетен), Пётр (бездетен). Дети Микифора: Елисей (убит). Дети Аверкия: Аким. Дети Василия: Фока (бездетен убит), Прокофий.

9-е поколение: Дети Федота: Фатей (бездетен), Харитон. Дети Елисея: Аввакум (бездетен), Анисим (бездетен). Дети Акима: Пимен, Виктор (бездетен), Фома (бездетен). Дети Прокофия: Лаврентий (бездетен), Пров (бездетен).

10-е поколение: Дети Харитона: Дмитрий (бездетен), Исак, Михей. Дети Пимена: Григорий, Захарий (бездетен, убит).

11-е поколение: Дети Исака: Созон (бездетен). Дети Михея: Ларион (бездетен). Дети Григория: Иван (бездетен), Леонтий, Варлам (бездетен), Семион (бездетен, убит).

12-е поколение: Дети Леонтия: Максим, Стефан (бездетен), Прокофий.

13-е поколение: Дети Максима: Роман (бездетен, убит). Дети Прокофия: Остафий (бездетен, убит), Тимофей? (бездетен убит)?

14-е поколение: Дети Тимофея: Семен, Василий (бездетен, убит), Илья, Лука, Матвей (бездетен), Прохор (бездетен, убит).

15-е поколение: Дети Семена: Фёдор (бездетен). Дети Ильи: Иосиф (бездетен). Дети Луки: Захарий, Арсений (бездетен).

16-е поколение: Дети Захария: Протас (бездетен), Данило (бездетен), Самойло (бездетен убит), Иван.

17-е поколение: Дети Ивана: Устин.

18-е поколение: Дети Устина: Андрей.

19-е поколение: Дети Андрея: Лукьян (убит), Никита.

20-е поколение: Дети Лукьяна: Афанасий (убит крымцами при Молодях), Стефан (бездетен, убит крымцами при Молодях), Федор (бездетен, убит немцами под Кесью). || Дети Никиты: Федор (убит крымцами под Воротынском), Василий (бездетен убит крымцами в Москве), Андрей (убит бездетен под Володимерцом-немецким)

21-е поколение: Дети Афанасия: Федосий (Город 500 ч. в 1605/06 г.,

бездетен). || Дети Фёдора: Иван (Двор 500 ч. в 1605/06 г.), Григорий (бездетен, убит немцами под Коловертью), Максим Замятня (Двор 500 ч. в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска), Иван Меньшой (убит немцами под Ругодивом), Андрей (Двор 500 ч. в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска).

22-е поколение: Дети Ивана: Афанасий (Город 450 ч. в 1605/06 г., бездетен, убит поляками при взятии Смоленска), Алексей (Город 400 ч. в 1605/06 г.), Иван (Новик 300 ч. в 1605/06 г.), Федор (Новик 300 ч. с отцова в 1605/06 г., воевода в Туле в 1630/1 и 1631/2 гг.). Дети Максима: Алексей (Новик 300 ч. в 1605/06 г.). Дети Ивана меньшого: Филипп (бездетен). || Дети Андрея: Макарий (Новик 300 ч. в 1605/06 г., бездетен, убит поляками под Колязиным).

23-е поколение: Дети Алексея: Михайла (увечен), Иван (бездетен). Дети Ивана: Василий (московский ловчий при Федоре Алексеевиче, 2-й воевода в Смоленске, бездетен). Дети Фёдора: Матвей (рында у Алексея Михайловича). Дети Алексея: Данила (бездетен, убит под Конотопом), Анофрий, Никита (бездетен, убит под Конотопом), Никифор (бездетен).

24-е поколение: Дети Михаила: Григорий, Яков. Дети Анофрия: Аггей.

Библиография

Источники:

- Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908.
Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.
Свято-Троицкая Сергиева лавра. Официальный сайт. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=1&gotomanuscript=560> (дата обращения: 1.03.2021)
СПб ИИ РАН. Ф.131. оп. 1. № 106. л. 64–74.

Литература:

Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

Сведения об авторе

Молочников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история Смуты, история Московской Руси, история дворянства XVI–XVII веков, оборона Смоленска 1609–1611 гг.

E-mail: almolochnikov@yandex.ru.

A. M. Molochnikov

**ABOUT THE LEGENDARY PEDIGREE OF THE NOBLE
FAMILY OF FILOSOFOVS**

Annotation: The article examines the legendary genealogy of the Russian noble family of Filosofovs and expresses a hypothesis about the origin of the surname from the Patron Saint of Ustin Filosofov — St. Justin the Philosopher.

Key words: Filosofovs, nobles, Justin Filosofov.

References

Sources:

Kniga Steppennaya Tsarskogo rodosloviya [Book of royal genealogy]. ePSRL. Vol. 21. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Novyi letopisets [New chronicler]. PSRL. Vol. 14. St. Petersburg, 1910 (In Russian).

Svyato-Troitskaya Sergieva lavra — Ofitsial'nyi sait [Holy Trinity Sergius Lavra — Official site]. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=1&gotomanuscript=560> (accessed: 1.03.2021).

SPb II RAN [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. F. 131. Op. 1. No. 106. l. 64–74.

Researches:

Stashevskii E. Ocherki po istorii tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Essays on the history of the reign of Mikhail Fedorovich]. Kiev, 1913. (In Russian).

About the author

Molochnikov Alexander M., PhD in History, St. Petersburg (Russia).

E-mail: almolochnikov@yandex.ru.

«ВОСХИЩЕНИЯ» МОСКОВСКОГО ПРЕСТОЛА В КАНУН И НАЧАЛЕ СМУТЫ (ИВАН ТИМОФЕЕВ ОБ ОДНОМ ИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ «БЕЗСЛОВЕСНОГО МОЛЧАНИЯ» ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ)

Аннотация: Первопричиной «конечного» разорения и «порабощения», пережитых Россией в начале XVII в., дьяк Иван Тимофеев — один из крупнейших русских публицистов той поры — считал «безсловесное молчание» его современников относительно истребления «злоковарным» Борисом Годуновым представителей знати, «угличского дела», московского пожара 1591 г., смерти Федора Ивановича; это «безчеловечество» открыло «срабному» шурина «освятованного» царя путь к трону и явилось примером для Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Захват двумя последними верховной власти побудил добиваться престола и многочисленных самозванцев из «мельчайших и безыменных» людей, что, наряду с политическим равнодушием, иногда проявлявшимся и в годы «сиротства» «Русской земли» (к примеру, новгородцами осенью 1608 г.), способствовало усугублению длительного «междоусобия» и опустошительному «пленению» страны поляками и шведами.

Ключевые слова: Иван Тимофеев, его «Временник», русская публицистика начала XVII в., Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский, «безсловесное

молчание», порядок престолонаследия, захват верховной власти.

Считается, что «Временник» дьяка Ивана Тимофеева — один из крупнейших памятников русской публицистики первой трети XVII в. — «по сути дела ... представляет собой собрание характеристик» деятелей и событий Смуты¹. Автор самого любопытного среди произведений той поры², однако, едва ли не половину своей «хартицы» отвел царствованиям Ивана Грозного и его «преблаженного» наследника, правлению и «державству» Бориса Годунова. Кроме того, как давно отмечалось³, значительное место в «списа-

¹ Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 11; 2) Введение в чтение памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 232. Таково и мнение В. И. Охотниковой, считавшей (думается, без веских оснований), что «не факты и события ... интересуют автора («Временника». — Я. С.), а человеческая личность». См.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 580.

² Яковлев А. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 659.

³ См., напр.: Яковлев Ал. Предисловие // Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. VIII; Державина О. А. 1) Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной: Под ред. члена-корреспондента АН

нии» Тимофеева занимают размышления относительно причин «вкупной погибели», «конечного» разорения и «общерабства» («порабощения»), пережитых, а то и переживаемых, родной страной⁴.

Определяющую роль среди этих причин (грехов или зол, «от ких разлился ... земля наша»), которые, по его убеждению, чрезвычайно многочисленны, дьяк отводит «безсловесному молчанию»⁵. Впервые, оказывается, его проявили «благородныя по царех сущия столпи великия, ими же земля наша вся утвержашеся, всяко сия погубляти⁶ и вся ... различне ему («прегородому» Борису — Я. С.) обладати». Вместе с тем, автор «Временника» находил, что «нашим молчанием», т. е. всеобщим, а не только бояр, «санолобному»

шурина «святопомазанного» Федора⁷ «послаблялося», и завистливый «о всяком владальстве» «рабородный», наделенный «омраченным умом» Борис искоренил «от земля благородная вся и благословныя без остатка» (27, 31, 45, 56, 92, 94, ср. 16, 161, 163)⁸. Следом, пользуясь «нес-

СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1951 (репринт. воспроизв.: СПб., 2004). С. 364. Примеч. 1; С. 373–374, 376, 394, 395, 401; 2) К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им В.П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. 1957. С. 80.

⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 114, 159, 163, 164. Ср.: С. 95. Далее ссылки на «Временник» по этому изданию приводятся в тексте статьи с указанием страниц.

⁵ В представлении О.А. Державиной основной причиной длительного лихолетья «Велероссийского царствия» Тимофееву казалось возвышение худородных (*Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев ... С. 373–374. Ср.: С. 377*). Гораздо больше оснований считать такой причиной, о чем писала и О.А. Державина (Там же. С. 394, 395), «безсловесное молчание», которое автор «Временника» рассматривал как самый губительный для страны порок боярской аристократии. Недаром в отрывке «Взыщем в себе и подшимся усердно вси ...» среди множества зол (их «всех по ряду» дьяк даже не брался перечислять) названы лишь главные, причем о наделении чинами «младоточных» умалчивается, «безсловесное молчание» же указано вначале (92–93).

⁶ Хотя «иносказания и намеки» Тимофеева часто «с трудом поддаются истолкованию» (*Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 50*), автор «Временника», предположительно, имел в виду гонения на князей И.Ф. Мстиславского, Шуйских, Воротынских, а также Головиных.

⁷ Напомним, что Федор Иванович был коронован не на следующий день после смерти отца, т. е. 19 марта 1584 г. (Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 112. Примеч. 5), а 31 мая того же года.

⁸ Как думалось О.А. Державиной, Тимофеев «в глухих намеках» высказал «осуждение боярской оппозиции верховной власти» при Иване Грозном и вскоре после его смерти (*Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев... С. 372*). Но даже такие намеки обнаружить во «всесложении» дьяка затруднительно. Правда, по замечанию О.А. Державиной, он «вспоминает заговор бояр», собиравшихся развести царя с «содержавной супругой», найти ему другую жену «и тем самым отстранить Бориса Годунова от управления государством» (Там же. С. 360). Точнее, на что указала и О.А. Державина, если следовать «словесам» Тимофеева, «славолюбивый» Борис опасался, как бы Федор Иванович не вздумал расторгнуть брак, заключенный еще при жизни отца, и вступить в новый с какой-нибудь боярышней, сделав ее «всае ... Росия» госпожой, «чтобы иметь после себя наследника» (Временник Ивана Тимофеева. С. 481. Комм. 159, 160). По версии «писателя», Годунов считался с тем, что «некие» (очевидно, противники Бориса) могли «понудить» «благочестивне и пресветле» царствовавшего Федора, ставшего концом «велицей Росии всей», «прияти едину» из дочерей первых вельмож «второбрачим в жену, неплодства ради сестры его (Ирины Федоровны, у которой, однако, была «премладейшая отрасль» Федосия, родившаяся в мае 1592 г. — Я. С.), он же тогда уже будет яко ничто, — мняше се сердце его», и правитель часто распорядился «боярския многи дщери девы постризати, ... им же не бе всяко воля» (26–28, 62, 152). Вероятно, речь шла, но лишь между прочим, о замысле сосватать царю одну из дочерей возглавлявшего Боярскую думу князя И.Ф. Мстиславского, как утверждает Д.М. Володихин, Анастасию, следом оказавшуюся в монастыре (*Володихин Д.М. Князь Иван Шуйский: Воевода Ивана Грозного. М., 2020. С. 218, 219, 221, 230*). Но, насколько известно, ее мужем вскоре стал князь В.К. Черкасский, хотя не исключено, что в жены последнему досталась младшая сестра Анастасии (*Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 28, 29, 35; Солодкин Я.Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2010. С. 66–67, и др.*). Так же звали дочь боярина И.Ф. Мстиславского, видимо, старшую, выданную за Симеона Бекбулатовича в пору его «великого княжения», которая «перво была

мельством» русских людей, этот «злый властолюбец» расправился с младшим сыном Ивана IV «непорочным отроком» Дмитрием⁹, который был «назnamenован от Бога царь нам датися», «отраслью», дарованной свыше «мирови в насладие», т. е. наследие¹⁰, и, чтобы прекратить толки по поводу гибели «сострадальца и свенечника» «Селунского мироточца», приказал сжечь значительную часть Москвы¹¹, затем же дерзнул (ибо «аще кто

за царевичем за Михаилом Кайболовичем» (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192, 226). О попытке развести «велицего Федора» с Ириной (про это известно не только по «Временнику», см., напр.: *Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2008. С. 196, 218. Примеч. 12) Тимофеев мог и узнать от В. К. Черкасского, с которым, уже боярином, в 1605/06 г. верстал «на Туле» епифанских детей боярских (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 198. Примеч.; С. 527. Примеч.; Прилож. С. 60; Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук под ред. Н. А. Попова, члена-корреспондента Академии. Т. I. Разрядный приказ: Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 78; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев... С. 353 и др.).

⁹ Тимофеев, однако, полагал, что в отличие от «деспотства» Бориса «богоугодное царствие» Федора Ивановича было «не кроволубно» (25, 84, 151). «Злым рабом», кстати, Годунов назван в Пискаревском летописце. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 196. Ср.: С. 201.

¹⁰ Это утверждение Тимофеева, сообщившего только о двух женах Ивана «Всегрозного» — первой и последней, в частности, противоречит мысли многих историков, вплоть до современных (см., напр.: *Володихин Д. М.* Князь Иван Шуйский... С. 213. Ср.: С. 209), что царевича Дмитрия признавать законным сыном не могли. Его права на престол считали несомненными и другие публицисты, которым посчастливилось пережить «разорение русское» (*Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания... С. 87).

¹¹ На основании «Временника» С. М. Каштанов и Л. В. Столярова пишут, что «три трагических события весны — лета 1591 г. (гибель царевича Дмитрия в Угличе, пожар в Москве и нашествие орды Казы-Гирея) объединились в народном сознании в одно» (*Каштанов С. М., Столярова Л. В.* К вопросу о целостности Угличского следственного дела // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы

о первом не возбранен, ко второму без боязни зрит», «каждо бо злоба мати есть второй») отравить «благого» самодержца Федора¹² и «безсрамно приступил» к трону, хотя, будучи «первее средороден и средочинен», не был достоин «верха всея земныя чести» (26–29, 32–35, 52, 56, 73, 80, 94, 95, ср. 49–51, 56, 59, 81, 151)¹³. (В последнем не сомневался и создатель Летописной книги о Смутном времени (далее — ЛК), считавший, что Борис хотел «на царьский престол безстудно вскочити»¹⁴). Из «богоненавистных ... дел» Годунова — побежденного «любовластием и високоумием» «рачителя детоубийцы Ирода» — дьяк выделял «заклание» «безгрешного и неповинного младенца» Дмитрия, ведь «его же крове ради единая ... от смерти и вся лета ныне Росийска земля всяко от бед потрясаема, и едина в земли господска кровь многих кровми мщаема бе»; по вине «обоих, дерзающаго и попускающих ему ... от Бога днешними язвами наказуемся» (28, 63, 65, 94, ср. 31–33, 160)¹⁵. Тимофеев обличал современников за то, что они «вси, яко ничто же знающеи, безсловесным молчанием спокрывшесе»,

XXXIII Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 205). Но дьяк, и эти слова приводят московские историки, указал на три зла той поры, причем татарское вторжение он отнюдь не считал трагедией, ведь оно оказалось «нам же по всему безпакостно», как будто «не бывши сих (в страхе бежавших из окрестностей «царствующего града» крымцев. — *Я. С.*) пришествие и отшествие» (35, 37, ср. 14, 69, 94).

¹² *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев... С. 386, 387, 394–395.

¹³ В «Летописце вкратце» — одном из заключительных фрагментов «Временника» — об умерщвлении «благонравного» Федора Ивановича «всезлым» Борисом умалчивается.

¹⁴ ПЛДР: Конец XVI — начало XVII вв. С. 362, 378.

¹⁵ См. также: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 359, 373.

безропотно, проявив «не мужество и безчеловечество», в страхе снесли гибель новомученика. К примеру, ездившие в Углич выяснять обстоятельства смерти царевича сарский митрополит и знатнейший «синглитик» (князь В. И. Шуйский), уstraшенные Борисом, как и другие, «всепрельстились» «временными», «языки и уста затвориша от мзды»; «пестун» «святонаставшего» Федора Ивановича (который «начало власти Борисове попусти») «величайших ... бездерзновенно сотвори», и они не отваживались возражать правителю (27, 30–33, 39–43, 45, 47, 49, 50, 77, 151, ср. 76). Тот, однако, допускал, что, если из Углича в Москву «принесется святая с нетленною его (царевича Дмитрия. — Я. С.) плотию рака к положению отец и сродник, ... к царствию желанию от народа кая возбранения спона препятию хотению его (Годунова. — Я. С.) будет»; «владущий» распорядился в 1591 г. и сжечь столицу, дабы предотвратить мятеж «ради смерти» младшего сына Ивана «Всегрозного» (31, 94).

Подобно многим публицистам времени «межзусобной брани», начиная с автора «Повести, како отомсти ...»¹⁶, Тимофееву представляется, что «срабный» Борис, который «страхом омрачаше люди», «восхитил» самодержавную власть (51, 95, 151–152)¹⁷, чего (на это

¹⁶ Эта повесть, написанная вскоре после убийства первого самозванца, или ее вторичная редакция — «Повесть, како восхити ...», где осуждаются молчание общества относительно преступлений Бориса Годунова, в частности, гибели царевича Дмитрия и смерти Федора Ивановича, возможно, была известна Тимофееву (Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. С. 122, 160, 175).

¹⁷ Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

указывается и в ЛК¹⁸) издавна желал (29, 31, 32, 39, 41, 44, 45, 49, 59, 64, 65, 152)¹⁹. По словам «писателя», «мы же небесный страх ниже земному сравнихом, но срабнаго паче самого владыки почтохом; сего ради конечно все зло на ся привлекохом». Рассказывая о том, как «злоковарный» Годунов «наскочения на превысокая («престола». — Я. С.) сотвори»²⁰, «слогатель» «временных книг», сетовавший на свою «худость», немощь, «ума... мелину», «непостижения скудость», невежество, упомянул про «благороднейших», «в рабы себе» «покоренных» шурином «мироподобного» Федора Ивановича (14, 16, 18, 28, 56, 69, 72, 106, 115, 116, 118, ср. 27, 39, 45, 62, 73, 94, 145, 167). При этом не говорится о попытке кого-нибудь из числа «силентиаров» оспаривать скипетр у брата «мнихоцарицы» Александры (хотя, оказывается, тот удалился в лавру²¹, опасаясь восстания «нань людей», которые могли отомстить Годунову за убийство «самопрестольного») (52–55)²².

С. 365; Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 170, 171 и др.

¹⁸ См.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 362, 364.

¹⁹ Вряд ли можно согласиться с мнением О. А. Державиной, что, по мысли Тимофеева, Борис случайно появился на троне. Ведь, как писала и исследовательница, передавая содержание «оглаголения» дьяка, «любовластный» Годунов уже в годы «державства» Федора Ивановича «прокладывал себе путь к престолу» (Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев ... С. 359, 360). Однажды Тимофеев заметил, что «ласкатели»-бояре «царствию желанию сего (Бориса. — Я. С.) подвигоша, связяхуся с хотением его» (65).

²⁰ Иногда под «насканием» во «Временнике» понимается нападение (137, 165).

²¹ Имеется в виду Новодевичий монастырь, где приняла постриг вдова «кроткого и непорочного» Федора Ивановича.

²² О возможных соперниках Бориса в борьбе за престол умалчивается и в ЛК. Автор же хронографических статей

Историку-мыслителю (так определили Тимофеева В. О. Ключевский и П. Г. Васенко²³) думалось, что «злохотимый» Борис, устранивший остальных, «одеса... превсесветлаго благолепия порфирию» «лестию мною», «вылгав», «Росию всю олукавствова». Однако, как признавал дьяк, «вси людие земля ... усладившеся» о Годунове «правосудства ради», «яко едину ему такову по цари праведну тогда мняху вси во всецарствии обрестися» (28, 40, 42, 43, 47, 49, 50, 56, 59, 60, 63–64, 68, 72, 80, 81)²⁴. Хотя Бориса, вызвавшего после «смерти отвращение и ненависть»,

о Смуте полагал, что в 1598 г. корону должен был наследовать «братанич» Федора Ивановича Ф. Н. Романов (в иночестве ставший Филаретом), приходившийся родным племянником царице Анастасии (ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 322, 324, 326, 334, 362), которым, кстати, во «Временнике» посвящено немало восторженных строк.

²³ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 391–392; Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» (к истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // Журнал Министерства народного просвещения. № 3. Отд. 2. 1908. С. 119.

²⁴ Допущенное во «Временнике» противоречие при определении мотивов избрания Бориса Годунова на царство отмечено в одной из статей О. А. Державиной (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев ...* С. 388. Примеч. 1). Вместе с тем исследовательница писала, что, на взгляд Тимофеева, «куртес и домашник» сумел сделаться «скифетродержателем» только «лукавством и злодеяниями» (Временник Ивана Тимофеева. С. 473. Комм. 104). С ее точки зрения, в «сказаньях» дьяка Борис изображен узурпатором престола, получившим его по своей воле, а не (в отличие от истинных царей) по наследству или избранию «всей земли» (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев ...* С. 370–371, 381, 387; Временник Ивана Тимофеева. С. 456. Комм. 21) Но, о чем упомянула и издательница «Временника», там повествуется о таком избрании, последовавшем за кончиной «доброчестивого» Федора Ивановича (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев ...* С. 383–384). Оно свелось, впрочем, к «молению» Бориса, укрывшегося «лестию» в лавре (где приняла постриг его сестра), стать царем «Росийску всему жребию» (53–55, 57, 59, 74), и в глазах Тимофеева не может считаться настоящим (*Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси... С. 89–90*). Однажды же он посчитал, что самого видного из Годуновых на престол, «яко на небо», возвели дьяки Щелкаловы (73).

талантливый и самобытный публицист²⁵ называл окаянным, беззаконным, мучителем, «крестопреступным», а однажды лжецарем (31, 32, 49, 60, 62), вопреки мнению ряда исследователей, «рабоименный» «гордолюбец», куда более разумный, чем «по сем нам инии цари» (56), в «словесах» Тимофеева не причислен к самозванцам²⁶. Дьяк, писавший, между прочим, «ради Борисовых многих обнажения злб», признавал «срабного» «деспода» одним из тех «несущих» «обладателей», чья «дерзость по всему безстудна и воцарение странно», которые «неблагословно и чрез подобство» «наскочили» на трон, явились самодержцами только по имени (33–34, 48, 152)²⁷.

Бориса, как читаем в «книгах» Тимофеева, «волкохищный»²⁸ «рострига богопустный на ны Гришка, порекло Отрепьев», «яко козел ногама, збод и с престола долу сверг», «среди царствия срамне ... и всеродно низложи, яко ди-

²⁵ Так об авторе «Временника» отзывался А. А. Зимин. См.: Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 24.

²⁶ Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси ... С. 95–96. Излагая взгляды Тимофеева, О. А. Державина с должными основаниями отнесла брата жены «самодержавного вправду» Федора Ивановича к неистинным царям, захватившим власть, получившим ее по своей воле (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев... С. 370–371, 381, 387*).

²⁷ На взгляд О. А. Державиной, главной причиной захвата власти Годуновым и «Ростригой», как был убежден Тимофеев, стала внутренняя политика Ивана IV, вернее, возвышение им незнатных, «плошайших» людей (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев... С. 381*). С таким выводом нельзя согласиться уже потому, что при Грозном «первоближним и началосоветным», «превозлюбленным ... паче всех по угождению» являлся Богдан Бельский, он Бориса «много излишествова во славе» (46, ср. 15).

²⁸ Ср.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии Наук (далее — ААЭ). Т. II. СПб., 1836. С. 158; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 376.

вий козел овна рогами збод, с самого престола стремглав на землю сверг» (48, 72, 88, ср. 58, 83)²⁹. Дьяк, однако, не забыл, что Бориса не стало накануне вступления Лжедмитрия в Москву (48, 62, 85). К очередному незаконному царю, тем более худородному³⁰, «нововосхитителю» престола, «преокаянному», который «на самый Богом помазанный верх безстудне ... наскочил»³¹, «зря (как «злохотимый» Борис. — Я. С.) наша слабость страшивство всех», Тимофеев относится уже не по преимуществу негативно, а сугубо враждебно. В его оценках (типичных для времени и «междоусобия земного», и «послесмутных десятилетий») это «самоцарь темная своя власть», «злоковарне» присвоивший святое имя «страстотерпца и новомученика» Дмитрия, еретик, хотевший искоренить православную веру, враг, «а не человек ... словеснаго естества», «сатана и антихрист во плоти», сходный с Иудой, «Улияна по всему Законопреступного исчадие и нечестивое порождение», «священно- и мнихоругатель», «сквернитель»,

²⁹ О том, что Лжедмитрий низложил Бориса, сказано также в «русских» статьях Хронографа второй редакции и «Словесах ...» князя И. А. Хворостинина. См.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 328, 444.

³⁰ Однажды Тимофеев заметил, что со смертью Федора Ивановича, который был «велик и мног иконопоклонник», «от синглитских чинов срабне на царствия верх возводити начаша, но различне» (162). Борис Годунов, как не раз констатировалось современниками, принадлежал к синклиту (ААЭ. Т. II. С. 353–354; ПСРЛ. Т. 34. С. 238; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 318–321, 324, 360, 434, и др.), первый же самозванец, по словам дьяка, был «зело плашайша племени» (83; ср. ААЭ. Т. II. С. 78; ПСРЛ. Т. 34. С. 205; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 326, 330, 366; *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева... С. 151).

³¹ Ср.: ААЭ. Т. II. С. 354; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 378.

«растлитель», лютый «скимен», т. е. молодой лев (253, 266, 295)³², «аспида», «яйцо василисково», «яко скорпииным надмен ядом» (ср. 12, 80, 87, 134, 135, 141, 142)³³, пес, который в день женитьбы «со всесквернавою сукою (Мариной Мнишек. — Я. С.)... на версе царска престола (куда ранее был посажен «богоборной литвой». — Я. С.) дерзостно председ» (32, 44, 72, 83–90, 94, 95, 120–122, ср. 162)³⁴.

Как рассказывается в сочинении, казавшемся В. О. Ключевскому историко-политическим трактатом³⁵, когда

³² См. также: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 352. Примеч. 1. Ср.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 330.

³³ С «василиском» и «аспидой» во «Временнике» сравниваются невеста, потом жена Лжедмитрия I, т. е. Марина Мнишек, бояре М. Г. Салтыков и В. М. Рубец Мосальский, окольничий М. И. Татищев, захватившие Новгород шведы, под «яйцом василисковым», вероятно, однажды подразумевается думный дворянин Ф. Андронов (Временник Ивана Тимофеева. С. 499. Комм. 301; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 190; *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева... С. 159, и др.).

По утверждению Тимофеева, от Марины Мнишек, которая ему напомнила и ехидну, «Росия вся, мир наш кровию ... потопплен бысть, кто не весть?» (87). Это мнение, кстати, созвучно официальной версии начала царствования Михаила Федоровича. См.: ААЭ. Т. III. СПб., 1836. С. 32, 36, 44, 48, 50, 56, 66.

³⁴ За пса на престоле Лжедмитрий I принимался и некоторыми современниками Тимофеева. См., напр.: Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею (далее — АИ). Т. III. СПб., 1841. С. 5; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 378, 440.

Кстати, в русской публицистике XVI в., да и в Библии, собака считалась нечестивым, презренным животным. См., напр.: *Филюшкин А. И.* Отражение южной и восточной политики Русского государства в XVI веке в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сборник статей памяти профессора В. П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 78. Ср.: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 407, 408.

³⁵ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 7. С. 126.

участники заседания освященного собора решали, необходимо ли перекрещивание невесты самозванного царя, «ото отец немноги же по истине не просвещене в церковь совнити ей с ним несоблаговолиша, прочие же ... за славу мирскую подавишася ... воли его («ростриги» — Я. С.) быти повинувшеся попустиша. Зряще то, и первии умолкоша, яко словеса беззаконник премога» (87–88). Стало быть, высшее духовенство снова проявило такое же отсутствие «мужественной крепости»³⁶, которое открыло «злотворному» Борису Годунову путь к престолу. По свидетельству дьяка, правда, «Рострига» устранил хотевших его обличать (85, ср. 84)³⁷.

Следуя примерам «рабоименных» Годунова и Отрепьева, Василий Шуйский тоже, по словам Тимофеева, «самохотно восхищением наскочивше безстудне от боярска чина», «без смотра (Божия. — Я. С.) разбойнически на царство», «самовольне», «самодвижно воздвигся ... и сам царь поставися», отчего этот

«срамодейственной», незаконный, мнимый государь, мучитель³⁸ «безчестно и малолетно пребысть» на троне (91, 92, 100–102, 113, 121, ср. 152–153, 164)³⁹, а «самобезначальство в земли» («господство безглавное», «непослушное самовластие рабов», «рабское непослушание ... и их же со языки о тоя («нашея земля» — Я. С.) вкупное сложение к запустению»), наступившее со смертью «прелукавого» Бориса, сделалось повсеместным и сопровождалось появлением многочисленных самозванцев «младоточных зело неблагословна корене, ... от страднические четы», «мельчайших людей», «студных», «подобных скотам», невежд, посмевавших «налагати» «господския имена» (32, 63, 77, 95, 98, 113, 121–122, 124, 128, 153, ср. 114, 127). Автор «Временника» счел нужным и подчеркнуть, что Василию Шуйскому при вступлении на престол «никому же смеющу возбранити, ли прекословити в такове

³⁶ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев... С. 396, 398. Публицист не раз указывал на угодничество «святонастолиниц» «наемника образом ..., неже пастьерски» перед Борисом при его воцарении (43, 53, 58, 60, 62, 67–70, 74, ср. 92). Молчание синклита и освященного собора осуждалось еще в ранних редакциях Жития митрополита Филиппа. См.: Сапожникова О. С. О ранних редакциях Жития митрополита Филиппа: вопросы датировки и места создания // Очерки феодальной России. Вып. 21. М.-СПб., 2020. С. 192, 218, 221. Ср.: С. 225; Лобакова И. А., Сапожникова О. С. Еще раз о редакциях Жития митрополита Филиппа: нова ли «неизвестная прежде» редакция памятника? // Там же. С. 277, 280. Ср.: С. 285.

³⁷ Ср.: ААЭ. Т. II. С. 100, 155; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 136–139, 334; Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева ... С. 122. Заключение, будто, если верить Тимофееву, бояре молчали при Лжедмитрии I, как ранее перед лицом Бориса (Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев... С. 392), таким образом, оказывается не вполне верным.

³⁸ И. С. Шепелев резко враждебное отношение Тимофеева к Василию Шуйскому склонен был объяснить тем, что при «державном», ранее являвшемся «вельми» благородным вельможей, автора «Временника» отправили из Москвы на службу в Новгород (Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 149. Примеч. 5). Это мнение может считаться как минимум односторонним, да и самому дьяку его назначение в «град великий, святой» «царевни, и паче сего Богови» казалось милостью (30, 114, ср. 102).

³⁹ Ср.: ААЭ. Т. II. С. 367; АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 350; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 446, и др. По сообщениям Тимофеева, «самовенечник» Василий занял престол благодаря худородному «по всему», «лжесиленьтиару» М. И. Татищеву. Он получил явно неподобающий чин от «миролюбобладателя» Бориса, и при этом среди «благородных» не оказалось «крепчайшего», кто бы посмел возразить, они оказались «боязливый и страшивый» (100–101, 103, 104, 153).

Дьяк отнюдь не писал об избрании Шуйского на царство боярской знатью, как представлялось И. С. Шепелеву (Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба ... С. 109. Примеч. 1).

превелие делеси»⁴⁰. Но «юнорогого» князя М. В. Скопина-Шуйского, оказывается, москвичи «небоязненно переводесподским почтоша плачем, не внемлюще отнюдь владущаго (царя — Я. С.) страху» (101, 136, ср. 19, 22, 52)⁴¹.

Повествуя как очевидец о возвращении в Новгород бежавших отсюда М. В. Скопина и других «сначальников», дьяк указывает, что жители этого «преславновелицего» «града» оказались слабыми, «страшивыми», несмелыми, беспрекословными, «овчате кротчайши быша и самех рыб безгласнее ... , яко безсловесни в лице стати, онемеша, паче же неразумием своего несогласнаго безчеловечества», тогда не нашлось «крепкаго во Израили» (133–134, ср. 26–27, 35, 110, 123–124, 132, 163)⁴². В годы шведской оккупации новгородцы опять-таки обнаружили «страшивство», «не мужество» и «безчеловечество», «аще и словесни сущи, но бессловесных и нечувственных зданий»⁴³ хужши явихомся» (139, 140,

ср. 97, 154)⁴⁴. В пору «вселукавнаго обладанья Борисова и «Розстригина», при «главохохлених», «вселившихся» в Москву, и «немотующих фригах» в Новгородской стране, как всё же выяснилось, «малое убо совокупление невозможно к спротивству на возбранение («на негодно некая Богови и человеком, иже что нововводна и чрез законы бываемо обладателех наших повеления»), многочисленное же людособрание зело не удержано к совету» (161, 162). Делясь с читателями этим заключением, Тимофеев мог вспомнить о неудаче, постигшей Шуйских и их сторонников в 1586 г. Говоря про «совет» «во мнозех о смерти» Лжедмитрия I, дьяк, однако, констатировал, что «не возможно той преокаянный мыслимое о себе в согласующих уведети, ... от него и от любитель его таковой совет сокровен бысть». Кроме того, Борис, оказывается, «сложился» «купно з двема (из них назван один Б. Бельский. — Я. С.) в тайномыслии о убиении» «превеликого царя» Ивана «зельства его ради сокращения» (15, 90, с. 151).

Стало быть, в представлении Тимофеева «бессловесное молчание», т. е. политический индифферентизм, отсутствие общественного мнения, попустительство произволу, хотя не только царей-тиранов (так считала О. А. Державина⁴⁵), наблю-

⁴⁰ Во «Временнике» резко осуждаются и попустившие свержению царя Василия (108).

⁴¹ См. также: *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева... С. 145, 150. М. В. Скопин-Шуйский в оценке Тимофеева — «вправду истовый воевода», он «вправду от дел звание (князя — Я. С.) приемый», хотя был не без недостатков (128, 135; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 393). Князь М. И. Воротынский, как находил публицист, — «вправду сигклитик велик ..., бранному делу по всему сказуют его бывша искусна», но он жил «при державе предварших царей» (38–39), т. е. давно (скончался, напомним, в 1573 г., оказавшись среди «избиенных» «десподом», про что дьяк умалчивает).

⁴² Ср.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 52.

⁴³ О. А. Державина полагала, что имеются в виду создания (232, 317; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 400. Ср.: С. 382). Но во «Временнике» нередко говорится о зданиях (63, 64, 66, 72, ср. 81, 124; см. также: 231, 234, 241), и приведенное выражение можно понимать буквально.

⁴⁴ Во «Временнике» упоминается о бессловесных овцах, стадах, скотах, животных, рыбах, «пифицах», т. е. обезьянах, воле, о бессловесном естестве (68–70, 104, 109, 118, 122, 127, ср. 24, 67, 68, 83, 98, 139; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 152; ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 45). «Бессловесно» однажды означает у Тимофеева «безрассудно» (107, 280).

⁴⁵ См.: *Державина О. А.* Дьяк Ивана Тимофеев ... С. 394–396; *Временник Ивана Тимофеева ...* С. 474. Комм. 111. Как заключил И. И. Полосин, в XVII в. «Временник» «по некоторым историко-политическим выводам и наблюдениям

далось и во времена «зломудрого» Бориса Годунова, и в начале Смуты, и впоследствии⁴⁶. Сообщая же о расправах Ива-

был прямо опасен» (*Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Т. LX. Вып. 2. 1949. С. 135). Очевидно, талантливый историк в первую очередь имел в виду соображения Тимофеева о пагубной роли «безсловесного молчания».

Напомним, что в «Сказании, киих ради грех ...» Авраамия Палицына упоминается про «всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели», иначе говоря, отсутствие «общественной самодеятельности», чрезмерное подчинение общества власти, непротивление преступлениям Бориса Годунова и Лжедмитрия I (*Балясный А. Д.* Этюды по изучению русских повестей XVI–XVII вв. I. Литературная традиция в «Сказании» Авраамия Палицына // Труды Одесского гос. ун-та: Сб. филол. факультета. Т. I. 1940. С. 76; Солодкин Я. Г. 1) «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 14–15; 2) «Временник» Ивана Тимофеева ... С. 132, 133 и др.).

⁴⁶ *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева ... С. 88. Ср.: С. 123. Примечательно, что, как говорится в сопутствующей очерку про Лжедмитрия I «Притче о царе сыне, иже пострижеса и паки розстригся и женитися восхоте», «мнози от ближних» римского царя «зазираху» его сыну, который, сделавшись монахом, «о иноческих ... небрег», а когда он снова «в мирская облечеса» и приходил к отцу «насыщаться благих», «синклит же и вся люди наипаче поношаста ему, еже не сохранившу обещания» (99). Ряд выражений, имеющих в тимофеевской редакции данной притчи, или сходных и ними, встречается в «словесах» дьяка, например, «крепость» (14, 16, 22, 110, 111, 123, 135, 136, 161, 162, 165), «зазираху» (18, 116, 117), «мнишество» (25, 84, 106, 164), «ругатель ангельского образа» (94, 121), «возопи нелепым гласом», «бесчинный вопль» (55, 68), «привременныя славы» (59, 67, 123), «стекшуюся», «стекошася», «стекахуся», «стекшиися», «стекшимся» (22, 28, 34, 75, 127, ср. 147), «ближних» (15, 28, 46, 47, 61, 85), «благих» (14, 25, 44, 92, 121), «царских домех» (21, 65), «союз (союз)» (92, 162), «бездушен» (33, 78, 144, ср. 155), «синклит (сингклит, сигклит)», «синклитик (синглитик)» (16, 18, 28, 30, 31, 38, 46–49, 69, 73, 74, 86, 101–103, 128, 130, 144, 152, 153), почему можно думать (Е. К. Ромодановская считала это неясным, см.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск, 1994. С. 116, 117, и др.), что она была создана, а не заимствована автором «Временника».

на IV с подданными, в том числе опричном «пленении» Новгорода, публицист «страхоприступно» избегает даже намека («прикровения словес») на необходимость противодействия этим преступлениям «яростиваго» самодержца (11–14, 23, ср. 15, 24)⁴⁷, поскольку относил «благодати соименного» властителя к «истинейшим и природным» государям (10, 11, 16–17, 19, 73, 83, 104, 150–151, ср. 33, 71, 102, 107, 112)⁴⁸.

Согласно очерку «Иже рукою Божию ...», который в рукописи служит вступлением к «Временнику», но, по определению О. А. Державиной, должен находиться «среди материалов пятой главы (посвященной Василию Шуйскому — Я. С.) или отрывков, вошедших в «Летописец вкратце»»⁴⁹, вначале рабы беспрекословно

⁴⁷ Однажды «многокнижный» дьяк упомянул про «безобразие жития» этого «землеобладателя» (17, ср. 23). См. также: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 358, 360, 422.

⁴⁸ См. также: *Полосин И. И.* 1) Иван Тимофеев ... С. 192; 2) Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 292, 326. Ср.: С. 342. О. А. Державина явно заблуждалась, причисляя первого московского царя в оценке Тимофеева к идеальным носителям верховной власти. В изображении замечательного публициста, о чем подробно писала и эта исследовательница, сын великого князя Василия был царем-мучителем (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 368, 375–380, 389). К примеру, Грозный «нечестивно» предпринял «нашествие» на Новгород — «богонареченный», «святый», «превеликий град», — где «упоил бо всю землю ... кровми, различными муками вся люди ... умучая», так что невозможно «количество погубления людей (новгородцев опричниками — Я. С.) исчести» (13, 14, 78, 147–149). Вывод о том, что захваты самодержавной власти в России на рубеже XVI–XVII вв. стали, как находил Тимофеев, порождением тирании Ивана IV (*Золотухина Н. М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. С. 172), должен считаться произвольным.

⁴⁹ *Державина О. А.* 1) Дьяк Иван Тимофеев ... С. 357; 2) Археографический комментарий // *Временник* Ивана Тимофеева. С. 425–426, 429. Это заключение далеко

подчинялись «нашим самодержавным», «безответни быша к ним, яко рыбы безгласни, всяко со тщанием кротце рабское иго ношахом» (о чем говорится с одобрением — Я. С.), но, когда «предержателе наша ... начаша древняя благоуоставления законныя и отцы предания превращати, потолику и в повинующихся рабех естественный страх к покорению владык оскудеваше исчезая»; «обдержателе ушеса своя сладце (начали — Я. С.) преклоняти к ложным шепотных глаголом», что мати всему злу бысть»⁵⁰, «державных» «малое поползновение» вызвали у «рабопослушных» «самослабость», «страшивство» «в делех же и словесех», «нестоятельность», «неумужество», «ползкое естества нашего пременение» (109–111, ср. 107, 161, 162)⁵¹.

не бесспорно. См.: *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева... С. 49–51.

⁵⁰ В открывающем главу о царе Иване фрагменте утверждается, что наши благочестивые государи «законно же и святолепно сынови от отец доднесь происхождаху ... отдревле самодержавных мя от род, и даже и Бога вконец не прогневаша», т. е., согласно переводу О. А. и А. М. Державиных, «даже и Бога до конца не прогневали» (11, 173, ср. 32, 33, 152). Скорее, по мысли автора, так было, пока они не вызвали гнев «всегомого». Вероятно, Тимофеев имел в виду Грозного, который «земли всей велик раскол сотвори», ее «яко секирою, наполю некако разсече» и «Бога самого премилостиваго ярость на себе разже сим разделением» (11–12, ср. 14, 92, 111, 143; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев ... С. 374). Думается, «даже» в процитированных строках «Временника» — одна ошибка, немало которых имеется в сохранившемся списке памятника (см.: / *Державина О. А.* / Археографический комментарий. С. 433, 449, и др.), в оригинале же читалось «дон(ь)деже» или, что менее вероятно, «донеле(и) же», т. е. пока, до тех пор, как (ср. 41, 59, 63, 68, 80, 96, 104, 109, 110, 118, 125, 126, 134, 138, 162; ПСРЛ. Т. 36. С. 50).

⁵¹ См. также: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев... С. 368, 393. О. А. Державина заключила, что, по мысли Тимофеева, «преславный царь» Иван, начав

В процитированном фрагменте, в отличие от ряда других, нет речи о «безсловесном молчании», возможно, потому, что он был создан в первые годы работы дьяка над «писменами», — работы, которая заняла не одно десятилетие⁵². В таком случае получается, что к мысли о присущих его соотечественникам «несмелстве», «страшивстве», «неумужестве», даже «безчеловечестве», главным образом и породивших многолетние «разорения и муки» «велицей России»⁵³, начавшиеся с «Розстризина во царство» «ввращения» (44, ср. 48), напряженные раздумья привели Тимофеева далеко не сразу.

«превращать» древние обычаи, утратил «страх и покорность народа» (Там же. С. 375). Но дьяк писал о страхе, который внушал всем Грозный — «рабобитель и мирогубитель» (ср.: *Сапожникова О. С.* О ранних редакциях Жития митрополита Филиппа... С. 218, 220, 229; *Лобакова И. А., Сапожникова О. С.* Еще раз о редакциях Жития митрополита Филиппа... С. 277, 279, 289), считал, что «ото освятованных» не «обрелися бы таковы», кто мог выступить против него, если бы этот «мирообладатель», пусть и «искушая на час», дабы «прочих о вере неумужество обнажити, ... мало некое от истины уем, ли прелог» сотворив (13–16, ср. 23).

⁵² Выявленные в очерке «Иже рукою Божиею ...» хронологические реалии ведут к периоду не ранее лета 1608, даже осени 1610 г. (*Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева ... С. 91), когда, видимо, появился и фрагмент «Взыщем в себе...» (Там же. С. 93, 96, 97). Но соответствующие заметки из концовки данного фрагмента тимоевской «хартиты» могли дополнить его основной текст со временем.

⁵³ Создатель оставшегося незавершенным произведения, видимо, намеревался отвести выяснению причин трагедии, недавно постигшей «Рускую землю», один из его заключительных разделов. См.: *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева... С. 61–62, 64, 174.

Библиография

Источники:

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II, III. СПб., 1841.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук под ред. Н. А. Попова, члена-корреспондента Академии. Т. I. Разрядный приказ: Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии Наук. Т. II, III. СПб., 1836.

Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной: Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1951 (репринт. воспроизв.: СПб., 2004).

Лобакова И. А., Сапожникова О. С. Еще раз о редакциях Жития митрополита Филиппа: нова ли «неизвестная прежде» редакция памятника? // Очерки феодальной России. Вып. 21. М. — СПб., 2020.

ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.

ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

ПСРЛ. Т. 36. М., 1987.

Сапожникова О. С. О ранних редакциях Жития митрополита Филиппа: вопросы датировки места создания // Очерки феодальной России. Вып. 21. М.-СПб., 2020.

Исследования:

Балясный А. Д. Этюды по изучению русских повестей XVI–XVII вв. I. Литературная традиция в «Сказании» Авраамия Палицына // Труды Одесского гос. ун-та. Сб. филол. факультета. Т. I. 1940.

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 3. Отд. 2.

Володихин Д. М. Князь Иван Шуйский: Воевода Ивана Грозного. М., 2020.

Державина О. А. / Археографический комментарий // Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной: Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1951 (репринт. воспроизв.: СПб., 2004).

Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной: Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1951 (репринт. воспроизв.: СПб., 2004).

Державина О. А. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. 1957.

Зимин А. А. Опричнина. М., 2001.

Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.

Каиштанов С. М., Столярова Л. В. К вопросу о целостности Угличского следственного дела // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXIII Междунар. науч. конф. М., 2020.

Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1989.

Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.

Лихачев Д. С. Введение в чтение памятников древнерусской литературы. М., 2004.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.

Полосин И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Т. LX. Вып. 2. 1949.

Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск, 1994.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.

Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984.

Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002.

Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2010.

Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008.

Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018.

Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Филлюшкин А. И. Отражение южной и восточной политики Русского государства в XVI веке в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сборник статей памяти профессора В. П. Загородского (1925–1994). Воронеж, 2000.

Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

Яковлев А. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909.

Яковлев А. Предисловие // Памятники истории Смутного времени / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.

Сведения об авторе

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск (Россия). Область научных интересов: история России, история Сибири XVI–XVII вв., источниковедение, русская духовная культура позднего Средневековья.

E-mail: hist2@yandex.ru.

Ya. G. Solodkin

«ADAPTATION» OF THE MOSCOW THRONE ON THE EVE OF AND IN THE BEGINNING OF THE TIME OF TROUBLES (IVAN TIMOFEEV ABOUT ONE OF THE CONSEQUENCES OF THE «WORDLESS SILENCE» OF HIS CONTEMPORARIES)

Annotation: The clerk Ivan Timofeev, one of the largest Russian publicists of that time, considered the «wordless silence» of his contemporaries regarding the extermination of the nobility by the «malignant» Boris Godunov as the root cause of the «final» ruin and «enslavement» experienced by Russia in the early XVII century, «the Uglich case», the Moscow fire of 1591, the death of Fyodor Ivanovich; this «inhumanity» opened the way to the throne for the «shameful» brother-in-law of the «consecrated» tsar and was an example for False Dmitry I and Vasily Shuisky. The seizure of the supreme power by the last two prompted numerous impostors from the «smallest and nameless» people to seek the throne, which, along with political indifference, sometimes manifested in the years of «orphanhood» of the «Russian land» (for example, Novgorodians in the fall of 1608), contributed to the aggravation of a long «civil strife» and the devastating «captivity» of the country by the Poles and Swedes.

Key words: Ivan Timofeev, his Chronicle («Vremennik»), Russian journalism of the early XVII century, Boris Godunov, False Dmitry I, Vasily Shuisky, «wordless silence», order of succession to the throne, seizure of supreme authority.

References

Sources:

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissieiuyu [Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. II, III. St. Petersburg, 1841.

Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu Akademieiuyu Nauk pod red. N. A. Popova, chlena-korrespondenta Akademii. T. I. Razryadnyi prikaz: Moskovskii stol. 1571–1634 [Acts of the Muscovite State issued by the Imperial Academy of Sciences, ed.

N. A. Popov, corresponding member of the Academy. Vol. I. Discharge order: Moscow table. 1571–1634]. St. Petersburg, 1890.

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoyu Ekspeditsieyu imperatorskoi Akademii Nauk [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. II, III. St. Petersburg, 1836.

Vremennik Ivana Timofeeva / Podg. k pech., perev. i komm. O.A. Derzhavinoi: Pod red. chlena-korrespondenta AN SSSR V.P. Adrianovoi-Perets. [Annals of Ivan Timofeev / Prepared to print, transl. and comm. O.A. Derzhavina: Ed. V.P. Adrianova-Peretz, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow-Leningrad, 1951 (reprint. vosproizv.: St. Petersburg, 2004).

Lobakova I. A., Sapozhnikova O. S. Eshche raz o redaktsiyakh Zhitiya mitropolita Filippa: nova li «neizvestnaya prezhd» redaktsiya pamyatnika? [Once again about the editions of the Life of Metropolitan Philip: is the «previously unknown» edition of the monument new?] // Ocherki feodal'noi Rossii. Moscow — St. Petersburg, 2020. (In Russian).

PLDR: Konets XVI — nachalo XVII vekov [PLDR: Late XVI — early XVII centuries]. Moscow, 1987.

PSRL. Vol. 34. Moscow, 1978.

PSRL. Vol. 36. Moscow, 1987.

Sapozhnikova O. S. O rannikh redaktsiyakh Zhitiya mitropolita Filippa: voprosy datirovki mesta sozdaniya [About the early editions of the Life of Metropolitan Philip: questions of dating the place of creation]. Ocherki feodal'noi Rossii. Issue. 21. Moscow — St. Petersburg, 2020. (In Russian).

Researches:

Balyasnyi A. D. Etyudy po izucheniyu russkikh povestei XVI–XVII vv. I. Literaturnaya traditsiya v «Skazanii» Avraamiya Palitsyna [Sketches for the study of Russian stories of the XVI–XVII centuries. I. Literary tradition in the «Tale» by Abraham Palitsyn]. Trudy Odesskogo gos. un-ta. Sb. filol. fakul'teta [Proceedings of the Odessa State. Coll. of philol. faculty]. Vol. I. 1940. (In Russian).

Val'denberg V. Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti: Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka. [Old Russian teachings about the limits of imperial power: Essays on Russian political literature from St. Vladimir to the end of the XVII century]. Pg., 1916. (In Russian).

Vasenko P. G. D'yak Ivan Timofeev, avtor «Vremennika» (K istorii pereloma v razvitii drevnerusskoi istoricheskoi mysli) [Dyak Ivan Timofeev, author of the «Vestnik» (On the history of a turning point in the development of ancient Russian historical thought)] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. No. 3. Dep. 2. 1908. (In Russian).

Volodikhin D. M. Knyaz' Ivan Shuiskii: Voevoda Ivana Groznogo [Prince Ivan Shuisky: Voivode of Ivan the Cruel]. Moscow, 2020. (In Russian).

Derzhavina O. A. Arkheograficheskie kommentarii [Archaeographic commentary] // *Vremennik Ivana Timofeeva* / Podg. k pech., perev. i komm. O. A. Derzhavinoi: Pod red. chlena-korrespondenta AN SSSR V. P. Adrianovoi-Perets. Moscow — Leningrad, 1951 (reprint. vosproizv.: St. Petersburg, 2004). (In Russian).

Derzhavina O. A. D'yak Ivan Timofeev i ego «Vremennik» [Dyak Ivan Timofeev and his Chronicle («Vremennik»)] // *Vremennik Ivana Timofeeva* / Podg. k pech., perev. i komm. O. A. Derzhavinoi: Pod red. chlena-korrespondenta AN SSSR V. P. Adrianovoi-Perets. Moscow — Leningrad, 1951 (reprint. vosproizv.: St. Petersburg, 2004). (In Russian).

Derzhavina O. A. K voprosu o khudozhestvennom metode i poeticheskom stile russkoi istoricheskoi povesti nachala XVII veka [To the question of the artistic method and poetic style of the Russian historical story of the early XVII century] // *Uch. zap. Mosk. gor. ped. in-ta im. V. P. Potemkina*. Vol. LXVII. Iss. 6. 1957. (In Russian).

Zimin A. A. Oprichnina [Oprichnina]. Moscow, 2001. (In Russian).

Zolotukhina N. M. Razvitie russkoi srednevekovoi politiko-pravovoi mysli [Development of Russian medieval political and legal thought]. Moscow, 1985. (In Russian).

Kashtanov S. M., Stolyarova L. V. K voprosu o tselostnosti Uglichskogo sledstvennogo dela [To the question of the integrity of the Uglich investigation case] // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Mat-ly XXXIII Mezhdunar. nauch. konf.* Moscow, 2020. (In Russian).

Klyuchevskii V. O. Soch. v 9 t. [Works: in 9 vol.]. Vol. 7. Moscow, 1989. (In Russian).

Koretskii V. I. Istoriya russkogo letopisaniya vtoroi poloviny XVI — nachala XVII v. [History of Russian chronicle writing of the second half of the XVI — early XVII centuries]. Moscow, 1986. (In Russian).

Likhachev D. S. Vvedenie v chtenie pamyatnikov drevnerusskoi literatury [Introduction to reading the monuments of ancient Russian literature]. Moscow, 2004. (In Russian).

Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevnei Rusi [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow, 1970. (In Russian).

Likhachev N. P. Razryadnye d'yaki XVI veka: Opyt istoricheskogo issledovaniya [Discharge clerks of the XVI century: Experience of historical research]. St. Petersburg, 1888. (In Russian).

Polosin I. I. Ivan Timofeev — russkii myslitel', istorik i d'yak XVII veka [Ivan Timofeev — Russian thinker, historian and clerk of the XVII century] // *Uch. zap. Mosk. gos. ped. in-ta im. V. I. Lenina*. Vol. LX. Iss. 2. 1949. (In Russian).

Polosin I. I. Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI — nachala XVII v.: Sb. Statei [Socio-political history of Russia XVI — early XVII century: Coll. of articles]. Moscow, 1963. (In Russian).

Romodanovskaya E. K. Russkaya literatura na poroge novogo vremeni: Puti formirovaniya russkoi belletristiki perekhodnogo perioda [Russian literature on the threshold of modern times: Ways of forming Russian fiction in the transition period] / *Otv. red. L. A. Dmitriev*. Novosibirsk, 1994. (In Russian).

Skrynnikov R. G. Rossiya nakanune «smutnogo vremeni» [Russia on the eve of the «Time of Troubles»]. Moscow, 1981. (In Russian).

Solodkin Ya. G. «Vremennik» Ivana Timofeeva i «Istoriya» Avraamiya Palitsyna (K voprosu ob istochnikakh proizvedenii) [«Vremennik» by Ivan Timofeev and «History» by Avraamy Palitsyn (On the question of the sources of works)] // *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii*. Novosibirsk, 1984. (In Russian).

Solodkin Ya. G. «Vremennik» Ivana Timofeeva: Istochnikovedcheskoe issledovanie [«Vremennik» by Ivan Timofeev: Source study]. Nizhnevartovsk, 2002. (In Russian).

Solodkin Ya. G. Zemskie sobory Moskovskoi Rusi kontsa XVI veka: Spornye problemy istorii i istoriografii [Zemsky Cathedrals of Moscow Russia at the end of the XVI century: Controversial problems of history and historiography]. Nizhnevartovsk, 2010. (In Russian).

Solodkin Ya. G. Ocherki po istorii obshcherusskogo letopisaniya kontsa XVI — pervoi treti XVII vekov [Essays on the history of all-Russian chronicle writing at the end of the XVI — first third of the XVII centuries]. Nizhnevartovsk, 2008. (In Russian).

Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva. Kazan' [Tyumen and Siberian Khanates], 2018.

Tyumentsev I. O. Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II [Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century: The Movement of False Dmitry II]. Moscow, 2008. (In Russian).

Filyushkin A. I. Otrazhenie yuzhnoi i vostochnoi politiki Russkogo gosudarstva v XVI veke v perepiske Ivana Groznogo i Andrey Kurbskogo [Reflection of the southern and eastern policy of the Russian state in the XVI century in the correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky] // *Problemy izucheniya istorii Tsentral'nogo Chernozem'ya: Sbornik statei pamyati professora V. P. Zagorovskogo (1925–1994)*. Voronezh, 2000. (In Russian).

Shepelev I. S. Osvoboditel'naya i klassovaya bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608–1610 gg [The liberation and class struggle in the Russian state in 1608–1610]. Pyatigorsk, 1957. (In Russian).

Yakovlev A. «Bezumnoe molchanie» (Prichiny Smuty po vzglyadam russkikh sovremennikov ee) [«Crazy Silence» (Causes of the Troubles according to the views of her Russian contemporaries)]. *Sbornik statei, posvyashhennykh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu*. Moscow, 1909. (In Russian).

Yakovlev A. Predislovie [Foreword]. *Pamyatniki istorii Smutnogo vremeni* [Historical Monuments of the Time of Troubles] / Ed. by A. I. Yakovlev. Moscow, 1909. (In Russian).

About the author

Solodkin Yankel G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia).

E-mail: hist2@yandex.ru.

РУССКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ XVII ВЕКА: НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Аннотация: Статья обобщает многолетние наблюдения и размышления автора по теме, которая почти не представлена в прямых исторических источниках. Начальное образование в семье и частных, в основном приходских и мирских, школах, редко упоминаемое источниками, все же получило отражение в отдельных документах, частных письмах и записках. Но чаще исследователи изучают лишь его результаты в виде грамотности и участия людей разных сословий в делопроизводственной и довольно разнообразной литературной жизни. Максимальную информацию о ходе и содержании этого образования мы имеем для лиц царского семейства, которое рассматривалось современниками как идеал и образец для подражания, при том, что жизнь его тщательно документировалась. Процесс же воспитания во всех, даже высших сословиях, нам приходится оценивать по его результатам почти целиком. Все это не позволяет говорить, что русское воспитание и образование XVII в. нами исследовано, но по ряду источников и эпизодов мы, по крайней мере, можем сегодня судить об этом явлении.

Ключевые слова: воспитание, нравы, начальное образование, грамотность, податные сословия, дворянство, аристократия, царская семья, Россия XVII в.

Традиционное семейное воспитание и образование охватывало всех русских людей, на протяжении столетия очень редко выходявших за его пределы. Смысл воспитания и образования, как и в предшествующие века, состоял в подготовке к выполнению ребенком социальных и профессиональных обязанностей взрослого. Для девочек эта взрослость начиналась после 13 лет, хотя иногда их выдавали замуж и раньше, для мальчиков — примерно 15 лет, хотя многие из них начинали участвовать во взрослой жизни с малолетства, помогая отцам в поле, на солеварне и т. п., или служа, например, стольниками при юном наследнике престола. Воспитание формировало нравственные установки подданного государства, которое с весны 1612 г. официально именовалось Великой Россией¹.

Воспитание нравственных ценностей

В основе воспитания лежала идея личной ответственности. Прежде всего, за благосостояние и честь семьи. Здесь

¹ Согласно решению Совета всей земли в Ярославле 17 апреля 1612 г., подтвержденному затем Земским собором конца 1612 — начала 1613 гг. в Москве (Богданов А. П. 1612. Рождение Великой России. М., 2013. С. 3 и сл. Предыстория: Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012).

нравственные установки не менялись со времен «Домостроя» XVI в., который не был столь пуританским и мускулиным, как обычно представляется. Скорее он являл собой воплощение здравого смысла и реалистичного восприятия действительности. Довольно вспомнить, что муж, наказывая («уча») жену, обязан был не только разъяснить ей ее вину, но и добиться признания женщиной справедливости его обвинений (что на практике труднодостижимо). Женщина же, поддерживая порядок среди домочадцев, учила их правильному поведению с помощью побоев без лишних слов. «Не имеет слов, ино ударить» — рекомендовал «Домострой». Причем побоями учили сыновей, тогда как дочерей бить было не принято, по крайней мере, отцом². «Учить» жену побоями, разумно и по возможности, предстояло мужу; потому девицам и считалось должным горько плакать, выходя замуж.

Власть матери в семейных делах была неоспоримой, начиная с самых «верхов» общества. Ярким примером является попытка молодого царя Михаила Федоровича жениться на возлюбленной им Марье Хлоповой. В 1616 г. невесту уже нарекли царицей, дали ей новое имя Настасья, дворовые чины целовали ей крест, а по всей Руси люди Бога за нее молили. Все попытки придворных помешать этому браку, объявить невесту негодной по здоровью, «обнести» ее перед государем по поведению, привлечь Земский собор — не помогли. А по слову матери царя невеста была сослана, и государь получил такую

душевную рану, что восемь лет отказывался жениться. Наконец, скорбь сына смягчила даже его властного отца Филарета Никитича. Царь и патриарх выступили за брак вместе, врачебная экспертиза подтвердила полное здоровье Марьи Хлоповой. В 1623 г. должна была состояться долгожданная свадьба. Но мать взрослого царя и жена всесильного патриарха, великая старица Марфа Ивановна заявила, что «не быть ей в царстве перед сыном, если Хлопова будет у царя царицею». И два хозяина страны вынуждены были склониться перед ее волей³.

За матерью поведение членов семьи контролировало женское общество. У крестьян по его требованию «мир» мог приговорить пьяницу, дебошира или развратника к публичной порке. У горожан и дворян на его мнение опирался приходской священник, отправляя алкоголика или жестокого домашнего тирана «на исправление» в монастырь. При Дворе «верховые боярыни», жены виднейших аристократов и воспитательницы царских детей, действовали более тонко, но не менее эффективно. Вторая невеста царя Михаила Федоровича, из знатнейшего рода Долгоруковых угрожала балансу сил при дворе. Удивительно ли, что тщательно отобранная невеста не прожила и года, если ненависть к ее счастливым родичам, по свидетельству документов, проявилась со стороны обойденной знати уже у постели новобрачных?!⁴

Лишь третья избранница Михаила, Евдокия Лукьяновна Стрешнева, стала

² Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994. С. 88–133.

³ Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 23.

⁴ Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850. Стлб. 634, 1221.

матерью его детей. Царь женился на ней только через тринадцать лет после своего восхождения на престол. Наученный горьким опытом, он установил при дворе чрезвычайные меры охраны царицы (которые в полной мере воспринял затем Алексей Михайлович). Один взгляд на царицу человека, не принадлежавшего к узкому кругу допущенных к ней лиц, грозил тяжелой опалой представителю любого рода, независимо от знатности и заслуг. Но эти ограничения не касались «верховых боярынь» и иных вхожих ко двору дам, мнение которых не столь уж всевластный самодержец и его жена вынуждены были учитывать.

Ограничения, накладываемые на поведение самих женщин, не были столь серьезны, как в позднейшую эпоху капитализма. Идея «девичьей чести» присутствовала в общественном сознании, но далеко не в буржуазной форме сохранения девственности в качестве товара. Как протопоп Сильвестр столетием ранее обещал родителям, которые выдали девушку замуж нетронутой, восторженные похвалы всех соседей, так и в XVII в. соблюдение внешней благопристойности было всем, а физическая реальность — ничем. Это касалось не только деревни, где жило более 90% русских, и где сохранялись полужыческие традиции «игрищ меж сел», вроде праздника Купалы, с целью близкого знакомства девушек с юношами, но и города. Так, молодым горожанкам рекомендовалось ходить, у богатых и/или знатных, с подругами или мамками, по храмам других приходов, чтобы «людей посмотреть и себя показать».

Это относилось и к почти обязательному участию девиц на выданье

в общественных мероприятиях. Такими были официальные, прежде всего церковные праздники, которые обычно служили прикрытием и оправданием исполнения языческих по происхождению обрядов «гуляния». О чем думали русские люди во время этих церковных по названию и объявленным поводам праздников, показывает пример старшего брата Петра I, богомольного царя Федора Алексеевича (1676–1682). Весной 1679 г., шествуя в крестном ходе, 18-летний царь разглядел в толпе зрителей симпатичную девушку и мгновенно велел своему приближенному «о ней, кто она такова, обстоятельно осведомиться». Получив нужные сведения, царь указал ее опекуну, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал». Правда, его дядя боярин Милославский сказал царю по-русски прямо (в литературной передаче): «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны!». Но девушка сама вышла к посланцам обеспокоенного царя и заявила, чтоб они о ее чести ни коего сомнения не имели и она их в том под потерянном живота своего утверждает»⁵.

Ссылка на девственность в данном случае была средством восстановления опороченной слухами репутации. Без ее подтверждения царь, по традиции, не мог взять девушку замуж. Вообще, цари и члены их семей находились под столь плотным присмотром (в связи с обилием знатных наследственных слуг), что неофициально Федор Алексеевич даже и свидание с девушкой устроить не мог. Выехав на прогулку в Воробьево, он лишь прогарцевал мимо двора

⁵ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 235–237.

девицы, якобы случайно увидев ее в чердачном окошке и убедившись в желанности свадьбы, которая состоялась 18 июля 1680 г. Причем без обычной пышности, почти тайно, что можно связать с опасениями царя проводить невесту через обычные освидетельствования. Соображения невинности девицы царя не особо волновали, а вот вопрос ее репутации был принципиален.

Плотность опеки знатных лиц резко снижалась с каждой ступенькой, спускающейся от трона. Так, шестнадцатилетний князь Борис Иванович Куракин, представитель одного из 16-ти знатнейших родов государства, в 1691 г. женился на Ксении Лопухиной, сестре царицы Евдокии Федоровны, жены Петра I, дочери боярина Лопухина. На свадьбе был царь и все знатнейшие люди государства, патриарх Адриан и чуть не весь освященный собор. Никому не было дела, что, как признался князь в своих записках, молодые люди к тому времени уже год «как муж с женой жили». Т.е. молодые люди близко сошлись, достигнув брачного возраста в 15 лет для юноши и 13 лет для девушки. Вероятно, этому способствовало отсутствие обычного контроля матерей. Мама Куракина, княгиня Феодосия Александровна (урожденная Одоевская) умерла вскоре после родов. Дед и бабушка, княгиня Ульяна Федоровна, супруга князя Одоевского, погруженные в дела царского двора, во всем потакали внуку. А его бездетный дядя, воспитатель царя Федора Алексеевича, князь Федор Федорович Куракин, судя по обоим его воспитанникам, не отличался строгостью. Мама же Ксении недомогала (она умерла в том же 1691 г.). Но еще важнее, что

Ксения могла проводить много времени вне дома, при дворе своей сестры (царицы с 27 января 1689 г.), где знатные женщины и девицы-родственницы составляли собственное общество и играли важные роли⁶.

Еще в XIX в. выдающийся историк Москвы и царского быта И. Е. Забелин документально доказал, что строгое «теремное заточение», в котором часть XVII в. пребывали царицы и царевны, — просто частный случай, связанный с трудной судьбой Михаила Федоровича и психозом его сына Алексея Михайловича, вызванного ужасным несчастьем с его первой невестой Евфимией Федоровной Всеволожской, которую якобы «упоили отравой»⁷. Царя, оградившего свою жену даже от чужих взглядов, тем более можно понять, что сходные несчастья преследовали невест и жен его отца⁸. Но подробное заточение могло быть реализовано царем Алексеем только в отношении тихой и домовитой царицы Марии Ильиничны Милославской (1648–1669). Уже с царевнами, сестрами и дочерьми Алексея Михайловича, ограничения передвижений и круга общения не слишком получались даже у великого государя, хотя он и старался «уберечь» их от мира⁹.

⁶ Богданов А. П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М., 2008. С. 247–249.

⁷ На самом деле она пала жертвой более тонкого придворного заговора. См.: Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / П. В. Киреевский // ЧОИДР. 1846. № 1. Отд. 3. С. 1–47.

⁸ Обзор всех этих несчастий: Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 22–25.

⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869 (и др. изд.). С. 225–266.

Второй брак царя, несмотря на очередные заговоры и скандалы с невестами, закончил с необычной системой заточения женщин напрочь. С дня свадьбы 22 января 1671 г. молодая царица Наталия Кирилловна Нарышкина (мать Петра I), с помощью своего воспитателя канцлера А. С. Матвеева, установила свои правила дворцовой жизни. Появление царицы с открытым лицом, концерты, танцы, придворный театр вернули двор Алексея Михайловича ко временам его отца Михаила.

Впрочем, на знатных дам, управлявших многими делами во дворце, ограничения никогда не распространялись. А их общество, не прописанное в системе чинов Государева двора, но соответствующее ей «в тени», было чрезвычайно влиятельным, даже без учета естественного влияния жен на мужей и матерей на детей. Простой пример — крушение репутации всесильного правителя России боярина Бориса Ивановича Морозова, богатейшего человека после царя, в 1667 г. породнившегося с государем путем женитьбы на сестре царицы, Анне Ильиничне Милославской.

Дядька (воспитатель) Алексея Михайловича, старый друг его отца, ближний боярин и реальный управитель почти всех государевых дел не должен был пасть. Ликвидация неудобной ему царской невесты Евфимии, ее родственников и противников Морозова при дворе прошла блестяще. Причем дядька не был замешан в деле и выразил искреннее сочувствие воспитаннику, пострадавшему «от ненависти и зависти» высокогородных людей. Хотя царь от горя не мог есть, и едва брал в руки рогатину (копье с широким наконечником), чтобы

лично убить медведя, женская половина дворца была уверена, что юноша скоро оправится.

И действительно, через год Алексей Михайлович пришел в себя настолько, чтобы снова обращать внимание на девиц. Тут-то и увидел он в Успенском соборе заранее подобранных девушек из фамилии благодетельствованных Морозовым. Царский дядька, конечно, знал, кто может понравиться воспитаннику, и не ошибся. По другой версии дело обстояло еще проще. Избрав кандидатку в царицы, Морозов стал расхваливать царю красоту дочерей Милославского, а затем обратился к помощи государевых сестер. Царевны давно хотели, чтобы их брат обзавелся семьей и тем самым избежал искушений. Им было особенно приятно оказать услугу будущей царице и заручиться ее расположением. Девицы Милославские были приглашены во дворец и в покоях царевен как бы случайно представлены Алексею Михайловичу. Он влюбился в младшую, Марию. Посаженым отцом на свадьбе был Борис Иванович Морозов. А 27 января 1648 г., через 11 дней после царского брака, старый боярин объявил государю, что женился на старшей сестре царицы, Анне¹⁰.

И все бы было прекрасно, если бы не разница в возрасте. Боярину шел пятый десяток, его молодой супруге — третий. Хотя в первый раз Морозов женился на тридцать лет ранее (5 июля 1617 г.), все выглядело прилично. Точный возраст Анны мы не знаем. Однако она была

¹⁰ Запись о богатом пожаловании Б. М. Морозову за традиционный приезд к государю «на завтра своей свадьбы» опубли. среди подобных: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. Приложения. № 2. С. 8–9.

первой дочерью в семье Ильи Даниловича Милославского, а ее сестра Анна, родившаяся в 1624 г., четвертой. Т.е. Марии на момент брака с царем было 24 года (царю — 19 лет). Не удивительно, что и эту царскую свадьбу сыграли необычайно тихо, без обычных увеселений и тем паче без издавна развлекавшей придворных дам «проверки царских невест». Анне Морозовой было минимум 26 лет: возраст для невесты того времени двойной, свидетельствующий, при всей ее пристойной репутации, о наличии определенного опыта. Сравнение этого опыта с возможностями 58-летнего богатого супруга, возможно, не было бы критичным, если бы Морозов сам был доволен собой. Доволен он не был. И хуже того, возмещал немочь жестокостью.

Упомянутый выше доктор медицины Самуил Коллинс, пользовавшийся своим искусством верхушку Государева двора, не без иронии вспоминал, что женившись на Анне Ильиничне Морозов «думал, что таким образом прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец (как и его брат, Глеб, женившись на Соковниной), а она здоровая молодая смуглянка; и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщины. Это в России случается часто между вельможными супругами, когда их любовь безрассудна или водка слишком шумит в голове».

Дело усугублялось тем, что старый ревнивец, выставивший себя на посмешище в высокопоставленном женском обществе тем, что мог предложить молодой супруге только толстую плеть, бессилён был

запретить Анне встречаться с ее сестрой-царицей и дамами при Дворе. Не удивительно, что женское общество подняло всесильного (но не во всем) временщика на смех. Уважаемый дядька царя превратился в шута. И в ходе последовавшего вскоре Московского восстания 1648 г. пал¹¹, до своей кончины в 1661 г. оставаясь при Дворе вообще без должностей.

Боярский чин Морозова не позволял женщинам, как было принято в более низких сословиях, пожаловаться на него приходскому священнику и применить к садисту, нарушающему нормы «Домостроя», увещевания, а то и церковное наказание. Упомянутое Коллинсом буйство во хмелю, заявленное женой и подтвержденное соседями, могло привести крестьянина, ремесленника, купца или даже мелкопоместного дворянина к заточению в монастырь «для исправления». Насилие в семье допускалось лишь до определенной степени, пока не грозило здоровью жены и домочадцев.

Традиция подразумевала ограничение домашнего насилия воспитательными целями. Муж воспитывал жену (которая, как правило, была моложе) и сыновей, жена — детей. С этим исключением использование силы не поощрялось. Например, о заведенном царем в XVII в. Челобитном приказе, принимавшем жалобы на злоупотребления высоких чинов Двора и администрации, говорили, что «там на сильников челом бьют». Воспитание убеждало, что быть «сильником» вообще, в любой области жизни — плохо. Насилие над женщиной в прямом смысле

¹¹ Смирнов П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929.

было, судя по всему, обычным делом. Но, как и потеря девственности, считалось предосудительным, когда становилось достоянием общественности, или вследствие жалобы потерпевшей (ее родителей и воспитателей), или в результате работы служб охраны порядка. В этом случае насилие было тяжким преступлением.

Откроем для примера записки видного дипломата и администратора окольничего (это второй по знатности чин после боярского) Ивана Афанасьевича Желябужского¹². Он с кончины царя Федора Алексеевича (1682) до Полтавской битвы (1709) описывал события, которые обсуждались верхними слоями дворянского общества. В том числе, например, история о мужике, который в 1695 г. обещал, что «сделав крылья, станет летать, как журавль». Царским указом ему были отпущены 18 руб. на слюдяные крылья, на которых он не взлетел, затем 5 руб. на кожаные, тоже оказавшиеся слишком тяжелыми. В итоге изобретатель удостоился легкого наказания: был бит батогами (а не кнутом), правда, с взысканием на нем казенных средств путем распродажи имущества.

В обществе Желябужского обсуждались, среди прочего, уголовные преступления дворян и государственных служащих. Большею частью это были политические дела, подделка документов и корыстное нарушение законов при ведении дел, обман и взятки, ссоры и взаимные обвинения, казнокрадство и срыв

казенных поставок, иногда вооруженные грабежи и убийства, осуществляемые целыми отрядами во главе со знатными лицами, в т. ч. под Москвой и в самой Москве. Громких дел о насилии над женщинами было намного меньше, чем расследований разбоев дворянских отрядов, и еще меньше, чем дел о дуэлях, которые скрывались почти так же тщательно, как урон девичьей чести. В любом случае, аристократы, такие как Шереметевы, нередко ускользали от обвинений, даже если банда, в которой безобразничали юные шалопаи, грабила среди бела дня в столице.

Разумеется, в жизни такого соотношения быть не могло. Просто дуэлей расследовалось очень мало, хотя сам царь Федор Алексеевич в 1680 г. в указе против них жаловался, что дворяне рубятся повсеместно, в т. ч. под стенами его дворца¹³. Да и дел об изнасилованиях, разбросанных по десяткам центральных ведомств, приказов, и уездных приказных изб, сохранилось, по крайней мере, не меньше, чем дел о разбоях. Но записки Желябужского показывают, что для дворянского общества приговоры по таким делам были экзотикой и неожиданностью, вызывавшей всеобщее обсуждение. Особенно учитывая, что наказание — казнь кнутом — было высшим перед смертной казнью (очень редкой в XVII в.), равным наказанию за самый наглый грабеж и разбой.

В 1684–1685 гг., в правление царевны Софьи Алексеевны, гордившейся своей девственностью и жившей, по слухам, с канцлером и генералиссимусом

¹² Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен и фамилий А. П. Богданов. М., 1990. С. 201–326.

¹³ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 267, 516 (текст указа).

князем В. В. Голицыным, а на деле с более энергичным министром внутренних дел Ф. Л. Шакловитым¹⁴, на растлении девиц погорели два дворянина. Сначала было «учинено наказанье Петру Васильеву сыну Кикину — бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что он девку растлил». Год спустя «Степану Коробьину учинено наказанье — бит кнутом за то, что девку растлил». Было ли это растление связано с насилием, или царевна, чья девственность рьяно воспевалась поэтами¹⁵, всерьез взялась за защиту этой ценности, неведомо.

В 1692/93 гг., при власти матери Петра, царицы Наталии Кирилловны (в девичестве Нарышкиной), «князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье — бит кнутом за то, что он жену убил». На 1695 г. приходится вообще невероятное дело стрелецких офицеров: «приведены в Стрелецкий приказ Трофим да Данила Ларионовы в блудном деле с девкою его жены, в застенке. И они повинились в застенке в блудном деле; сказали, что они с девкою блудно жили. Одному учинено наказанье перед Стрелецким приказом: вместо кнута бит батогами, а другого отослали в Патриарший приказ для того, что он холостой». Кнут, хоть и замененный батогами, за блуд

на своем дворе?! — Воистину, такое дело дворянам стоило обсуждать, ибо мало кто был без греха.

Но характерно, что все эти дела не учитывают социального положения «девки» — т. е. незамужней. В 1696 г. преступление было совершено против жены крестьянина, которую двое помещиков с бандами «резали и пытали», а одним из ответчиков была жена помещика. В «1696/97 на Царицыне бит кнутом нещадно Иван Петров сын Бортенев за то, что брал взятки, также брал женок и девок на постелю». Наконец, в 1698 г. «Иев Ермолаев сын Ильяшев» был выведен из Стрелецкого приказа площадь «и бит кнутом за то, что он, по воровскому своему умыслу и по воровской составной записи», сговорил было выйти за него замуж вдову окольного Матвея Измайлова, а она была уже сговорена за князя Аврама Ростовского; «и послан в ссылку в Азов».

В сумме этих записей понятно их появление в записках Желябужского, т. е. популярность таких эпизодов в разговорах дворян и чиновников. Случаи жесточайшего наказания за проделки, обычные в повседневной жизни, были так же нелепы, как юный князь Я. И. Лобанов-Ростовский во главе банды, грабящей на большой дороге государеву казну и убивающей царских крестьян¹⁶. Но пугали они гораздо больше, поскольку могли коснуться чуть ли не каждого. Ведь об изнасиловании «девки» ни в одном случае не говорилось. Похоже, что следствие

¹⁴ Богданов А. П. 1) Федор Алексеевич. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997. С. 156–227; 2) Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 99). М., 1998. С. 25–48.

¹⁵ Богданов А. П. 1) София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Вып. 7. С. 399–428; 2) Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 305–325.

¹⁶ И то князя секли кнутом во дворце, «в Жилецком подклете», а не публично, как вышеуказанных растлителей детства, «по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской». Россия при царевне Софье и Петре I. С. 210.

и суд интересовал лишь результат, а не согласие или несогласие девицы. Эдак впоследствии и А. С. Пушкина, до его женитьбы, можно было отправить на исправление в монастырь, а Арину Радионовну пустить подельником! И другому автору записок, виднейшему аристократу князю Б. И. Куракину за его годичные тайные отношения с боярышней Анной, могла светить казнь кнутом, подай ее родственники или свойственники жалобу. Тем более что свойственником (мужем сестры Анны) был не отличавшийся мягкостью нрава царь Петр.

Дворянство, однако, не пугалось казней настолько, чтобы менять стиль жизни. Отвага воспитывалась матерями у мальчиков, стойкость — у девочек. Военная служба и подвиги во имя Отечества у одних, организация домашней жизни и защита очага — у других, с детства воспринимались как верный жизненный путь дворянским сословием, о котором мы знаем больше всего, потому что именно оно оставило максимум письменных источников. Даже среди пишущих монахов большинство было из дворян. И эти монахи сохраняли воспитанные ими с детства нравственные установки и идейные воззрения¹⁷. Не только ученые монахи и публицисты, такие как Арсений Суханов¹⁸ или Игнатий Римский-Корсаков¹⁹,

¹⁷ Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Вып. 2. Издательство Магнитогорского университета, 2003. С. 28–53.

¹⁸ О нем детально: Богданов А. П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М., 2020.

¹⁹ Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 30–214.

но и высшие церковные чины, начиная с патриархов²⁰, весьма ярко проявляли дворянские убеждения, сформированные в детстве, даже если они рано принимали постриг.

Простой пример. Большую часть жизни любой дворянин, кроме небольшого числа профессиональных командиров, полковников, а с 1670-х гг. и генералов, посвящал гражданской службе. Высшие чины (бояре, окольные, думные дворяне) служили в Думе и царском дворце, на воеводствах в городах, в приказном судействе, в посольствах. Средние и младшие (дворяне московские, жильцы, выборные и городовые дворяне, дети боярские) проводили значительное время в исполнении многочисленных и разнообразных административных поручений. Близость к царю в XVII в. давала максимальные возможности служебного роста и имущественных пожалований, возвышения себя и всего рода. Однако несравненно более «честной» все, безусловно, считали военную службу, защиту Отечества с оружием в руках. Хотя цари, за исключением походов Алексея Михайловича и Петра Алексеевича, на войну не ходили!

Характер этого воспитания демонстрируется и другими наглядными примерами. После победы над изменниками-боярами и интервентами в 1612 г., после Земского собора, избравшего на царство Михаила Романова, Боярская дума впервые за несколько лет в полном составе собралась в Кремле. Бояре, окольные и думные дворяне рассаживались по чинам,

²⁰ Богданов А. П. 1) Русские патриархи. 1589–1700. Т. 1–2. М., 1999.; 2) Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015; 3) Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015.

а в одном чине — по знатности и времени пожалования. Освободитель Москвы князь Д.М. Пожарский не только занял место ниже князя Трубецкого и получил меньшую награду. Прежде него в бояре из стольников был произведен князь И.Б. Черкасский. Тот самый, что помогал полякам подавлять московское восстание 1611 г., в котором против интервентов сражался и получил тяжкую рану Пожарский. Род Черкасских возвысился и со временем прославился ратными подвигами. Но для дворянства примером остался Пожарский, как человек, выполнивший долг перед Россией²¹.

Не менее разителен пример князя Федора Ивановича Волконского. Именно он, с 38-ю оставшимися в живых ратниками Сторожевого полка, стащил с престола за бороду боярского царя Василия Шуйского. Когда бояре посадили на русский престол польского королевича Владислава, и страна содрогнулась от «боярской наглой измены», князь поднял ополчение в Переяславле, разгромил гетмана Сапегу, поднял Ростов и Кострому, одним из первых пришел освобождать Москву. Он очистил Новодевичий монастырь и поднял знамя над Покровскими воротами Белого города. Когда Первое ополчение разбежалось, князь стоял. Когда подошло Второе — штурмовал Китай-город и дошел до Кремля. В Кремле все это время сидел с боярами и интервентами князь Григорий Константинович Волконский. Он получал чины и жалование от королевича Владислава. И после победы Ополчения оказался

чиновнее родича, ведь в Ополчении чинов не давали. В Думе царя Михаила он получил чин окольного. Со своеобразной формулировкой: за то, что, раздавая наемникам-интервентам царские сокровища, включая венцы, скипетры и державы, составил всему опись, по которой многое у них потом было отобрано. А Федор Иванович в думский чин вообще не был пожалован. Но среди родичей, а затем и в государственных документах удачливый делец стал Волконским Кривым²². А храбрый воевода — «прямым» примером для потомков²³. В первую очередь для его сына Федора, боярина и выдающегося полководца²⁴.

Проблемы нравственного воспитания XVII в. не так уж далеки от нас, как может показаться. Борьба идей аристократов воинского духа и политических дельцов была актуальна и во времена Льва Толстого, потомка дипломатов и администраторов Толстых и полководцев Волконских. Последних даже нельзя назвать храбрецами в обычном смысле слова. Князья, в XVI–XIX вв. сражавшие всех врагов России, просто не понимали, как иноземец смеет покушаться на *их* Отечество. Когда в 1634 г. главнокомандующий русской армией боярин М.Б. Шеин и 14 городовых воевод сдались полякам, ставший на пути неприятеля князь Федор Федорович Волконский (всего лишь стольник)

²¹ Богданов А. П. Московские полководцы 1572–1618. М., 2018. С. 101.

²² О родовом воспитании Волконских: Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989.

²³ Это отражено в замысле блестящей работы: Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901 и мн. др. изд.

²⁴ О нем: Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1990. Т. 16. С. 100–110.

сказал парламентарам короля Владислава, что «ему, князю Волконскому, Шеин не в образец»!

Во главе крошечного гарнизона крепости Белая он сражался против королевской армии 8 недель, заставил врага отступить и повесил в Успенском соборе 8 неприятельских знамен. В Боярской думе и Посольском приказе был шок: дипломаты уже сдали королю по мирному договору и саму Белую, и всех жителей уезда. А князь привез 47 выживших в боях крестьян и горожан на казённых подводах в Москву. Поданный царю доклад гласил, что с трудом заключённый мир под угрозой из-за самоуправства князя. Царь Михаил Фёдорович политику понимал, но добродетель доблести и верности Отчеству ценил выше. Он вынес решение, что князь «сделал добро», велел впредь отписки Волконского докладывать лично ему, а героев Белой наделить землей под Вязьмой.

Предки Льва Толстого по материнской линии действовали так же. Защита Отчества была их профессией, призванием и долгом. Но потомок политических дельцов Толстых задался целью это воинское воспитание стереть. Сам он, побывав на Крымской войне, оказался больше Толстым, чем Волконским. В романе «Война и мир» князья Болконские — бездушные чудовища²⁵. А князь Андрей, поклонник

²⁵ Это неверно не только относительно деда Толстого, якобы изображенного им в роли Болконского-отца, но и к длинной череде предков графа по материнской линии. Хладнокровные перед лицом неприятеля, Волконские скорее могли проявить политическую гибкость (за которую предок Толстого и был прозван родичами «Кривым Волконским»), чем быть суровыми со своими женами. Не были они и ретроградами: это еще раз подтверждает эпитафия юной княгине Анне Ерофеевне Волконской осенью 1700 г., написанная в нескольких вариантах придворным

Наполеона (!), еще и резонер. Только после ранения он находит своего кумира «мелочным» «с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел». При том же Аустерлице в романе князь Николай Григорьевич Репнин (Толстой не сообщает, что он тоже Волконский, по матери внук фельдмаршала Репнина, царской волей принявший его фамилию, чтобы не угас род Репниных), льстиво отвечает корсиканскому чудовищу, что «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату».

На самом деле в этой битве был тяжело ранен, ведя в атаку на картечь эскадрон кавалергардов, именно князь Репнин. Наполеон лично предложил освободить князя и его офицеров в обмен на обещание не воевать в течение двух лет. Репнин-Волконский отказался наотрез. Его отец, оренбургский генерал-губернатор, выразил живую радость по поводу вести о боевом ранении сына и его ответе «узурпатору». Упавшее знамя, которое поднимает в романе князь Андрей, прежде чем от страха смерти впасть в разочарование своим кумиром Наполеоном, на деле поднял дежурный генерал соединенных армий князь Петр Михайлович Волконский. Согласно рапорту Кутузова, увидав отступление бригады Каменского с Праценских высот, генерал поднял упавшее знамя Фанагорийского полка и трижды водил бригаду в атаку «с сохранением всего нужного в таких случаях хладнокровия».

поэтам и создателем новой русской системы стихосложения (которой мы пользуемся до сих пор) Карионом Истоминым (*Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2019. С. 49–42, 384–385 (издание текста)).

Этот генерал, в трактовке Толстого — уstraшенный раной честолюбивый бонапартист, в реальной жизни даже не совершал подвига. Он исполнял свой прямой воинский долг без экзальтации и суеты. Его дальнейшая биография, укрепляющая идею превосходства старого дворянского воспитания, еще более удручала Льва Николаевича. Волконский начальствовал штабом Действующей армии в заграничном походе 1813 г. Он создал Генеральный штаб и его Военную Академию. Стал светлейшим князем, генерал-фельдмаршалом, канцлером и всех российских орденов кавалером, наконец, министром императорского двора²⁶. Честь по заслугам, сказали бы в XVII в. Понятно, что в романе его следовало убить! Очевидная для современников смелость авторской интерпретации образа Андрея Болконского, на смену которому должны были прийти люди с воспитанием Пьера Безухова, была забыта лишь в XX в.

Женское воспитание

Пример Л. Н. Толстого, не просто забывшего, но после участия в Крымской войне отрицавшего нравственные семейные ценности, привитые ему матерью, в девичестве княжной Марией Николаевной Волконской, дочерью генерала от инфантерии, внучке генерал-майора, правнучке генерал-аншефа, не обязательно говорит нам о разительной перемене во всем дворянском воспитании XIX в. по сравнению с веком XVII-м. Но то, что в допетровскую эпоху начальное воспитание детей

было делом именно женским, мы знаем точно.

Нигде не записано правило, что мальчики до 5 лет должны жить с матерью, на женской половине дома (которая у царей представляла собой отдельные хоромы, а бедных людей была весьма условной), у знати в окружении «мамок», как было предписано во времена Александра Невского²⁷. Однако это правило соблюдается во всех случаях у всех русских людей X–XVII вв., для которых мы можем установить возраст ребенка, передающегося на попечение «дядек» (с княжича Святослава Игоревича в 945 г.), начинающего профессиональное или книжное учение.

Мысль, что фундамент культуры закладывается в детях матерью, в XVII в. не вызывала сомнений. По крайней мере, в исторических текстах мысль, что дети больше научаются от матери, чем от отца, звучала без доказательств, как банальность; точнее, она сама служила аргументом²⁸. Русские были уверены, что так дело обстоит и у всех народов. Поэтому они не считали следствия женского воспитания в России чем-то исключительным. Даже стольник (чин после окольного) А. И. Лызлов, создавая фундаментальный исторический труд о борьбе земледельческих народов с кочевниками с древнейших времен

²⁷ Богданов А. П. Александр Невский. М., 2009 (и др. изд.).

²⁸ Так, у этрусков русский язык «извратился» потому, что матери были местными. И хотя «един московский народ» населил чуть не всю Европу, «истинный же столп языка славянского в Московской земле» См. текст: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 438–442. Жизнь фантастической повести в историографии XVII в.: Богданов А. П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // Novogardia. № 2. 2019. С. 252–279

²⁶ Детально: Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

до 1690-х гг., в котором мотивировал агрессивность кочевников не только хозяйственным укладом, но и культурными традициями, не использовал аргумент об их патриархальности. Правда, дворянин, воспитанный в походах 1670–1680-х гг. против турок и татар, не был в восторге от излишнего, на его взгляд, миролюбия русского и иных оседлых христианских народов²⁹.

Миролюбие, однако, присутствовало в культуре его времени в изрядной степени. Не только война воспринималась всеми русскими людьми, представители которых собирались на Земских соборах³⁰, государственными деятелями и публицистами как крайность, требующая тщательнейшей и справедливой мотивации, тогда как мир признавался безусловной и величайшей ценностью³¹. Смертоубийство вообще резко порицалось обществом. Справедливая смертная казнь страшному преступнику, предписанная законами, совершалась после утверждения приговора в Москве, царем и Боярской думой, и являлась мерой чрезвычайной. Хотя такие казни государственных преступников, «ведомых» убийц и разбойников, преступников против Церкви (колдунов,

ведьм, еретиков, раскольников), убийц родителей, мужей и жен, совершались в среднем несколько раз в год, общее число казненных нельзя было сравнить с казнями в странах к западу от Смоленска, где приговоры выносились местной властью и не требовали утверждения. Даже число сожженных колдунов в ведьм, несмотря на грозный указ Алексея Михайловича, укладывалось в XVII в. в два десятка — цифра для европейского государства ничтожная³².

Большая часть приговоров царя и Думы заменяла квалифицированную казнь (положенную по статье закона) на простую, а чаще всего — на наказание с сохранением жизни (битье кнутом, клеймение, ссылка в Сибирь, заточение и т. д.). В конце XVII в., при гуманном царе Федоре Алексеевиче, который иногда смертную казнь все-таки утверждал (например, протопопу Аввакуму с товарищами), милосердие и сохранение жизни осужденным стало официальной политикой. В продолжение этой политики в следующем столетии смертная казнь была приостановлена, а затем изъята из уголовного законодательства императрицами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Вернул ее, как известно, только Александр I.

Глубокое уважение к жизни всех подданных, включая крепостных крестьян и ясачных людей (как называли нерусские народы далеких окраин, облагавшихся не налогом, а данью, ясаком), видно в указах всех Романовых до Петра I. Характерны указы 1678 г., когда во время тяжелой

²⁹ Андрей Лызлов. Скифская История / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен А. П. Богданов. М., 1990; Богданов А. П. 1) От летописания к исследованию. С. 302–490; 2) «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003. С. 78–90.

³⁰ Прения по вопросам войны и мира на соборах рассмотрены: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

³¹ Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М., 2018. С. 83–115. Раздел: Праведная война и добрый мир.

³² Опарина Т. А. Неизвестный Указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. 2002. № 3 (9). С. 88–91.

войны России с Турцией и Крымом восстало множество подданных царю кочевых племен. Калмыки и тувинцы с сообщниками сожгли 16 русских деревень и много татарских селений, осадили Красноярск и четырежды приступали к городу, прежде чем были отбиты воеводой Загряжским и в ходе преследования потоплены в Енисее атаманом Родионом Кольцовым. Царь послал суровый выговор красноярцам, которые, видя катящиеся на них волны кочевников, вывели на стены и расстреляли *аманатов* (заложников) из этих племен. Воевода Даниил Загряжский, не удержавший красноярцев от сего поступка (он в этот момент готовился к вылазке, чтобы изрубить злодеев или пасть), был царским указом посажен в тюрьму. А атаман Кольцов обвинен ... в бесчеловечной жестокости!³³

Нравы в XVII в., несмотря на жестокости Смуты, а возможно и благодаря их отрицательному примеру, действительно смягчались. Оружие мужчины носили вне стен города. В городе холодное оружие (бердыши, сабли и шпаги) имели при себе только люди на службе (стрельцы, охранявшие порядок, и дворяне, сопровождавшие царя). Судебные поединки, узаконенные дуэли по серьезному поводу, принятые со времен Русской правды, в которых участвовали и женщины, с XVI в. велись в доспехах, но ... без смертельного оружия, с помощью дубинок. Дуэли с оружием, в которых участвовали лица, имевшие право его в городе носить, случались и вызывали большой резонанс. Но не имели такого распространения, как на Западе.

³³ Вся ситуация: *Богданов А. П.* Царь-реформатор. С. 190–197.

Корпоративное воспитание

Русское общество XVII в. можно, с определенной долей условности, разделить на классы и сословия. Но в реальности оно состояло, скорее, из корпораций. Высшей из них был Государев двор. Назвать всех принадлежащих к нему людей дворянами правильно лишь в том смысле, что все они имели право владеть землей с крестьянами под условием царской, прежде всего, военной, службы. Однако реально положение дворян разных чинов различалось разительно. Между аристократом и жильцом была настоящая пропасть.

В разные годы представители 16-ти или 17-ти аристократических родов, имевших привилегию пожалования из стольников прямо в бояре (минуя чин окольникового), занимали почти все высшие места в Думе и должности в военном и гражданском государственном аппарате. Их суммарное богатство едва ли не превосходило всех остальных дворян вместе взятых, а положение было неоспоримым. Они попросту управляли страной вместе с царем и готовились к этому с детства. Их женщины были «мамками» царевичей и царевен, властно управляли, вместе с мужьями, дворцовым хозяйством, сохраняли влияние при взрослых царях и при собственных взрослых детях.

И. Е. Забелин привел множество примеров власти аристократок при царском дворе. Я добавлю, что и сыновья знатнейших фамилий после совершеннолетия, достигнув уже второго и третьего десятка, часто жили с матерями и, по привычке, слушали их во всем. Характерен пример братьев, взрослых женатых князей Трубёцких (род. 1667 и 1668), которые заказали придворному поэту Кариону Истоминому

модную стихотворную эпитафию их матери, княгине Ирине Васильевне, до смерти в 1690 г. управлявшей их домом. Послушные сыновья Иван и Юрий стали затем сенаторами, а младший еще и генерал-аншефом. Другой властной «матерой вдовой» (женщиной с сыновьями, управляющей делами семьи после смерти мужа), отмеченной в творчестве Истомина, была боярыня княгиня Ирина Васильевна Трубэцкая (в девичестве Голицына). Писан он и эпитафию Татьяне Стефановне Трубэцкой (урожденной Татевой). Интересно, что в черновиках поэт мог ошибиться в имени покойного мужа княгини, но не в женских именах и отчествах. Через два года братья Трубецкие наняли Истомина руководить оформлением совместно возведенного ими нового каменного дворца³⁴. Судя по всему, по инициативе женщин, которые общались с поэтом: княгиня Мария Юрьевна Трубэцкая брала из его личной библиотеки (и честно вернула) замечательный Лицевой букварь и стихи про Алексея человека божия (для обучения детей церковному пению)³⁵.

Воспитанию детей, разумному и справедливому управлению домашним хозяйством, которое составляло у аристократов до 300 и больше человек дворовых, девочки учились с малолетства, так же, как мальчики обучались управлению вотчинами и поместьями, разбросанными обыкновенно по всей стране. Проблема состояла в том, что и Россию они воспринимали, как свое наследственное владение, вотчину.

³⁴ Богданов А. П. Стих и образ. С. 45–47.

³⁵ Подробно об общении знатных дам с придворным поэтом см.: Богданов А. П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1987 г. Л., 1987. С. 105–114.

Аристократия, составлявшая, благодаря родственным связям, одну большую семью, совершенно серьезно полагала, что имеет право решать судьбы государства лично, в рамках своей корпорации, не спрашивая более никого.

Не все аристократы становились боярами, число которых колебалось от одного до трех десятков³⁶. Для соблюдения баланса власти первых родов государства пожалования из стольников в бояре делались лишь при освобождении места определенной фамилии в Думе. Так, будущий канцлер В. В. Голицын ждал такой вакансии 20 лет³⁷. Многие просто не доживали до этого, а младшие сыновья имели меньше шансов. Но всех, включая девочек, воспитывали именно для активного участия в решении судеб страны. Юные стольники росли вместе с царевичами, девочки аристократки — с царевнами. Царских детей опекали их отцы и матери, «дядьки» и «верховые боярыни»³⁸. Управление Россией было профессиональным

³⁶ Эти вопросы были рассмотрены еще 100 лет назад: Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919. Новое исследование: Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. Все изменения состава боярства детально отражены в источниках: Лукичев М. П. Боярские книги XVII века // Советские архивы. № 5. 1980. С. 50–54.

³⁷ О нем: Богданов А. П. 1) Василий Васильевич Голицын. // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 179–228; 2) Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М. — Магнитогорск, 2007. С. 221–248.

³⁸ См., напр.: Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 9. Смесь. М., 1851. Впрочем у каждого боярского сына была вначале «мамка», а затем и воспитатель — дядька, занимавший почетное положение в доме. (Седов П. В. К истории боярской семьи XVII в.: Семья князя Н. И. Одоевского // Cahiers du monde russe Russie. 57/2–3. 2016. С. 1–29. Прим. 46.

делом этой корпорации, периферию которой составляли богатые и знатные роды, не имевшие наследственного права на боярство, но имевшие прецеденты получения его по выслуге через чины думного дворянина и окольного.

Правление воспитанных именно для этого бояр не зависело даже от степени самостоятельности самодержца. Помощниками и советниками царя были одни и те же фамилии при Михаиле Федоровиче (1613–1645) и Алексее Михайловиче (1645–1676), которые слушали их почти во всем, при Федоре Алексеевиче (1676–1682), который позволял себе пойти наперекор большинству, опираясь на отдельных бояр единомышленников³⁹, и даже при Петре I (1682, реально с 1696–1725). Последний, используя на государственной службе множество «выскочек» из менее знатных корпораций, лично общался, слушал советы и опирался в первую очередь на аристократию⁴⁰. «Выскачками» и до него были «канцлеры» А. Л. Ордин-Нащокин и А. С. Матвеев, бояре из мелких дворян, возглавлявшие правительства волей царя, когда бояре не могли договориться о распределении власти. Кроме того, Боярская дума и стоявший под ней чиновный аппарат России пополнялись из нижних корпораций до Петра не менее активно, чем при Петре. Часть этих «новых людей» адаптировалась в аристократию, как было на протяжении веков.

³⁹ Богданов А. П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. № 1. 1998. С. 38–45; и др).

⁴⁰ Это количественно доказано по источникам: *Crummey, Robert O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700* // *Canadian/American Slavic Studies* 8. 1974. P. 272–287.

Изучение воспитания русских аристократов в XVII в. затруднено тем, что все их решения оформлялись указами первого из них, царя. Бесчисленные примеры личной несгибаемой стойкости в защите государственных интересов, а также презрения, которым корпорация, насчитывавшая (с примкнувшими к ней родами) несколько сот человек, обливала за малейшее нарушение в таком поведении, не затмевают факта, что мы с трудом выявляем общую самостоятельную волю бояр. Помогают лишь события Смуты, когда царский престол после смерти узурпатора Б. Ф. Годунова остался «голым».

Вся аристократия тут же встала на сторону Лжедмитрия I (1605–1606), присягнув ему и попросту убив сына Годунова. Но здесь аристократы следовали за дворянством: московским и в большей мере уездным, которое поддержало Лжедмитрия раньше, вместе со стрельцами, ямщиками и иными служилыми людьми «по прибору», о которых речь ниже. Затем подавляющее большинство аристократов поддержало убийство Лжедмитрия и возведение на престол «боярского царя» Василия Шуйского (1606–1610). Но немалая часть дворянства и служилых по прибору встала на сторону Лжедмитрия II (1607–1610). Тогда аристократы разделились: часть родичей сидела в Москве и служила при царе Василии, а часть в Тушино при «царе Дмитрие».

Когда московские дворяне, устав бессмысленно рубиться друг с другом, свели Шуйского с престола и покинули лагерь Лжедмитрия, для бояр пробил «час истины». В июле 1610 г. они, по благословению патриарха Гермогена, разослали по городам и весям объявительную грамоту,

призвав «быть в соединении и стоять за православную веру всем заодно», защищая право страны выбрать государя, не покоряясь ни захватчикам-иноверцам, ни вора́м-самозванцам. А заодно грамоту о присяге себе: дескать они, бояре, до выборов государя, по воле народа взяли на себя бремя власти. Но в разумность выбора царя Земским собором бояре решительно не верили. И отдали московский престол Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда, из шведской королевской династии Ваза.

Политические перспективы возможно соединения трех государств, при отводе еще и шведского престола, были интересными. Широта мысли бояр вызывает уважение. Увы, как любое объединение с Западом, на деле это означало подчинение России иноземцам. В августе бояре присягнули Владиславу, заключив с ним договор о сохранении их власти и привилегий. А в сентябре они сдали Москву войскам Сигизмунда — врага России, осаждавшего Смоленск! Подданные Московского государства поняли мотивацию семи первых бояр однозначно, как шкурный интерес: «Лучше королевичу служить, чем от холопов своих побитым быть и в вечной работе у них мучаться!»

Нежданно для бояр оказалось, что в стране, помимо них, присутствуют иные корпорации, полагающие себя вправе решать судьбу страны. Давно самой видной из них было московское дворянство: знатные и достаточно состоятельные люди, продвигавшиеся в чинах от жильца до дворянина московского и стряпчего до стольника, т. е. до чина, с которого аристократы начинали службу. Разумеется, московские дворяне могли попасть

и в Думу, но не по роду, а только за громадные личные заслуги. Выборные дворяне, служившие и получавшие поместья по спискам в своих уездах, но отобранные для временной службы в столице, соединяли московских дворян с остальной, основной по численности массой дворянства. Но корпоративно они отличались от нее так же, как аристократы от них.

Московские дворяне коллегиями по трое могли управлять не главными центральными ведомствами, а в армии их «потолком» было командование полком. Однако этого оказалось достаточно, чтобы оспорить решение бояр в пользу всей страны.

Грамотная, хорошо образованная (как увидим) корпорация московских дворян была невелика в масштабах страны. В начале XVII в. она насчитывала ок. 5000, в 1681 г. — 6385 мужчин⁴¹. С боевыми холопами (пожизненными слугами), с которыми они выступали на войну, их военные силы доходили до 15000. Но эти дворяне, помимо того что имели честь состоять в московском списке, располагали поместьями (условными владениями) и вотчинами (наследственными владениями) по всей территории России, исключая чернососный Русский Север, Сибирь и Дальний Восток. Именно они выступали лидерами уездных дворянских корпораций, командуя отрядами уездного дворянства («сотнями») и играя первые роли в местной администрации, земских и губных избах.

Уездный дворянин и сын боярский, продвигаясь по службе, или попадал в список

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 151.

московских дворян, или его карьера оставалась. Различия в воспитании и поведении московских и уездных дворян мы не видим весь XVII в., за исключением того, что последние были в среднем намного беднее и, соответственно, не столь хорошо образованы⁴². Коллективные выступления их явно направлялись московскими дворянами⁴³. Таким образом, вооруженная сила последних возрастала за счет уездных дворян и детей боярских чуть не в 5 раз.

Прочнейшей нравственной установкой московских дворян была защита русских рубежей и самодержавия. Они пошли с Лжедмитрием потому, что были возмущены захватом власти выскочкой Годуновым. И с попыткой бояр короновать иноземца, власть которого бояре к тому же надеялись ограничить, случилось то же, что с «затейкой верховников» при воцарении Анны Иоанновны в 1730 г. С той разницей, что в XVIII в. дворяне взяли аристократов за грудки сразу, а в XVII в. им вначале надо было «очистить» Москву от призванных боярами иностранных воинов.

Дворяне откликнулись на весть об иноземных войсках в Кремле так, как были воспитаны, и действовали так, как были обучены. Даже в условиях страшной разрухи, Великого разорения и Гражданской

войны, они быстро подняли свои полки и сотни, добрали в сильно поредевшие ряды войска служилых по прибору и «охочих людей», собрали запасы с городов и весей и двинулись на Москву. К ним присоединились и казаки — открытая военная корпорация «служилых по прибору», окрепшая в ходе Гражданской войны. Эти своеобразные «военные коммунисты» принимали всех владеющих оружием, брали под контроль земли, например, уезд, и «кормились» взятым у крестьян, разделив населенные земли между своими сотнями и десятками.

30 июля 1611 г. Первое ополчение создало правительство России, «Совет всей земли» во главе с назначенными из дворян «боярами», и центральные ведомства-приказы, объявило мобилизацию служилых людей, установило им жалование, начало менять воевод на местах ... и развалилось. В ходе боев Москва была сожжена, но бояре и интервенты остались в Кремле и Китай-городе, тогда как большая часть ополчения разбежалась. Военно-административная власть московских дворян, даже вместе с дворянами городскими, уездными, не сработала без «головы» в Боярской думе. Многие дворяне тогда полагали, что Россия погибла. Но на самом деле погибло Московское государство, руками которого они служили.

Новую державу построили представители корпорации, которая никогда не претендовала на власть в Московском государстве, и не будет стремиться к ней в Великой России. Это были лично свободные налогоплательщики: посадские люди в городах и черносошные (государственные) крестьяне земель, окружавших

⁴² Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в. (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994.

⁴³ Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РАН. Т. IV. М., 1929. С. 103–108.

крепостнический центр страны с севера и востока. Они уже не первое столетие самоуправлялись выборными земскими старостами. Имущественное их расслоение к XVII в. было довольно серьезным. Наличие богатых крестьян с собственными металлургическими мануфактурами и соляными промыслами, городских купцов, мануфактуристов и богатых ремесленников с одной стороны, бедняков и не имевших собственных средств производства наемных работных людей — с другой, не позволяет говорить о культурной однородности этой категории населения России.

Однако одна общая черта воспитания «черных людей», как называли свободных горожан и крестьян, проявлялась в XVII в. отчетливо. Независимо от богатства, эти люди привыкли платить за все, что творится в стране. Дворяне, замечу, собирали государевы подати со своих крестьян, но сами платили личной службой. В центральных уездах они избирались и земскими старостами, но платили всегда за них. Крепостные крестьяне и холопы (дворовые люди), за исключением отдельных социальных взрывов, в которых всегда были ведомыми, проявляли самостоятельность только в побегах от помещиков, иногда целыми селами и волостями, в поджогах усадеб и пополнении числа разбойников⁴⁴. Эти люди были воспитаны в идее защиты благополучия своей семьи и деревни, «мира».

Черные люди всегда имели в виду более обширную округу: город и его уезд.

⁴⁴ Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РАН ИОН. Вып. I М., 1926.; и др.

Оружие они брали в руки только когда государство, которому они платили, допускало до них иноземцев. И тогда требование дать им оружие весьма смущало власти, а действия их были радикальными. В 1611 г., когда Московское государство рухнуло, в столице преданное боярами, а в Ополчении не справившимися с организацией дворянами, выборный земский староста Кузьма Минин поставил перед 11-ю своими товарищами в Нижнем Новгороде простой вопрос: Как мы оплатим спасение державы?

Миф о патриотическом порыве, под влиянием которого граждане отдали последнее на спасение страны, разбивается документами Нижегородских земских старост и созданного по их инициативе Второго ополчения (1611–1612)⁴⁵. Добровольные пожертвования составили ничтожную часть необходимых сумм. Старосты Нижнего Новгорода и всех примкнувших к ним городов, поручив князю Д. М. Пожарскому военную организацию, обеспечили его средствами путем установления обязательных сборов. У неплательщиков, в том числе из не примкнувших ко Второму ополчению городов, конфисковывались товары и продавалось имущество, а в крайних случаях и члены их семей продавались в рабство Поволжским татарам (такова, по меньшей мере, была угроза им в грамотах). Мининим со товарищи было организовано четкое финансовое и административное управление всеми освобождаемыми районами.

Земское государство в лице своих демократически избранных представителей

⁴⁵ Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939.

железной рукой брало за горло всех разрушителей его предписаний. 11 апреля 1612 г. в Ярославле новый Совет всей земли объявил, что вместо павшего Московского государства восстало новое, по имени Великая Россия, с пояснением: великая, значит включающая все 53 уезда, от Москвы до самых до окраин, не взирая на вероисповедания и национальности. Государство, где все должны знать свои обязанности и исполнять их равно. Это государство упорно строилось затем Земскими соборами, в которых земские представители играли видную роль. Бояре через новоизбранного царя Михаила Федоровича формулировали проблемы. Дворянство почти во всех случаях дружно объявляло, что «радо служить». Черные люди отвечали, что конкретно делать⁴⁶.

Земский собор в реальности непрерывно управлял страной первые 9 лет царствования первого Романова: 3 трехлетних созыва. По мере укрепления страны он собирался все реже. Это соответствовало пожеланиям черных людей, которые полагали управление государством очень тяжелой обязанностью. Избиратели должны были за депутата платить, а он нес серьезные потери в собственных хозяйственных делах. «Честь» сидеть в Москве, желанная для дворян, среди черных людей не котировалась.

В 1649 г. земские люди собрались на собор из-за Соляного бунта в Москве. Налог на соль никому из них не нравился. Но бунт не нравился им гораздо больше. Избранные представители России внесли в новый свод законов — Соборное

уложение — такие свирепые казни за «скоп и заговор», что цари почти все приговоры потом вынуждены были смягчать. Идеи государственного суверенитета России и государственной измены тоже внесли в текст черные люди, поскольку таковые в головы бояр и дворян за последние века не пришли⁴⁷. Люди, которые платили государству, решительно требовали, чтобы оно было крепким и защищенным.

Наконец, выборщики и земские старосты всегда полагали, что государственная деятельность для них крайне обременительна, даже на местах. И настаивали на передаче всей власти в городах и уездах воеводам из Москвы, а всех финансовых функций себе. Эту реформу осуществил только просвещенный царь Федор Алексеевич, вместе с отменой откупов, облегчением и уравниванием повинностей (одной из которых было депутатство в Москве) и введением подворного обложения, благодаря чему мы получили, наконец, детальные сведения о населении страны⁴⁸.

Корпорации «служилых по прибору» проявили особенности воспитания только во второй половине XVII в., когда перестали соответствовать этому названию. Стрельцы, составлявшие ударную часть пехоты на войне, а в городах игравшие роль единственной казенной охраны и пожарной службы, лишь до начала XVII в. набирались из «охочих людей». Восстановленные после Смуты полки и гарнизоны, размещавшиеся в столице и уездных городах самоуправляемыми, свободными

⁴⁶ Обо всех соборах XVII в. детально: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства. С. 149 и сл.

⁴⁷ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987.

⁴⁸ *Богданов А. П.* Царь-реформатор. С. 613–621.

от налогов общинами, «слободами», быстро образовали особый мир. Основным доходом стрелецких семей было не жалование за службу в военное время, а ремесло, торговля и промыслы. Корпорация сама воспроизводила себя с запасом, превышающим потери. Новых людей брали все более неохотно.

В 1670-х гг. стрелецкие полки, числом 21, из 500-х превратились по составу в тысячные, а два поселенных в Москве выборных солдатских полка — в двухтысячные. Солдатские полки, сформированные из даточных людей (рекрутов) и, лучшие, из чернослободских крестьян (выборные полки), предполагалось содержать на средства казны или чернослободских общин, «мира», но они тоже вынуждены были вести все более обширные семейные хозяйства. В 1680 г. в России было 20048 стрельцов в 21 полку и 61288 солдат в 41 полку. Для сравнения: рейтар и копейщиков, переведенных из упраздненной дворянской сотенной службы, было всего 30432 человека (26 полков), в сохраненном Московском дворянском полку насчитывалось (с выборными дворянами и слугами) 16097 человек, казаков было 4 полка (14862 человека, не считая Сибири), а боевых холопов — 11830 человек.

Проще говоря, в регулярном составе армии, готовой в любой день отправиться на войну, было, как пересчитали еще раз сотрудники царя Федора Алексеевича, 76158 стрельцов и солдат, прежнее число казаков и 43908 рейтар и копейщиков. Т.е. служилые по прибору имели радикальное превосходство над дворянами в численности. И уже в 1682 г. решительно заявили о нем, включив ямщиков и городскую охрану (затинщиков и воротников)

в свое представление о единой корпорации «служилых по прибору». Ямщики, как стрельцы и солдаты, жили слободами в городах и группами дворов, ямскими станами, по всей стране. В их ведении находились не только лошади и подводы, как принято считать, но также состояние дорог и мостов, которые ямские власти строили и ремонтировали силами местных крестьян (в качестве казенной дорожной повинности). Все сухопутные пути сообщения от Смоленска до Амура зависели от состояния этой корпорации. Не случайно князь Д. М. Пожарский, освободив Москву от интервентов, в новом царствовании взял на себя руководство Ямским приказом (1618–1628). Он затребовал и, под угрозой отставки, получил воистину диктаторские полномочия для восстановления корпорации, без которой нечего было думать о единстве страны⁴⁹.

Весной 1682 г. стрельцы и солдаты, обвинив бояр в убийстве царя Федора Алексеевича, руководствовавшегося «общим благом», не только организовано взяли Кремль и послали выборных представителей в Думу и центральные ведомства. Летом они потребовали и получили от перепуганных бояр жалованные грамоты для всех корпораций служилых людей по прибору. Грамоты констатировали их новый, высокий статус в государстве, наряду с боярами и дворянами. Регулярная пехота получила название «надворная пехота», в прямую параллель с дворянами-кавалеристами. А на Красной площади был поставлен памятник с описанием, как надворная пехота

⁴⁹ Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

спасла государство от попытки переворота со стороны изменников-цареубийц. Если бы царевна Софья Алексеевна с канцлером В. В. Голицыным и фактическим министром внутренних дел Ф. Л. Шакловитым не смогла через несколько месяцев расколоть стрельцов и солдат, а через несколько лет удалить из их рядов активных пропагандистов повышения статуса «служилых по прибору», социальная история государства могла пойти по иному руслу⁵⁰.

Любопытно, что во всех корпорациях, политически активных по своей воле, женщины играли не просто высокую, но выдающуюся воспитательную роль. Только у черных людей мужья, не считая незначительной части купцов, направлявшихся в длительные поездки, постоянно сидели дома и могли принимать серьезное участие в воспитании и образовании многочисленных детей. Их дети учились у отцов ни во что не вмешиваясь без крайней нужды и не отвечать, если не спрашивают.

В остальных семьях, от боярина до мелкого дворянина, стрельца и ямщика, жены оставались одни «на хозяйстве» на годы. Правда, при откомандировании больше чем на год, даже стрельцам предлагались подводы и подъемные для перевозки

семей, потому что столь долгой жизни мужа без жены в те благословенные времена люди не могли и помыслить. Но отлучки до года были часты, а бояре и дворяне в посольствах проводили и больше времени без жен.

Стрелецкие жены нередко упоминаются в источниках как активная политическая и экономическая сила. Дети, старики, инвалиды, неслужилая молодежь, наемные работники, все хозяйство оставалось на них, когда мужья уходили на службу, особенно на далекую войну. Иностранцы со страхом рассказывали друг другу байки, как опасно ходить по стрелецким слободам, где стрельчихи могут затащить их к себе, чтобы насладиться белым иноземным телом. Но ведь и боярыня, и жена сына боярского, и жена ямщика оставались в своих домах и поместьях надолго. «Бой, грабеж и смертное убийство» на межах владений, ужасавшие царя Федора Алексеевича, часто происходили, когда мужей нет дома. При этом с введением обязательной регулярной службы дворянства в конце 1670-х гг., когда бывшие члены уездных «сотен» вынуждены были отправляться на долгую службу в пограничные военные округа, эти побоища силами дворовых людей и крестьян с обеих сторон только учащались⁵¹.

Жены в отсутствие мужей играли роль «матерых вдов»: вдов с сыновьями, исполнявших все публичные обязанности мужа, но с большими трудностями. Их избалованные дети учились требовать своего более настойчиво, чем повелось

⁵⁰ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 87–363; Богданов А. П. 1) Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1993. С. 77–108; 2) Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1995. С. 39–62; 3) Стих и образ. С. 144–165; 4) Царевна Софья и Пётр. С. 20–44.

⁵¹ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 200–233.

у черных людей, для которых отсутствие мужа означало всего лишь задержку его за городом в кабаке. Служилые по прибору постоянно коллективно требовали повышения жалования, жаловались на его снижение, задержку, кражу начальством. Дворяне требовали все больших сроков сыска беглых крестьян и, главное, земли. «Земельный голод» русского дворянства стал притчей во языцах. И все пишущие дворяне поголовно были настроены агрессивно: не просто по военному воспитанию (оно было также у стрельцов и солдат, которые на войну не рвались), но по горячему стремлению к расширению границ страны для получения новых поместий и вотчин⁵².

Бояре и боярыни, воспитывавшие царевичей, хотели новых земель не меньше, чем беднейшие дворяне⁵³. Царь, не выступающий завоевателем, был в свете этого воспитания просто нелеп. Даже просвещенный царь Федор Алексеевич, прекрасно знавший цену войны, губительную для экономики страны, пошедший против большинства Боярской думы ради окончания войны с Османской империей, снизивший военные налоги, отхватил от Дикого поля новыми укрепленными рубежами десятки тысяч квадратных километров плодородной земли,

⁵² Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ. С. 28–53.

⁵³ В 1678 г. в среднем боярин имел всего 830 крестьянских дворов, окольный — 230, думный дворянин — 150. И эти далеко не грандиозные богатства распределялись весьма неравномерно: у богатейшего боярина было 4600 дворов. Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М. — Л., 1949. С. 88–149.

тут же раздав боярам и дворянам земли с огромным числом крестьян⁵⁴.

Образование

В XVII в. наблюдается быстрый рост грамотности населения сравнительно с XVI в. Прежде всего, в пределах приходской школы, где священник или дякон учил детей обоего пола читать, затем писать, считать и, наконец, петь по нотам. Для подавляющего большинства эти знания были высшим достижением, потому что очень многие ограничивались профессиональным образованием.

В крестьянской среде подростки принимали участие в работе родителей и так учились сельскому хозяйству и ремеслу. Эта подавляющая часть населения страны остается вне поля зрения историков вследствие отсутствия источников. Ведь вместо крепостных крестьян в публичном пространстве фигурировал их хозяин дворянин. Даже при проведении следственных действий с повальным опросом, «обыском», их речи, «сказки», удостоверял приходской священник.

Только черносошные крестьяне сами, в лице своих «миров», общались с государством, составляли и хранили имущественные документы. До нашего времени часть из них сохранилась чудом. Оно-то и позволяет говорить, что богатый северный крестьянин с большим хозяйством и наемными работниками не мог обойтись без «ларца с письменными крепостями

⁵⁴ Уже в 1678 г. крестьянское население южной границы достигало 470 тыс. человек (в 1646 г. было около 230 тыс.). (Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 170).

и кабалами»⁵⁵. Об этом свидетельствуют архивы крестьян Шангиных, копировавших в Посольском приказе (!) даже «Вести-куранты», составленные для царя и бояр⁵⁶, и Емецких. Яков Емецкий уверил в своем завещании, что его отец и дед были грамотными, его старшие сыновья «изучены промыслу и изучены грамоте и пети и писати», а трое младших, 12, 7 и 6 лет, еще не обучены. Шесть лет спустя на документах семьи имеются подписи уже всех ее мужчин⁵⁷. В обучении грамоте девочек торговые крестьяне не видели необходимости, тем более, что за это надо было платить либо попу и дьякону, в церкви которых хранились и купленные крестьянами вкладчину книги, или наемному учителю из бездомных «бобылей»⁵⁸.

Столь же случайно сохранилась записная книга приказчика соляных промыслов купцов Панкратьевых 1673–1703 гг., содержащая 295 его грамоток и писем в Москву⁵⁹. Хозяйственная записная книжка новгородских купцов Кошкиных начинается русско-шведским словарем⁶⁰. По сообщению иностранного

путешественника Адама Олеария, новгородский купец Микляев просил его обучить его сына немецкому и латинскому языкам⁶¹. Подобные отрывочные сведения, путем логических рассуждений историков, превращаются в выводы о высокой грамотности торгово-промышленных людей разного происхождения, крестьянского и городского, и о привычке купцов, торговавших с иноземцами, учить сыновей иностранным языкам.

Предположение о производственной необходимости изучения грамоты черными посадскими людьми подкреплено подсчетами подписей домовладельцев московской Мещанской слободы, где жили в основном выходцы их западно- и южнорусских земель, под отдельными сохранившимися приговорами мирских сходов. В 1677 г. своей рукой расписались 36% хозяев, в 1680-х гг. таких было от 25 до 40%, в 1690-х — от 36 до 52%. Показатели московского посада в целом ниже: в 1686 г. на записях допросов в судебных делах смогло расписаться 23,6% мужчин⁶². В Соликамске в 1680–90-е гг. среди посадских было до 49% грамотных⁶³.

Внимание привлекают не столько сами цифры, приблизительные, но для Европы XVII в. довольно высокие, сколько тенденция роста грамотности, прослеживаемая по самым разнообразным источникам. По ним мы можем заключить, что отдавать детей в приходскую или частную школу и приглашать в дом учителей с каждым годом становилось все

⁵⁵ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 211. Данные XVII в.

⁵⁶ *Морозов Б. Н.* 1) Из истории русской переводной научной технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.; 2) Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. № 1. 1980.

⁵⁷ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера. С. 212.

⁵⁸ *Копанев А. И.* Книжность северной волости XVI–XVII вв. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 394–399.

⁵⁹ *Гейман В. Т.* Соляной промысел гостя Панкратьева Яренского уезда // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 35. Л., 1929.

⁶⁰ *Бахрушин С. В.* Торги новгородцев Кошкиных // Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 219.

⁶¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 225.

⁶² *Устюгов Н. В.* Научное наследие. М., 1974. С. 78.

⁶³ Очерки истории СССР. С. 554–556; *Устюгов Н. В.* Научное наследие. С. 78; и др.

более принятым в обществе. Более того, во второй половине XVII в. многие учились читать, писать и считать письменно уже в зрелые годы.

Для оценки принятых в исторической литературе цифр следует учесть, что источники в принципе не охватывают в целом ни одну из корпораций или категорий населения, за исключением белого духовенства. Приходские попы и дьяконы теоретически обязаны были быть грамотными. И действительно, священники неизменно ставят подписи на документах «мира» их прихода, подтверждают показания прихожан, завещания и т. п. Столь же общим, но вполне точным представляется наблюдение относительно воевод: командующих войсковыми соединениями и начальниками уездов (уезд включал город с округой размером с современную область): «В первой половине XVII в. встречаются неграмотные воеводы. Дворяне, посылаемые для выполнения правительственных поручений, были либо неграмотными, либо малограмотными, и потому ездили с подьячими ... Во второй половине XVII в. неграмотных или малограмотных воевод не встречается»⁶⁴.

Однако уже монашество охватывается источниками весьма выборочно. А об основной массе уездного дворянства мы знаем еще меньше. Документы дворянских смотров, десятки, традиционно фиксировали число людей и коней, вооружение и снаряжение каждого дворянина и сына боярского, не интересуясь его грамотностью. При этом немалая часть дворян уклонялась и от смотров. Даже дворяне московского списка частенько

не записывали своих сыновей в службу и после 15 лет, полагая благом оставить их управлять вотчинами и поместьями. Эта ситуация весь век провоцировала множество гневных царских указов, а в 1679 г. царь Федор Алексеевич сделал службу для всех дворян обязательной. Любого не явившегося в полк отпрыска уездного дворянина с 15 лет следовало, сыскав, отдать в солдаты, а детей московских дворян — в копейщики или рейтары, понизив до городских дворян⁶⁵. Единственным, причем не требующим большого числа людей вариантом была гражданская служба в приказах, в т. ч. дворцовом ведомстве, и при Дворе, с поголовной грамотностью таких дворян.

Грамотность или, в первой половине века, малограмотность большинства дворян московской службы может быть установлена по документам; в конце концов, они расписывались за жалование. Но факт, что, при всей свирепости сыска «нетчиков», историки обнаруживают в родословных росписях взрослых и даже женатых дворян и аристократов, не записанных в службу. Проще говоря, кто-то из 3–5 сыновей оставался у материнской юбки и полностью выпадал из документов.

С учетом этого и следует оценивать принятые в историографии оптимистические цифры роста грамотности в «бунташном веке». В среднем по России последней четверти XVII в. грамотность белого духовенства оценивается в 100%, черного — в 75%, купечества — в 96%, дворянства — около 50%, посадских — 40%

⁶⁴ Устюгов Н. В. Научное наследие. С. 212.

⁶⁵ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 202–203, публикация указов в Ч. II.

и крестьянства (без учета крупных региональных различий) — примерно 15%⁶⁶. Это соотношение соответствует и профессиональным интересам названных социальных групп, и их образовательной активности, отмеченной множеством разрозненных источников⁶⁷, среди которых фундаментально исследована частная переписка⁶⁸.

Белое духовенство более прилежало к чтению служебной литературы. Дворяне все чаще обучали детей грамоте и нередко приглашали иноземных учителей, отдавая предпочтение исторической и военной литературе. Купечество усердно вбивало в своих отпрысков математику и живые иноземные языки, а читало больше романы и повести. Монашество поставляло практически весь контингент преподавателей «свободных мудростей» и профессиональных литераторов, владевших классическими языками.

Другим полюсом оценки склонность россиян к образованию служит представление о «темной и непросвещенной Московии», опирающееся на публицистические суждения иноземцев и голословное утверждение беглого подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, писавшего, по заказу шведского правительства, что даже «многие» бояре «грамоте не ученые

и не образованные», в Думе сидят, только «брады свои уставив, ничего не отвечают»⁶⁹. Воспоминания эмигранта, записанные во второй половине 1660-х гг. в Швеции, относятся к 1645–1664 гг.⁷⁰ Чтобы проверить их, историкам достаточно было бы взять в руки многократно изданное Соборное уложение 1649 г., под которым из 29 бояр не смогли собственноручно расписаться двое.

Сам царь Алексей Михайлович писал — к ужасу ревнителей традиции — своей рукой, когда хотел особо поощрить корреспондента. Его сыновья — ученики Симеона Полоцкого царевичи Алексей, Федор, возможно, Иван — и дочери (в особенности Софья) писали по личной надобности, диктуя лишь тексты государственные. И Петр, писавший в традиции его семьи каракулями, вывел своей рукою в общей сложности целые тома писем и записок⁷¹. Судя по личной переписке канцлеров А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева, князя В. В. Голицына и подобных ему представителей высших аристократических родов, старинные предрассудки относительно необходимости навыков письма и образования были во второй половине

⁶⁶ *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1903. С. 8–13. Бакланова считает эти данные даже заниженными: *Бакланова Н. А.* Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156–193.

⁶⁷ *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Грамотность и образованность различных сословий [XVII в.] // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 55–66.

⁶⁸ *Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

⁶⁹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4, доп. — СПб., 1906. С. 24.

⁷⁰ Обвиненный в России в краже, этот образец продажной части русской эмиграции получал жалование сначала в Польше, затем в Швеции, где успешно продавал клевету на свою страну, затем соблазнил жену квартирного хозяина-переводчика и убил его, за что и был обезглавлен. (*Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. История одного предательства и создания выдающейся книги о России. Одесса, 1895; переизд. М., 2016).

⁷¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. М., 1876.; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1–7. СПб., 1887–1917.; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8–12. М., 1946–1975.

XVII столетия вполне забыты. Основательное образование, которое давали своим детям царь Алексей и упомянутые государственные мужи, включало «свободные мудрости» (дисциплины тривиума и квадривиума) вкупе с церковнославянским, польским и латинским языками, на которых полагалось читать, говорить и писать.

Прославленная ученица Симеона Полоцкого царевна Софья отнюдь не была исключением среди московских дам высшего круга. Федору Алексеевичу, с детства окруженному образованными тетками, среди которых выделялась знаменитая меценатка Татьяна Михайловна (1636–1706), старшими сестрами и «старыми» (по званию и не всегда по возрасту) боярынями, это было прекрасно известно⁷². Изрядная образованность требовалась знатым дамам, во-первых, чтобы вести огромные хозяйства и учить своих детей — будущих государственных лидеров и их жен — когда мужья разъезжались служить по бескрайней державе и за море. Во-вторых — для того, чтобы писать личные письма, опять же мужьям и детям⁷³. В-третьих, но не в последних — образованность, широкая начитанность и в особенности владение красотами риторики и версификации с последней четверти XVII столетия (и почти все царствование

Петра) были при дворе в такой моде, что дама, неспособная разразиться по всякому случаю стихами или на худой конец изящной орацией, могла сойти за деревенскую дурочку.

Если в конце 1670-х — начале 80-х гг. стихотворных эпитафий удостаивались редкие выдающиеся лица, то спустя десятилетие стихи буквально заполнили надгробия бояр и дворян, церковных иерархов и простых монахов, дьяков, подьячих, певчих, купцов и т.п.⁷⁴.

В Москве 1670-х литературные приветствия и поэмы адресовались разве что царям; в 80-х их посвящали и крупным государственным деятелям; в 90-х дети приветствовали своих родителей по великим праздникам и в день ангела, гости поднимали чашу за хозяев со стихотворным тостом, а те заказывали оформление новых палат литератору, чтобы яркая роспись соответствовала премудрому замыслу, разъясненному изящными надписями на стенах, оконных проемах и потолке.

Не удивительно, что все при дворе, по замечанию В. Н. Татищева, «заговорили стихами». За двором, как всегда бывает, тянулись остальные россияне: гости и верхушка посада, служащие приказов и казенных мастерских палат, иноки и инокини привилегированных монастырей, а в первую очередь, разумеется, дворянство (в большинстве не входившее в московский список). Вряд ли следует пояснять, кто именно в дворянских семьях наиболее следил за модой. Хотя щеголи (нещадно ругаемые добропорядочными старцами то за «горлатные»

⁷² Неплохим образованием отличалась и мачеха царя Наталия Кирилловна Нарышкина. Именно она поддержала в России революционную педагогическую систему Яна Амоса Каменского, сначала для своего внука, а затем и для всех детей. (Богданов А. П. Учёба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 224–256).

⁷³ А то стольник кн. П. И. Хованский, например, тревожно вопрошал сына о последнем письме из дому: «Да отпиши ко мне, для чего не материна рука?!» (Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905. С. 316).

⁷⁴ Подробно: Богданов А. П. Стих и образ. Ч. I. Жизнь в зеркале смерти. С. 19–196.

шапки, то за красные каблуки, ибо вечна истина, что «молодежь уж ныне не та») всегда были на виду, спрос на их старания искони определялся красными девицами и дамами.

Конечно, выручали придворные литераторы, вроде Кариона Истомина, мгновенно писавшего стихи и речи всем и на всякий случай⁷⁵. Но само женское увлечение высоким литературным стилем вовсе не было диковиной: умная и красивая речь, даже согласно злобному памфлету Котошихина, издавна считалась на Руси важным признаком «доброй» невесты. От мужчин этого не требовалось: в результате еще в Древней Руси премурые женские речи воспринимались нашими богатырскими предками с трудом, да и новейший исследователь ужасается изошренной двусмысленности выражений тогдашнего прекрасного пола⁷⁶.

Так что юный дворянин был часто отрываем от коней, оружия и прочих интересных вещей и принуждаем корпеть над книгами. Единственное отличие обучения девочек состояло в том, что им по традиции, отраженной еще «Домостроем», не рекомендовалось усиленно впаривать науку через седалище. Действительно ли «розга ум вострила, память изошряла», или вколачивание знаний требовалось только для преодоления отставания юношей от девушек в природной склонности к учению — тайна велика есть. Однако же учились равно те и другие. Карион Истомин без всяких сомнений адресовал как

свой гравированный Леонтием Буниным Букварь, так и весь цикл учебных сочинений, развивавших педагогические принципы Яна Амоса Коменского, «хотящим учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам»⁷⁷.

В авторском архиве придворного поэта, начавшего деятельность при царе Федоре⁷⁸, сохранилось огромное количество заказных литературных произведений на все случаи жизни равно для мужчин и женщин, учениц и учеников. Любопытно, что большинство ходовых заказов, например, стихотворных эпитафий, выполнялось автором в нескольких вариантах. Ergo — обоюдо пола придворные, а вслед за ними мелкие дворяне и приказные, гости и купцы, монахи и певчие мнили себя знатоками изящной словесности, способными давать указания литератору и выбрать наилучший текст! Да и как иначе, когда жизнь человека начиналась стихотворными поздравлениями друзей счастливым родителям, проходила под литературными девизами (вроде «Зрением и потребством вещей человек веселится!») и завершалась

⁷⁵ Подробно: Богданов А. П. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. Ч. I. М., 2012.

⁷⁶ Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 47–51.

⁷⁷ Богданов А. П. 1) Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989. S.127–147; 2) Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1989. С. 96–144; 3) Карион Истомин // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 254–261.

⁷⁸ См.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии А. П. Богданов. М., 1983. С. 16 и след.; Богданов А. П. 1) Стих и образ. Ч. III. Из архива придворного поэта. С. 351–455; 2) Стих торжества. Ч. II. Из архива придворного поэта. С. 383–648.

выбитым на надгробии силлабо-ритмическим 11-ти или 13-ти-сложником...

Обращаясь к содержанию окказиональной, т. е. написанной «на случай», литературы, пышно расцветшей в Москве после Симеона Полоцкого, мы можем констатировать весьма высокий, сравнительно с господствующими в науке представлениями, уровень общих познаний Государева двора и его окружающей среды о мире, природе и человеке, о составе и содержании схоластических научных дисциплин, не говоря уже о богословии⁷⁹.

Знания, на которые ориентированы аллегорические конструкции придворных литераторов, распространялись частью благодаря познавательной направленности самой придворной литературы, а в основном — вполне традиционной рукописной и печатной книжностью. Именно аристократия и московское дворянство, составлявшие малую часть населения России, были едва ли не главным потребителем продукции Государева Печатного двора (за вычетом из подсчетов церковно-служебной литературы). Дворянами и дворянками раскупалась немалая часть бесчисленных тиражей Букваря, почти вся беллетристика (особенно из устроенной в царском дворце Верхней типографии). Ими было выкуплено 66,7% «Книги о хитростях ратного строя», 60% Соборного уложения и даже 25,9% Миней месячных. Обладатели крупных библиотек русской и иностранной литературы и собственных книгописных мастерских, вроде Н.И. Романова, Б.И. Морозова,

Н.И. Одоевского, Ф.М. Ртищева, В.В. Голыцына и т. п. были, разумеется, постоянными покупателями Печатного двора, которых не смущала высокая цена изданий⁸⁰.

Без книг, по его словам, не мог прожить руководитель Верхней типографии царя Федора ученый монах Сильвестр Медведев. Но таким же образом слезно молил из-за границы о присылке новых книг и мелкий дворянин, будущий канцлер А.Л. Ордин-Нащокин, адресуясь к боярину Ф.И. Шереметеву и князю М.П. Пронскому⁸¹. В основном мы знаем о частных библиотеках по материалам вкладов в монастыри и конфиската, когда на завещанное, изъятое или выморочное имущество составлялась опись. Очевидно, что книг и библиотек было значительно больше, но главное, что мы можем утверждать наверняка — они функционировали значительно более интенсивно, чем частные дворянские библиотеки впоследствии.

Не стараясь привести здесь рассыпанные в переписке просьбы о покупке, присылке и передаче книг, тем более не пытаясь охватить море владельческих и читательских помет на книгах, ограничусь одним примером. Случайно сохранившийся в архиве Кариона Истомина листик записей свидетельствует, что за пять месяцев он выдал «почитать» из своей сравнительно небольшой библиотеки 27 книг двадцати шести представителям разных слоев общества, главным образом высшего, в том числе девяти читательницам. Княгиня Мария Юрьевна

⁷⁹ Богданов А.П. Естественнаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 260–278.

⁸⁰ Подробно: Луппов С. П. 1) Книга в России XVII в. Л., 1970; 2) Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.

⁸¹ Галактионов И.В. Ранняя переписка А.Л. Ордина-Нащокина. Саратов, 1968. С. 23.

Трубецкая брала у поэта Лицевой Букварь для своих чад, а княгиня Мария Федоровна Голицына — «Слово о послушании и военном деле» (неведомо для кого: может, сама желала разобраться?). Две дамы высшего света — П. И. Пушкина и Е. А. Куракина — читали друг за другом свежую сентябрьскую mineю Димитрия Ростовского, князь П. И. Хованский — Скрижаль Симеона Полоцкого, дворяне Глебовы — новый перевод «Книги Иулия Фронтиня, сенатора римскаго, о случаях военных» и печатную грамматику, дворянин Ф. В. Наумов — Библию в переводе Епифания Славинецкого.

Книжные интересы читателей, согласно этому маленькому срезу библиотечного быта, не выходят за рамки общей статистики грамотности. Коли купцы лучше знали живые языки — гость Андрей Филатьев просил почитать немецкий Календарь Фогта. Раз монахи отличались в изучении языков классических — так «иеродиакон Иов, что по-гречески и по-латински умеет», брал у Кариона Атлас Меркатора. Монахиня явила склонность к беллетристике, взяв изысканно изданную Верхней типографией Историю о Варлааме и Иосаафе в изложении Симеона Полоцкого. А жена не попавшего в нашу статистику певчего дьяка не посрамила свою сословную группу, бывшую в чести при дворе, осилив довольно сложный теологический трактат Григория Богослова⁸².

Кажется очевидным, что профессиональные интересы принуждали к учебе сильнее, нежели придворная мода. Для дворянства в целом после военно-окружной

реформы царя Федора требования регулярной службы серьезно возросли, но не они, надо признать, определяли уровень грамотности сословия служилых по отечеству. Все государственное дело-производство, включая военную документацию в центре и на местах, в том числе в полках, базировалось на нескольких тысячах профессиональных чиновников, дьяков и подьячих. Они получали, помимо общего образования, еще и специальное (благодаря чему можно с первого взгляда отличить документацию Поместного приказа от Посольского и т. п.)⁸³. К нему надо прибавить прослойку площадных подьячих и стряпчих, служивших для связи частных лиц с машиной казенного дело- и судопроизводства. По их изобилию во всех городах России, и особенно в Москве, нельзя сказать, что обращавшееся к ним население было неграмотным. Скорее, речь идет о специальных знаниях, которыми обладали профессиональные составители документов и ходатаи по делам⁸⁴.

Для дворянской конной части регулярной армии и даже для исключительно дворянского офицерского состава всех полков и рот само умение читать и писать не было зело нужнопотребным, по крайней мере, с точки зрения государства. Тем не менее, введение обязательной службы, обыкновенно ошибочно приписываемое Петру I, было серьезным фактором

⁸² Богданов А. П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л., 1987. С. 105–114.

⁸³ См., напр.: Профессиональное обучение при московских приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С. 103 и след.

⁸⁴ См., напр.: Богданов А. П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. 2020. № 6. С. 111–121.

роста грамотности⁸⁵. Грамотность росла и в связи с другой важнейшей профессией дворянина: поместью-вотчинным управлением, которое все чаще, а после военно-окружной реформы почти всегда приходилось осуществлять на расстоянии, в письменной форме. В XVII в. были давно известны крупные дворянские архивы Б.И. Морозова, А.И. Безобразова и др.⁸⁶, из коих явствовало, что хороший хозяин лично и детально следил за поместью-вотчинной документацией. Сегодня мы располагаем сведениями о более чем трех сотнях дворянских архивов. Они отразили хозяйственную деятельность и культурные интересы всех (а не только высших) слоев служилых по отечеству⁸⁷.

⁸⁵ Разумеется, профессиональные высшие офицеры — вроде генералов Г.И. Косагова, А.А. Шепелева, М.О. Кравкова — потому и выслуживались из низших дворянских чинов, и даже попадали в Думу, что отлично разбирались в фортификации, артиллерии, картографии, могли на равных сотрудничать с иноземными инженер-полковниками и, собственно говоря, по мере профессионального роста заменяли собой наемных «начальных людей»: тех к концу реформы Федора Алексеевича осталось в армии менее 15%.

⁸⁶ *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Переписка стольника А.И. Безобразова 1687 года // *ЧОИДР*. Кн. I. 1888; *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.* М. — Л., 1936; *Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова*. Т. 1–2. М. — Л., 1940–1945.; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова). М., 1965; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967; и др.

⁸⁷ *Морозов Б.Н.* 1) К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. // *Вопросы источниковедения и историографии истории СССР*. Дооктябрьский период. М., 1981; 2) Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981; 3) Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1982; 4) Частное письмо начала XVII в. // *История русского языка*. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982; 5) Записная книжка помещика XVII в. // *Советские архивы*. № 5. 1983.; и др.

Исторические материалы, тесно связанные с обоснованием дворянского родового права, занимают в этих архивах весьма видное место⁸⁸.

Общий интерес россиян к истории резко усиливался у дворянства профессиональным интересом. Ведь для служилого по отечеству сохранение памяти об этом самом «отечестве», месте своего рода в истории было составляющей процесса добывания средств к существованию, особенно важной в момент консолидации класса служилых феодалов, отбрасывавшего от себя промежуточные и деклассированные слои. Между тем летописи, хронографы и вообще «старинные книги» с историческими известиями, так или иначе отражавшими службу дворянских родов, еще в XVI в. признавались достоверными свидетельствами — наравне с царскими грамотами и разрядными книгами — не только широкими кругами дворянства, но и судьями в местнических спорах (которые были дворянами же)⁸⁹.

Это не удивительно, учитывая изобилие «частных» редакций разрядных книг⁹⁰ и удобных тому или иному роду «списков» государевых грамот, поминальных записей и т. п. Важно, что и в конце XVII в., при мобилизации фамильных архивов для составления росписей в Палату родословных дел, исторические сочинения употреблялись в доказательство

⁸⁸ *Морозов Б.Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // *История и палеография*. М., 1993; *Кошелева О.Е., Морозов Б.Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в.; и др.

⁸⁹ См.: *Маркевич А.И.* О местничестве. Ч. I. Киев, 1879. С. 296.

⁹⁰ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962; и мн. др.

дворянских притязаний⁹¹. Именно благодаря последним и появилась замечательная научная «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова, основанная на многих десятках фундаментальных античных источников и трудов Нового времени⁹².

Высшие достижения ученой мысли России перед реформами Петра I, когда появились первые вполне научные исторические монографии⁹³, были сформулированы и утверждены царем принципы автономного сословного университета⁹⁴, а государственное значение образования и науки признаны на высшем государственном уровне⁹⁵, не характеризуют уровень образования в России в целом. Это были индивидуальные достижения выдающихся ученых и просветителей, вне рамок каких-либо школ и ученых групп. Серьезное воздействие на общество оказали только достижения в воспитании и образовании царской семьи.

Образование в царской семье

Царский «Верх» в Кремлевском дворце в XVII в. отчетливо обозначал Рай, а маленькие царевичи и царевны воспринимались как его небесные обитатели. Им ни в чем не было отказа. Забота об их

игрушках, картинках, книжках, об убранстве палат и «верховых садов» была тем более искренней, что товарищами их игр и учебы были отпрыски знати. А коллективно создаваемый образ жизни «маленьких ангелов» был отражением идеальных представлений царской семьи и «ближних людей» о том, как должны воспитываться дети. И служить примером для их собственных семей, для заботы о своих детях и внуках.

На самом «верху» дворянского сословия, в царской семье, дети учились так же, как и во всех домах знати: с помощью приставленных к ним воспитателей и учителей, специально приобретенных и изготовленных учебных пособий. Ни у кого не возникало сомнений, что царевичи и царевны должны быть обеспечены лучшими учебными пособиями, издание которых — счастье для всех россиян. Именно так произошло с Букварями. Они снова и снова, все более совершенно, разрабатывались для царских детей, а затем издавались на пользу «всех хотящих учиться мужей и жен, отроков и отроковиц», пока в конце века не был создан Букварь Кариона Истомина, образцовый для будущих поколений россиян, до сего дня⁹⁶.

Основой раннего обучения была наглядность, которую в полной мере воплотил в жизнь этот Букварь. Первоначально, начиная с детей Михаила Федоровича и завершая юным Петром Алексеевичем, царевичам и царевнам закупались у московских торговцев десятки, а иногда даже сотни иностранных гравюр и акварелей, изображавших разные стороны жизни

⁹¹ Напр.: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 148–151.

⁹² Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Богданов А.П. М., 1994.

⁹³ Детально: Богданов А.П. От летописания к исследованию.

⁹⁴ Богданов А.П. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио: Журнал для ученых. 2016. № 5. С. 60–76.

⁹⁵ Богданов А.П. Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII века // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. Вып. 2. М., 2018. С. 11–31.

⁹⁶ Детально: Богданов А.П. Учёба царских детей XVII в. С. 224–256.

мира. Этих картинок, планов и чертежей было настолько много, что ими в 1680-х стали просто обивать потешные комнаты⁹⁷. Однако еще в 1660-х при дворе владела идея создания собственных живописных книг, в которых продуманное содержание соответствовало бы великолепию художественной работы лучших царских мастеров.

Двухлетний царевич Федор Алексеевич (род. 30 мая 1661) первым получил такие книги. В 1663 г. для него была создана большого формата книга, «а в ней писаны жития Алексея Человека Божия, да Марии Египетские, да житие царевича Иосафа, в лицах, в десть». Книга о святых, тезоименитых отцу и матери, и заморском царевиче так заинтересовала Федора, что

⁹⁷ «Потешные листы» в 1634 и 1637 гг. покупались для царевича Алексея Михайловича, которого боярин Борис Морозов учил посредством гравированных картинок, «изображавших разные достопамятные предметы в мире» (Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 10). Забелин уточнил, что в 1634 г., когда Алексею было 6 лет, ему были куплены в Овощном ряду «немецкие печатные листы», а в 1635 г. — «тридцать два листа писанных (раскрашенных. — А.Б.) немецких и русских». «Во дворец, — сообщает он, — их покупали для государевых детей, вместе с игрушками. Малолетние царевичи и царевны, забавляясь с этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и проч. Таким образом, например, в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 году, висело «пятьдесят рамцов со листами фряжскими» (итальянскими). «Так обиты были фряжские листы по стенам в комнатах царевен в 1680 г. и в деревянных хоромах царя Федора в 1681 г.». В 1682 г. гравюры были ещё более широко использованы на стенах палат Петра. «В том же 1682 г. в хоромы царевича Петра Алексеевича взято сто листов фряжских». Аналогично на стены вешались чертежи и географические карты «всего света», его «частей» (континентов) и «царств». «Картины, эстампы, географические чертежи... не составляли принадлежности одного дворца, но проникали, хотя и редко, и в боярские дома». «Потешные бумажные листы» имелись и в палатах царевича Алексея Петровича (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 1915. С. 80, 617; Ч. I. М., 1895. С. 219–223).

в сентябре 1665 г. царь приказал ее реставрировать и заново переплести. Книга понравилась всем. В 1668 г. по заказу царицы Марии Ильиничны с нее были сделаны две лицевые копии, видимо, для родившегося в 1665 г. царевича Симеона и появившегося на свет в 1666 г. Ивана⁹⁸.

Опыт с книгой, увлекшей царевича Федора, сразу стали развивать. К весне 1664 г. государевыми живописцами были изготовлены и мастерами переплетены сразу четыре «потешные книги» для «меньших царевен»: дочерей Алексея и Марии: Феодосии двух лет, Марии четырёх, Екатерины шести и Софьи семи лет⁹⁹. А 8 декабря 1664 г. художникам велено было создать «потешную книгу, чтоб перед прежней была больше вдвое, и писать на ней иным образом, иные прибавые (т. е. добавочные. — А.Б.) статьи»¹⁰⁰.

Сохранившиеся наброски тематиче-ских рисунков, к которым художники почти печатными буквами («уставом, добрым мастерством») писали подписи, говорят о том, что *Большая потешная книга* была настоящей живописной энциклопедией. Первой темой книги было военное дело. Её открывал прапорщик со знаменем, на следующем листе были по два барабанщика и трубача, далее — сержант с двумя мушкетерами. На следующих картинках демонстрировались разновидности пехоты, кавалерии, артиллерии и сцены инженерных осадных работ. Второй темой служил быт города с работой, времяпровождением и развлечениями населения,

⁹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 171–172.

⁹⁹ Там же. С. 101, 178–179. 12-летняя Марфа и 14-летняя Евдокия уже вышли из возраста «потех».

¹⁰⁰ Там же. С. 174.

в том числе охотой. От охоты логично совершался переход к птицам и зверям средней полосы, юга (со львами, крокодилами и обезьянами) и севера. После кита, моржа и белого медведя ребенок видел корабли и труды человека на море, морскую войну. Затем — большую серию этнографических картинок жизни и внешнего вида людей разных народов (от немцев до арапов). Наконец — сцены из русского быта, вплоть до разных видов мельниц, изготовления хлеба и раздачи его нищим. Завершающей темой были дети: на картинках они учатся грамоте и мастерству, едят, гуляют в саду, путешествуют на корабле, в рыдване и телеге, на конях и т. п.¹⁰¹

Опыт удался на славу. Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична сами полюбили изобретенные ими детские книги. В 1665 г. государев живописец Степан Рязанец возглавил масштабную работу по рисованию царским детям красочных книг, в которой приняли участие Симон Ушаков, Федор Евтихеев и др. выдающиеся художники, всего 9 человек. 13 декабря они получили жалование: по 7 копеек в день каждому за 67 дней работы над «потешной книгой». В другой сходной работе участвовало уже 17 царских живописцев. Тогда же Федор Матвеев и с ним 10 человек 76 дней писали «потешную книгу в четверть листа» для царевича Федора Алексеевича. Работы, как видим, были поистине гигантскими. Затем в октябре «книжного дела мастер» Савва Афанасьев переплел «книгу потешную в четверть» в палаты царя, а в декабре — «книгу потешную в четверть листа» в хоромы царицы

Марии Ильиничны. Наконец, сохранилась еще одна роспись сюжетов потешных рисунков. Не столь масштабная, как Большая потешная книга, эта книжица содержала массу картинок из русской и экзотической жизни: от защиты от медведя вилами до «мужика на верблюде», «птицы грифа» и охоты с собаками на льва¹⁰².

Живописные книги, рисовавшиеся с использованием западных гравюр, но русскими мастерами и с царским качеством, надолго заменили государевым детям покупные потешные картинки. К концу 1668 г. живописец Федор Матвеев создал потешную книгу для «меньших царевен». В 1670 г. царевич Федор знакомился с живописным «Душевым лекарством». В 1672 г. иконописец Петр Афанасьев нарисовал царевичу Федору две потешные книги на тему «люди с боем», а в 1675 г. иконописец Иван Филатов — еще одну «потешную книгу» для Федора¹⁰³. В то время как этими книжками увлекался царевич, уже получивший образование и сам приглашавший «книгописцев» в свою «учительную полату» писать красками¹⁰⁴, в 1675 г. две потешных книги получила достигшая двухлетнего возраста царевна Наталия¹⁰⁵.

¹⁰² Там же. С. 173–174, 178–179, 617–618,

¹⁰³ Там же. С. 172, 117, 120. Ср. с. 604.

¹⁰⁴ В августе 1674 г. для них были куплены 50 разных кистей, 50 горшочков и краски (там же. С. 616).

¹⁰⁵ Там же. С. 101, 117, 136, 179. Иллюстрированными книгами увлекались не только дети. В 1670 г. царь Алексей заказал живописцам Троице-Сергиева монастыря копию иллюстрированной книги «Лекарство душевное». В 1674 г. для пожилой царевны Ирины Михайловны была расписана книга «Начаток о Сотворении света» (там же. С. 172). Популярным среди придворных изданием Печатного двора была иллюстрированная книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, — полный перевод труда И. Вольгаузена «Военное искусство пехоты».

¹⁰¹ Там же. С. 174–177.

Красочный рассказ Н. П. Крекшина, как будущий «князь-папа» Никита Моисеевич Зотов учил маленького царевича Петра путем рассматривания «книг с кунштами зданий, и взятие(м) городов, и боев, и прочих наук», картинок и гравюр¹⁰⁶, имеет реальную основу именно в книгах, впервые разработанных для его старшего брата¹⁰⁷. Ирония истории видится в том, что в руки царевича и царя Петра не попала имевшаяся во дворце «Книга царственная в лицах», в которой И. Е. Забелин видел главное подтверждение обучению Петра по иллюстрированным пособиям (что и подвигло ученого собрать массу материалов о «потешных листах» и «потешных книгах»). Зато царь Федор внимательно читал этот замечательный Лицевой летописный свод и высоко ценил его

¹⁰⁶ Сахаров И. П. Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 21. Под «Книгой с кунштами зданий» может иметься в виду «книга Архитектура строгая немецкая в лицах», которую брали в Оружейную палату из Воскресенского монастыря и 19 июня 1680 г. вернули (С. 610). Однако архитектурой очень увлекался и старший брат Петра, царь Федор.

¹⁰⁷ Задолго до появления Зотова, для 11-месячного царевича 6 костромских иконописцев делали с 10 по 13 мая 1673 г. «потешную книгу», которая уже 16 мая была переплетена. 8 января 1675 г. живописец Тимофей Рязанец сделал для 3-летнего царевича «потешную книгу» в 4°. 2 июня 1676 г. живописец Никифор Бовыкин написал ему книгу шафраном на толстой и гладкой доброй бумаге, а 20 июня живописец Федор Матвеев нарисовал 4-летнему Петру еще одну «потешную книгу», расцветив ее золотом. 19 декабря 1679 г. выдающийся живописец Карп Золотарев нарисовал царевичу на большом «александрийском листе красками и золотом: двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в столовой (палате) в подволоках написано». 15 января, 17 февраля и 12 октября 1680 г., когда Петр уже более двух лет занимался с Зотовым, иконописец Тимофей Рязанец писал и расцветивал шафраном «потешные тетради» царевича. Видимо, это было связано с обучением 8-летнего Петра письму: «царевичевы буквари» (прописи) были переплетены 15 марта 1680 г. Другую «азбуку учебную» и чернильницу царю Петру купили 19 февраля 1684 г. (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 89, 167, 179, 228–229, 224, 615).

миниатюры. В 1679 и 1680 гг. его личные покои и «новые деревянные хоромы государынь царевен» были украшены «живописными притчами» «из Царственных книг». Работы выполнялись лучшими живописцами: Карпом Золотаревым, Богданом Салтановым, Иваном Безминым и Питером Янглосом. Ни о какой передаче не переплетенных листов ребенку Петру не было и речи!¹⁰⁸

Отправная точка поисков Забелина оказалась ошибочной, зато собранные им материалы о значении «потешных листов» в воспитании царских детей — бесценны. При жизни царя Федора, 11 марта 1680 г., царевичу Петру было куплено потешных

¹⁰⁸ Уточнив наблюдения Забелина и дополнив их значительным количеством архивного материала, мы с А. М. Пентковским проследили всю судьбу «Лицевого свода» с XVII до первой трети XIX в. (когда его части оказались в современных местах хранения). В частности выяснилось, что царь Федор Алексеевич велел реставрировать Книгу царственную и раскрасить «не выцветенные» в XVI в. миниатюры вовсе не для школьных занятий младшего брата. Подобно своему отцу, заботившемуся о сохранности бесценного памятника истории и указавшему сделать для огромной рукописи сафьянные футляры (1671), Федор велел мастерам привести ее в порядок: 1072 миниатюры раскрасить, а изветшавшие листы начальной части реставрировать. Перед скоростной смертью 27 апреля 1682 г. Федор Алексеевич успел распорядиться о передаче Книги царственной из своей «комнаты-книгохранильницы» в Мастерскую палату. Свод избежал постигшего библиотеку Федора разграбления родичами Петра. Он был заперт царевной Софьей в Мастерской палате и дважды там зарегистрирован, причем к нему вернулся изыятый и переплетенный Никоном Хронографический сборник. Лишь после свержения правительства регентства в 1689 г. Книга царственная была, наконец, растащена, причем Хронографический сборник попал-таки к Петру и был подарен им в 1724 г. его дочери Наталье. По другой части листов свода учил царевича Алексея Петровича Карион Истомина, лично (а не через окружение Петра) взяв эту рукопись и затем вернув на Печатный двор. Основная же часть памятника была просто разворована и осталась Петру неведомой... Подробно: Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 61–95.

листов всего на 10 коп., зато сразу после его смерти, 29 апреля 1682 г., стольник Т.Н. Стрешнев принес новоиспеченному царю сразу «сто листов фряжских»¹⁰⁹. Скорее всего, гравюры предназначались для покрытия стен, как это было сделано в 1680 г. в комнатах царевен и новых помещениях над Царицыной Мастерской палатой, в 1681 и 1682 гг. — в хоромы царя Федора Алексеевича.

Это украшение, с восторгом описанное в XVIII в. Н.П. Крекшиным в рассказе об обучении Петра, оказалось столь дешево, что в 1685 г. в «верхних каменных чердаках» Теремного дворца гравюры просто наклеили на стены, хотя раньше прибавали лужеными гвоздиками на основу — «дорожник»¹¹⁰. Но скорее всего Крекшин в повествовании, как Зотов водил юного Петра по комнатам, разъясняя историю и географию по заинтересовавшим царевича изображениям и чертежам, в большей мере имел в виду «писанные по полотнам» карты стран и частей света (континентов), историко-аллегорическую живопись и портреты-парсуны, вошедшие в моду при дворе в 1660-х и сплошь покрывшие стены дворцов в 70-х гг.¹¹¹

Увлечение отца и матери царевича Федора большими яркими книгами, сначала из одних иллюстраций, для устного общения с ребенком, а затем из картинок с подписями, не означало, конечно,

что они вдруг откажутся от развивающих игрушек. Начиная с детей Михаила Федоровича, царевичи и царевны имели для игр и развлечений все, что только мог вообразить изощренный ум россиян. В символически поднятом над брэнной землей «Верху» дворца и красивейших местах Подмосковья мальчики и девочки царственной семьи имели свои детские комнаты и прекрасно оснащенные игровые площадки. Их оформление, мебель и бесчисленные «потешные» предметы изготовлялись из золота и серебра, драгоценных пород дерева, тканей и мехов, изысканно расцветивались камнем, жемчугами и красками. Внутри «потешек» были скрыты механизмы, благодаря которым они звучали и двигались.

Вносимые «в Верх» «потешки» представляли лучшие достижения мастеров России, Востока и Запада. Даже чиновники дворцового ведомства, писавшие документы об оплате, хранении и реставрации предметов детского обихода, писали о них с явным восторгом и умилением, отмечая множество лишних для дела деталей и излагая в казенном тексте свои никому не нужные тогда, но бесценные для нас впечатления. Удивляться лирическому настрою суровых приказных дельцов не следует. Они, как все русские, обожали красивые и умные игрушки. Разноцветные сафьянные, бархатные и шелковые мячики с бубенчиками внутри, расписные волчки, вертушки и кубари со шнурами для запуска из шемаханского шелка с золотыми прядями, мягкие или движущиеся и звучащие зверушки и человечки, всевозможные музыкальные инструменты, кони и качели, санки и возки, широчайших набор кукол и игровых предметов служил

¹⁰⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 229. Кроме того, для Петра забрали немало иллюстрированных книг из библиотеки покойного Федора, в том числе «О луне и всех планетах небесных» и «Персонник на латынском языке» с портретами исторических лиц (там же. С. 604–605 и др).

¹¹⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Ч. I. С. 220–221.

¹¹¹ Там же. С. 215–219, 221–222.

развлечению и физическому развитию ребенка, выработке у него полезных в жизни навыков и знакомству с огромным миром за пределами двора, а у царских отпрысков — двorca.

Ряженные куклы веками служили для демонстрации новых стилей платья¹¹². Московский двор еще при Михаиле Романове позволял себе закупать и шить для популярных тогда «ряженных» актеров иноземные костюмы (их хранилось в казне до 200 комплектов), но не всегда приличные представления с их участием мало касались детей¹¹³. С внешним видом разных народов и социальных групп царских отпрысков знакомили куклы, в том числе механические, часто изображавшие живые сценки жизни «немцев» и российских подданных.

Самые богатые куклы были у девочек: одни двигались и издавали звуки сами, других надо было сажать в креслица и за стол, укладывать в кроватку или колыбельку. Взятая наугад запись 1640 г. рисует куклу, которая «на кровати лежит на перине, одета одеялом бархат червчат,

¹¹² Еще римляне для демонстрации столичной моды рассылали по провинциям «фигуринь» (раскрашенные глиняные куклы ростом от 8 до 25 см.). Французские куклы-«маркизы», перевозившиеся по Европе в особых каретах для показа мод, известны в XVII–XVIII вв., но стремительное распространение новых стилей можно начинать с бургундской моды середины XV в., в считанные годы, как молния поразившей Европу к западу от Эльбы. Манекены (от фламандск. *maeneken* — человек) утратили антропоморфность и обрели натуральные размеры в XIX в., а люди-манекенщики завоевали подиум лишь в прошлом столетии. Процесс смены европейской моды в период, когда о ней не принято было писать, показан по изобразительным и музейным источникам Чехии, входившей в состав империи Габсбургов: *Кибалова Л., Гербенкова О., Ламарова Е.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.

¹¹³ *Шамин С. М., Дженсен К. Р.* Иноземные потешники при дворе первых московских царей // *Российская история.* № 1. 2018.

около одеяла каймы обьярь вишнева». Другие «две куклы сидят в креслах, около их травки червчеты, на травех цветки белые, головами, и руками, и ногами шевелят». О тонкости их изготовления говорит запись того же года, что у куклы «девка сидячая в креслах зеленых, на ней платно тафта ала, у рук по персту переломлено, — рука испорчена», надо починить. Ремонтные записи вроде той, что у куклы «на голове череп выломан», свидетельствуют, что объёмные твёрдые части могли быть пустотелыми¹¹⁴.

Над кукольной мебелью, столовой утварью и украшениями (включая серьги и зеркальца) трудились лучшие мастера Оружейной палаты. В царской и царицыной Мастерских палатах изготавливались «съёмные» игрушечные одежды: летники, шубки, телогреи и пр., а также кукольные головные уборы, скатерти, коврики и полные комплекты постельного белья. Принимая эту роскошь, царевны с воспитательницами и подружками шили и сами: все XVII столетие в терема шел поток «лоскутов» драгоценных тканей «на куклы» или «на потешные куклы».

Не исключено, что именно сестры-царевны позаботились о необычной в палатах царевичей кукле, подаренной 14–15-летнему наследнику престола Федору в 1675 г. Ему была «сделана потешная баба деревянная нарядная, в кике низаной с камнем и с пелепелы и с рясы; и серьги, и ожерелье низаное с камени ж, и зарукавье низаное с камени ж, в летнике и шубке». Нравы двора в это время заметно смягчились, с легкой руки мачехи

¹¹⁴ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 100, 132.

Федора царицы Наталии Кирилловны (Нарышкиной) устраивались даже танцы, а единокровные сестры царевича (по матери Милославского) были заинтересованы, чтобы он несколько оторвался от наук и обратил внимание на дам. Не исключено, что будущий государь, проведенный в начале 1680-х гг. реформу придворной мужской и женской одежды, искренне заинтересовался именно платьем русской куклы-«маркизы». А может, он просто любил красивых кукол. По крайней мере, в разгар государственных реформ в ноябре 1680 г. для него за большую цену в 15 руб. был куплен «потешный человек, сделан из ярого воска, в немецком платье, с соколом»¹¹⁵.

Мужчины обожали технические игрушки. Еще царь Михаил в 1630 г. не смог пройти в торговых рядах мимо немецкого потешного сада из черного дерева с «птичками всякими»: купив игрушку, он послал «потеху» жене для 3-летней царевны Ирины. К 8 годам у царевны, помимо обычных игрушек, накопилась груда ценных подарков от отца, матери, брата Алексея, деда — патриарха Филарета, и даже суровой бабки, инокини Марфы Ивановны. Среди них был золотой крылатый змей: «у змея в голове изумруд четверуголен, а очах две искорки яхонтовые, во рту держит человечью голову». Из золоченого серебра были выполнены «немки», держащие в руках разные сосуды, и «мужик с лошастью и сохой». Из ювелирных зверей царевна имела попугая, тельца, птичек, оленя, «левика» и барашка.

Золоченый серебряный кораблик на колесах был в 1633 г. подарен царевичу Алексею, а уж тот вручил его сестрице. Щедрость

будущего государя объяснялась тем, что у мальчика были и более сложные серебряные кораблики, в том числе трехмачтовый, с цветными знаменами и литыми матросиками: 10 ходило по палубе, 6 карабкались на ванты и 2 следили за горизонтом на верхушках мачт. О качестве игрушек, подносимых царским детям в праздники, говорит его же «пистолетик золот, навожен финифтью, на цепочках с кольцом, осыпанных червчатými яхонтиками; на ложе, и на яблоке, и у ствола в гнездах искорки яхонтовые». Часть «подарочных» игрушек предвосхитила изящные работы мастерской Фаберже: например, птица с туловищем из страусино-го яйца, у которой голова и конечности были выполнены из резного серебра.

В первой половине столетия механические игрушки не отличались сложностью. Так, царевич Иван Михайлович играл стеклянным «кубочком», в котором на винтике поворачивался барашек. Другая «скляница потешная» представляла собой музыкальную шкатулку: «в ней люди играют в мусики, да виноград (сад) и птицы». Раскрашенная восковая «немецкая рота» в ящике не двигалась. Только в 1666 г. 6-летнему царевичу Федору за огромную цену в 30 руб. был куплен у немецкого купца механический медведь, «который бьет в барабан»¹¹⁶.

Музыкальные шкатулки и музыкальные инструменты с механическими приспособлениями покупались царским детям конца XVII в. Первоначально «хитрые» инструменты были народными, в основном украинскими, вроде «рыле»: скрипки с колесом вместо смычка и клавишами. У детей Михаила Федоровича были

¹¹⁵ Там же. С. 84.

¹¹⁶ Там же. С. 82, 84.

довольно сложные музыкальные шкатулки. Сам царь услаждался и детей развлекал сделанным немецкими мастерами органом, безумной цены 2676 руб., на котором соловей и кукушка «поют собою без человеческих рук»¹¹⁷. В 1641 г. «царица Евдокия Лукьяновна пожаловала дочери своей царевне Ирине цинбалы невелики, сделаны в дереве в черном, теремчаты (т. е. в виде терема. — *А.Б.*), немецкое дело; наверху сделано три мужичка: немец да две немочки, — во влагалище в деревянном; облачено кожей»¹¹⁸. Были «самоигральные потешные» западные инструменты, в том числе механические со «стальными иглами» (для считывания мелодии с металлической пластины): органы, цымбалы и клавикорды «немецкого дела», и у детей Алексея Михайловича¹¹⁹. Но воистину массивная закупка познавательных механических игрушек отражена только в документах последних лет жизни царицы Наталии Кирилловны (1693–1694), усердно занимавшейся воспитанием царевича Алексея Петровича¹²⁰.

¹¹⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. VIII. СПб., 1884. № XL. С. 284–285. Оригинал: РГАДА. Ф. 150. Оп 1. 1638. Ед. хр. 3. 19 л.

¹¹⁸ *Ройзман Л.И.* Орган в истории русской музыкальной культуры. М., 1979. С. 54.

¹¹⁹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 89–91.

¹²⁰ В 1693 г. она подарила 3-летнему внуку «городок» с движущимися людьми, «на кругу строй мужиков» и «строй стрелецкий с барабанами и знаменами», а также маленькую коляску, мельницу, «лошадку с мужиком» и «шатрик с беседкою». Судя по тому, что упомянутая последней «потешная беседа» из «семи личин разных деревянных» потом дважды чинилась, ребенок играл в нее активно. Механические игрушки, в которых действующие лица и группы вроде военного строя пространственно взаимодействовали, составили по воле царицы целый класс «потешек» ее внука (имевшего и весь ассортимент традиционных игрушек). Сначала их изготавливали русские умельцы. За «городок с проходящими мужиками»

Мальчики больше любили не одевать, или вооружать, или заводить, а передвигать человечков. Единственным,

Василий Крылов получил 3 руб. (цену рабочей лошади), а «потешный городок» стрельца Алексея Васильева был оценен в 4 руб. 16 алт. 2 д. (4 р. 50 коп.). 7 ноября 1693 г. иноземцу Ивану Гану было приказано сделать для царевича «городок костяной с болясками, в том городке беседа кукол немецких», причем «на дело тех кукол» мастер купил «лент и кружев немецких» на 60 коп. К этому времени царевич, ездивший с бабкой в Преображенское, был одарен новыми механическими игрушками, купленными за 2 руб., надо полагать по дороге: шатриком с коньками, собачкой ходячей, толкушей в ступе немкой и еще двумя «немочками с лоточками» (9 ноября). 29-го числа было выплачено за «потешки», купленные «в комнату» царевича в Преображенском: «за мельницу с толчачами 3 руб.; за мельницу ж с коровками и голубями 2 руб. 16 алт. 4 д.; за беседку, что учатся грамоте, 23 алт. 2 д.; за городок с беседкой же, что посреди городка вертится вкруг, 3 руб. ... да за каретку с конями да с людьми 3 руб.». Цены говорят в пользу отечественного производства игрушек: за иноземные «потешные вещи» иноземному купцу Яну Балтосу было выдано 10 декабря аж 40 руб.! По возвращении в Москву Наталия Кирилловна взялась за переустройство Потешной комнаты царевича. Царским плотникам велено было «денно и ночью с поспешением» работать над деревянным домиком 2х2 аршина, высотой 2,5 аршин (ок. 178 см.). У него была двускатная крыша, навесная дверь, на трех сторонах по 2 слюдяных окошка в наличниках, внутри — лавки с опушками. Игрушка понравилась, и 4 января 1694 г. царевичу была заказана вторая «потешная избушка» того же размера. Среди закупленных в декабре и январе механических игрушек были «бьющиеся» козлики и «бабы пряжи», два «городка с беседкой», «башня с тремя беседками», «потешный городок с башнями» и «беседка с попом». В феврале царевич получил «городок с полковниками и с кузнецами», а также играющего музыку «мужика» с движущимися куклами. В марте — «городок с коньками», «кузнецов», «коляску с немками» и псарей с движущимися собаками. В июне — «потешный городок с полком», в августе — игрушечный домик с мельницей, приводящей в действие толкушку, и «кузнецов». В сентябре 1694 г. в поле зрения руководства Мастерской палаты попал мастер Огородной слободы Петр Иванов. У него был куплен целый ассортимент механических «потешек» в народном духе, на современный взгляд то ли не вполне педагогичных, то ли слишком продвинутых. Кроме псарей с бегающими собачками, ткачихи, двух прях, «городка с медведем», бегающих на колесе секачей и мельницы с жерновами, мастер натурально изобразил роженицу и для нее «потешную родильницу с чердаком». За все это мастер получил солидные деньги — 20 руб. (*Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 85, 578–582).

да и то пришедшим из старины предметом со всеми «живыми» деталями в их игровых комнатах были кони, дарившиеся каждому царевичу в годовалом возрасте и остававшиеся при них даже в школьные годы. Большие деревянные кони на доске, катавшейся на железных потайных колесиках, выполнялись из крашеного дерева с точным воспроизведением мельчайших деталей сбруи (лишь железо иногда заменялось серебром), так что царевичи с детства учились их взнуздывать и седлать. Последний такой конь был сделан для царевича Алексея Петровича в 1691 г.¹²¹

Мальчики играли в охоту (для чего 6-летнему Алексею Михайловичу была в 1635 г. сделана «потешная свора»), а более всего — в войну. В солдатики пускались даже художественно выполненные из слоновой и моржовой кости тонко расписанные шахматные фигурки. У каждого царевича было несколько комплектов шахмат, но шестилетнему Алексею Алексеевичу в 1660 г. понадобилось еще 12 коней, которых пришлось изъять из запасов: «из розных шахмат польского дела». Почему «выбрать» пришлось из польских шахмат, догадаться легко: фигурки изображали всадников, а царевичу не хватало кавалерии¹²².

Пушки для игры в комнатах делались деревянные (по-видимому, для стрельбы мячиками) и расписывались красками, золотом и серебром, так же, как огромные запасы игровых ружей, пистолетов и карабинов, бердышей, алебард, копий, топорков и буздуганов. Липовые булавы

золотились сплошь. У мечей, сабель, палашей, тесаков и шпаг золочеными были перекрестья и рукояти: клинки повелевалось «присинить» под цвет оружейной стали. Царевич Иван Михайлович с двух лет (1635) имел свое знамя из тафты червчатой, лазоревой и белой, как триколор. И его последователи долго строили товарищей по играм под один «великий стяг». Лишь для двухлетнего царевича Петра его брат Федор Алексеевич велел в 1674 г. изготовить еще пять «знамен маленьких» и четыре «прапорца» для более дробного устройства «потешного» полка. Число барабанов было доведено до шести, а набатов (конных литавр) — до двух. Судя по 12 бердышам и 40 копьям, которые в июле 1674 г. расписывал один живописец Богдан Салтанов, войско юного Петра было не маленьким¹²³. При всей «военизированнойности» воспитания царевичей, настоящего стального оружия они почти не видели¹²⁴. Документы свидетельствуют, что даже царевич Петр использовал «пистолы, карабины, пищали винтованные, — замки и стволы деревянные», а мастера «сабельного дела» изготавливали русские и иноземные клинки «из клену и из липы»¹²⁵.

Судя по игрушкам, особенно поощрялись в царской семье активные игры. Мальчики воевали, вместе с юными отпрысками знатнейших родов охотились на золоченых расписных львов (их было

¹²¹ Там же. С. 82–83.

¹²² Там же. С. 87, 88.

¹²³ Там же. С. 94–95, 639 и др.

¹²⁴ Выставленный в Оружейной палате маленький шлем «заправского дела» (а не потешный) подарил 3-летнему царевичу Ивану Ивановичу в 1557 г. его не вполне нормальный отец Иван Грозный. Экспонируемый там же полный рыцарский доспех для пятилетнего царевича Алексея Михайловича — мечта любого мальчишки — был изготовлен немецким мастером в 1634 г. в Москве (там же. С. 93).

¹²⁵ Там же. С. 207–208.

пять), которые, видимо, нападали на «пятиртых барашков и двух козликов». Стреляли из луков в войлочные мишени, в подброшенную шапку, по золоченым голубям, раскрашенным «по серебру разными цветными красками».

В век огнестрельного оружия, в изготовлении и украшении которого мастера Оружейной палаты были из первейших в мире, царевичи предпочитали архаичный лук. Понятно стремление взрослых избежать пальбы во дворце. Но царская семья регулярно выезжала за город и в теплое время года подолгу жила в дворцовых селах, где для пальбы было раздолье. Просто при Московском дворе именно стрельба из лука приобрела характер тщательно культивированного спорта, физически развивающей игры.

Луки членов царской семьи были настоящими произведениями искусства. Красные и белые, лазоревые и червчатые, золотые и серебряные луки конструктивно делились на *обычные*, *мешецкие* и *маленькие*, и украшались разнообразнейше. Один из трех собственных луков, взятых шестилетним царевичем Федором за город летом 1667 г., выглядел так: «лук по алой кибити (древку изнутри. — А.Б.) писан золотом, на нем два орлика двояглавые в клеймах, писаны травы на буйволовох костях (на жестких концах лука, игравших роль рычагов. — А.Б.), с лица писано золотом — травы (растительный орнамент), тетива шелковая красная с золотом».

Учитывая, что лучной стрельбой увлекался еще Михаил Федорович, ко времени Федора Алексеевича правила игры устоялись. Стрелы были специализированы и назывались по форме копейца

(наконечника): *томары*, *срезни*, *свисты* и *северги*. Игровое копейцо делалось из слоновой кости или серебра (с подчеканом, резьбой, позолотой). Древки были яблоневые, березовые, буковые, редко чинаровые — золоченые или шафрановые (но с золотой каймой у наконечника), с ушками (для упора в тетиву) из рыбьей кости (с золотом, бирюзой). Перья были обязательно орлиные — белые и красные хвостовые или черные из крыльев. Целями служили белые войлочные колпаки, которые подбрасывались в воздух или устанавливались на спицах и расписных древках (по одному на стрельца).

Поскольку в игре с царевичами принимали участие все стольники, стрел требовалось множество. Царевич Алексей Алексеевич брал с собой в Преображенское в 1666 г. из Оружейной палаты (помимо того, что имел в комнатах) 13 луков, 14 древков, 4 спицы, 6 колпаков и 40 *гнезд* (колчанов) стрел — по 25 штук в гнезде. В апреле 1667 г. он вернул в Оружейную 30 гнезд стрел царских и 12 стольничьих с указом их к нему в хоромы не отпускать, отдать, если потребуются, царевичу Федору. Хотя летом 1667 г. из стрел Алексея 16 гнезд было «нового дела», он начал, видимо, охладевать к игре, ибо взял в Преображенское лишь 8 луков, а гнезд стрел — всего 8 своих да 20 стольничих. Впрочем, немного луков и стрел делалось для компании царевича Алексея вплоть до весны 1669 г.

Богатство от потихоньку охладевавшего к игре старшего брата досталось Федору Алексеевичу. Он, напротив, все более входил во вкус стрельбы, избрав заветным местом Воробьевы горы, где недалеко от дворца был устроен «потешный

луг». По сохранившимся фрагментарным записям архива Оружейной палаты, царевичу был изготовлен новый лук в 1667 г. (он имел еще 3 своих и 3 стольничьих); стрельбище и 100 (!) гнезд стрел в 1669 г.; 15 гнезд стрел всех видов и 4 дровка в 1671 г.; 3 лука, 3 гнезда стрел и 3 дровка в 1672 г. Царевич продолжал стрелять из лука и в 1675 г., когда уже имел разнообразное действующее огнестрельное оружие, и после своего восшествия на престол.

Например, 3 июня 1677 г. 16-летний царь Федор «в походе за Ваганьковом изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам». Потеха была знатная: «пропало в траве и переломали 33 гнезда северег». 8 июня по пути с Воробьевых гор царь придал игре исторический характер: стрелы летели через Крымский брод на Москве-реке, будто дворяне отражали набег татар. Игра продолжалась «июня 10 в селе Покровском», «июня 15 в Преображенском в роще». Она даже отвлекала от благочестивых размышлений: царь «июня 21 в Соловецкой пустыни изволил тешиться и указывал из луков стрелять спальникам»¹²⁶.

Другой устойчивой страстью Федора Алексеевича были лошади. По обычаю царевичей, его посадили на большого игрушечного расписного коня, как только младенцу исполнился 1 год. Эта деревянная коняшка стояла в комнатах царевича, в починенном и обновленном виде, по крайней мере, до 11 лет¹²⁷.

¹²⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 586–590 (опись оружейной казны царевичей). С. 96–98, 121.

¹²⁷ Там же. С. 82–83, 92.

Тогда у Федора были уже «потешные сани, обиты исподом собольим пластинчатым», и узда; нарядное седло к игрушке было сделано в 1674 г.

Настоящие лошади, сбруя, кареты и возки всех видов держались для царской семьи на Конюшенном дворе. Его глава — *ясельничий* — бывал обычно не из первых родов, но мог весьма выдвинуться. Маленького Федора Алексеевича тешил учеными конями ясельничий Иван Афанасьевич Желябужский (известный дипломат и мемуарист) — эта его служба (1664–1668) окупилась затем важными и почетными должностями в царствование Федора и правление Софьи¹²⁸.

Под руководством ясельничего Федора Яковлевича Вышеславцева (1671–1676)¹²⁹ сотрудниками Конюшенного приказа были достигнуты удивительные успехи в дрессировке. Лошади «показывали много фокусов» наподобие ученых собак и обезьян, кланялись и плясали тройками, четверками, шестерками, а лучшие иноходцы рысью обходили коней, скачущих галопом. 75 верховых и 200 каретных коней ежедневно мылись с мылом (зимой теплой водой) и «блестели как зеркала». Специально для детских «потешных» карет и саней держали (помимо аргамаков, арабских, персидских, шведских и других пород лошадей) две четверки пони «ростом с английских догов» (в шутку к ним были приставлены

¹²⁸ О Желябужском и его записках см.: Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. С. 24–26, 201–327 (с публикацией текста).

¹²⁹ Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006.

карлики — кучер, ямщик и шесть алебардщиков)¹³⁰.

Пони были для малышей — подросткам царевичам давали лучших (предварительно хорошо выезженных) коней. Это не спасало от происшествий. Рассказывали, например, что «Федор, будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у своих теток и сестер. На сани на село их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всей своей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 г.) чувствует непрерывную боль в груди и спине»¹³¹. Этот рассказ иностранца изрядно преувеличен — доктора Аптекарского приказа таких жалоб у царя Федора не отмечали. Но происшествие, хотя и без серьезных последствий, могло иметь место при большой любви царевича и царя к лошадям. Как известно среди конников, кто не падал, тот не скачет. Умение понимать лошадей дается изрядным опытом ошибок и падений.

Федор Алексеевич сохранял любовь к лошадям всю жизнь. Уже в 1673 г. у него

было 27 прекрасно выезженных «потешных» лошадей. Хотя иностранцы не уставали восхищаться царскими конюшнями, фанатику коннозаводства Федору казалось, что породы недостаточно хороши и разнообразны. Почти сразу по вступлении на престол, 31 марта 1676 г., он выменял белого голландского жеребца у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунраада фан Кленка, и впоследствии выписывал лошадей из Западной Европы. Крупные, тяжелые западные кони были нужны для общего улучшения породы. Но более всего ценились турецкие боевые аргамаки, сочетавшие стать с ретивостью и выносливостью. Одного такого царь в 168/81 г. купил у греческого купца за 150 рублей — годовое жалование боярина¹³².

В конце 1677 г. государь получил, наконец, заказанный им в Посольском приказе еще весной перевод французского королевского трактата 1629 г. о выезде лошадей и коннозаводстве¹³³. «Выбор книги для перевода несомненно исходил от самого царя Федора Алексеевича — страстного любителя породистых лошадей»¹³⁴. К переводу были

¹³⁰ Койэт Б. Исторический рассказ или описание путешествия ... посла Высокомощных Штатов ... к великому государю ... Московскому // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

¹³¹ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли ... / М. П. Погодин, пер. с лат. Лавдовского // ЖМНП. Ч. 5. № 1. 1835. С. 72.

¹³² Койэт Б. Исторический рассказ. С. 471, 510; Дополнения к Актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. № 56. С. 133–134.

¹³³ «Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть искусство о яждении ... господина Антониа де Плуvinелла»: Российская национальная библиотека (далее — РНБ). Собр. М. П. Погодина. № 1717. Оригинал: *Insruccion du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... A. de Pluvinell. Paris, 1629.* Над текстом с 9 марта до 11 ноября 1677 г. работали переводчики Посольского приказа Яков Гросс и Ефим Мейснер, при участии Андрея Андреевича Виннуса. (Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н. Гросс Леонтий // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 242–243).

¹³⁴ Зезюлинский Н. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 1. СПб., 1889. С. 53–54.

привлечены Яков Гросс, Ефим Мейснер и Андрей Андреевич Виниус, в это время — любимец царя Федора, организатор регулярной русской почты как части общеевропейской и реформатор Аптекарского приказа, впоследствии — один из виднейших сотрудников Петра I¹³⁵. Виниус в 1708 г. переведет для Петра трактат по механике, а в 1709 г. — учебник пушечной стрельбы «Описание артиллерии» (издан в Москве в 1710)¹³⁶. Гросс до смерти в 1694 г. успеет перевести, отвечая на увлечение Петра I, «Книгу огнестрельного художества», изданную И. Б. Лангрини, «Новейшее основание и практика артиллерии» Эрнста Брауна (Гданьск, 1682), изданное в Москве в 1709 г., и предисловие к трактату Казимира Симеоновича «Совершенное пушкарское ... художество» (Франкфурт, 1676) и голландское «Описание о художных огнедеяниях»¹³⁷.

Оба царственных брата, как видим, обращались к специалистам, найденным их отцом. Несколько различались лишь их интересы. Федор Алексеевич упорно интересовался коневодством, в связи с чем заказал и получил в 1677 г. еще и перевод «Книги конского учения с немецкого

языка на славянский язык»¹³⁸. Интересными образцами выездки и коннозаводства он считал французские и немецкие, а вовсе не польские, как напрасно думают современные авторы вслед за исследователями XIX в.

Активный интерес царя оказал заметное влияние на все дворянское общество. В этом смысле легко верить историку XVIII в. В. Н. Татищеву, писавшему о Федоре: «Как отец сего государя великий был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник. И не только предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам их обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Благодаря чему в его время всяк наиболее о том прилежал и ни чем более, как лошадыми, не хвалился»¹³⁹.

Впоследствии сам Петр I, который после поражения в Прутском походе 1711 г. пришел к пониманию важности коневодства для укрепления государства, выговаривал своему сыну Алексею, ставя в пример царя Федора: «Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и это не резон: ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят ... брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очами имел, чего для никогда бывало, ниже ныне есть

¹³⁵ Козловский И. П. Андрей Виниус. Сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911; Милуков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII веков: Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2000; Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007.

¹³⁶ Тарковский Р. Б. Виниус Андрей Андреевич // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 175–181. Речь идет о трактате Эрнста Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии» (Гданьск, 1682)

¹³⁷ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 255. Л. 1–255; № 259е. Л. 1–5; Ф. 159. Приказные дела новой разборки. 1694 г. № 747. Л. 1–3; ф. 159. Оп. 2. Ч. 2. № 4117. Л. 1.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 885.

¹³⁹ Татищев В. Н. История Российская. В 7-ми томах. Т. 7. М. — Л., 1968. С. 177.

такая здесь конюшня», не испытывавшая его попечения. «Видишь, не все трудами великими, но охотою»¹⁴⁰.

Петр, который в 1715 г., сам тяжело болея, писал это письмо своему больному сыну, преувеличивал болезненность старшего брата так же, как станут затем делать историки. На самом деле, за исключением периодических приступов цинги, когда у него распухали ноги, Федор Алексеевич вел весьма активный образ жизни. Он, вслед за отцом, увлекался охотой с ловчими птицами, которая, по отзыву наблюдательного иностранца, сочеталась у русских в его царствование с конским бегом и лучной стрельбой¹⁴¹. Царь весьма заботился о росте числа и улучшении породы ловчих птиц, которых по его указам доставляли даже из Сибири, а также о сохранении их поголовья в местах обитания. Отловленных сверх наказа птиц строго запрещалось продавать и требовалось отпускать на волю в их родных краях. Особое значение придавалось красоте птиц. Они действительно были великолепны, например: «перьем кречет с красна-голуб, а каплины белые; грудь бела, а каплины с красна-голубы; а крылья с красна-голубы же, а каплины красные; а на хвосте каплины белые, а хвост с красна-голуб же»¹⁴².

Физические упражнения были непременно связаны с эстетическим

удовольствием, и эстетическое воспитание достигалось всей окружающей его с младенчества обстановкой. Прежде чем получить в руки ловчих птиц, царевич держал в клетке «о четырех жильях» канареек (1671), в следующем году ему были починены еще две канареечные клетки, летом 1674 г. «в Верх к царевичу сделана попугайная клетка из белого железа со столбиками и орлами».

Птицы были обязательной принадлежностью комнатного сада, который был у каждого члена царской семьи и служил предметом гордости. Царица, царевны и царевичи хвалились искусством выращивания цветов, трав, овощей и фруктов. Взойдя на трон, Федор Алексеевич заказал себе еще клетки: три большие попугайные и пять канареечных (1678). Уже в 1680 г. государь, перестраивая и расширяя дворец и его большие висячие сады, не забыл купить в свой «новый верхний сад» трех новых дорогих немецких канареек¹⁴³.

Помимо птиц, слух царевича услаждали музыкальные шкатулки (их чинили в 1670, 1672, 1673, 1674 гг.), клавикорды (починенные в 1675 г. старые и подаренные новые), «октавки», вновь устроенные «органы потешные» и иные «струменты», хранившиеся в особом месте¹⁴⁴. *Музыкальное образование*, начатое с игрушек и знакомых с младенчества голосов царской капеллы, углубилось изучением нотной литературы. К концу жизни Федора им была собрана значительная нотная библиотека. При его дворе утвердилось

¹⁴⁰ Устрялов Н. П. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. VI. Приложение 46. С. 347; Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IX. М., 1993. С. 137.

¹⁴¹ Койэт Б. Исторический рассказ. С. 482–483. Ср. с. 475–476, 513.

¹⁴² Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. № 24, 57; Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб., 1862. № 38.I–V (цит. с. 114).

¹⁴³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 92, 117, 119, 121. Т. I. С. 258.

¹⁴⁴ Там же. Т. II. С. 90, 116 и сл., 462.

партесное (концертное) пение и по соизволению царя был совершен переход от старинных крюковых к общеевропейским линейным нотам¹⁴⁵.

Царь Федор, по мнению В. Н. Татищева, шел к музыке от поэзии, ибо «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте псалтырь стихотворно тем Полоцким переложена, и в ней, как сказывают, многие стихи, а особенно псалмы 132 и 145, сам его величество переложил, и последний в церкви при нем всегда певали. Поскольку же его величество и к пению был великий охотник, первое *партесное* (концертное. — А. Б.), и по нотам четверогласное, и киевское пение при нем введено, а по крюкам греческое оставлено».

Использование для обучения стихов, в том числе в связи с пением, и его наглядность, были в максимальной степени реализованы мачехой царя Федора, царицей Наталией Кирилловной Нарышкиной (1671–1694). Родив в 1672 г. царевича Петра, 20-летняя царица переменяла обычаи во дворце и задумала учить сына по новой в Европе педагогической системе Я. А. Коменского. Суть системы состояла в том, что ребенок, это не маленький взрослый, поэтому содержание и формы обучения должны соответствовать этапам развития детской психики. И начинаться как можно раньше.

В отличие от учившихся до него царевичей, Петр официально, с традиционного молебна 27 ноября 1675 г. приступил к учебе

по Азбуке и Часослову¹⁴⁶ в три с половиной года. До этого, как мы видели, было в обычае, что царевичи и царевны с младенчества (Петр — уже в годик, его сестра Наталия — в полтора) получали красочные и гравированные «потешные листы» и «потешные книги». Но к изучению Азбуки все приступали на 6-м году жизни, и именно в этом возрасте 12 марта 1677 г. начал официально учить Петра Н. М. Зотов¹⁴⁷.

Как Наталье Кирилловне пришла идея «Материнской школы» — неведомо. Она могла прочитать об этом, услышать в доме своего воспитателя А. С. Матвеева или от образованных придворных дам, наконец, внять совету придворного книжника, самым ярким из которых был в это время Симеон Полоцкий¹⁴⁸. Правда, Симеон учил «свободным мудростям» царевичей Алексея, Федора и, предположительно, царевну Софью, — однако они начинали учиться с 6 лет. Предполагают, что Полоцкий был знаком с некоторыми

¹⁴⁶ Их в октябре и ноябре изготовил «в хоромы у государю» подьячий Приказа тайных дел Григорий Гаврилов, который 26 ноября, накануне начала учебы Петра, был вознагражден 10 рублями. (Русская историческая библиотека. Т. 23. СПб., 1904. С. 1392).

¹⁴⁷ К этому торжественному дню ему были вновь специально изготовлены Азбука и Часослов (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 221–222; ср. с. 80, 154–158, 223–228, 613). Необычность такого «двойного» начала образования Петра побудила Забелина заметить, что его мнение о начале петровского учения в 1675 г. «требуется еще более крепких подтверждений», и выразить недоверие Крекшину, описавшему начало учения в 1677 г. (там же. С. 223). Сомнения объяснялись тем, что ученый не исследовал аналогичное обучение царевича Алексея Петровича, хотя с обычной обстоятельностью сделал о нем выписки, позже изданные Тарабринами.

¹⁴⁸ По Н. П. Крекшину, Симеон экзаменовал учителя для Петра перед царем Федором в 1677 г., а затем Зотова представили царице Наталии, которая «вручила» ему сына для «научения божественной мудрости, и страху Божию, и благочинному житию, и писанию». Сахаров И. П. Записки русских людей. С. 19–20.

¹⁴⁵ Талина Г. В. Новые тенденции в музыке и музыкальном образовании в допетровской России XVII века // История музыкального образования как наука и как учебный предмет. М., 1999. С. 354–359.

сочинениями Коменского¹⁴⁹, но нигде не предлагал начать образование в его Материнской школе (*Škole mateřské*).

Обучение ребенка матерью было в царской семье не в обычае и официальным не стало. Поэтому в документах нет записей о «пожалованиях» учителю Петра с конца 1675 по начало 1677 г. (зарплаты на столь высоком уровне не платили, но награждали щедро и в расходные книги суммы заносили исправно). О содержании дошкольного обучения Петра особых сведений нет, но по составу изготовленных для него книг и картинок видно, что оно было вполне традиционным для Двора, хотя и началось раньше.

К воспитанию внука Алексея всеильная после свержения Софьи правительница Наталия (1689–1694) приступила более основательно. Усиленно добивавшийся расположения 52-летней царицы (и, кажется, метивший по примеру Полоцкого на место дворцового наставника) первый в то время придворный поэт Карион Истомина усвоил идею «Материнской школы» и реализовал ее в совершенной системе учебных пособий. Теперь царица-бабушка могла реализовать свою идею более основательно.

В 1692 г., когда царевичу Алексею шел 3-й год, стихотворец создал для него первую учебную книгу — Букварь — и вручил царице Наталии Кирилловне. Букварь максимально опирался на непосредственное восприятие ребенка.

¹⁴⁹ См.: Родников В. Два темных места в нашей педагогической литературе 16–17 вв. // Труды Киевской Духовной академии. 1913. Кн. VI. С. 231–245; Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сб. статей. Ч. I. М., 1958. С. 307; Mitjurov V. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij // Pedagogika. № 4. Praha, 1964. S. 473–480.

Ученик видел барабан, говорил «барабан», усваивая звучание и многократно приведенное начертание буквы «Б», а затем уже закреплял усвоенное внятыми и простыми силлабическими стихами, удобными для обучения «правильному» чтению «по складам»¹⁵⁰. Овладение родным, а затем и другими письменными языками, было ключевым элементом педагогики Коменского (опирающейся, разумеется, на солидную схоластическую традицию). Однако средства, которые использовал Истомина, опирались на русскую традицию обучения царских детей. И, как прежние учебные пособия для царевичей и царевен, Букварь был в 1694 г. издан Московским Печатным двором.

Согласно заглавию, Букварь должен был познакомить ученика не только с русским, но и с греческим, латинским и польским алфавитами (приведены греческие и латинские буквы в польской орфографии)¹⁵¹. В предисловии автор дал четкие инструкции по использованию этой новой (и не устаревшей донныне) учебной книги.

Букварь Кариона Истомина, цельногравированный Леонтием Буниным

¹⁵⁰ См.: Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916 (с описанием подносных экз. ММК. КН-202. № 47307; ГИМ. Уваровское собр. № 92; черновика ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 1–16 и беловика ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 1–26 об. — полный лицевой список, текст которого, по заключению археографа, лег в основу печатного издания Букваря).

¹⁵¹ См.: Ровинский Д. А. 1) Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881. С. 484–503; 2) Материалы для русской иконографии. СПб., 1890. Вып. 7, 9; Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеева. Л., 1981.

на больших медных досках (он впервые для таких книг на Руси печатался в 2°, на одной стороне листа) стал вершиной развития учебной книги в «бунташном веке». В развитии идей Коменского Истомин пошел дальше, но не прямо по стопам «учителя народов». В отличие от Коменского, Истомин избрал одну, а не две цели — обучение учеников буквам алфавита и сложению из них слов; систему понятий, как в «Мире чувственных вещей», эти слова не образуют. Первоначально рукописный, а затем и гравированный «Лицевой Букварь» не имел прямых аналогий в европейской педагогике в целом. Это оригинальное учебное пособие, увенчавшее развитие традиции обучения царских детей, опиралось прежде всего на непосредственное восприятие. От узнавания изображенного предмета ученик переходил к его называнию по буквам, запоминая их звучание, начертание и сложение по «складам». С минимальными изменениями этот комплекс средств обучения грамоте (и частично — языку) используется в русской школе до наших дней. Задуманный первоначально как учебник для «материнской школы», Букварь был ориентирован прежде всего на человека, не обладающего навыками чтения, «бесписьменного» индивида. Это определяло более широкие возможности его применения: при издании в 1694 г. Карион прямо предлагал Букварь всем «имущим учиться отрокам и отроковицам, мужем и женам».

Следующее сочинение Истомина, поднесенное, согласно записи самого автора, царевичу Алексею — «Книга Вразумление умнаго делания», традицион-

ная дидактико-панегирическая поэма¹⁵². Ее содержание близко соответствовало взглядам Коменского на нравственное воспитание как весьма важную часть педагогики. За ней в конце 1692 — начале 1693 г. последовал поэтический Триптих для материнской школы: три одинаковые по форме и системно связанные содержанием поэмы, сохранившиеся в автографах: «Эдем си есть сладость», «Екклесия си есть церковь» и «Град царства небесного».

Первая стихотворная книга образно излагала основы православной веры, вторая знакомила в таинствах Церкви, третья — с земным миром и человеческими науками. Каждому образу соответствовала живописная картинка, обрамленная сверху и снизу строками двустипшия, называвшими и формулировавшими понятие, раскрытое в помещенных на соседней полосе разворота кратких и емких стихах¹⁵³. Изучение Триптиха было приурочено к достижению Алексеем четырехлетнего возраста. Адресованный царевичу «в юности четверолетие уже достигающую бытностию» «Едем» датирован автором ноябрем 1692 г., «Екклесия»

¹⁵² Так следует из приведенной С. Н. Брайловским белой записки Истомина «Книги написаны и поднесены» (ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 325, автограф. Публ.: Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб. 1902. С. 423. Видно, это переделка книги, написанной в 1683 г. для юного царя Петра Алексеевича. Об истории ее текста см.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. М., 1983. № 1, 3–4 (публикация и коммент.).

¹⁵³ См.: Богданов А. П. Памятник русской педагогики XVII века (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989. С. 96–144. Изучены и изданы все авторские рукописи. Новое исследование и издание: Богданов А. П. Стих и образ. С. 199–350, 395–456 (текст).

декабрем. «Град» (по палеографическим признакам) писался примерно в то же время. Триптих был подан до дня рождения Алексея 19 февраля 1693 г.

Триптих представлял следующий, после Букваря и «Вразумления», этап обучения ребенка, способного уже не только к непосредственному восприятию и запоминанию, но к чтению и «разумению», усвоению содержания образно представленных, системно взаимосвязанных идей и понятий. В центре его педагогической системы находится не чувственно воспринимаемый через изображение предмет, а образ, рождающийся в совместном усилии телесного и духовного зрения, в сочетании изображения и стихотворного текста, сочетании элементов книги, книг в Триптихе. Аналогией произведению Истомина был «Мир чувственных вещей» Коменского. Разными литературными и изобразительными средствами, отразившими равно восходящие к античности культурные традиции, оба автора стремились сообщить ученику *систему* знаний, а не отрывочные сведения о мире, знаний наиболее общих, которые стали бы фундаментом дальнейшего обучения и познания.

Функционально «Мир» стоит между Букварем и Триптихом, т. к. уже предполагает наличие навыков чтения (на родном языке) и предлагает изучить систему латинских понятий, переходя от частного к общему. Букварь по сути частен: единство букв дает только алфавит. В книгах Триптиха ученик идет от изучения образов к пониманию их четко прописанной системы, настолько важной для автора, что между книгами прослеживается движение от общего к более частному

(вера → церковь → знания). На уровне микрокосма «Едем» определяет предназначение человека в божьем мире, «Екклесия» — его поведение, причастность к сообществу верных на земле; «Град» представляет знания о земном мире, над которым человек поставлен царем, и познание которого есть его благое предназначение. Данная Богом способность познания применима, считает Карион, ко всему Творению: земному и небесному. Поскольку «умное» познание Творения раскрывает замыслы Творца, путь к знанию есть путь к Богу. По Истомину, восторг перед «дивно сотворенным» укрепляет веру, а познание мировой гармонии вместе с верой убеждает в естественности единства в лоне Церкви.

К этому времени в России было доказано, что укрепление Церкви требует знаний, хотя сохранялись опасения, что не контролируемые Церковью знания могут быть опасны для веры. Карион таких опасений не разделял, так что естественным выглядит возврат царевича Алексея Петровича к истрепанной им, но заново созданной художником Оружейной палаты книге в конце 1693 г., даже если это была одна «Екклесия» (а не Триптих под одним — первым — названием). Из опубликованных Забелиным записей дворцовых расходов видно, что книги Триптиха понравились царевичу и изучались более года¹⁵⁴.

Последовательно реализованная в Триптихе (аналогично «Миру») идея

¹⁵⁴ 13 декабря «Едем» (все сочинение часто называлось по первому разделу) был заказан художнику Оружейной палаты Тихону Иванову, а 27 числа готовая книга была без промедления подана в хоромы царевича, принес в Оружейную палату, в хоромы подал дьяк Кирило Тиханов» (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 620).

образно-универсального обучения была взаимосвязана с его точной (более узкой, чем у Букваря) педагогической ориентацией: не только на этап обучения, но и на возраст ученика, определенную стадию развития сознания ребенка. Сравнив Триптих с «*Orbis sensualium pictus*» Команского, легко убедиться, что работа Истомина даже более специализирована для «Материнской школы»¹⁵⁵. В этом отношении и форма его за счет продуманного использования стихотворных средств более функциональна. По составу текста Триптих ближе не к «Миру чувственных вещей», а к бытовавшим в России энциклопедическим сборникам, в особенности к «Вертограду многоцветному» (именно так в буквальном смысле трактовавшемуся Симеоном Полоцким). Стоит, однако, заметить, энциклопедическая традиция в XVII в. была общеевропейской, и реализованная в «Мире» идея универсальной системы знаний была тесно связана с традицией энциклопедических сборников. Созданием такого сборника («Театр всех вещей», 1614–1627) сам Коменский начинал свою творческую деятельность.

Оригинальный поэтический Триптих Кариона Истомина имел однородную культурную основу с «Миром чувственных вещей», с тем различием форм, которые характерны для культурных явлений в Центральной и Восточной Европе I и II половин XVII в. Это объясняет саму возможность усвоения Карионом системы педагогических взглядов «учителя народов» и тем более творческого применения

их в русской учебной практике. В то же время отечественная педагогическая традиция была достаточно своеобразной, чтобы исключить прямой перевод или адаптацию учебных пособий Коменского, как это делалось тогда во многих странах Центральной и Западной Европы (или в России с прикладной литературой военного, технологического, географического содержания).

На пятом году жизни царевич Алексей все еще учился по лицевым книгам. В этом возрасте Истомин вручил ему большую Библию в картинках-иллюстрациях, сопровождавшихся вновь сочиненными поэтом стихами¹⁵⁶. Затем царевич получил иллюстрированный Акафист деве Марии¹⁵⁷ — пособие для обязательного в русском начальном образовании обучения пению¹⁵⁸. В Акафисте значительная часть учебной нагрузки была перенесена с картинки на текст, а иллюстрации должны были

¹⁵⁶ Какую «Библию большую в лицах» поэт, согласно записке, «подписал вновь виршами», пока не установлено. О ней можно судить по сохранившимся в черновиках Кариона «подписаниям»: ГИМ. Чудовское собр. № 100/ 302. Л. 108–109 А об. В черновике сохранилось 46 строф с рассказом от погребения Авраама (Быт 25, 9–10) до пришествия Христа к рыбакам (Ин 21, 9). Следующая далее (л. 109 Б-112 об.) пасхальная орация в 22 строфы содержит рассказ от Сотворения мира до Воскресения и искупления. Ср. список 35 иконописных сцен и стихи на некоторые из них, а также стихи на изображение Бога Отца (л. 95, 119). Зато слова «подписал вновь» вполне объяснимы: достаточно вспомнить подписи Мардария Хоникова и других поэтов к лицевой Библии Пискаatora, а также два цикла «подписаний» на темы Ветхого Нового заветов в «Вертограде многоцветном» Симеоном Полоцкого.

¹⁵⁷ В записке Истомина «Книги написаны и поднесены»: «Акафист в лицах пресвятой Богородице, мерочисленными стихами написан».

¹⁵⁸ Его список также, как Букварь и Триптих, находится в Уваровском сборнике ГИМ № 73 (л. 99–103) и датирован сентябрем 1694 г.

¹⁵⁵ Ср.: *Ioh. Amos Comenii. Orbis sensualium pictus*. М., 1957.

привлечь внимание ребенка, включить его в игру. Упомянутый далее в записке поэта «Букварь малый» картинок уже не имел. Граничное значение «Акафиста в лицах» можно связать с тем, что изучение церковного пения завершало традиционный русский цикл овладения грамотой.

В лицевой Библии сочетание картинок со стихами помогало ученику наглядно представить и запомнить важнейшие события. Основное содержание «Акафиста в лицах» было представлено в стихах, а картинки служили иллюстрациями, призванными вначале заинтересовать, привлечь ученика к тексту, показать ему роль церковного пения.

В 5–6-летнем возрасте ученик приступил к освоению навыков скорописного письма по «Букварю малому», единственными картинками в котором были «образцы» — прописи (техника русского письма XVI–XVII вв. требовала, чтобы ученик изучал не траекторию выведения литер, лигатур и выносных букв, а их характерное начертание, вид). Обучение письму, составлявшее в русской школе особый этап (отличный от изучения чтения и пения), не было так уж необходимо царевичу, однако все царские дети учились писать. Особенность обучения царевича Алексея состояла в том, что писать он учился раньше обычного, в возрасте «материнской», а не традиционной начальной школы.

На шестом году жизни царевич мог приступить уже к изучению наук тривиума и квадривиума с рекомендованными Коменским дополнениями (по известным лицевым космографиям и атласам, гравированным картам и видам, а также

лицевой истории¹⁵⁹ — в отличие он не иллюстрированных учебников по основным предметам).

Однако Коменский рекомендовал продолжать «Материнскую школу» до 6-летнего возраста, — и «в седмое лето возраста своего» (1696) царственный ученик придворного поэта взял в руки «Большой букварь» без картинок, но зато с многочисленными грамматическими сведениями¹⁶⁰. Этот Букварь, изданный тиражом в 25 экз., являлся как бы переходной ступенью от «материнского» обучения к схоластическим наукам, первое известие о которых царевич получил в раннем детстве из последней книги Триптиха.

Завершая обучение в «материнской школе» стихотворец постепенно, от Букваря к Триптиху, от Триптиха к Библии и «Акафисту», затем «Малому букварю» и Букварю 1696 г., переносил центр тяжести с непосредственного, «телесного», на логическое, «умное» восприятие материала. Новому этапу обучения соответствовал иной подход Истомина к учебным средствам. Первый учебник школьной программы — «Малая грамматика» — начисто лишен иллюстраций и стихов. Каррион по-иному проявляет здесь заботу об облегчении усвоения материала, в соответствии с новым этапом развития сознания своего ученика. Наиболее важные

¹⁵⁹ «Лицевой хронограф» (часть «Лицевого летописного свода») был поднесен Истоминым царевичу Алексею Петровичу 3 марта 1699 г. См.: *Пентковский А. М., Богданов А. П.* Сведения о бытовании Книги царственной. С. 77–78.

¹⁶⁰ Он восходит к Букварю Симеона Полоцкого (М., 1679) и, частично, к Грамматике Мелетия Смотрицкого (М., 1648). Авторский корректурный экз. изучен: *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. Т. 2. М., 1960. С. 169–184. Об издании: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 171–173.

тексты «Малой грамматики» расположены «лесенкой», ключевые слова дополнительно выделены кинovarью.

В отличие от современных поэту аналогов, текст последовательно очищен от множества затрудняющих понимание частностей, каждое правило подкреплено примером, число иноязычных терминов сокращено, всем оставшимся дано русское разъяснение. Важнейшие тексты выделены расположением материала и кинovarью¹⁶¹. Аналогичный подход прослеживается и в других «гимназических» сочинениях Истомина, например — в сохранившихся среди черновиков его архива отрывках «Этимологии» и «Синтаксиса»¹⁶². Сочинения эти не дошли до нас в беловиках и не оказали влияния на школьную практику по причинам сугубо придворным: их автор так и не снискал места царского учителя.

При жизни благосклонной к Истомину Наталии Кирилловны царевич еще пребывал в «Материнской школе», а к 1695 г., когда он должен был получить официального учителя, царица покинула этот мир. Сына тихо, но упрямо оберегала недооцененная поэтом мать, Евдокия Федоровна (Лопухина). Тем не менее, Истомин приблизился к заветной цели вплотную. Он подносил царевичу учебные книги, вручил ему стихотворный «Домострой» с назиданиями сыну от имени Петра¹⁶³,

¹⁶¹ *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 298–301, 439–449.

¹⁶² ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 434; № 302. Л. 118–121. Фрагменты опубл.: *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых». С. 459–464. Истомину приписывается также московское издание арифметики (1700):

¹⁶³ ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 49–50 об. Опубл.: *Бычков А. Ф.* Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК. Вып. 2. СПб., 1862. С. 126–132.

напечатал «в седмое лето возраста» Алексея 25 экз. Букваря и помогал ему писать послания отцу¹⁶⁴, в том числе стихами¹⁶⁵.

Назначенный 4 марта 1698 г. смотрителем Печатного двора, Истомин расширил свои возможности. Изъяв из Мастерской палаты часть иллюстрированной Книги Царственной (известной как «Лицевой летописный свод» и «Московская историческая энциклопедия»), он велел сделать из тематически подобранных листов две книги в красивых переплетах¹⁶⁶. К годовщине своего назначения начальником московской печати, Карион 3 марта 1699 г. отнес «в Верх» царевичу Алексею, к опекаемому после ссылки матери, царевной Наталией Алексеевной, одну из этих замечательных книг с выделенным самим поэтом ярким и назидательным рассказом о царствовании Константина Багрянородного «сына Львова» (наставление императора Василия сыну Льву читали, по данным Забелина, все царевичи Романовы). Позже она вернулась на Печатный двор¹⁶⁷.

Это была последняя попытка Истомина воздействовать на обучение царевича Алексея¹⁶⁸, учителем которого в 1698/99 г. был Петр Никифорович Вяземский. Его

¹⁶⁴ ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 443 об.—446.

¹⁶⁵ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 138–139.

¹⁶⁶ Ныне это «Синодальный том» и «Лицевой хронограф»: ГИМ. Синодальное собр. № 962; РНБ. F.IV.151.

¹⁶⁷ *Богданов А. П., Пентковский А. М.* Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. № 5. 1984. С. 92–100.

¹⁶⁸ Кариону приписывают еще издание Арифметики (М., 1700). После кончины патриарха Адриана его секретарь в 1701 г. потерял место начальника Печатного двора и вынужден был оставить службу. А в 1705 г., пришел конец и Московскому двору, при котором Истомин оказался последним поэтом.

имя и должность указаны в тетрадях дворцовым расходам в разделе отпуска «питья и еств» дворцовым служителям, охране, сокольникам, зверовщикам и зверям (львице, бобру, рыси, лисицам и белым медведям). Под этими статьями Петр в августе 1700 г. начертал бессмертный афоризм, ёмко характеризующий новую эпоху: «*Всем отказать, кроме зверей*»¹⁶⁹. Русский учитель для сына был Петру не нужен, как опасен казался и сам царевич Алексей, по воле отца высланный за границу, а затем якобы за это убиенный¹⁷⁰.

Из поля зрения Петра и его «птенцов» выпали, но не ускользнули от внимания Кариона Истомина дети царя Ивана Алексеевича и первой красавицы двора Прасковьи Федоровны Салтыковой. 29 мая 1690 г. при дворе звучало его «Приветство стихотворное в краткости» царю Ивану ко дню ангела новорожденной дочери Феодосии. Оно было написано вскоре после поэмы на рождение царевича Алексея 19 февраля, одновременно с «Приветством желательным в перволетии» царю Петру по случаю первых именин Алексея 21 июня 1690 г. 27 марта 1692 г. Истомин обращался к царице Прасковии (и не раз, от разных лиц, к ее супругу) с пасхальной орацией. Великолепное «Приветство стихотворномерно» с образком и картинкой Карион посвятил царице Прасковии Федоровне в день ангела 14 октября 1692 г. Именно в нем поэт поместил гимн «Человеку избранному»,

созданному для познания и овладения миром. Сочиняя около 1694 г. благодарственное письмо княгини Ирины Прозоровской по случаю посещения ее имения подругой, царицей Прасковьей, Истомин не преминул пожелать царственной чете «во утешение же и наследство ваше родительское родити государя царевича»¹⁷¹.

Но поэт был убежден, что и девочек необходимо хорошо учить, причем не только читать и писать. Можно предполагать, что ряд экземпляров его учебных работ был адресован дочерям Ивана и Прасковии (которую он не забывал и после смерти мужа в 1695 г.). Согласно авторскому «вручению», в октябре 1693 г. Истомин поднес царице Прасковии Федоровне парадный экземпляр своего рукописного, расцвеченного золотом и красками Букваря, предназначенного для трех ее дочерей¹⁷². Царевнам предназначался в первую очередь и изданный в 1694 г. Букварь, открывший Новую эпоху в истории русской учебной книги. Третьей из царевен, тогда еще младенцем, была Анна Иоанновна, с которой в XVIII в. началась череда великих русских императриц. Возможно, благодаря учебнику Истомина Анна, вопреки мнению питерских самовластцев, оказалась достаточно грамотной, чтобы понять смысл «Кондиций» и 25 февраля 1730 г. в Москве покончить с губительной для России властью созданного Меншиковым и Екатериной Верховного тайного совета (1726–1730).

Издание Букваря Истомина, гравированного Буниным, не позволило вполне

¹⁶⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 718.

¹⁷⁰ Преступление сыноубийцы расследовано: Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н. Н. Ге) // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881 (новое изд. М., 1989. С. 125–166).

¹⁷¹ ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 75 об-76; 71–72, 116; Л. 74 об. —75; Л. 159 об.; Л. 162–162 об.; собр. Уварова. № 73. Л. 117–117 об.; Л. 101 об.

¹⁷² ГИМ. Собр. Уварова. № 92. 2°.

угаснуть добрым педагогическим традициям Московского двора, начатым с горячего попечения Филарета Никитича о детях его сына царя Михаила, включая создание специально для них первой Азбуки Бурцева. Изучив их, мы имеем право говорить об ином взаимодействии России с остальной Европой, чем «заимствование явлений» иностранной культуры или «использование» готовых пособий. Инициированные царицей Натальей труды Истомина свидетельствуют об органичном функционировании педагогической мысли России в системе европейской педагогики. Буквари и Триптих Кариона по примененным в них средствам

обучения, издавна развивавшимся при Московском дворе, стали в полном смысле шагом вперед в европейской педагогической практике.

* * *

Сделанные нами наблюдения далеко не охватывают всех аспектов воспитания и образования русских людей в XVII в., указания на многие из которых даны в ссылках данной работы. Их цель — познакомить читателя с разными аспектами данной темы и навести на размышления, которые могут увенчаться новыми исследованиями, постепенно приближающими нас к пониманию наших предков.

Библиография

Источники:

- Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842.
- Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М. — Л., 1940–1945. Т. 1–2.
- Андрей Лызлов.* Скифская История / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен *А. П. Богданов.* М., 1990.
- Богданов А. П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л., 1987.
- Богданов А. П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1987 г. Л., 1987.
- Богданов А. П.* Памятник русской педагогики XVII века (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989.
- Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / *В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеева.* Л., 1981.
- Бычков А. Ф.* Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК. Вып. 2. СПб., 1862.
- Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850.
- Домострой / Изд. подгот. *В. В. Колесов, В. В. Рождественская.* СПб. 1994.
- Дополнения к актам историческим. Т. 8–9. СПб., 1862–1875.
- Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 года // ЧОИДР. Кн. I. 1888.
- Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогия / Богданов А. П. М., 1994.

Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // ВОИДР. Кн. 9. Смесь. М., 1851.

Койэт Б. Исторический рассказ или описание путешествия ... посла Высококомандных Штатов ... к великому государю ... Московскому // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4, доп. — СПб., 1906.

Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / *П. В. Киреевский* // ЧОИДР. № 1. Отд. 3. 1846.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии *А. П. Богданов*. М., 1983.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. М., 1876.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1–7. СПб., 1887–1917; Т. 8–12; М., 1946–1975.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли ... / *М. П. Погодин*, пер. с лат. *Лавдовского* // ЖМПН. Ч. 5. № 1. 1835.

Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. Вып. 7, 9. СПб., 1890.

Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен и фамилий *А. П. Богданов*. М., 1990.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. VIII. Т. 23. СПб., 1904.

Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987.

Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916.

Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М. — Л., 1936.

Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905.

Instruction du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... *A. de Pluvinell*. Paris, 1629.

Ioh. Amos Comenii. Orbis sensualium pictus. М., 1957.

Литература:

Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сб. статей. Ч. I. М., 1958.

Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных // Научные труды. Т. II. М., 1954.

Богданов А. П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подъячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. № 6. 2020.

Богданов А. П. «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003.

Богданов А. П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М., 2020.

Богданов А. П. 1612. Рождение Великой России. М., 2013.

Богданов А. П. Александр Невский. М., 2009.

Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын. // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989.

Богданов А. П. Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII века // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. Вып. 2. М., 2018.

Богданов А. П. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио: Журнал для ученых. № 5. 2016.

Богданов А. П. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М., 1988.

Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М., 2018.

Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Вып. 2. 2003..

Богданов А. П. Карион Истомин // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

Богданов А. П. Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989.

Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 16. М., 1990.

Богданов А. П. Московские полководцы 1572–1618. М., 2018.

Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1993.

Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1995.

Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. 2-е изд. М. — Берлин, 2020.

Богданов А. П. Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1989.

Богданов А. П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. № 1. 1998.

Богданов А. П. Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 99). М., 1998.

Богданов А. П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015.

Богданов А. П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015.

Богданов А. П. Русские патриархи. 1589–1700. Т. 1–2. М., 1999.

Богданов А. П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // Novogardia. № 2. 2019.

Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989.

Богданов А. П. София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 7. М., 1994.

Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2019.

Богданов А. П. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. М., 2012.

Богданов А. П. Учёба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2003.

Богданов А. П. Федор Алексеевич. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997.

Богданов А. П. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

Богданов А. П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М., 2008.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.

Богданов А. П., Пентковский А. М. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. № 5. 1984.

Богданов А. П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М. — Магнитогорск, 2007.

Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006.

Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902.

Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962.

Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

- Галактионов И. В.* Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина. Саратов, 1968.
- Гейман В. Т.* Соляной промысел гостя Панкратьева Яренского уезда // *Летопись занятий Археографической комиссии*. Вып. 35. Л., 1929.
- Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.
- Демин А. С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. I–II. М., 1895–1915.
- Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901.
- Зезюлинский Н.* Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 1. СПб., 1889.
- Кибалова Л., Гербенкова О., Ламарова Е.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.
- Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // *Книга. Исследования и материалы*. Т. 2. М., 1960.
- Клосс Б. М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012.
- Ключевский В. О.* Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919.
- Козловский И. П.* Андрей Вениус. Сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911.
- Копанев А. И.* Книжность северной волости XVI–XVII вв. // *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976.
- Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881. Новое изд. М., 1989.
- Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Грамотность и образованность различных сословий [XVII в.] // *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в.* М., 1989.
- Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в. (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв.* Международная конференция. — Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994.
- Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н.* Гросс Леонтий // *СККДР*. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992.
- Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века // *Советские архивы*. № 5. 1980.
- Луппов С. П.* Книга в России XVII в. Л., 1970.
- Луппов С. П.* Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.
- Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939.
- Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. История одного предательства и создания выдающейся книги о России. Одесса, 1895; переизд. М., 2016.

- Маркевич А. И.* О местничестве. Ч. I. Киев, 1879.
- Милюков С. Г.* Думный дяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII веков: Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2000.
- Морозов Б. Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. № 1. 1980.
- Морозов Б. Н.* Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981.
- Морозов Б. Н.* Записная книжка помещика XVII в. // Советские архивы. № 5. 1983.
- Морозов Б. Н.* Из истории русской переводной научной технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.
- Морозов Б. Н.* К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981.
- Морозов Б. Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // История и палеография. М., 1993.
- Морозов Б. Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982.
- Морозов Б. Н.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РНИИОН. Т. IV. М., 1929.
- Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РНИИОН. Вып. I. М., 1926.
- Новосельский А. А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М. — Л., 1949.
- Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.
- Опарина Т. А.* Неизвестный Указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. № 3 (9). 2002.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.
- Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Пентковский А. М., Богданов А. П.* Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983.
- Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.

Профессиональное обучение при московских приказах Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881.

Родников В. Два темных места в нашей педагогической литературе 16–17 вв. // Труды Киевской Духовной академии. Кн. VI. 1913.

Ройзман Л. И. Орган в истории русской музыкальной культуры. М., 1979.

Сахаров И. П. Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.

Седов П. В. К истории боярской семьи XVII в.: Семья князя Н. И. Одоевского // *Sahiers du monde russe Russie*. 57/2–3. 2016.

Смирнов П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929.

Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861.

Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1903.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IX. М., 1993.

Талина Г. В. Новые тенденции в музыке и музыкальном образовании в допетровской России XVII века // История музыкального образования как наука и как учебный предмет. М., 1999.

Тарковский Р. Б. Виниус Андрей Андреевич // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992.

Татищев В. Н. История Российская. В 7-ми томах. Т. 7. М. — Л., 1968.

Устрялов Н. П. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб., 1859.

Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Шамин С. М., Дженсен К. Р. Иноземные потешники при дворе первых московских царей // Российская история. 2018. № 1.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983.

Crummey, Robert O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // *Canadian/American Slavic Studies* 8. 1974.

Mitjurov B. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij // *Pedagogika*. № 4. Praha, 1964.

Сведения об авторе

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история России XVII в.

E-mail: culture_iri@mail.ru

RUSSIAN UPBRINGING AND EDUCATION OF THE XVII CENTURY: OBSERVATIONS AND REFLECTIONS

Annotation: The article summarizes the author's long-term observations and reflections on a topic that is almost not represented in direct historical sources. Primary education in the family and in private, mainly parish and community schools, rarely mentioned by sources, is still reflected in separate documents, private letters and notes. But more often, researchers study only its results in the form of literacy and participation of people of different classes in office work and a rather diverse literary life. We have maximum information about the course and content of this formation for persons of the royal family, which was considered by contemporaries as an ideal and a role model, because the life of the royal family was carefully documented. The process of education in all, even the upper classes, we have to evaluate by its results almost entirely. All this does not allow us to say that the Russian upbringing and education of the 17th century has been fully investigated, but from a number of sources and episodes, we, at least, can today judge this phenomenon.

Key words: upbringing, morals, primary education, literacy, taxation estates, nobility, aristocracy, royal family, Russia of the 17th century.

References

Sources:

- Akty istoricheskie [Historical Acts]. Vol. 5. Sankt-Peterburg, 1842. (In Russian).
- Akty hozyajstva boyarina B. I. Morozova [Acts of the economy of the boyar B. I. Morozov]. Vol. 1–2. Moscow — Leningrad, 1940–1945. (In Russian).
- Andrej Lyzlov.* Skifskaya Istoriya [Scythian History] / Preparation of the text, article, comments, annotated index of names by A. P. Bogdanov. Moscow, 1990. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Izvestiya Kariona Istomina o knizhnom chitanii [Intelligence of Karion Istomin about book reading] // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik za 1986 g. Leningrad, 1987. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Izvestiya Kariona Istomina o knizhnom chitanii [Intelligence of Karion Istomin about book reading] // PKNO za 1987 g. Leningrad, 1987. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Pamyatnik russkoj pedagogiki XVII veka (Poeticheskij triptih Kariona Istomina dlya nachal'noj shkoly) [Monument of Russian pedagogy of the XVII century (Karion Istomin's Poetic triptych for primary school)] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda. Sb. statej. Moscow, 1989. (In Russian).
- Bukvar' sostavlenn Karionom Istominym, gravirovan Leontiem Buninym, otpechatan v 1694 godu v Moskve: Faksimil'noe vosproizvedenie ekzempljara, hranyashchegosya v Gos.

Publ. b-ke im. M. E. Saltykova-Shchedrina [The primer was compiled by Karion Istomin, engraved by Leonty Bunin, printed in 1694 in Moscow: Facsimile reproduction of a copy stored in the State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin] / *V. I. Luk'yanenko, M. A. Alekseeva*. Leningrad, 1981. (In Russian).

Bychkov A. F. Domostroj Kariona Istomina [Domostriy of Karion Istomin] // LZAK. Vyp. 2. Saint-Peterburg, 1862. (In Russian).

Dvorcovye razryady [Palace ranks]. Vol. I. Sankt-Peterburg, 1850. (In Russian).

Domostroj [Domostroy] / Izd. podgot. *V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya*. Saint-Peterburg, 1994. (In Russian).

Dopolneniya k aktam istoricheskim [Additions to the historical acts]. Vol. 8–9. Saint-Peterburg, 1862–1875. (In Russian).

Zabelin I. E. Bol'shoj boyarin v svoem votchinnom hozyajstve; Perepiska stol'nika A. I. Bezobrazova 1687 goda [The great boyar in his patrimonial economy; Correspondence of the stolnik A. I. Bezobrazov in 1687] // CHOIDR. Kn. I. 1888. (In Russian).

Ignatij Rimskij-Korsakov. Genealogia [Genealogy] / *Bogdanov A. P.* Moscow, 1994. (In Russian).

Kniga dyad'kam i mamam i boyarynyam verhovym i stol'nikom carevichevym [Book to tutors and nurses and boyarynias and tsarevich's stolniks] // VOIDR. Kn. 9. Smes'. (In Russian). Moscow, 1851. (In Russian).

Kojet B. Istoricheskij rasskaz ili opisanie puteshestviya ... posla Vysokomoshchnyh Shtatov ... k velikomu gosudaryu ... Moskovskomu [Historical story or description of a journey ... The ambassador of the High-power States ... to the great sovereign ... of Moscow] // Posol'stvo Kunraada fan-Klenka k caryam Alekseju Mihajlovichu i Feodoru Alekseevichu. Saint-Peterburg, 1900. (In Russian).

Kotoshihin G. K. O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha [About Russia in the reign of Tsar Alekseyalkov Mikhailovich]. Izd. 4, dop. Saint-Peterburg, 1906. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Votchinnik i ego hozyajstvo v XVII veke; Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya (iz fonda A. I. Bezobrazova) [Patrimonial estate and its economy in the XVII century; Monuments of the Russian folk-spoken language of the XVII century (from the fund of A. I. Bezobrazov)]. Moscow, 1965. (In Russian).

Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Soch. Samuila Kollinsa, kotoryj devyat' let provel pri dvore moskovskom i byl vrachom carya Alekseya Mihajlovicha [The current state of Russia, as outlined in a letter to a friend living in London. Op. Samuel Collins, who spent nine years at the court of Moscow and was a doctor of Tsar Alexei Mikhailovich] / *P. V. Kireevskij*. // № 1. Otd. 3. CHOIDR. 1846. (In Russian).

Olearij A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russian).

Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoy mysli v Rossii konca XVII veka: Literaturnye panegiriki [Monuments of Socio-Political Thought in Russia at the end of

the XVII Century: Literary Panegyrics] / Preparation of the text, preface and comments by *A. P. Bogdanov*. Moscow, 1983. (In Russian).

Pis'ma russkikh gosudarej i drugih osob carskogo semejstva [Letters of Russian sovereigns and other persons of the royal family]. Vol. 5. Moscow, 1876. (In Russian).

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and papers of Peter the Great]. Vol. 1–7. Saint-Peterburg, 1887–1917.; Vol. 8–12. Moscow, 1946–1975. (In Russian).

Povestvovanie o moskovskih proisshestviyah po konchine carya Alekseya Mihajlovicha, poslannoe iz Moskvy k arhiepiskopu korinfskomu Francisku Martelli... [A narrative of the Moscow events following the death of Tsar Alexei Mikhailovich, sent from Moscow to Archbishop Francis Martelli of Corinth...] / *M. P. Pogodin*, trans. from lat. *Lavdovsky*] // *ZhMNP*. Ch. 5. № 1. 1835. (In Russian).

Popov A. N. *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenij i statej, vnesennyh v hronografy russkoj redakcii* [Slavonic and Russian works and recordings made in the chronographs of the Russian Edition]. Moscow, 1869. (In Russian).

Rovinskij D. A. *Materialy dlya russkoj ikonografii* [Materials for Russian iconography]. Vyp. 7, 9. Sankt-Peterburg, 1890. (In Russian).

Rossiya pri carevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkikh lyudej [Russia under Tsarevna Sophia and Peter I. Notes of Russian people] / Preparation of the text, article, comments, annotated index of names and surnames *A. P. Bogdanov*. Moscow, 1990. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoi komissiej [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. Vol. VIII, XXIII. Saint-Peterburg, 1884, 1904. (In Russian).

Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii [Sobornoe ulozhenie 1649: Text, comments]. Leningrad, 1987. (In Russian).

Tarabrin I. M. *Licevoj bukvar' Kariona Istomina* [The facial primer of Karion Istomin]. Moscow, 1916. (In Russian).

Hozyajstvo krupnogo feodala-krepostnika XVII v. [Economy of a large feudal serf of the XVII century] Moscow — Leningrad, 1936. (In Russian).

Chastnaya perepiska kn. P. I. Hovanskogo, ego sem'i i rodstvennikov. In.: *Starina i novizna* [Private correspondence of the book by P. I. Khovansky, his family and relatives]. Kn. 10. Moscow, 1905. (In Russian).

Insruccion du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... A. de Pluvinnell. Paris, 1629.

Ioh. Amos Comenii. *Orbis sensualium pictus* [Visible World in Pictures]. Moscow, 1957. (In Latin).

Researches:

Aleksandrov V. A. *Organizaciya oborony yuzhnoj granicy Russkogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVI–XVII v.* [Organization of defense of the southern border of the Russian state in the second half of the XVI–XVII century] // *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV–XVIII vv.* Moscow, 1979. (In Russian).

Alekseev M. P. Erazm Rotterdamskij v russkom perevode XVII veka [Erasmus of Rotterdam in the Russian translation of the XVII century. Collection of articles] // Slavyanskaya filologiya. Sb. statej. Part. I. Moscow, 1958. (In Russian).

Baklanova N. A. Russkij chitatel' XVII veka [Russian reader of the XVII century] // Issledovaniya i materialy po drevnerusskoj literature. Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s novym vremenem. Moscow, 1967. (In Russian).

Bahrushin S. V. Torgi novgorodcev Koshkinyh [Trade of Novgorodians Koshkins] // Nauchnye trudy. Vol. II. Moscow, 1954. (In Russian).

Bogdanov A. P. «...Pozhalovan na Ivanovskuyu ploshchad'»: Hronologicheskie zapisi ploshchadnyh pod'yachih Shanturovyh XVII v. [«... Granted to Ivanovskaya Square»: Chronological records of the area subdeacons of the Shanturovs of the XVII century] // Otechestvennye arhivy. № 6. 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. «Magometanstvo» v geopoliticheskoj strukture mira russkogo istorika XVII v. (Andrej Lyzlov i ego «Skifskaya istoriya») [Mohammedanism in the geopolitical structure of the World of the Russian historian of the XVII century (Andrey Lyzlov and his «Scythian History»)] // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. № 7 (155). Moscow, 2003. (In Russian).

Bogdanov A. P. «Preniya s grekami o vere» 1650 g.: Otnosheniya Russkoj i Grecheskoj cerkvej v XI–XVII vv. [«Debates with the Greeks about faith» 1650: Relations between the Russian and Greek Churches in the XI–XVII centuries] Moscow, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. 1612. Rozhdenie Velikoj Rossii [The Birth of Great Russia]. Moscow, 2013. (In Russian).

Bogdanov A. P. Aleksandr Nevskij [Alexander Nevsky]. Moscow, 2009. (In Russian).

Bogdanov A. P. Vasilij Vasil'evich Golicyn [Vasily Vasilyevich Golitsyn] // «Oko vsej velikoj Rossii». Ob istorii russkoj diplomaticheskoi sluzhby XVI–XVII vekov. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Gosudarstvennoe znachenie vysshego obrazovaniya i nauki v stihah pridvornyh poetov konca XVII veka [State significance of higher education and science in the poems of court poets of the late XVII century] // Nauka, kul'tura, mentalitet Rossii novogo i novejshego vremeni. Vyp. 2. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Disput o Privilegii Moskovskoj Akademii XVII veka [Dispute about the Privileges of the Moscow Academy of the XVII century] // Klio: Zhurnal dlya uchenyh. № 5. 2016. (In Russian).

Bogdanov A. P. Estestvennonauchnye predstavleniya v stihah Kariona Istomina [Natural science ideas in the poems of Karion Istomin] // Estestvennonauchnye predstavleniya Drevnej Rusi: Schislenie let. Simvolika chisel. «Otrechennye knigi». Astrologiya. Mineralogiya. Moscow, 1988. (In Russian).

Bogdanov A. P. Idei russkoj publicistiki: mezhdru carstvom i imperiej [Ideas of Russian Journalism: between the Kingdom and the Empire]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Istoricheskoe samosoznanie dvoryanstva v period reform [Historical self-consciousness of the nobility in the period of reforms] // Problemy rossijskoj istorii. Vyp. 2. Izdatel'stvo Magnitogorskogo universiteta, 2003. (In Russian).

Bogdanov A. P. Karion Istomin [Karion Istomin] // Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Karion Istomin i Yan Amos Komenskij (K probleme osvoeniya tvorcheskogo naslediya «uchitelya narodov» v Rossii XVII veka) [Karion Istomin and John Amos Comenius (To the issue of development of the creative heritage of the «teacher of Nations» in Russia XVII century)] // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Letopisec russkogo voevody XVII veka [[The Chronicler of the Russian Voivode of the XVII century] // Prometej. Istoriko-biograficheskij al'manah serii «Zhizn' zamechatel'nyh lyudej». Vol. 16. Moscow, 1990. (In Russian).

Bogdanov A. P. Moskovskie polkovodcy 1572–1618 [Moscow Military Leaders 1572–1618.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Narrativnye istochniki o Moskovskom vosstanii 1682 goda. Chast' 1 [Narrative sources about the Moscow Uprising of 1682. Part 1] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta rossijskoj istorii RAN. Moscow, 1993. P. 77–108; chast' 2: Ibid. Moscow, 1995. P. 39–62. (In Russian).

Bogdanov A. P. Ot letopisaniya k issledovaniyu: russkie istoriki poslednej chetverti XVII veka [From chronicles to research: Russian historians of the last quarter of the XVII century]. Moscow, 1995. 2-e izd. Moscow — Berlin, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pamyatnik russkoj pedagogiki XVII v. (Poeticheskij triptih Kari-ona Istomina dlya nachal'noj shkoly) [Monument of Russian pedagogy of the XVII century. (Poeticheskiy triptych Kari-on Istomin for primary school)] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pochemu car' Fedor Alekseevich prikazal sdat' Chigirin [Why did Tsar Fyodor Alekseevich order the surrender of Chigirin] // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 1. 1998. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pravlenie carevny Sof'i [The Reign of the Russian Princess Sophia] // Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture. Materialy nauchnoj konferencii 1995 g. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 99). Moscow, 1998. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi ot Iova do Iosifa [Russian Patriarchs from Job to Joseph]. Moscow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi ot Nikona do Adriana [Russian Patriarchs from Nikon to Adrian]. Moscow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi. 1589–1700 [Russian Patriarchs. 1589–1700]. Vol. 1–2. Moscow, 1999. (In Russian).

Bogdanov A. P. Rus' ot Novgoroda, Novgorod ot Noya: novgorodskij vklad v obshcherusskoe letopisanie XVII v. [Rus from Novgorod, Novgorod from Noah: the Novgorod Contribution to the All-Russian Chronicle of the XVII century] // Novogardia. № 2. 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Skazanie o Volkonskih knyaz'yah [Legend of Volkonsky Princess]. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Sofiya-Premudrost' Bozhiya i carevna Sof'ya Alekseevna. Iz istorii russkoj duhovnoj literatury i iskusstva XVII veka [Sophia-The Wisdom of God and Tsarevna Sofia Alekseevna. From the History of Russian Spiritual Literature and Art of the XVII century] // *Germenevtika drevnerusskoj literatury*. Vyp. 7. Moscow, 1994. (In Russian).

Bogdanov A. P. Stih i obraz izmenyayushchejsya Rossii: poslednyaya chetvert' XVII — nachalo XVIII veka [Verse and the image of changing Russia: the last quarter of the XVII-beginning of the XVIII century]. Moscow, 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Stih torzhestva: Rozhdenie russkoj ody, poslednyaya chetvert' XVII — nachalo XVIII veka [Verse of celebration: The birth of the Russian Ode, the last quarter of the XVII-beginning of the XVIII century]: [v 2 ch.]. Moscow, 2012. (In Russian).

Bogdanov A. P. Uchyoba carskih detej XVII v. i izdaniya gosudarevyh tipografij [Studies of the Tsar's children of the XVII century and editions of the Tsar's printing houses] // *Fyodorovskie chteniya*. 2003. Moscow, 2003. P. 224–256. (In Russian).

Bogdanov A. P. Fedor Alekseevich. Sof'ya Alekseevna [Fyodor Alexseevich. Sophia Alexeevna] // *Romanovy. Istoricheskie portrety*. Kn. 1. Moscow, 1997. (In Russian).

Bogdanov A. P. Carevna Sof'ya v sovremennyh poeticheskikh obrazah [Tsarevna Sophia in modern poetic images] // *Kul'tura srednevekovoj Moskvy: XVII vek*. Moscow, 1999. (In Russian).

Bogdanov A. P. Carevna Sof'ya i Pyotr. Drama Sofii [Tsarevna Sofya i Pyotr. Drama of Sophia]. Moscow, 2008. (In Russian).

Bogdanov A. P. Zar'-reformator Fedor Alekseevich: starshij brat Petra I [Tsar-reformer Fyodor Alekseevich: the elder brother of Peter I]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P., Pentkovskij A. M. Sud'ba Licevogo svoda Ivana Groznogo [The fate of the Facial Arch of Ivan the Cruel] // *Russkaya rech'*. № 5. 1984. (In Russian).

Bogdanov A. P. Obshchestvennoe mnenie i vneshnyaya politika Rossii pri care Fyodore i kanclere Golicyne [Public opinion and foreign policy of Russia under Tsar Fyodor and Chancellor Golitsyn] // *Problemy rossijskoj istorii*. Vyp. VIII. Moscow — Magnitogorsk, 2007. (In Russian).

Bogoyavlenskij S. K. Moskovskij prikaznyj apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov [Moscow prikazny apparatus and office work of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 2006. (In Russian).

Brajlovskij S. N. Odin iz «pestryh» XVII stoletiya [One of the «motley» of the XVII century]. St. Peterburg, 1902. (In Russian).

Buganov V. I. Moskovskie vosstaniya konca XVII veka [Moscow uprisings of the end of the XVII century]. Moscow, 1969. (In Russian).

Buganov V. I. Razryadnye knigi poslednej chetverti XV — nachala XVII vv. [Bit books of the last quarter of the XV-beginning of the XVII centuries] Moscow, 1962. (In Russian).

Volkonskaya E. G. Rod knyazej Volkonskih [The family of the Princes of Volkonsky]. St. Peterburg, 1900. (In Russian).

Galaktionov I. V. Rannyaya perepiska A. L. Ordina-Nashchokina [Early correspondence of A. L. Ordin-Nashchokin]. Saratov, 1968. (In Russian).

Gejman V. T. Solyanoj promysel gostya Pankrat'eva Yarenskogo uezda [Salt fishing of merchant Patrikeev from Yarensky uyezd] // *Letopis' zanyatij Arheograficheskoy komissii*. Vyp. 35. Leningrad, 1929. (In Russian).

Gurlyand I. Ya. Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka [Fast driving of coachmen in the Moscow state until the end of the XVII century]. YAroslavl', 1900. (In Russian).

Demin A. S. Hudozhestvennyye miry drevnerusskoj literatury [Artistic worlds of Ancient Russian literature]. Moscow, 1993. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII stoletiyah [The domestic life of Russian Tsarits in the XVI and XVII centuries]. Moscow, 1869. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnij byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyah [The domestic of the Russian people in the XVI and XVII centuries]. Ch. I–II. Moscow, 1895–1915. (In Russian).

Zabelin I. E. Minin i Pozharskij. Pryamyje i krivyje v Smutnoje vremya. Moscow, 1901. (In Russian).

Zezyulinskij N. Istoricheskoe issledovanie o konnozavodskom dele v Rossii [Historical research on horse breeding in Russia.]. Issue. 1. St. Peterburg, 1889. (In Russian).

Kibalova L., Gerbenkova O., Lamarova E. Illyustrirovannaya enciklopediya mody [Illustrated Encyclopedia of Fashion]. Praga, 1986. (In Russian).

Kiselev N. P. O moskovskom knigopечатanii XVII veka [About the Moscow book printing of the XVII century] // *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Vol. 2. Moscow, 1960. (In Russian).

Kloss B. M. O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya» [On the origin of the name «Russia»]. Moscow, 2012. (In Russian).

Klyuchevskij V. O. Boyarskaya дума v Drevnej Rusi [Boyar Duma in Ancient Russia]. Izd.5-e. Petrograd, 1919. (In Russian).

Kozlovskij I. P. Andrej Vinius. Sotrudnik Petra Velikogo (1641–1717) [Companions of Peter the Great] (1641–1717). St. Peterburg, 1911. (In Russian).

Kopanev A. I. Knizhnost' severnoj volosti XVI–XVII vv. [Knizhnost' 'severnaya volost' in XVI–XVII ages] // *Kul'turnoe nasledie Drevnej Rusi*. Moscow, 1976. (In Russian).

Kopanev A. I. Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v. [The Peasantry of the Russian North in the XVI century]. Leningrad, 1978. (In Russian).

Kostomarov N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniya [Historical Monographs and Studies]. Vol. 14. Saint-Peterburg, 1881. New ed. Moscow, 1989. (In Russian).

Kosheleva O. E., Morozov B. N. Gramotnost' i obrazovannost' razlichnyh soslovij [Literacy and education of various estates] [XVII century] // *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v.* Moscow, 1989. (In Russian).

Kosheleva O. E., Morozov B. N. Istoricheskoe soznanie i social'noe povedenie rossijskogo dvoryanstva XVII v. (K voprosu o formirovanii analiticheskogo kompleksa istochnikov) [Historical consciousness and social behavior of the Russian nobility of the XVII century (On the question of the formation of an analytical complex of sources)] // *Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV — seredina XIX vv. Mezhdunarodnaya*

konferenciya. — Chteniya pamyati akademika L. V. Cherepnina. Tezisy dokladov. Moscow, 1994. Ch. I. (In Russian).

Lavrent'ev A. V., Matveeva E. N. Gross Leontij [Gross Leontiy] // SKKDR. Vyp. 3. CH. 1. St. Peterburg, 1992. (In Russian).

Lukichev M. P. Boyarskie knigi XVII veka [Boyar books of the XVII century] // Sovetskie arhivy. № 5. 1980. (In Russian).

Luppov S. P. Kniga v Rossii XVII v. [Book in Russia on XVII century]. Leningrad, 1970. (In Russian).

Luppov S. P. Chitateli izdanij Moskovskoj tipografii v seredine XVII v. [Readers of publications of the Moscow Printing House in the middle of the XVII century]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Lyubomirov P. G. Ocherki istorii nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. [Essays on the history of the Nizhny Novgorod militia 1611–1613]. Izd. 2-e. Moscow, 1939. (In Russian).

Markevich A. I. Grigorij Karpovich Kotoshihin i ego sochinenie o Moskovskom gosudarstve v polovine XVII veka. Istoriya odnogo predatel'stva i sozdaniya vydayushchejsya knigi o Rossii [Grigory Karpovich Kotoshikhin and his essay on the Moscow state in the half of the XVII century. The story of one betrayal and the creation of an outstanding book about Russia]. Odessa, 1895; new ed. Moscow, 2016. (In Russian).

Markevich A. I. O mestnichestve [About the mestnichestvo]. Ch. I. Kiev, 1879. (In Russian).

Milyukov S. G. Dumnyj d'yak Andrej Andreevich Vinius — gosudarstvennyj deyatel' Rossii vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII vekov [Duma clerk Andrej Andreevich Vinius-statesman of Russia of the second half of the XVII-beginning of the XVIII centuries] Dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 2000. (In Russian).

Morozov B. N. Arhiv torgovyh krest'yan Shanginyh [Archive of trade peasants of the Shangins] // Sovetskie arhivy. № 1. 1980. (In Russian).

Morozov B. N. Deloproizvodstvo i arhiv v krupnoj boyarskoj votchine XVII v. [Documentation and archive in the large Boyar patrimony of the XVII century] // Istochnikovedcheskie issledovaniya po istorii feodal'noj Rossii. Moscow, 1981. (In Russian).

Morozov B. N. Zapisnaya knizhka pomeshchika XVII v. [Notebook of the landowner of the XVII century] // Sovetskie arhivy. № 5. 1983. (In Russian).

Morozov B. N. Iz istorii ruskoj perevodnoj nauchnoj tekhnicheskoy knigi v poslednej chetverti XVII — nachale XVIII v.: (Arhiv perevodchikov Posol'skogo prikaza) [From the history of the Russian translated Scientific and Technical book in the last quarter of the XVII-early XVIII century: (Archive of translators of the Embassy Order)] // Sovremennye problemy knigovedeniya, knizhnoj torgovli i propagandy knigi. Issue. 2. Moscow, 1983. (In Russian).

Morozov B. N. K izucheniyu opisej chastnyh arhivov XVI–XVII vv. [To study the inventories of the private archives of the XVI–XVII centuries] // Voprosy istochnikovedeniya i istoriografii istorii SSSR. Dooktyabr'skij period. Moscow, 1981. (In Russian).

Morozov B. N. Letopiscy na stolbcah v chastnyh arhivah XVII veka [Chroniclers on columns in private archives of the XVII century] // *Istoriya i paleografiya*. Moscow, 1993. (In Russian).

Morozov B. N. Sluzhebnye i rodoslovnnye dokumenty v chastnyh arhivah XVII v. (K postanovke voprosa) [Official and genealogical documents in private archives of the XVII century (To the formulation of the question)] // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'sko-go perioda*. Moscow, 1982. (In Russian).

Morozov B. N. Chastnoe pis'mo nachala XVII v. [Private letter of the beginning of the XVII century] // *Istoriya russkogo yazyka. Pamyatni-ki XI–XVIII vv.* Moscow, 1982. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Kollektivnye dvoryanskije chelobit'ya po voprosam mezhevaniya i opisaniya zemel' v 80-h godah XVII v. [Collective noble petitions on land surveying and land description in the 80s of the XVII century] // *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*. T. IV. Moscow, 1929. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Pobegi krest'yan i holopov i ih sysk v Moskovskom gosudarstve vtoroj poloviny XVII v. [Flight of peasants and slaves and their investigation in the Moscow state in the second half of the XVII century] // *Trudy instituta istorii RANION*. Vyp. I. Moscow, 1926. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Rospis' krest'yanskijh dvorov, nahodivshijsya vo vladenii vysshego duhovenstva, monastyrej i dumnyh lyudej po perepisnym knigam 1678 g. [Inventory of peasant households that were in the possession of the higher clergy, monasteries and the Duma people according to census books 1678] // *Istoricheskij arhiv*. Vol. IV. Moscow — Leningrad, 1949. (In Russian).

Novohatko O. V. Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka [Russia. Private correspondence of the XVII century]. Moscow, 2018. (In Russian).

Oparina T. A. Neizvestnyj Ukaz 1653 g. o zapreshchenii koldovstva [Unknown Decree of 1653 on the prohibition of witchcraft] // *Drevnyaya Rus'*. Voprosy Medievistiki. № 3 (9). 2002. (In Russian).

Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v. [Essays on the history of the USSR during the feudal period. XVII century] Moscow, 1955. (In Russian).

Panchenko A. M. Russkaya stihotvornaya kul'tura XVII veka [Russian poetic culture of the XVII century]. Leningrad, 1973. (In Russian).

Pekarskij P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia in the Time of Peter the Great]. Vol. 1. St. Peterburg, 1862. (In Russian).

Pentkovskij A. M., Bogdanov A. P. Svedeniya o bytovanii Knigi carstvennoj («Licevogo svoda») v XVII v. [Information about the existence of the royal book («Licevoy chronicle code») in the XVII century] // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'sko-go perioda*. Moscow, 1983. (In Russian).

Petrikeev D. I. Krupnoe krepostnoe hozyajstvo XVII v. [Large-scale serfdom in the XVII century]. Leningrad, 1967. (In Russian).

Professional'noe obuchenie pri moskovskijh prikazah [Professional education at Moscow departments] // *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v.* Moscow, 1989. (In Russian).

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki [Russian folk pictures]. Book. 2. St. Peterburg, 1881. (In Russian).

Rodnikov V. Dva temnyh mesta v nashej pedagogicheskoj literature XVI–XVII vv. [Two incomprehensible moments in our pedagogical literature of the XVI–XVII centuries] // Trudy Kievskoj Duhovnoj akademii. Book VI. 1913. (In Russian).

Rojzman L. I. Organ v istorii russkoj muzykal'noj kul'tury [Organ in the history of Russian Musical Culture]. Moscow, 1979. (In Russian).

Saharov I. P. Zapiski russkih lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo [Notes of Russian people. Events of the time of Peter the Great]. St. Peterburg, 1841. (In Russian).

Sedov P. V. K istorii boyarskoj sem'i XVII v.: Sem'ya knyazya N. I. Odoevskogo [To the history of the boyar family of the XVII century: the family of Prince N. I. Odoyevsky] // Cahiers du monde russe Russie. 57/2–3. 2016. (In Russian).

Smirnov P. Pravitel'stvo B. I. Morozova i vosstanie v Moskve 1648 g. [The government of B. I. Morozov and the uprising in Moscow in 1648] Tashkent, 1929. (In Russian).

Snegirev I. M. Lubochnye kartinki russkogo naroda v moskovskom mire [Lubok pictures of the Russian people in the Moscow world]. Moscow, 1861. (In Russian).

Sobolevskij A. I. Obrazovannost' Moskovskoj Rusi XV–XVII vv. [Education of Moscow Russia of the XV–XVII centuries]. St. Peterburg, 1903. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya v 18 kn. [Essays in 18 books.] Book. IX. Moscow, 1993. (In Russian).

Talina G. V. Novye tendencii v muzyke i muzykal'nom obrazovanii v dopetrovskoj Rossii XVII veka [New Trends in Music and musical equipment in pre-Petrine Russia in XVII century] // Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya kak nauka i kak uchebnyj predmet. Moscow, 1999. (In Russian).

Tarkovskij R. B. Vinius Adrej Andreevich [Vinius Andrey Andreevich] // SKKDR. Issue 3. Ch. 1. St. Peterburg, 1992.. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya [Russian history]. V 7-mi tomah. Vol. 7. Moscow — Leningrad, 1968. (In Russian).

Ustryalov N. P. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. VI. St. Peterburg, 1859. (In Russian).

Ustyugov N. V. Nauchnoe nasledie [Scientific heritage]. Moscow, 1974. (In Russian).

Cherepnin L. V. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Collections of the Zemstvo of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1978. (In Russian).

Shamin S. M., Dzhensen K. R. Inozemnye poteshniki pri dvore pervyh moskovskih carej // Rossijskaya istoriya. № 1. 2018. (In Russian).

Yurkin I. N. Andrey Andreevich Vinius, 1641–1716 [Andrey Andreevich Vinius, 1641–1646]. Moscow, 2007. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskaya feodal'naya votchina [Novgorod feudal patrimony]. Moscow, 1981. (In Russian).

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. (In English).

Crummey R. O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700. // Canadian/American Slavic Studies 8. 1974. (In English).

Mitjurov B. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij [Jan Amos Komensky and Simeon Polotsky] // Pedagogika. № 4. Praha, 1964. (In Czech).

About the author

Bogdanov Andrey P., Doctor of History, Leading Employee of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: culture_iri@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедицией императорской Академии Наук
- БАН — Библиотека Академии наук
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
- ВОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ЖМПН — Журнал Министерства народного просвещения
- НА НЗСК — Научный архив Национального заповедника «София Киевская»
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПЭ — Православная энциклопедия
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РК—1598 — Разрядная книга 1475-1598 гг.
- РК—1605 — Разрядная книга 1475-1605 гг.
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
- СПБ ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук в Санкт-Петербурге
- ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете